9 — 34
Т-341

СИБИРСКИЕ ОГНИ

ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

№ 4

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

1922 г.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ
НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Р. С. Ф. С. Р.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

5С-341

05
С. 11 №4.

Профессиональный Союз Советских и Торговых Служащих
Местком Служащих Сибкрайсельбанка

СИБИРСКИЕ ОГНИ

751934
Инв. № 406

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В ДВА МЕСЯЦА.

№ 4.

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ.

1922

Зап-Сибирская Краевая Научная Библиотека
Инв. № 40879

СИБИРСКОЕ
ОБЛАСТНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
НОВОНИКОЛАЕВСК.

(Р. Ц. 594). г. Новониколаевск. Гостипография. Тир. 3000 экз.

НОЕВ КОВЧЕГ.

УЕЗДНАЯ ИСТОРИЯ.

I.

В корридоре послышался топот ног. Холодковский насторожился.

Зазвенел молодой женский голос.

— На дежурстве у дверей? Для супруга в корридоре материал подбираете? Доносите! Доносите! Не страшно.

А, эсеры в двенадцатый номер. Очередное столкновение Тони Ширяевой с женой Шереметева.

В подтверждение тут-же услышал низкий голос Шереметевой:

— Какой дурак о вас слушать станет? Партия! На одном диване усядется! Да и мужчин-то полторы штуки. Одно бабье! Партия!

Тонин ответ на самых высоких нотах:

— Не в количестве дело, в качестве! У вас много, своими лучше займитесь. Красногвардейца за сметаной пошлите. Губернаторша!

Шереметева один раз конного красногвардейца на ближний хутор за сметаной посылала. В двенадцатом номере узнали, в своей газете в хронике сообщили. Поплакала комиссарша от насмешек и от разговора с мужем. Напоминанье стегнуло. Разразилась бабьей бранью бестолковой и нестрашной.

— Сплетники! Делать ничего не умеете, только языки чешете! Уж коли таких тупоголовых в своей партии держат,. Погодите еще, прикрутят языки!..

Холодковский французскую книжку отбросил. Легко поднял с дивана жиреющее тело. К двери поспешно подошел. Чуть приоткрыл ее и застыл. Темные глаза и помятое лицо страстным ожиданьем оживились. Ну, ну... Скажут сейчас бичующие слова... Может быть, скажут... Этим, из первого номера...

Но рядом в двенадцатом открылась дверь. Осинин позвал.

— Товарищи, жду! И все это товарищ Ширяева. Японская спичка! Обо все зажигается.

Стихло в корридоре. Неясный гул голосов, заглушенный смех за стеной рядом. Слов разобрать нельзя.

Опустились углы губ у Холодковского. Лицо стало обрюзглым и тусклым.

— Засели за свое! Хорошо сказал Шереметев: собранья тихих идиотов. „Учредительное собрание, учредительное собрание“... На людей харкают, топчут, давят, а они ждут своего учредительного собранья. Уже если политическая партия, так. бороться должна. Чорт бы подрал этих российских уездных левеллеров! Действительно! Партия!

Передернул плечами. Будто привязанную к ним ношу поправил. И снова на диван. Опять книжку взял. Глаза бегали по строкам, а думы были свои: тягучие, рождавшие удушье. В комнате душно стало. Форточку надо открыть.

Боялся простуды. Старательно берег себя. Надел на шею теплое кашнэ, на плечи меховую тужурку и открыл форточку. Ну вот! Бабу эту из кухни вынесло. Засверлила визгом воздух:

...Пишат, пишат царь ерманскай,
Пишат бел-а-а-му ца-а-рю...—

Наклонилась над кадкой широкозадая и орет! Часа два эту кадку промоет. И мороз не пробирает! Красные заветренные руки до локтя открыты и ноги голые, в одних рваных калошах.

— Беламу царю"... Пролетарская революция... Вот он, пролетариат! Слопал все и про белого царя поет. Ведь эта ступа тоже, вероятно, теперь на митинги ходит! Глазами хлопает, да семячки лущит. А ей на растерзанье все: культуру, право, личность! Да знает-ли она еще, что в стране царя нет? В стране царя нет и в головах его нет! Да замолчит ли когда-нибудь эта баба!..—

Хлопнул форточку со злостью.

Такая жгучая ненависть проняла, что самому стыдно стало. Раньше никогда не унижался, до ненависти, к этим вот, из нижних этажей. А теперь на нее уходит последний запас внутреннего огня.

— Долго-ли будет мешать жить эта октябрьская сволочь! Вот три месяца, только как воцарились, а уж нет сил. Безвкусная, душная, грубая жизнь! Везде, везде эти люди! И на улицах и здесь в лучшей гостинице, в учреждениях.. Топают грубыми сапогами, плюют на пол, сморкаются пальцами и орут, орут... Дико, нескладно, неумело кричат „речи" на митингах. Пишут приказы. Они, приказы! Эта кричащая, нахально выпяченная безграмотность!..—

Хотелось самому кричать, топать, рвать, ломать. Но годы вызова, дуэлей упоенья борьбой даже из памяти вытравило. Отличный стрелок, бравший призы, страстный охотник к сорока пяти годам сгас, облинял, отяжелел. Жизнь пред'явила счет за слишком обильный пир и душа, как тело, потеряла упругость. Стала сонной, рыхлой и боязливой. При встречах с Шереметевым в коридоре—здоровался первым. И голос при разговоре терял властные ноты. Был мягок и искателен.

В гостинице вообще царил еще худой мир. На стенах корридора рядом висели приказ Совета № 3 о контрибуции с купцов, хозяйские цены и правила для жильцов и извещенья об эсеровских собраньях. Только женщины стычками этот мир часто, но не надолго и неглубоко, нарушали.

Местный остряк доктор эту гостиницу из „России" в „Ноев ковчег" переименовал, И сразу все подхватили. Посмеивались.

— Номер первый—Смольный, номер двенадцатый—Учредительное Собрание, в остальных смешай Господи: пролетариат, соглашатели, буржуазия. Пары чистых и нечистых. Здорово приклеено!—

И сейчас Холодковский вспомнил это названье:

— Нет, нашему Ною свой ковчег к Арарату целым не удастся доставить... А может—быть?..—

„Ной" внизу своим мучился.

Оставили хозяину две комнаты. На семь душ семьи. По секретному слова сказать негде. Провел Алексея Матвеича в спальню. Жене угрюмо и невнятно бросил:

— Собери щенят, да вываливайтесь отсудова.

А она за весь день первый раз к окошку присела. Хоть на улицу посмотреть. И не в тюрьме, да как в тюрьме. Плюнула с досады. Нехотя расплывшееся на стуле, как квашня, сытое тело подняла. Не выдержала, огрызнулась.

— Щеняты то, поди, твое порожденье. Свою кровь..

— Выдь, говорю!—

— Айдате—Маничка, Гришанька... Ошалел отец с большевиками-те. Айдате от греха!—

Маничка живо с книжкой подхватилась. А Гриша заупрямился. На полу сидел: коньки к сапогам примерял. Сердито по полу ерзнул и плаксиво затянул:

— Штоли нигде и посидеть нельзя? Везде гоняют. Где же мне сидеть? Везде гоняют!—

Рявкнул Иван Васильевич по-старому. Сразу тихость на себя напущенную забыл.

— Цыть! Марш отсюдова!

Грузная Анна Власьевна прежде Гриши пухом из комнаты вылетела.

А у хозяина будто нарыв в груди прорвался. Легче дышать стал. Тени на лице поредели.

— Садись. Алексей Матвеич.—

— Сяду, сяду! В ногах правды нет.—

Иван Васильевич успокоился, но сидеть еще не мог. У окна на ногах покачивался и молчал. Будто слова выбирал, какими сказать. Потом воздух ртом втянул и устало произнес:

— Как я теперь в управители из хозяев перешел, об тебе разговор. Твое место занял. Ты куда?—

— Обо мне не сумлевайтесь, Иван Васильевич. Я до поры до времени в номера Зайцева, тоже управляющим. По старому считать, туда бы не пошел. А теперь самое подходящее. Ту не отберут. Для низкой публики номеришки, да по ночному делу которым. Естество-то и у большевиков бабу требует. Для своих посещениев оставят хозяевам. Там покудова притулюсь.—

Зацепил за больное. Напомнил: гостиница теперь уж не Ивану Васильевичу, а союзу инвалидов принадлежит. Потемнел иконописный лик хозяина. Крепко выругаться хотел, да злоба горло сдавила. Только хрипнул невнятно.

— Как изволили сказать?

— Вот, Алексей Матвеич, промеж нас двух, скажи: мое добро, отцовским да моим горбом нажитое ни за што ни про што другим подарили. Это как? Ну, отбили, давись! Дак самим ведь кака польза? Каки хозявы, орда это беспартошная? Союз этот. Проплывет добро меж пальцев! Набольши-те у них без головы што-ль?

Веки на сухоньком лице Алексея Матвеича покраснели. Головой рыжеватой затряс.

— С головой, Василий Иваныч, а только...

Шолотком зловещим докончил:

— Жиды!—

Напуганная заячья душа из глаз глянула.

Шопотком осветилась.

Иван Васильевич тоже голос свой понизил.

— Дак вот, Алексей Матвеич, сила солому ломит. Былинкой надо согнуться. По тихому, с покорностью выжидать. Слова от меня напротив не услышат. А добро сберечь хочу! Опись ты не сдавал?

— У меня еще!—

— Твоей рукой писана?

— Моей.—

— Похерь запасы-то. В погребу да в кладовушке, плохо смотрели. Уберегу!—

И была в этом „уберегу“ горячая страстная мольба за свое, За то, для чего жил хозяин. Сразу покорил Алексея Матвеича созвучной страстью к нажитому.

Согласно шептались. Вдруг лица тревожно к потолку подняли.

Наверху послышался топот многих ног и неясный гул голосов.

— Что там такое?

Быстро через двор в кухню гостиницы пробежали. Оттуда только вход наверх и с улицы. В кухне повар, с лицом, как свекла вываренная, у плиты стоял. В кострюлях помешивал. И было до совершенства—бесстрастно сытое лицо. Хоть каждый день революция. Не отзовется. Будто всего без остатка с'ело чужое брюхо. Судомойка с поваренком у входа наверх. Оба жадно слушали.

— Што там?—

Хозяин на ходу кинул.

Остроносый мальчишка-поваренок с верхней ступеньки радостно откликнулся.

— Новы каки-то в шинелях. с левальвертами. Поди-ка добро забирать будут!—

Сердито с дороги его хозяин смахнул.

— Цыть! Выскочил, как чирей! Пшел на кухню!—

А сам тревогу видом смиренным скрыл. В верхнем корридэре с Шереметевым из первого номера столкнулся. Самый главный в городе. Председатель Исполкома. На базаре сначала на него торговцы улюлюкали. Один явный большевик после царского отреченья об'явился. Теперь рукой не достать, хоть и маленький, сухонький. Ногтем придавить можно. Осанистый хозяин с'ежился. В поклоне темное серебро головы показал. Острыми глазами, как буравчиками, его Шереметев кольнул.

— А, хозяин! Наше вам. Вы теперь управляющий, вот управьтесь. Новые жильцы приехали. У вас там внизу четыре номера для приезжих отведены, так вот их постоянные жильцы займут. Приезжих в гостинницу больше не пускать. Все постоянные жильцы будут. Платить будут,—значит союзу все равно: гостиница или меблирашка.—

— Как изволите, товарищ председатель, А только раньше у меня так было: наверху месячные квартиранты, внизу суточные.—

— Раньше многое по другому было! А сейчас все месячные. Семейный дом будет. Ной с семейством!—

Сухой короткий смешок в ушах у хозяина, как звук ножа по стеклу отозвался.

Не привык еще к смешкам властный хозяин. Прежний почет жалел. А Шереметев уж дальше распоряженья давал.

— Самый большой номер внизу вот товарищу Тарасову. Он семейный. Остальные в трех маленьких разместятся.

— Товарищ председатель, там еще живут. Приезжие.

— Выселить!

Сморчок сморчком, а сказал—сделалось. Началась суматоха выселенья и вселенья. В суете хозяин не забыл вызнать все про новых жильцов.

Семейный—красногвардеец, по фамилии Тарасов, рабочий с Акмакского золотого прииска. Стеценко—начальник штаба красной гвардии. Горбоносый, черный, как цыган, с желтыми белками. Шурочка Смирных—франтоватый, тоненький, офицериком держится. Этот давно знаком хозяину. Офицер и есть. Местный сын купеческий. В войну в подпоручики вышел. Теперь—на! У большевиков командир над красногвардейцами. Еще двое в одну комнату вошли: среднего роста, зеленоглазый, с застывшей улыбкой на молодом лице. Жиганский. Видно—из поляков. Второй тоже известен хозяину. На митингах видал. Военный комиссар Шишигин. По шерсти кличка! Как есть шишига! Малого роста, кривоногий, косоглазый. Киргиз киргизом.

Тарасов с двумя ребятами и с женой, худенькой, вертлявой, как юла, разборкой в отведенном номере занялся. Остальные свои комнаты посмотрели и с Шереметевым куда-то ушли. Иван Васильевич вздохнул полегче и к одиннадцатому номеру подошел. Хотел с Холодковским словом перекинуться. Очень его уважал. Шутка, из фамилии к царскому двору приближенной! Уездным предводителем дворянства был. По дворянскому делу два состоянья промотал. Сюда, как в ссылку, председателем суда прибыл. Крохи доживать. С образованием полным по судейской части. А тут и хлопнула. Революция эта самая. С тела спал, как пришлось у земского собранья в мировые судьи проситься! Утвердили. А дальше хуже. Теперь просит Ивана Васильевича:

— Смотрите, уважаемый Иван Васильевич, если что... Проверка живущих здесь или вообще спрашивать будут, не назовите по старому. Говорите и на

доске с фамилиями жильцов поправьте: не мировой посредник, а народный судья. Народный... Пожалуйста, не перепутайте. Уж я на вас буду надеяться...

— Да, от мирового морщился, вот в народных-то попляши.

Умиленная жалость от этой мысли родилась.

Ведь человек-то какой был! Единственный настоящий дворянин в городе. Богатейшие купцы, как милости просили побывать у них на именинах или в Христов день. Гордились знакомством с ним. В гостинице единственный номер в две комнаты ему Иван Васильевич с радостью предоставил. Еслиб не платил, так и то рад был-бы приют ему дать. Для гостиницы аттестация: „Сам Холодковский живет". Обстановку свою поставил, барскую. Из губернского города доставили. Из дверей аромат не то, что у других. Заграничными духами, крепкими. Нижнее белье, к слову, и то лестно прачке для стирки передавать. По всему городу рассказала.

— Ну и живет у Ивана Васильевича барин! Белья—сменов двенадцать! Подштанники, и те на поясу с вышивкой.

Теперь жалко. Шубу барскую боится надеть. В ватном, как учителишка какой, а то в тулупе простом выходит.

Иван Васильевич, к двери приближаясь, ступать нежнее стал. Хотел легонько постучать да женский голос у Холодковского в номере услышал.

— Не время, значит. Пускай позабавится. Вдругорядь.

И также осторожно отошел.

А Холодковскому Лилли сегодня мешала. Огрубела, что ли? Часто вспоминал: зовут по настоящему Акулина. В Лилли переделал. И казалось шло к ней. Откуда-то у мещаночки этой прямая линия лба и носа. И рот, как у богини мраморной. Сама тоненькая и высокая. Недоростков не терпел. Породы нет в них. Сегодня почему то напоминает ту ступу на дворе. Совсем другая, а все-же общее... Ну, конечно! Говорит: „калидор", „митинг". „сходственно". Чай из чашки научил пить. Не наливать в блюдце. А глотает сейчас громко. С хлюпаньем каким-то. Пирожное жует, как кашу. Нет, огрубела! В голосе тоже сверлящие нотки.

— Зачем красный галстух нацепила? Портниха, а одеваться не научилась...

Удивленно посмотрела на свое ловкое синее шерстяное платье. На узкие ноги в высоких ботинках. Что нашел? Сегодня заказчица—докторша говорила:

— Какая вы всегда изящная! Просто и красиво.

А красный галстучек?.. Ведь, такой маленький!

— Так носют, синее с красным. В модном журнале..

— В журнале за пятьдесят копеек... Вот нож, очисти яблоко и разрежь. Неопрятно так кусать от целого.

Четкие на молочном белом лице черные брови сдвинула, и яблоко в сторону отложила. С норовом. И это раньше ценил, как признак темперамента. Теперь раздражает. Но пересилил себя, улыбнулся.

— Капризуля... Ну, расскажи о себе. Что эти дни делала?

Разгладила лоб, синими глазами на улыбку ответила.

— Вчера в исполкоме красные флаги шили. Самый главный, этот, как его, впереди, как херугву, носют... Вышивали шелками на нем: пролетарии всех стран, соединяйтесь. Завтра в союзе на красногвардейцев белье шить будем. Я в союз иглы записалась. Мама боится, а теперь без этого нельзя. Работать, говорят, запретят.

— Разве тебе не хватает моих восьмидесяти рублей ежемесячных?

— А дороговизь-то какая? Нас тоже пятеро ртов-то. А работаю я одна. Маме уж куда? Стряпает то уж кое-как, через силу. А те малы еще.

Увидала, поморщился. Поспешила успокоить.

— Да я не к тому! Мне прибавки не надо.

Брезгливо подумал:

— Удивительный цинизм! Будто к жалованью прибавку. А ведь, кажется, искренно привязана ко мне. Примитивные чувства, грубо матерьяльный подход ко всему... Да, „пролетарии"... И такие кричат нам „долой"...

Чутье у нее было тоже „примитивное". Как у животного тонкое. Безошибочно угадала неприязнь под молчаньем и вдруг неожиданно заплакала.

— Лилли! Что ты? О чем?

— Все, что ни скажу, ни сделаю.., Все не так. Видели, какую зазывали!..

— Ну, что ты, что ты! Успокойся.,

Подошел к дивану, наклонился, целовал светлорусую голову.

Она, всхлипывая, спешила высказать все, что накипело:

— Свои все дразнют: барская наложница! А я, штоли какая таскучая? Сами знаете, с вами с первым.. А стыду сколько... Девятнадцатый год, двух детей вытравила от страму. Мать по ночам причитает. А теперь свои все Форштадские чураются. Думают, они в бедности, а я с богатым дак... и ревалюцию понимать не могу. Могу!..

Последнее неожиданно выпалила, Холодковский злиться начал, но улыбки сдержать не мог Поднял с дивана, прижал к себе.

— Ну и понимай „ревалюцию"!.. Разве я запрещаю? Только не плачь, пожалуйста, и не болтай лишнего. О многом не следует вслух говорить. Грубо выходит. Ну, деточка моя, капризная,..

От поцелуев и ласки смякла как-то. Прижалась, а слезы не высыхают, и рот скорбный. Всегда волновало юное, упругое тело. Такое ощущенье ценил в сорок пять лет. Бурно прожито, а не изжито. И сегодня ответный зов выпрямил, напряг тело, но только на минуту. Безвольно разжались руки. С досадой и испугом отметил:

— Старею с этими передрягами!

Устало вздохнул и сказал:

— Ну, покушала? Побежишь домой? Я что-то недомогаю. И тебе будет страшно. Ведь в городе военное положение.

У нее сегодня обостренная чувствительность. Целый костер разгорелся под тонкой кожей. Почти закрыла темными ресницами глаза.

— Я и сама уходить хотела. Только не с того что боюсь. А так... Не охота вам со мной...

— Лилли!..

— А красногвардейцы все нашинские, из Форштадту. Меня не обидят. Они только буржуев обижают.

По глупости или вызов? Но лучше не разводить разговоров на эту тему.

Надела белую легкую шапочку. Красивая она все-таки.

— Ну, поцелуй меня, Лилли. До свиданья!

Молча дала поцеловать опять побледневшее лицо. И вышла молча. Старательно и тихо притворила за собой дверь. Будто отгородилась.

Долго шагал по комнате. Оставила скверный осадок в душе эта девочка. Недоброжелательность какая-то в ней. Расстаться с ней надо бы. Любовь и все такое в двадцать лет уместны. Эта модисточка была приятна. Хорошенькая и чистенькая. Если крепок организм, надо женщину. Всегда так и смотрел: для здоровья. Встречались разумно—два раза в неделю. Немаловажно и то, что денег больших не требовала. Это для него теперь большой вопрос. Крохи доживает. Надо чтоб хватило до конца... Страшное слово конец. И если еще естественный. О нем пока не думалось. А если потоп ворвется и сюда? Холодком пробежала по телу тревога. Опять злоба сбила мысли. Пойти-бы рассеяться! Но встречи на улицах... Безопаснее у себя, за плотно запертой дверью.

Когда подали вечерний самовар, стало лучше. Спокойно и домовито. Ласково выступил обдуманный комфорт двух смежных холостых комнат. Успокаивал ровный свет электричества. Мирные, хорошие часы. В два ночи погасят свет. Экономия! Придут на ум рассказы о грубых обысках, арестах...

Это позднее. Сейчас хорошо. В комнате рядом не стало Учредительного собрания. Там говорили двое. И потому, что мужской голос звучал глухо, затаенно, а женский прерывался лукавым, зовущим смехом, Холодковский знал: за стеной живут только своим, понятным и одинаковым и в Англии. и в Российской Социалистической, и в Полинезии. Неизменным и старым, как жизнь на земле. Не слышно

тяжелых и шумных людей в корридоре. Первый номер тоже не Смольный сейчас. Ушел худой маленький беспокоящий человек. Жена позвала докторшу. Пьют чай и говорят о том, что скоро родится маленький Шереметев. Иван Васильевич прислал им варенья к чаю. Каждый вечер в эти часы так бывает. Холодковский знал. И от сознанья привычного вечернего покоя в приятной истоме распустилось тело. Когда перешел за перегородку и надел холодящую свежестью тонкую ночную рубашку, промурлыкал вполголоса.

— Мой дружок, мой дружок...

Голубок.. Голубок...

Когда электрический свет погас, проснулся. Будто разбудил кто. И сразу, как всегда, налегли страх и тоска.

Чудился шорох в корридоре. Вместе с воем ветра в комнату доносился, казалось, гул голосов. Нарастал и близился. Рисовалась ватага неопрятных, темных, тупых. В городе не было еще ни одного расстрела. Но вспоминались рассказы. И казалось что он, один, Холодковский, жертва. Против него одного вся эта толпа. Сохло во рту. Замирало, точно падало куда-то вниз, сердце. Сон до утра не возвращался. Минутное оцепененье забытья сменялось новым приступом мучительной тревоги.

II.

Не родился вождем и героем в тоге. Бурей в главари выкинуло. Может, в этом зло? Другой бы сумел предотвратить. От рожденья обстоятельства так складывались: тихому, в себе затаенному, судьба все шумное давала. По прихоти барской, прадеду, -мужиченке хилому, подслеповатому, из всей деревни жалкому фамилию громкую дали—Шереметев. Партия, с которой связал себя, громом о себе возвестила. Так сказать, герой поневоле.

Шереметев щурил узкие с острым блеском глаза, кривил худое маленькое лицо и не знал что ответить.

— Что-же делать?

Тарасов упорно требует ответа. Как отчета неподкупный ревизор. Одутловатое, сонным кажущееся лицо, каменным стало.

— Ну, что делать? Читать вот эти статейки! Да выжидать, как нас, дураков, обстоятельства выучат.

Сплюнул Тарасов и с табурета сорвался.

— Ну, это положим! Ждут пусть другие. Нам, товарищ Шереметев, некогда! Веревочный галстучек то еще на шее, только ослаблен.

— А ну тебя к чорту! Что мы могли? Сам знаешь, как было...—

А было так: прежние власти налогов собрать не смогли. Совету пустую кассу оставили. Солдатки денег не получали. Матрена Форштадская на базаре солдаток собрала. Пошли в Совет. Красногвардейцев часовых оттерли. Матрена баба дюжая, звонкоголосая, красномордая. Как командир впереди.

— Давай наши денежки! Мужьев не вертаете, подавай денежки! Наши мужья кровь проливают!

Бабы за ней.

— Давай наши деньги! Ребят кормить как без мужиков?—

— Како хозяйство без мужика?—

Визжат. Потные, красные, злые. Пишущую машинку в суете уронили. Красногвардейцы штыки вперед. Солдатки—на штыки. Знают—свои. Не заколют! На улицу из зданья все-же подались. Шереметев на крыльцо вышел.

— Ручаюсь вам, до конца этой недели пособие будет выплачено.

Матрена в ответ с хрипом:

— Да, один вот так-то ручался, ручался, да скончался! Седни уплатите! Сичас!—

— Товарищи... Послушайте, поймите, как трудно Совету. Но ведь в Совете ваши-же...

— Наши, да! Наши там еще на фронту дохнут. А мы тута будем дохнуть?..

Стеценко вышел, гаркнул:

— Будя визгать! Сказано—заплотим, дак заплотим! Айда, по домам!

Видом своим или окриком, но убедил. Покричали еще, но уже слабее. Одна по одной разошлись.

Срочно совет собрался. В совете, по большинству, большую силу союз инвалидов имел. Председатель союза Панкратов предложил:

— Распродать спирт из винного склада!—

Шереметев не соглашался. Контрибуцию с хлеботорговцев предлагал собрать. Тарасов его поддерживал. Но шумом враждебным отвергли.

Стеценко орал:

— Еще соберем! Водку продать надо!—

Шереметев уговаривал:

— Товарищи, беднота за водкой потянется, нельзя с них деньги...—

В ответ рев:

— Распродать водку!

— Все равно страшно хранить! В губернии один винный склад разгромили—и здесь того-же хотите?—

— Солдаты около водки долго не выдюжат, сами разобьют! Только наш штаб еще охраняет.

— Водку продать! На эти деньги солдаток накормим.—

Шереметев спорил. Шум делался все страстнее. Пришлось голосовать. При голосованьи только семь человек из двадцати девяти поддержали Шереметева. Дергалось у него худое лицо, курил папиросу за папиросой. Наконец, махнул рукой. И появилось об'явление совета о вольной продаже водки и спирта.

Будто сказочный гонец весь уезд вихрем обскакал. На другой-же день потянулись из деревень. Длинная прерывистая лента подвод чернела до ночи на дороге за мостом. Вытянулся и на другую улицу загнулся хвост у винного склада. Знобил мороз, сек лица больно ветер, трепал худую одежонку. Те, кто побогаче, в очереди не томились. Перекупали у городской бедноты. Крепко ругались крестьяне и мастеровые. Исступленно визжали солдатки.

На постоялых дворах не смолкало дикое пьяное пенье, истерические выкрики и вопль женщин, рвущий сердце плач детей. В больницу ежедневно доставляли избитых в драке, помороженных в очередях. И целый день над городом, вместе с завываньем на диво вьюжной зимы, стоном стоял разноголосый шум. Будто старая Россия, хлебнув привычного яду, оправилась. Справляла дикий предсмертный пир.

Злорадно посмеивались затаившиеся в крепких домах:

— Весело свадьбу справляют. Поглядим, како будет похмелье!..

В эсеровской газете написал Осинин статью „Дурман". Круто пришлось повернуть. Осинина, выслали из города и уезда, запретив в'езд без разрешения военно-полевого штаба. Владельцу типографии пригрозили отнять ее, если будет печататься в ней газета эсеров. Громко возмущалась в исполкоме Тоня Ширяева.

— Вы не смеете посягать на свободу слова!—

По городу пошли тревожные слухи о притеснениях.

Оттого и метался в номере первом красногвардеец Тарасов.

Ежился, искал выхода Шереметев. На кровати плакала напуганная женщина. Шереметев бросил на пол двадцатый окурок. Отрывисто спросил:

— Нельзя тайно вывезти спирт?—

Тарасов нахмурил белесые брови, сжал губы над твердым подбородком и угрюмо, глухо ответил:

— Нельзя. На красногвардейцев не положусь.

— А этот чорт, Стеценко, пусть теперь уговорит!

— Не сможет. Он сам волосы теперь рвет. Вчера мы смотрели нельзя-ли по трубам в реку... Нельзя.

Походил Шереметев по комнате, устало бросил жене.

— Перестань хлюпать! Не маленькая!—

Хотелось со злостью ткнуть ее головой в подушку, но помнил: последние дни. Не сегодня, завтра роды. Подсознательная жалость сдержала.

В дверь застучали неровно и сильно. Все трое встрепенулись.

Тарасов на револьвер у пояса руку положил и открыл дверь. Осыпанный снегом ввалился Стеценко. Заколыхалось пламя свечи на столе. Еще мрачнее стала большая комната с остатками пищи на столе, с газетными листами вместо занавесок на окнах, беспорядочной грудой газет в углу.

Передохнул Шереметев. Только сейчас сознал, что испугался. От этого обозлился.

— Какого чорта вваливаешься ночью! Что надо?

Стеценко шумно крякнул и об'явил.

— Водку надо вывезти.

Тонкие губы у Шереметева побелели:

— . . . . . !

Скверно выругался.

— Вывези теперь! Попробуй! Солдаток накормили, денег в кассе много. А с кого содрали? Сволочь вы!..

Стеценко сплюнул и спокойно сказал:

— Не сволочь, а большевики! Все сможем сделать, потому ничего не боимся. Я сейчас по прямому проводу в губернию ахнул. Завтра ночью отряд прибудет и спирт вывезут. Для госпиталей.—

Шереметев метанье по комнате прекратил. Катя, жена его, плакать перестала и сразу села на постели. Тарасов улыбнулся. Угрюмое лицо его стало неожиданно детски ясным и милым. Хлопнул Стеценко рукой по плечу.

— Как ты догадался? И как там согласились? Ведь недавно у самих разгром был...

— Я сказал: ручаюсь, все будет мирно.

Шереметев насторожился.

— А как ты можешь ручаться?

— Своих я напугаю. Скажу карательный отряд сзади этих идет. У меня парнишки безусые!..

Шереметев уж весело смеялся.

— Черти-ли вы, дети-ли вы... Не пропадем! Катя, согрей чай на керосинке.

На другой день прибыл отряд. Отборные служилые, суровые солдаты. На рассвете, почти не передохнув—после двухсотверстного пути, двинулись обратно. Посреди двух цепей крепко вооруженных солдат вытянулся обоз железных бочек и телег со спиртом.

Злобным, но глухим ворчаньем внутри своих жилищ проводили обоз горожане. Только еще наросло. Грузнее стала ноша обид от большевиков.

Город был старый. Бывшая крепость. Давно прахом стали те, кто знал его кровавое прошлое. Теперь из прежнего вспоминают только два пожара. Под пеплом этих пожарищ исчез былой лик города. Выросли деревянные присадистые домики с веселыми крашенными ставнями. От старого на них только суровые крепкие болты и вырезы—глазки. Зацвели на окнах бегуньи и герани. Забелели занавески с вырезными фестонами и кружевом домашнего вязанья. Хлебные торговцы и скотопромышленники настроили двухэтажных каменных домов с корридорами посредине и комнатами по бокам. Любой мог пойти под гостиницу и под тюрьму. В новых домах жили крепко по старому. Не делали форточек в окнах, двери и ворота запирали на несколько замков.

Посредине города на горе уцелела древняя каменная желтая церковь. Колокольня у ней покривилась. Говорили, скоро упадет. А она не падала. Год за годом, десятки лет держалась. Будто старый солдат, служака Николая Первого. Согнулась, а бодрится. Рабьим долгим веком своим на высоте похваляется. Под горой остались развалины грозной твердыни тюрьмы. Огонь разметал ее, выжег. Но стены не осилил. Приезжим всегда показывали их. Горди-

лись жители, что крепкие стены их тюрьмы томили когда-то людей, записанных в учебники истории.

С трех до семи на горе раньше „гуляли". Ходили длинной вереницей, как в других городах на бульварах. Теперь гуляют „на панели". Около винного склада залили улицу асфальтом. И на этом гладком куске улицы немощенного города стали собираться горожане. Сюда перенесли весь установленный порядок гуляний. В безлунные ночи забредали на гору только влюбленные. Искали приюта на старых каменных ступенях церкви и двух скрипучих скамейках. Но гору им скоро пришлось покинуть. В маленькой келье близ церкви жила девяностолетняя слепая Феклуша. Она сорок лет ходила по сбору. Истоптала много дорог. Натрудила поклонами спину. Богато украсила нагорную церковь. Из всех заповедей с двадцати лет служила иступленно седьмой. Ходили слухи: на двадцатом году своей жизни сама ее нарушила. От женатого девицей ребенка прижила и задушила. Уберегла себя от людского суда. Но с дикой страстью отдалась покаянью. На молитве слезами выжгла очи. Об'ясняли старики: темная вода прилила. Но и слепая с посохом ходила за подаяньем. В шестьдесят лет только перестала. Сияли иконы древнего храма дорогими камнями. Как одежда царей старой Руси были ризы. Около пышности, ею созданной, и жить ее оставили. Она охраняла церковь, как собственную сокровищницу. Всю страсть неизжитую, огромную живую силу, добровольно в этот склеп заперла. Кормили ее всем городом. Говорила с людьми мало.

Поразительно чутким для ее лет слухом она ловила ночью шаги и голоса. Ощупью находила дверь. По горе шла уверенно. Каждый камень ее знала. Двигалась неслышно сухонькая небольшая в монашеском одеяньи. Выростала неожиданно около влюбленных. Ловила ухом шорох. Стучала палкой по каменному подножью и кричала:

— Блудники! У храма Божьего пакостите! Коты свято место берегут, здесь не любятся. А вы, прелюбодеи, к Богу мерзость свою несете? Нет вам другого места плоть окаянную тешить!..—

Креп глухой старческий голос. Резко и страстно рвали ночную тишину его выкрики. Из под черного апостольника выбившиеся пряди седых волос трепетали от злобных кивков головы. И была в ней убедительна сила пламенного гнева. Смеялись потом, а при криках ее смолкали и уходили. Тайным зреньем узнавала, когда на горе сидели люди одного пола. Тогда кричала спокойнее:

— Уходите, шатуны окаянные! Ночью Богу мир слушать надо. Не мешайте языками блудливыми! Ну!.. Не дам здесь балясы ночью точить. Божье место, поганцы, скверните! Блевота песья разговоры ваши.—

И мало осталось таких, что старуху не слушались, ночью на гору ходили.

Перед войной прошла в десяти верстах от города железная дорога. Ворвалось с ней новое. В управах служащие из других городов приезжие. Появились на улицах извозчики. Раньше было их на весь город только восемь. Женщинам на извозчике ездить считалось зазорным. Только те, с тайных стыдных улиц, ездили. По вечерам гостей заманивали. А теперь вытянулась в ряд у базара извозщичья биржа. И не только замужние, девушки садились без стесненья в их экипажи. Раньше одиноко светил на главной улице, где городская управа и винный склад, керосино-калильный фонарь. Теперь „панель" осветилась электрическим светом. Его ровное, холодное сияние разлилось в учреждениях и богатых домах. Выстроили общественное собрание. Из чайной общества трезвости любители в него играть перешли.

После революции появились политические партии: кадеты эсеры, меньшевики и при них один большевик. Все больше служащие земской и городской Управы. Начальник новой тюрьмы в меньшевики записался. Большевик Шереметев приехал после февральской революции агрономом в уезд. Когда на фронте июньское наступленье было, его арестовать хотели. Новая управа не дала. Меньшевики да эсеры, теперь локти кусают. Вместе со всеми пиво, им заваренное, пьют. Заводов в городе не было. Занимались люди торговлей, хозяйством и службой и больше всего любили мирное житие. Было три сосло-

вия: самое большое-мещанское, потом купеческое да духовное. Город небольшой, а церквей много. Казаки здешние в пригород выселились. Дворянин был один: Холодковский.

Теперь появился вдруг в городе „рабочий класс". В винном складе, на паровой мельнице, в заводишке кирпичном, на конфектной фабрике при единственной кондитерской. Знакомые жителям люди. Раньше с мещанами сливались, теперь их называют „пролетариат". Они да фронтовики силу дали агроному Шереметеву. Захудалый был, замызганный. А теперь и почетные жители перед ним шапку ломают. Управы разогнали. Совет стал. Понаняли красную гвардию. Из деревень нехозяйственные. Из городских больше, из Фэрштадской слободки, парни. Матери выли, оправдывались.

— По нужде, родные...Вс-от бог свят, по нужде! Жалованье хорошее плотят.

Из бараков военнопленные мадьяры нанялись. Русских фронтовиков мало. Все больше безусый молодняк. Появился союз инвалидов. Большую силу забрал. Как начнут:

— Мы кровь проливали!

Всех перекричат.

Появился штаб красной гвардии. Начальники красногвардейские заходили с револьверами на боку. Красногвардейцы на конях раз'езжали, патрулями ходили, с жителями ругались. Ужасы про другие города рассказывали:

— На всех телеграфных столбах буржуи висят!

С бумажечкой по квартирам с обысками ходили.

И нависла над городом жуть. Степенные жители в дома, как в норы, ушли. На митинги их силой сгоняли. Из дома в дом шопотом передавалось, что в винном складе, где теперь военно-полевой штаб, пулемет стоит.

Разом все устои крепко налаженного мирного быта рушились. У коренных жителей, не ветрогонных, а созидателей, будто почва из под ног уходила. Множились обиды. Вывоз спирта сильно взволновал. Но наружу гнев не прорвался бы. Вызвал на волю его союз инвалидов. В совете бурю устроил.

Панкратов, широкоплечий великан, председатель союза инвалидов, рычал:

— Вы не смели грабить город! Своевольники!

У него было много незалеченных ран. Инвалид был настоящий. Но только синеватый цвет лица говорил об этом. Мощное телосложение и громкий голос обманывали всех. Эсеры звали его „инвалидствующим". Но в союзе влияние его было огромно. Шереметеву грозили все члены совета из союза инвалидов.

— Командовать нами не дадим!

— Когда мы в окопах жили, ты где сидел?

— Погоди, брат, орлом взлетел, вороной сядешь!

Шереметев был устало спокоен.

— Ну вас всех к чорту! Перестаньте реветь.

Стеценко гаркнул, все голоса покрыл.

— Про красну гвардию забыли? Всех перестрелям, коли будете бунтовать.

Градом ругательств отозвались десятки голосов, но стихли. Стеценку знали! В дикости горло перегрызет, а красногвардейцы—шелковые у него в руках Куда хочет повернет.

Но через день учрежденья городские и союзы облетела бумажка.

„— Товарищи! В городе до сих пор не было ни одного политического ареста. Жители сами оберегали революционный порядок, и каждый гражданин был спокоен за себя. Теперь исполком показывает волчьи зубы. Без всякой вины арестован председатель группы эсеров тов. Осинин. Председателю союза инвалидов пригрозили расстрелом за простое возражение. Если мы оставим без вниманья эти первые акты насилья, у нас, как в других городах, появится застенок. Товарищи, все, кому дорога свобода и неприкосновенность личности, на митинг в клуб в пять часов дня".

Заворошились в норах. Союз инвалидов был все-таки ближе всех из новых. В нем члены семей старожилов. Не чужаки.

Полетели по городу слухи:

— Союз инвалидов разгонит совет!—
— Шереметев уже арестован!
— Союз инвалидов зря не сделает. В Москве смена власти...
— Троцкий и Ленин скрылись...
— Нет, Троцкий убит...

И оттого, что слухов было много, оттого, что притихли красногвардейцы под воздействием Стеценко, слухам поверили. На митинг пришли не только служащие и члены союзов. Замелькали бобровые шапки, пятнами выделились дорогие дохи. Прибыли обитатели крепких домов.

Тоня Ширяева с сияющими глазами звонко говорила:

— Кровью и железом народную мысль нельзя заставить замолчать!...

Хромой писец из продовольственного комитета кричал:

Народная власть в Учредительном Собрании была....

Митинг открыл Панкратов. Его выбрали и председателем. Он начал с требования, чтоб освободили Осинина. Возражений, что его нет в городе, не слушали.

— Освободить, доставить сюда!—
— Где Осинин?

Один возбуждал криком другого. Покраснели лица, напружились голоса. После долгого молчанья всякий крик был желанным. Растерянные красногвардейцы стушевались. От эсеров выступили с заявлением, что Осинина в городе нет. Толпа не слушала. Панкратов крикнул.

— Допросить Шереметева!

Военно-полевой штаб и исполком были на митинге в полном составе. Стеценко рычал. Вызвал отряд конных красногвардейцев. Шереметев остановил его

В толпе рев:

— Допросить исполком!
— Где Шереметев?—

На сцене появился бледный, как бумага, от злобы, боли и испуга Шереметев.

— Товарищи...
— Долой, долой!..

Кто-то крикнул:

— Да здравствует Учредительное Собрание!—

Сразу могучим гулом толпа:

— Да здравствует Учредительное Собрание!—

Для Тони Ширяевой, хромого писца продовольственного комитета и еще десятка-другого крик этот был заветным, своим. И потому им казалось, что видят они момент небывало высокого под'ема. Вся толпа была преображенной для них. Будто, чистым порывом смыло коросту подлой жизни.

Для Холодковского—условным первым кличем, за которым должен придти второй, для него свой, кровный. Он тоже был убежден, что все здесь ждут именно этого второго клича. Помолодевший, будто торжеством умытый, он забыл осторожность и старался пройти вперед.

Для Ивана Васильевича, хлеботорговцев, мясников был важен самый рев. Свирепый, грозящий пошатнувшим устои. Вся толпа в крике слилась в слепое, стихийное, страшное.

Потом прорвались отдельно выкрики:

— Где Осинин?—
— Долой исполком!—
— Арестовать их!—

Забегали в толпе красногвардейцы. Поспешно сорвался со ступенек сцены Стеценко. Рабочий в полушубке кричал:

— Товарищи, вас обманули, совет за нас...

Рябая баба в пуховом платке с визгом рвалась к сцене.

— Как реквизировать, ихнее дело...

На сцене отстранил Шереметева военный комиссар Шишигин. Он поднял руку кверху.

— Дайте говорить! Дайте говорить!.. Ш-щ-ш.

— Посмотрим, что скажет?

Стихло немного. Слышен стал жесткий голос Шишигина.

— Товарищи! Успокойтесь, теперь дектатура пролетариата...

Он перевел дух, силился сказать самое значительное. Что жило в нем, его самого убеждало, но не находил слов. У него их было мало в запасе. И уже сознавая свое бессилье, приходя в ярость от него, почти взвыл тягуче и раздельно:

— Дек-та-тура пролетарията...

В ответ раздались смешки. Из толпы крикнул высокий зубной врач:

— Уберите эту „дектатуру"!..

Рыжий толстый мясник, стоявший на скамейке у стены зычно спросил:

— А зачем у него револьверт на боку?—

Разом снова загалдели.

— Уберите револьвер!

— Мы все безоружные!

— Снять с его! Почему мы так, а он выстрелить могет?

— Арестовать зачинщиков!

— Заткни глотку этому рыжему буржую!—

— Товарищ Шереметев, чего церемонитесь?..

Сердито и злобно тряхнул Шереметева за плечи Тарасов.

— Какого дьявола киселем стоишь? Прибыл конный отряд. Вели замолчать этим...

В злобе не находил ругательства. И одутловатое лицо стало прекрасным в гневе. Шереметева сразу как пришпорил. Во всю силу легких тот крикнул:

— Граждане, успокойтесь! Инзче будем стрелять! Клуб окружен красной гвардией.

Сначала взвыли, взревели, но окрик ожег и сдержал, как удар привычного хозяйского бича.

— Граждане, вы беспокоились здесь за Осинина. Где он не знаю. Ни один волос с его головы не упадет, если он здесь, пока я председателем исполкома! Вас нарочно раздражают! Я это знаю и предлагаю вам спокойно разойтись. Но если, возбужденные купцами и черной сотней, вы не прекратите криков и угроз, не разойдетесь сейчас, клуб будет обстрелян. Прошу вас выходить...—

Молчанье, а потом снова гул. Тарасов выбежал на улицу. Стеценко стоял наготове с отрядом. Тарасов крикнул:

— Эй, Стеценко. Жарь вверх, в крышу!

Тот понял, скомандовал. Как капли железного смертоносного дождя, пули застучали в крышу.

Завизжала истерично женщина.

— Батюшки, убивают!—

Толпа охнула и повалила к выходу.

Панкратов кричал:

— Граждане! Залп вверх! Стрелять не посмеют!—

Но его уже никто не слышал. У всех было одно отупевшее от страха лицо. С воем и визгом толпа вырывалась из входной двери на улицу. Красногвардейцы с ругательствами отгоняли народ от здания. Выстрелы прекратились. Но толстая начальница женской гимназии ничком лежала на снегу и дико пронзительно кричала:

— Убили... Ой... Помогите! Убили!—

Рябой, с испитым лицом, красногвардеец, толкнул ее носком сапога.

— Встань, чертова колода! Куды тебе убили? Вопит без ума!—

Та вдруг поднялась, дико вращая глазами. В толпе звонко расхохоталась,

увидев ее, подросток-девочка. Смех отозвался откликом в толпе. Немного рассеялся страшный животный испуг.

В больницу в это время горничная привезла полумертвую от преждевременных родовых мук и страха Катю Шереметеву.

III.

Весь удушливый уют мирной жизни исчез. Живым, ненавистью насыщенным стал воздух. На главных улицах, за крепкими затворами ненавидели молча. Впервые пугливо застревало в горле властное хозяйское „молчать". И впервые дико, горласто, бессвязно, но победно кричали о ненависти обитатели жилищ без запоров. Вид дорогой дохи, бобровой шапки и спрятанного в воротник чистого лица резал им глаза и вызывал бурный взрыв гнева. Солдатка Матрена дочку бывшего воинского на базаре молоком топленым облила. Молоко, на продажу вынесенное, не пожалела. Все вылила. Исцарапать хотела — не дали. В милицию ее потащили. Там на все вопросы: зачем, за что, только визжала:

— Морду всю-бы ей еще изнахратить надо! Вылупила буркалы-то... Бела кость!

Начальник милиции, офицер бывший, от визгу морщился. Рукой лоб потирал, старался хладнокровье сохранить.

— Товарищ, так нельзя... Разве гражданка Топчевская вас обидела чем? Об'ясните толком.

— Мы об своих обидах опосля докажем... Ходит, буркалы таращит, губы кривит.

Раньше у вас что-нибудь вышло? Да, об'ясните! Нельзя-же так. —

— Раньше, раньше... Не видала я ее раньше то... Да, отвяжитесь, окоянные! Коли за их заступаете, дак сажайте меня. Я ее еще не так сгребу когда...—

Плюнул начальник милиции. Весь лоск свой забыл, кулаком Матрене пригрозил, но задерживать не стал. Только сказал, чтоб второй раз буйствовать остерегалась. А Матрена шла домой, шалая. Путались мысли в голове. Себе самой не могла об'яснить, почему загорелось нестерпимой злобой сердце, когда барышня подол шубы попридержала, чтоб Матрены не коснуться. И губы так поджала, будто близко к отхожему месту подошла. Разве сумела бы об'яснить Матрена, что брезгливая гримаска на нежном девичьем лице солдатке напоминала? Слов таких у нее не было, чтобы связно и правдиво рассказать: барышня холеная, в чистой постельке хранимая, замуж выйдет, с мужем в хорошей комнате будет нежиться. А Матрена в грязной землянке под сквернословье родилась. Грязной работой загрубленную кожу до чиста никогда не отмывала. В здоровой властной тоске крепкого тела чужим захватать себя дала, когда муж на войне без вести пропал. Барышня боится на подол грязь Матренину захватить.

— Стерва бархатная! Еще до морды до твоей добраться не успела... Тоже, рожу кривит!

Подмастерье сапожников Никешка собаченку приблудную прикормил. Хозяин дома на дворе об нее запнулся и поленом пришиб. Никешка за это тяжелой колодкой хозяину голову проломил. И много их было таких, об'яснить не умевших, что гнойником скопились все обиды и боль былого. Теперь прорвалось, но гноем и кровью из раны во все стороны брызжет.

Иным в голову ударил хмель сладкой мести.

Стеценко об'езжал богатые села и станицы, не желавшие признать советы. Под'езжая он посылал вперед верхового с приказаньем встречать отряд колокольным пасхальным звоном. Потом, побоченясь, в'езжал в ковровой кошеве, запряженной тройкой, с колокольцами под дугой. Сзади с лихим гиканьем конные красногвардейцы и три пустых подводы, запряженные парами. Весь поезд мчался по улицам бешеной рысью. Выпрыгнув из кошевы около лучшего дома в селе, отдавал Стеценко приказ:

— Сгоняй со всех дворов баб!

Красногвардейцы вихрем влетали во дворы, стучали прикладами в двери.

— Эй бабий пол, выходи!

Молодые плакали, старухи крестились и плевались.

— Все, все бабы, стары и молоды, выходи!

Старухи от удивленья, что их тоже требуют, браниться переставали и плелись за молодыми.

Сгоняли их всех к дому, где остановился Стеценко.

Лихо заломив огромную папаху над цыганским разбойничьим лицом, выходил Стеценко на крыльцо.

— Всех согнали?

— Всех. Которы не шли, приволокли.—

— Ну, слушайте. Чичас, в секунд, веди меня по дворам. Эй ты, конопатая, где твой двор? Айда к ней!

И двигалось по селу шествие. Впереди Стеценко с выбранной бабой, за ним воющим стадом согнанное к дому бабье, кругом конные красногвардейцы, сзади пустые подводы с кучерами.

— Здеся живешь? Ладно, веди в нутрё. Отпирай сундуки! Холстов много накопила, хозяйственная баба! Забирай холсты! Эй, Кирпичев, подушки на постели пуховы. Забирай! И перину тащи!

И так по всем дворам. Бабы сами открывали сундуки, а Стеценко отбирал и указывал, что забирать.

Если изба оказывалась бедной, Стеценко орал:

— Мимо валяй! Нашински, пролетарият... Кинь ей холста штуку, да вот эти полушалки. Носи, беднота, не стыдися! Наша власть. Да гляди назад не отдавай. Узнаю, морду растворожу!

Обойдя все село, принимал от него обед или ужин для всего отряда и ехал в соседнее.

Из пяти волостей в совет жалобщики на Стеценко пришли. Три красногвардейца с Акмакского прииска выборные, прискакали с требованием арестовать Стеценко.

Молодой, безусый Мигунов горячо кричал Тарасову.

— Эдак нельзя! После его нам в селе, где побывал, показаться стыдно. Бабы на гумна в стога прячутся, мужики зверем глядят, ребята орут благим матом. Как чертей встречают!

— Ладно. Сегодня-же пошлем за ним. Где он теперь?

— К железной дороги подался. Там, слышь, казачья банда нарезалась.

— Пошлем.

Ночью на заседаньи штаба Тарасов Шереметеву говорил:

— Жалко Стеценко. Горит парень. В чертово пекло за нас полезет.

— И нас с собой туда уволочет. Послал за ним отряд?

— Послал. Зачем отряд? Двоих послал. Нам не воспротивится.

А на другой день на митинге Шишигин кричал:

— Своих не жалем! Стеценку за безобразия в тюрьму садим. За правду стоим!

Но речь его прервал Шереметев. Зажатую в кулак бумажку показал и сообщил.

— Донесенье о смерти Стеценко Убит в схватке с казаками. Его отряд в пятнадцать человек отбил станцию у казачьего отряда в пятьдесят человек. Когда мы его судили, он...

И вдруг начатой фразы не кончил. Рукой махнул и попросил товарища Петрова доклад о текущих событьях сделать.

Событья надвигались грозные. Из степи подходили атамановские казаки, с самим атаманом во главе. На губернский город идут. Этот городок на дороге. Не минуют. Набеги на железную дорогу участились. Ближайшую станцию приходилось оберегать. Силы у города отнимала.

Сегодня получено сообщение, что казаки подходят к городу. В двадцати пяти верстах утром видели первые раз'езды. Спешно об'явлено в городе осад-

Зап. Сибирская Инв. №40 Публичная Библ.

ное положение. Сообщили жителям строгий приказ: не зажигать огня. Патрули с вечера на улицах. Усиленный наряд охраны на мосту. Военно-полевой штаб в полном составе на ночь остался в винном складе.

Вечером принесло из степи мятель. С воем подняла над городом снежную сплошную завесу. Закрыла занавески и цветы на окнах. Очистила улицы и обширную базарную площадь от людей.

Сразу изменился лик города. Живой на высоте стала старая церковь. Неясные силуэты домов чернели сурово. Будто оживала старая крепость. Ночью взмахи ветра угрозой забили в крепкие ставни.

Взвыванья его развеяли чуткий старческий сон Феклушин. При мерцающем свете лампады завозилась высохшая, сгорбленная. Накинула поверх монашеского одеянья черный тулупчик, зажгла тоненькую желтую восковую свечу и пошла церковным корридором в сторожку. Сквозь запертую дверь прорывалось в корридор сердитое холодное дыханье снаружи. Как в испуге, заколебался язычек свечи. Бросил дрожащие блики на серое от пепла долгих лет лицо. Метнулся огонек в тусклые невидящие глаза. Но сгас сам в их мертвенном скорбном покое. Свеча в руках Феклушиных—для других, зрячих. Ей не нужна была.

В дверь сторожки властно застучала посохом.

— Михайла! Вставай! В колокол звон дать надо.

За дверью послышался стук. Тяжелый с печи спрыгнул.

— Ктой-та? Чего надо?

— Очухайся, заспался. Так богово место хранишь? Звон, говорю, дай. Буран в степи.

— Ай, это ты, матушка Фекла? Прости, Христа ради... Айда, проходи, матушка.

Крючек откинул. Шумно дверь в темную сторожку распахнул. Феклушина свеча осветила дюжего с кудлатой седой головой.

— Сичас, матушка Фекла, оболокусь.

— Скоряе! Завалился на печь того не знаешь, что крещеный в степи сгинуть может.

Старик торопливо одевался. Косился на застывшую у порога черную фигуру. Жалел тепло, но дверь закрыть не решался. В сторожку не входила. Еще раз позвать не посмел. Только поспешно ласково подтвердил:

— Оно так! Крещенному в степи одна подмога в эдаку вьюгу: колокол. Кыргыз дорогу нюхом найдет: нос у его некрещенный, собачий. А крещенному одно—колокол! Да и богу от звону повеселяе станет.

— Бог-от не кабатчик: ему веселья не надо. Тарахтишь дуром! На покаянье в беде колокол призовет. Кому смерть пришла, покается. Скоряе!

И снова мерной поступью ушла к себе в пристройку. Там долго била поклоны в переднем углу.

— Помилуй мя, Боже, по велицей милости. Окаянную молитву мою услыши...

Судью, величавой глухотой страшного, старалась умолить. В последних вспышках страстной, дурманно-сладкой веры, трудила покоя просившее старое тело.

Начал уныло гудеть колокол. Зов его то сливался с воем ветра, то разрывал этот вой скорбным, глухим стоном.

Шишигин услышал звон во дворе винного склада. Бледный вбежал в дальний кабинет, где весь штаб на ночь засел.

— Звонят... Казаки услышат... Мятель-бы задержала...

— Где, почему звонят? Кто распорядился?

— Набат?

— Нет! Не набат... Звонят в нагорной церкви...

В штабе снарядили на гору троих конных.

— Звон прекратить! Разузнать, кто распорядился звонить. Стащить звонорей с колокольни! Быстро!

Шишигин впереди поскакал.

Феклуша устала. Мелкой дрожью в коленях молили об отдыхе ноги. Липкий пот покрыл старое тело. Туманом заволакивало голову. А она все вставала и снова ниц падала.

— Смилуйся... Отпусти грехи...

Яростно снаружи забил кто-то в дверь. Еще, еще... Непрерывно, настойчиво. Слышно: железная дверь ходуном заходила. Крик неясный с ветром долетел. Чудится? Нет, стучат. Дверь разнесут. Сразу в память пришла. Походка была, как у пьяной от устали, но в корридор быстро выбралась. А дверь трещала. Орали что-то за дверью гулко и дико. Сторож с колокольни даже отозвался. Замер последний удар, и замолк гулкий медный язык.

— Кто там? Чего в церковь Божью ночью ломитесь?

— Отворяй!...

— Кому отпирать? По какой нужде?

— Отворяй!... Эй, кто там?... Отворяй!

Грубая матерная брань ударила в уши старухи.

— Это кто языком на паперти блудит?

— Отворяй, ... !

— Уходи, пакостник, языкоблуд, разрази тебя гнев Божий!

За дверью взревел Шишигин.

— Ломай дверь! Это старая ведьма церковная... Ломай дверь! Отвори, карга, не то дверь разнесем!

— Не допустит Господь. Уходите, сквернавцы! Не открою. С черным словом не допущу в храм! Сгиньте окаянные!

— Эй ты, сволочь колокольная! Где ты там? Сто-ро-ож! Слезай..

С колокольни тягуче и робко:

— Не слы-ш-у-у! к матушке... Фекле... постукайтесь...—

— Я те пока жу-у Феклу!.. Сла-азь!.. Эй, с колокольни слазь! Стрелять будем!

Комком с'еженным в корридор из хода колокольного сторож скатился.

— Матушка... большевики... комиссары.,.

— Никакех большевиков не знаю. Один большак—Бог. Не смей отпирать!—

— Отворите... Отворите-е! Вот чертова кикимора! Пали, ребята, в дверь!..

Осип, нечеловеческим стал от злости голос Шишигина.

Р-ра-з... Р-р-р аз... Со свистом пули в корридоре пронеслись. Одна над самым ухом Феклушиным. А у ней на лице только свет торжества. Будто помолодела дряхлая.

— А, богоборцы!.. Престол земного царя осилили, с Божьим не совладаете! Блуд, смуту принесли... Не допустит к себе Бог!

Но диким воем животным сторож отозвался.

— Товарищи-и!.. Отпираю... Вот, вот ключи... Товарищи!..

Бежал к двери, спотыкаясь, ключами звенел. В замок тяжелый только ключ всунул, Феклуша подкатилась.

— Не смей, богоотступник!.. За шкуру свою престол Господень отдаешь?. Не дам!—

На руке повисла. Сильным взмахом дюжий мужик ее к стене отшиб.

— Пропадай ты пропадом, стерва старая! У мене дети есть...

О стену ударилась. Показалось, вздоху нет больше. Накатила тьма. Чернее слепоты. А дверь с шумом открылась. Шишигин первый ворвался.

— Сволочи! Засаду устроили. Звоном кому дорогу показывали? Открывай церковь, старая..... . Показывай!

Очнулась Феклуша. Как кошка живучая. С полу от стены поднялась и ко входу в самую церковь. Прижалась к железной двери. Руки расставила. Седые космы выбились. На морщинистом лице одни страшные застывше глаза.

— Не пущу, богохульники! До икон святых не допущу...

Кричала хрипло, исступленно и жалко. Лицо иссиня белое кверху подняла. Будто удара просила. Сумрачный, рыжий красногвардеец, со шрамом на щеке, Шишигину сказал:

— Убрать бы ее так... безо вреду. Рука не подымется.

И Шишигин обмяк. Тряслась старая, свое отстаивала. Прожигала упорством своим

— Отойди, мать. Вреду твоему богу не сделаем. Поглядеть надо.—

— Антихристовых слуг не допущу до престолу! Из ружей в богов дом палили. Антихристовы слуги вы!.

— Старуха, отойди добром!—

И в ответ вдруг старуха запела молитву прерывисто, дребезжащим старческим выкриком:

— Да воскреснет Бог и расточа...атся...а враз·и·и... его... о...—

И так дико это было неожиданное пенье, что Шишигин вздрогнул и зубами заскрипел:

— Ну, ее! Эй, ты, зачем звонил?—

— Феклуша велела .. В степи, говорит, которы, на звон выедут.—

— А в степи которы!..—

И разом все напряженное ожиданье последних дней сказалось. Прожгла мысль

— Заговор...—

— Отойди, чертова перешница!

Вцепился сильными пальцами в костлявые старые плечи, тряхнул, отсрвал от двери. Не то застонала, не то визгнула, но из сильных рук не вырвалась. Только забилась в них.

— Скорей!—

Торопливо, трясущимися руками, сторож замок открыл. Пахнуло ладаном и лампадным маслом из церкви.

— Климов, свети!—

Красногвардеец с фонарем ручным первый в церковь вошел. Там свет слабый был. От лампады неугасимой перед иконой почитаемой. Феклушу Шишигин из рук выпустил Она снова со стоном преградить им дорогу кинулась.

— Не допущу!.. Господи, помоги!..—

Неверными дрожащими ногами за порог зацепилась, с размаху стукнула голова о каменный пол. Навзничь на пороге рухнула. Рыжий красногвардеец поднять хотел. Наклонился, коснулся руками и выпустил.

— Кончилась...—

Покосился на Шишигина и папаху снял. Тот передернулся. Но шагнул через старухино тело.

— Свети! —

Уж на рассвете уходили из церкви угрюмые и молчаливые. Только сторожу кинул Шишигин:

— Убери старуху, дурак!—

Стараясь не коснуться тела, порог перешагнули. Сторож к телу даже не подошел. В сторожке побоялся остаться. Запер на замок дверь снаружи и почти бегом в город, к семье своей кинулся. Рабой верной, распростертой на пороге в церковь, стыла Феклуша.

IV.

Каждую ночь хлопает входная дверь внизу. Каждую ночь сдержанный гул на лестнице. Всегда, затаившись, ждал. Но в самой остроте испуга надежда таилась: не к нему. Сегодня сразу бесповоротно решил:

— Сюда.—

Сел на кровати, голову в плечи втянул, как от удара.

В дверь застучали. Ногами в туфли попасть не мог. Босой к дверям подошел. Не своим, сразу осевшим, голосом спросил.

Кто?

— Отворяй!

Переступил с ноги на ногу, передохнул с шумом и ключ повернул.

Рыжий, высокий, со шрамом во всю щеку, ручной фонарь поднял повыше. Сразу навсегда отпечатался весь в памяти Холодковского. От огромных сапог с налипшим на них снегом до сдвинутой на-бок старой свалявшейся серой папахи. Угрюмые под сдвинутыми рыжими бровями глаза, цвета тускло-зеленого стекла, обдали холодом. По спине струйками пробежала дрожь.

— Судья Холодковский вы?—

— Я. —

— Глядите ордер.—

Лицо сразу увидел, а бумажку прочитать не мог. Мимо сознанья прошло, что написано И не надо. Так, ведь, знал.—

Пожалуйста, начинайте. Может быть, зажечь огонь? На окнах плотные темные шторы.—

— Марченко, найди, зажги лампу!—

Молодой, безбровый, мигая часто белесыми ресницами, штык осторожно к двери приставил, спички из кармана шинели вынул и лампу на письменном столе зажег.

С фонарем в руке, рыжий, молча, у двери ждал. За ним стоял со штыком третий. Смуглый стройный татарин. Как встал, так и застыл прямо и неподвижно, будто и внутри у него штык согнуться не давал. Холодковский чувствовал, как жалок он, мощный, широкоплечий в одной ночной рубашке ниже колен, с голыми волосатыми ногами.

— Позвольте одеться?

— Ничо, не барыни мы. А где штаны?—

— Вот, на кресле. Разрешите одеть?—

Слышал сам: голос искательный, поганый, чуть не молящий. А другим его сделать не мог.

— Марченко. погляди в карманах! Платок? Совай обратно. Отдай барину штаны!—

Не попадал ногами сразу, а три пары глаз сосредоточенно и серьезно смотрели прямо на ноги. А-а-а, как скверно!

Большая лампа сразу всю комнату светом залила. Нежной ласкающей белизной выступила в углу на столике статуэтка Дианы с охотничьим рогом. Заблестели стекла фотографических портретов на письменном столе.

Рыжий отшвырнул ногой светло зеленым шелком обитое кресло, будто рассердился на его нарядную обивку. Держа в левой руке фонарь, в правой наган, прошел в спальню. Фонарь поставил на ночной столик.

— Сайфутдинов, стой у двери! Марченко, айда суда. Начинай!

Сам встал с револьвером в руке. Черное дуло, как магнит тянуло глаза Холодковского.

— Хоть бы опустил он его. Ведь устанет так держать. —

Сердце стучало так суматошно, что казалось: и эти двое слышат.

Марченко лазал под кроватью. Встряхивал, щупал атласное одеяло, комкал белоснежные простыни, тискал подушки. Из комода кипы белья разбросал по ковру. Все в полном молчанье. Слышно было как ударяют о мраморную чашку редко и методично капли умывальника.

Рыжему надоело стоять в театральной позе с револьвером. Сунул его за пояс и стал помогать Марченко. Возились долго. Холодковский, согнувшись стоял у спинки кровати. Чувствовал, как подлая заискивающая улыбка растянула губы, когда рыжий с умешкой сказал:

— Приданого на двадцать женихов хватило-бы. А тут на одного. Ай, на кажды штаны нову бабу присоглашат?

Марченко по детски прыснул и обратной стороной ладони вытер на лбу пот.

— Тут на три дня разборки! Айда заверием! Кисет у тебя.—

Марченко полез в карман, Холодковского будто невидимая сила двинула.

— Папиросы для гостей держу. Вот, в верхнем ящике комода.—

— Угощат, дак найди, Марченко. Хучь раз в гостях по-господски побудем!—

И в кривой усмешке, во вспышке тусклых глаз--острая голодная ненависть.

Закурили дорогие папиросы, посмотрели друг на друга. Марченко снова хихикнул. Рыжий сплюнул прямо на ковер.

— Сайфутдинов, чего мумием стоишь? На, покури!—

Татарин в соседней комнате у двери на корточки присел. Рукой винтовку обнял, бережно зажог спичку и закурил пойманную на-лету папиросу.

Вместе с табаком будто ярость втянул в себя рыжий. После передышки начал громко ругаться.

— Когда его, толстомясого, пертрясешь? Вываливай прямо из чемодану на пол! Буржуазия брюхастая! Добра на всю красну гвардию, ...мать. Вспороть-бы брюхо и ладно!—

Чего искали, Холодковский не понимал. Писем не читали, книжки отбрасывали в сторону. Охотничье ружье сразу взяли и Сайфутдинову передали. В спальне все вверх дном перевернули.

Марченко рукавом шинели пробку стеклянную на флаконе задел. Флакон покатился с туалетного стола. Марченко подхватил его, но пролил содержимое на ковер. Комната сразу наполнилась крепким одуряющим ароматом. Марченко даже нос зачесал. Потом разлитые духи начал по шинели размазывать. Рыжий ударил его по рукам.

— Само время барский дух собирать! Стервец! Тьфу! А по мне говно лучше пахнет. От этого сундуку ключ где?—

Покорно подал ключи. А дыханье остановилось. Трудно стало дышать. В сундуке заветный сервиз, с которым не решился расстаться. С шумом открыли крышку. Полетела на пол одежда. Вытащил рыжий заветный большой футляр с золотой монограммой на крышке. Надпись не разобрал. Открыл коробку. Аккуратно в лунках лежали дорогие чашки. Вынул Марченко одну и сразу к рыжему.

— Глянь! Орел двухголовый и с короной.

На белом фарфоре четко выступал черный рисунок.

Рыжий сразу встрепенулся. Слыхал раньше, что у Холодковского царская посуда есть. С орлами она!

— Чии чашки?

— Мои.

— Откудова?

Помедлил немного и глухо сказал:

— Подарок царя.

— Слышь, Николкин подарок. Вона, к какой птице забрались. Для нас, Николка, для ево цары! Айда, собирайся, царев холуй!

— Куда?

— Не разговаривать, об морду эти чашки расколочу! За царя стоишь? Говори, за царя?

Наступал с револьвером в руке. Гнев исход нашел. Холодковский весь обвис сразу, сжежился.

— Това..... Товарищи!

— Я тебе не товарищ! У-у, морда подлая! Собирайся. Марченко забирай чашки. Пусть сам понесет. В штабе расскажет, за что получено. Да, поворачивайся ты, скотина толстозадая!

Вытолкнул тяжелым кулаком из спальни. Скверно ругаясь, сорвал с вешалки шубу и швырнул Холодковскому.

— Товарищ, я босой... Обуться надо...

— „Обуться". Падло! Мы Николку врагом почитаем, а он царский подарок. Эдаких на месте надо... Кровь нашу этими чашками пили!

Сразу, как порог барского жилья переступил, злость забрала, но крепился. Теперь прорвалось Как пес побитый, барин сейчас. Мордой-бы его в пол, ногой

придавить. Живет тут, роскошествует, а они и при свободе каждый день под пулей. смениться рубахи нет, а у этого...

Отвернулся, чтоб не кинуться снова на Холодковского. Толкнул нечаянно столик в углу. Китайский болванчик на нем головой закивал. Рыжий взглянул и остановился. Китаец с прищуренными хитрыми глазами кланялся. Поднялись рыжие насупленные брови, рот растянулся в улыбку. Лицо стало простоватым, смешным и добрым.

— Марченко, гляди!

Все трое забыли про Холодковского.

Марченко головой от восторга затряс. Татарин языком прищелкивал, а рыжий смеялся громко, всем нутром.

— Ах ты, стервоза—китаеза! Цо, цо, цо!.. Кланяется косоглазый! Гляди, гляди, прыжмурился!.. Нечисть косастая!

Простодушный смех будто удар кнута для Холодовского.

— За чашки на смерть человека ведут и забавляются. О, какая изощренная жестокость у этих животных!

Не сдержал стона. Оглянулся рыжий. Сгасла ясная улыбка. Револьвером пригрозил.

Двигайся!

Как на улицу вышли, Марченко в кармане шинели пощупал. Мыло духовитое с умывальника тихонько взял. Боялся, как-бы не узнали и косился на рыжего.

— Хоть понюхать Анютке дать.

К Ивану Васильевичу вниз в этот час только пришли. С фонарями кухню обыскивали. Стряпуха Лепостинья, дальняя родственница хозяина, тряслась от страха, кланялась и все приговаривала.

— Ниче, ниче, товарищи, поглядите, ниче! Вот это мое барахлишко. Тутока кохточки.

— Нужны нам твои кохточки! Где хозяин?

Старший за ручки двери взялся,

— Ватёр тутo-ка, извиняйте, ватёр...

Старший засмеялся.

— Ну ладно извиним зазвоним! С устатку после обыска зайдем. Чего ты трепыхаешься? Хозяин где?

— С утра не приходил. Хозяйка в спальной с перепугу мается. Ребятишки все выли, чичас только позасыпали..

— Хозяин где, сказывай!..

— Нутре мое выверни, перед Богом Истинным, не знаю, товарищи!

Красногвардейцы в спальню к хозяйке пошли.

А Иван Васильевич был в станице за пятнадцать верст. Баба казачка за большие деньги исхитрилась, в возу с посудой глиняной вывезла.

Холодковского в штабе, в караульной, минут двадцать продержали. Рыжий ткнул его на деревянный табурет и ушел. На ходу кинул:

— Приглядите!

Красногвардейцы в карты на полу играли. В двадцать одно. На Холодковского никто внимания не обратил. Потом пришел Марченко и сказал:

— Ковалев и Сивачев! Отведите этого...

Нехотя поднялись, напялили шинели, взяли винтовки, и, ругая холод и тьму, повели. Не знал куда. Бояться устал. Все—все равно стало. Оказалось, привели в тюрьму. Как добрался до грязных нар, ткнулся на свободное место, сразу уснул тяжелым, на смерть похожим, сном.

Известных Холодковскому в камере было двое: крупный хлеботорговец Грязных и последний городской голова Феоктистов. Сразу, как проснулся, Феоктистов к нему подошел.

— Что, разнесло ваш Ноев ковчег?

Холодковский махнул рукой.

— Все дома разнесет! Все захлебнутся!

Феоктистов курчавую бородку подергал и серьезно ответил.

Нет, выплывут. Кто прямо в волны кинется, не будет на ковчег расчитывать.

— Это как? Не понимаю. У меня голова сейчас плохо работает.

— Кто ни потопа, ни мора, ни глада не боится.

Дни потянулись один за другим. Совсем одинаковые. Один и тот же страх, лежанье на нарах, надоевшие разговоры. Проникали разными путями вести с воли. Казаки замешкались, но теперь очень близко. Город готовится выдержать осаду. Страстно ждали приближенья казаков. Но, когда, подошли к самому городу—в семи верстах остановились—стало хуже. Каждый день грозил смертью. Ночами сон часто прерывался. Шаги в корридоре, звон ключей... Каждый замирал в страшной пытке ожиданья. Из этой камеры не увели ни одного. Трех неожиданно выпустили. Холодковский, небритый, грязный, с мешками обвисшей от исхуданья кожи, все ждал допроса. Одичал, ни с кем не говорил, в каждом боялся врага. Целыми днями писал об'яснительные письма. Ценой каких-угодно унижений, только бы жить! Проклинал свою дикарскую привязанность к вещам. Разбить бы эти чашки! Знал, что дело не в чашках, но в упреках себе отвлекался от постоянной мучительной настороженной боязни. Людям легко умирать, когда есть счастье сознанья: от прожитого останется после смерти хоть какой нибудь след Легко умирать в экстазе, в пылу героизма, самопожертвования или в жаркой бешеной схватке. У Холодковского дела всей жизни не было. Героические порывы, если были, за гранью юности остались. И от этой большой внутренней пустоты рождался животный страх небытия. По ночам плакал, страстно молил Бога или судьбу.

— Сохрани жизнь!

Осада длилась два месяца. В конце второго, два казачьих офицера из камеры Холодковского, соседи по нарам, пытались убежать. Свой-же, бывший, начальник милиции, выдал. Офицеров увели немедленно в штаб.

Ночью загремел засов двери. Холодковский, как и в ночь обыска, знал безошибочно, за ним.

— Одевайтесь!

По улице вели четверо. Всю дорогу угрюмо молчали. Холодковский старался заговорить. Оборвали. И нашло оцепененье безнадежности. Как автомат, передвигал ногами. В голове совсем несуразное:

— Ранняя пасха в этом году или поздняя? В прошлом —на грязи была.

Когда вышли за город, больно хлестнул лица ветер. Холодковский бессознательно поежился, но остался вяло спокойным. Вдруг—гулкий выстрел разбудил заснувшую в глубине, но живую мысль. Забила тело мелкая дрожь. Красногвардеец сзади сипло сказал.

— В роще...

Передний сплюнул, повернул слегка лицо и через Холодковского бросил конвойным.

— Энтих .. которых даве провели.

И повернул к мосту, направляя к роще.

Второй выстрел. Не хочу!—поглотило все мысли, чувства.

Одно живое желание страстным порывом напрягло все существо Холодковского. Уйти... уйти от этой близкой рощи. Каким то властным толчком изнутри откинуло его назад. Рука ударилась в штык. Красногвардеец сзади подтолкнул Холодковского. Молниеносно, легко Холодковский повернулся, выхватил у красногвардейца винтовку, ударил переднего прикладом по голове и заорал диким животным его ревом. Раненый сам, держался еще на ногах. Оживший, огромный защищал себя яростно. Убил еще одного, но пораженный второй пулей, взревел последней звериной мольбой о жизни и рухнул на снег темной глыбой. Под ноги вонзившего в него штык красногвардейца. Мертвое лицо сохраняло исказившие злобу и страх. Убивший Холодковского красногвардеец, семнадцатилетний парнишка, с безусым розовым ртом, дрожал, как в лихорадке. Задний зачем-то громко откашлялся и глухо спросил:

— Пойдем, што-ли?

— По-ойдем...

Обошли большое тело и двинулись вперед В рэще ждал Шишигин со своими красногвардейцами.

V.

Растянулась над городом серая паутина смерти. Вширь и вглубь раздалось кладбище. Выросли на нем новые кресты и безкрестные холмики. Тишина из города, казалось, навсегда ушла. С утра до ночи стучали в отдалении пулеметы. Будто кто-то большой и сильный сердито и часто колотил забитую пылью огромную кошму. Встревоженно гудела земля от снарядов. Улицы не затихали, ни ночью, ни днем. Скрипели полозьями дровни, подвозившие раненых и убитых. Четко выбивали копытами по углаженным дорогам кони верховых. Не смолкал у больницы ноющий вопль родни. На дворах, напуганная гулом, измученная заточением в стойле, часто забываемая хозяйками, непрерывно ревела скотина. Люди стонали, молились, проклинали. Старались уйти ниже, ближе к земле, в подвалы, в землянки. Казалось живущим в городе, что на всей земле остался только он, этот воющий, ревущий, израненый город и казачьи выселки в семи верстах, откуда каждый день шлет свое разящее дыханье смерть. Весь остальной мир отошел, отгородился полем сраженья и караульными постами.

Бой непрерывными ударами говорил о себе грознее всех Форштадской слободке. С кривых улиц ее ежедневно приходили в ряды красной гвардии добровольцы.

Из крепких домов люди ушли в свои большие вместительные подвалы. Там жарко молили заступника Бога о благополучном и скором прихэде своих с казачьих выселок и „избавления от нечаянныя смерти".

А жизнь не сдавалась. Властно кричала о себе в первом плаче новорожденных, в звонком смехе детей, в настойчивых требованиях всего живого.

Посеревшие, похудевшие люди озабоченно размеряли полученные продукты, ели, пили, плакали иногда радовались своему, обыденному и копошились по зову хлопотливой хозяйки—жизни.

Каждый день, забывая угрозы взрослых, вырывался на дворы и улицы маленький, жадный до жизни народ: мальчишки и девченки.

— Эй, эй, Марька, наспроть нас стену в доме отворотило!—

— А у нас на задах снаряд в землю ушел. Айда к нам в войну игр-а-а-ты!—

— Мамка не ви ли-т!..—

Мать поспешно выбегала, бранилась, кричала, но уже криком привычным, без первого захвата испуга.

— Гляди, ничо не страшатся! Иди, сичас домой, а то я тебе покажу! Вот убьет, так узнаешь!

Резвой четырехлетке, девочке корова казалась страшнее пули, потому что испугала ее недавно сердитым боданьем.

Мать громким криком звала ее со двора:

— Надя, Надя... Скорее, скорее домой! Слишишь—пулемет.

В ответ Надя успокоила:

— Пулемет не корова... Он не забудаи-и-т!—

К концу второго месяца привычной ежедневной нудью стали гул, рев и стенанья. Но гнет их сказывался. Уходили силы и даже в Форштадской слободе призывали: скорее бы хоть какой конец, но конец осады.

Рабочие с кирпичного завода, из конфектной и мелкий мастеровой люд часто приходили к зданию совета, собирались у винного склада. Разговоры их были немногословны.

— Второй месяц...—

— Д-д-а!..

— Выдюжить трудно.—

— Може, выдюжим.—

— У вас как?

— Пока живы все.—

Смотрели на проходящих, сидели на улице около зданий, слушали перестрелку и расходились серьезно, молчаливо. Когда проходили мимо богатых домов, уж никто не отпускал веселого крепкого словца. Только на лицо будто тень от этих домов падала. Темнели. Жена хлеботорговца Грязных хозяйский надзор за двором усилила: Косилась на маленький домик во дворе. Исполком в нем многосемейного почтальона поселил.

Думала:

— Как выгоним, печь перекласть надо.—

Гостинницу „Россия" разметало. Она была на площади, ближайшей к дороге на казачьи выселки. Остались от Ноева ковчега только обломки крушенья. Все обитатели его успели во время выселиться.

Шереметева с сыном у знакомого фотографа комнату в доме заняла.

Юрка Шереметев улыбаться начал и гукать...

— Г...гу...гу...—Исхудавшая Катя сквозь слезы смеялась.

— Сынка дурная! Ничего-то не смыслишь! Смерть на улицах. Как тебя сберегу?. —

Один раз прибежал из штаба Шереметев. Сына на руки взял, высоко взметнул, прижал к себе так, что ребенок заплакал и, передавая жене сказал:

— Сегодня вечером тебя и его увезут.—

Тихо, спокойно сказал, только левая щека запрыгала.

— Куда? А ты? Что-же это такое...—

Обнял их обоих с ребенком и, кривя губы, но опять спокойно:

— Катя, такую долю выбрала сама. Мужайся. Есть возможность вывезти тебя и сына. Увезут. Постой, не кричи! Сама говорила: только-бы его сохранить Не упрекаю! Нет! Мне нельзя. Дай мне отраду знать, что вы останетесь...

Долго уговаривал. Билась о стол головой, кричала, стонала, но сдалась. В сумерках, когда пришел час идти с ребенком в назначенный дом в Форштадте, без слез обвила шею мужа руками и замерла. Оторвал руки насильно. Улыбнулся мучительно и напряженно.

— Катя, пора!—

От сына все отворачивался. Боялся взгляд на нем задержать. Расстались на углу, около гостиницы. Она с ребенком и провожатым двинулась прямо по улице. Он повернул за угол, но на повороте остановился. Оглянулась и она. Захватило сердце. Хотела вернуться, но он махнул рукой и скрылся за углом.

Впоследствии, во сне часто мучила Катю картина: стоит худой, маленький, в длинной не по росту солдатской шинели, и смотрит вслед ..

Началось отступление. Уйти казаки помешать не сумели. Отступающие успели вывезти большой запас провианта и отделались малыми жертвами. Ночью уходили красные войска.

Утреннее солнце осветило затихший, будто в ночь вымерший, город. Отчетливее выступили развалины разрушенных домов, выбитые стекла и избитые пулями стены.

В Форштадской слободе остались только старики, женщины и дети. Сегодня дети затихли. На улицу не рвутся. Тихо, таясь в своих углах, плачут матери и жены. К ним жмутся ребятишки.

В богатых домах заворошились. Но на улицу выходить боятся. Только в окнах горящие нетерпеньем ожиданья глаза.

В пять часов вечера владелец самой большой аптеки в городе Рейзман не выдержал. Оделся, вышел на мертвую улицу и поспешно метнулся в соседний дом, потом в другой.

— Нельзя-же так! Надо казакам сообщить. Жутко... Как-бы не вернулись!—

Но смельчаков не находилось. Как за город выехать? Грязных мысль подал:

— Ударить в колокол по пасхальному!—

На это добровольцы нашлись. Смехом переливчатым разлился над затаившимся городом трезвон праздничный.

В нагорной церкви Рейзман звонил.

После вспоминали и смеялись:

— У нас еврей и то в колокола звонил!—

Рассчеты оправдались. На звон выехал на разведку казачий отряд. Купеческий сын Митрохин в подзорную трубу увидал, сел верхом и навстречу поскакал.

Когда в'ехали казаки, улицы были уже шумны и живы. Нарядная толпа встречала их приветственным торжествующим гулом. Купцы чуть в ноги лошади атамановой не кидались. От радостного рева главных улиц еще тише, мертвее казалась слободка.

Бывший становой пристав Колбенцев в тюрьму кинулся. Визгливым тенорком у камер закричал:

— Политические есть?—

— Есть!—

— Выходи. Свобода!—

Городу суждено было вписать в свою историю еще один для анекдота пригодный эпизод: становой политических освобождал.

Феоктистов всю ночь томился гнетущей тоской. Говорили: из тюрьмы большевики заберут с собой. Не взяли никого. Когда раздался звон, тоже догадались об отступленьи, но все не верилось. Пошатываясь от радости и ударившего в голову ясного, морозного дня, он пошел, по улице. Хотелось скорей, скорей домой.

Но на улицах толпа задержала. Знакомые:

— Здравствуйте! Поздравляю! Радость-то какая.—

— Благодарю. К своим спешу!—

— Жена ваша здесь. Вас ищет.

На площади опять затор. Но здесь не крики приветствий, а гневный вой и рев. В чем дело?

Посредине площади пять рослых казаков стегали нагайками двух в солдатских шинелях. По лицу, по глазам... Закрываясь руками от ударов, один упал. На него насел казак. Стал бить прикладом по голове остервенело, долго. Другой кружил по площади. Точно плясал под удары нагайки.

— Что такое?—

— Двух красногвардейцев поймали!—

— Проспали!—

— Так их, сволочей!.. Станичники, не жалей!—

Не выдержали и в толпе. Кинулись на подмогу. Грязных шубу сбросил, кулаками мертвых тузил. Еле оторвали.

Сжался, померк Феоктистов. Сразу радость освобожденья сгасла...

На другой-же день началась расправа с Форштадской слободой.

Пригнулись снова обитатели домов без запоров, принимая удары воспрянувших хозяев.

Но к упледшим в горы протянулись от слабодки нити.

Старик Полосыхин горную тропинку нашел. По ней в темноте ночи стали пробираться одинокие подводы с провиантом и письмами.

Писали: вернемся. Отвечали: теперь застоим.

Наростала новая волна грозного потока.

Л. Сейфуллина.

Тагульские сонеты.

В. Правдухину.

I.

Рожденный льдинами заоблачных Саян
От юга к северу он мчится через горы,
Оставив на пути змеистые проборы,
В преградах каменных безумьем обуян...

Недосягаемо-далекий Океан
Под мерзлым полюсом раскрыл свои просторы.
В ночах магнитными лучами осиян,
Приняв на грудь от звезд горящих взоры.

К нему, великому, стремит струи Тагул,
Но, выбившись из сил от бешеного бега,
Слабеет, наконец, и вод покойных нега
Равнинам говорит, что дикий дух уснул...
Чу, близок Бирюсы зовущий бодрый гул,—
Союзницы, как он, зачатой в недрах снега.

II.

Как плиты древние разрушенных гробниц,
Встают из-под воды в пластах наклонных сланцы.
Что мы прочтем на них, бродяги—чужестранцы,
Попавшие сюда под шум весенних птиц?

Мы иногда своих не различаем лиц,
В конвульсиях больных порою видим танцы:
А знанью нашему нет, кажется, границ,
И мудрых книг полны в походе наши ранцы,.

Зловещая шуршит, волнуясь, шивера,
За ней грозится пасть скалистого порога.
Опять вперед зовет проклятая дорога,
Опять вперед и вверх, и завтра, как вчера.
Угрюмый шестовщик следит на лодке строго,
А сланцев слюдяных поверхность так сера.

III.

Вступили мы в глухой холодный корридор,
Где пол—вода, а стены—скал громады,
Как неприступные сплошные баррикады
Для Бога Дьяволом под'ятые в отпор.

И к небу тщетно мы возводим блеклый взор,
Но в узкой полосе без солнца нет отрады;
Суров столетних пихт готический узор,
Рассерженно ворчат седые водопады...

Идем настойчиво без мыслей и без грез.
И ширится эмаль лазури горделивой.
Вот теплый ветерок откуда-то принес
Нам аромат цветов, качнув камыш за ивой,
Где самка крахаля проводит в тихий плес
Свой юркий выводок, беспечный и пугливый.

П. Драверт.

В стране снегов.

I.

Сквозь сосны—синь; в заре пурга.
Снег в ухо, в глаз—веселый хруст.
Сух жар овчин; и на ногах—
Пимы: на каждом алый куст.

Звон хвой—рассказ. Я не могу:
Лес глух, и некому сказать.
И прямо так вот—на снегу
Брусники красные глаза.

С ног сбился. Вот уж сторона!
Шум зелен,—выйти нет пути.
Звезд иглы шьют; ковром—стена...
В синь солнце надо-бы ввинтить!

Крик мертв, и желт лесной туман.
Дым изб?—напрасно; всюду там
Лап когти, стужа, зорь бурьян,
Темь утра бродит по кустам.

Синей и суше сосен гул.
Я бахнул из ружья,—но тишь.
Вдруг кочет голосом спугнул
Мой страх; в глазах сугорбость крыш.

Бред. Сосны. Кедры. Синь и ель.
Глух посох, слепнет поводырь.
На соснах клочья, снег—кудель,
Гудит тайгой в душе Сибирь.

II.

Как сладок белкам тут орех!
Желт ветер,—близок-ли курень?
Заря в глазу пьяна, как грех,—
Грех нужен; им зачался день.

Мне дик колчан. Ружье верней.
Визг стрел—ущерб и старина.
Шаман убит; поселок злей,—
Зло пыжит сосен тишина!

Гор много белых; я один.
Шум птиц похож на бабий смех.
В сосне—суровый рокот льдин,
Тюлень и морж, заря и снег.

Стынь колет щеки, вьюжит грудь.—
Строг путь бураном,—чем дышать?
Сто верст—сосна, куда свернуть?
В карягах нечисть, сонь и гать.

Глушь утра. Ветрено. Аминь.
Путь глух: туман, ни звезд, ни вех.
Но ветер синь, таежно синь,—
Так синь тунгузок душный мех.

Соль—море. Ветер—океан.
Кустарник сух, заря желта.
И сыплет в бороду шаман
Губ тряску: бум—бурум—тата!

Рвет ветер; хмур таежный круг.
Волк сыт; он пасмурен и зол
Лед—сгусток рек, дождей и вьюг,—
Я Лену храбро перешел.

Устал, стою. Скрипит сосна.
Костер спалить, живым—ли лечь?
Как шаньга над сосной луна
И—степь в лесах блестит, как меч!

III.

Лед, снег, сосна, Камчатка, ширь.
Ширь наша вся,—куда Ермак!
Лед, снег, сосна, Байкал, Сибирь,—
Русь гонит вдаль свой каждый шаг!

Лес—сказка; снег из темных стен.
Смоль пахнет даже в лютый снег.
Сибирь—зимы сосновый плен
И зорь степных ночной разбег.

Путь крут: Восток, где горы волн
Качают солнце, где песок—
Лензолото, а ветер—соль,
Где шум сосновый так высок!

Люб лес и лятла четкий стук.
Лазурен день и чуден край.
Густ лес, и зелен каждый сук,
Бьет в шапку шишкой: не зевай!

Толпа речушек, гор и скал.
В ушах плывет «бубновый туз».
Гром льдин—промчавшийся Байкал.
Утоп в снегах седой Иркутск.

И пахнет чаем. Желт Китай.
Глаз узких чайная тайга.
Сер наш мужик. Но чуден край:
Как топь—таежные снега!

IV.

Изб—темный круг. Но весел день.
День—зорь крылатых перелет.
В окно—сосна, в крыльцо олень
Копытом выточенным бьет.

Изба в снегу. Крыльцо в резьбе.
Просторны сени. Пол скрипуч.
Гудит тайга в седой трубе,
Тайга темна, а день линюч.

Сух кедр; палят печную кладь,
Кот спит на лавке. Девка—бой
Мигнула, скрылась,—и опять:
В глухом окне туман лесной.

Тоска и сыть в любом плече.
Изб новых в соснах сытый ряд.
За чаем дед о калаче
Мне долго с бабкой говорят.

Жар в кость ударил. Но—хитры:
Москва—сыта-ль, да как в Кремле?
Пьют чай—один за семерых—
В глухой, таежной, вьюжной мгле.

В окне тайга: сосна к сосне!
Снег щерит белые клыки.
Дед в ночь лежанку отдал мне,
А дочь—кольцо свое с руки!

Петр Орешин.

ПАУТИНА.

I.

Сегодня он получил извещение, его срочно вызывали в город.

С Назаровым так бывало и раньше: несчастия будто и не было, все обстояло внешне благополучно, но в душу вдруг прокрадывалась шершавая и нудная тревога: словно кто надоедливо и неотвязчиво перебирает горячими пальцами по нутру и никак не хочет дать покоя. Тогда—уходил в себя, становился резким и грубым. Людей не хотел видеть. Но мир от этого не обесценивался, наоборот, казалось ему, что он нес с этой злобой в душе ценное и значительное: в крепкий и плотный узел в такие моменты он завязывал свою горячую кровь.

С таким чувством он в'ехал в свой город, возвращаясь из деревни.

Но в живой сутолке встречи со старушкой-хозяйкой и ее дочуркой Нюрой, это моментельно улетучилось, как и пришло.

Хозяйка глухо стукнула самоваром, зашебаршила в ведре с углями и зазвенела трубой на кухне, и в этом теперь Назаров уже слышал отзвуки приятной, простой встречи с простыми и приятными людьми.

И в голосе Нюры пела все та же трогающая теплота.

— Бежим с Анюткой .. а у крыльца дядя Никита... в снегу весь, чисто дядя Мороз!... Смеется... Я сразу подумала: дядя-Вася!... А он: на чаек с вашей милости, Анна Петровна...

Нюра захлебывается от восторга, звеня радостью.

— Я чуть не брякнула посуду то... Вбежала, прямо на дядю Васю!

Назаров вешает в темноте свою солдатскую шинелишку, но видит ясно, как там за стеной широко смеются круглые глазенки Нюры.

— Ну, будет, заткнись, Анна Петровна, улыбаясь притворно-сурово шамчет на нее старушка:—Неси скорей лампу-то... Не брякни о пол-то... Да, тише ты, коза, не опружь, мотри! Пожару наделаешь...

И ее лицо—маленькое в кулачек, лучистое коричневое, как печеное яблоко, видел Назаров. Как старинная икона богоматери для старовера, это коричневое лицо было для него полно значения и живой глубины.

Хотел он сразу спросить о Тане, но сдержался: засмеется коричневая старушка, залучится лицо ее, и еще моложе и значительнее зазвенит ее голос. Кровь прилила в лицо от ожидаемой улыбки старушки, широко и стыдливо стало на душе.

Спросил громко:

— Миха давно был?

— Утром сегодня наведывался, вас ждал,—залучилась пуще радостью старушка,—сам себе самовар ставил. . Пел... Сказку нам с Нюрой читал...

— Дядя, он про звездного принца читал!—звонко перебила Нюра.

Назаров ждал: вот сейчас хозяйка заговорит о Тане, знал—заговорит целомудренно, бережно, открыл словам место в своей душе: горячо и глубоко упадут они туда, но старушка молчала.

Нюра с торжествующим, светлым от лампы и счастья лицом, вошла, оглянулась на него и снова также торжественно скрылась за дверью.

За стеной громче заговорила глухая труба.

— А еще кто был?

Старался говорить спокойно, но голос чуть-чуть дрогнул, снизился. Волновался. И снова замер в ожидании. От нетерпения стал разбирать корзину, присев на корточки.

— Да бывали... только без вас шуму уж такого не было,—пожалела старушка.—Не пели. Один Миха гомозился.. А то больно тихо. Этот белобрысый, прыщеватый, как его, Чубаров, што ли... молодой парнишка. Молчит всегда. Придет, посидит и уйдет—не услышишь. Иван Семеныч заходил. Гордей все в книгах рылся. Да все обычные гости ваши..

И у ней голос оборвался. О Тане ни звука. Думал: нарочно бережет к концу, нарочно лукавит старушка, пытает, чтобы сам спросил.

— Да... Еще один был. Новый. Вчерась. С Таней заходил,—резко и неожиданно вырвалось у хозяйки.—Черномазый.. в очках на длинной веревочке... в шубе... гладкий такой, великатный... барин. Все прощенья просил. В комнату не пошел. У двери дожидался. Да там,—голос зазвенел, но не радостью—другим чем-то,—Таня записочку, сказывала, оставила для вас. .

Записочку?

Назаров оторвался от корзины, обернулся к столу, схватил большой белый конверт:

— „В десять 6/I. Обычная в обычном. Хо-о!!"

— Не то. Это о собрании: Михина наивная конспирация и чудачество. Но причем тут „Хо-о!!" Ага... вот еще.

Маленький синий конверт спрятался за большую, неуклюжую чернильницу с отбитым горлышком.

Узкие, продолговатые, чуть-чуть неровные линии букв.

Это от Тани—ясно.

„Вася, я не знаю, что писать тебе и как... Ты умный и чуткий. Может быть, ты и тут поймешь меня и даже не осудишь. Ты не должен осудить, ведь ты же всегда говорил мне о свободном, „вольном, как безконечность" чувстве...

И ты об одном просил меня: никогда не лгать. И я не лгу и говорю: я ушла к другому. Эт невероятно, это неожиданно и для меня, но это так и это непоправимо... И ради всего—(тут былр зачеркнуто, но Назаров разобрал „прошлого") святого, ради твоей любви к жизни, не вини его, когда ты его узнаешь. Я одна во всем виновата до конца. Ведь, я же тебе говорила, что я гадкая, мерзкая. Ты его не знаешь. Одно скажу, хоть и тяжелы, неуместны оправдания. что я не к врагу ушла, чего ты боялся, я с тобой на одном пути. Впрочем, теперь порой кажется, что мне все стало безразличным. Прости меня, мне страшно тяжело. Об одном прошу: не говори со мной об этом при встречах, это моя последняя к тебе просьба.

То, что нас могло бы связать, я вынуждена буду уничтожить, и ты, кажется, раньше ничего не имел против этого.

Татьяна Лунева.

(Карандашем). Карточку свою я унесла. Я изорву ее".

Поднял медленно голову, еще не совсем верил словам, но нет: белая стена так значительно распахнулась во все стороны своей непривычной пустотой, золотая девушка не смотрела с нее, осталась лишь одна блестящая стальная точка кнопки. И на ней полумесяц—маленькая вырезка. Сразу поверил всему до конца, понял все—вплоть до недомолвок и тона хозяйки.

Ну, что-ж? Казалось, что не задело, прошло мимо. Даже наоборот, как то удивительно легко и беспечно стало, словно уронил в море большую ношу, от которой мог разбогатеть, но мог и надорваться... А теперь ничего: пусто, легко и свободно снова.

— Как неожиданно и как просто. Ушла. Конечно, это ее право. Жизнь большая. Но она к нему—одному—ушла! Кто же он?—Остро загорелся Назаров, никогда не допускавший мысли, что может встретиться в этом мире человек, дающий больше там, где Назаров отдавал всего себя—весь мир. Откуда?..

А! этот великатный барин с очками на веревочке. Сразу нарисовал его. Сразу убедился глубоко и бесповоротно—негодяй. Как он смел отнять ее у него, чем? И как он смел убить моего ребенка? Это он настоял на этом. Мерзкая гадина!

Горячие пальцы опять вернулись: они жгли нутро, заполняли его сплошной скачущей лавой, охватывали все тело изнутри и остро ударяли в голову. А она... девушка с золотыми волосами!

Вздрогнул: за спиной громыхнула о пол, ненужно и нахально, жестяная труба.

Господи!—тихо ахнула коричневая старушка, и опять тихо.

Молчат. Знают? А, может быть, нет.. Главное, чтобы они не узнали—коричневая старушка и особенно светлоглазая Нюра. Остальное наплевать.. Молчат. Видимо, знают. Иначе, почему же молчат? А впрочем, на все наплевать.

Сжался. Хотел все раздавить в себе, убить до конца все чувства... И вдруг быстро, больно и глубоко запела по телу кровь.

— А ребенок?

Снова в руках письмо:

„Я вынуждена буду убить.."

— Вчера писала. Еще не успела, если не лжет, сволочь!

Рванулся чтобы бежать к ней Шагнул за шинелью. Оборвал вешалку и бросил шинель на кровать.

— Нет, не пойду.

Привернул коротко лампу. Сел на кровать.

От мук и болей выработал раньше средство: лечить себя мыслью о смерти, близость которой ощущал не раз в жизни. Помогало. Рождалась легкость. Охватывала, буйная, пьяная жадность к жизни

— Наплевать. Все проходит!..

И сейчас попытался.

— Умру... исчезну. И ни-ко-гда уже не буду... Нигде!

Черным крылом вымыло ощущение пустоты: ходят люди, смеются, чай пьют, все такое обычное—вплоть до мелочей—старых самоваров, улыбок, смеха милых девушек, а его нет совершенно...

— Меня уж никогда не будет... Даже закурить не смогу... Улыбку ребенка не смогу увидеть... *Никогда*!

Последняя точка—безмерной ужасающей тоски... обрыв. Ничего не останется, никто не вспомнит..

И остро до безумия захотелось остаться и после себя в мире...

— Мой ребенок. В нем! И его хотят убить!

Мерно закачался от мук, застыл...

... Стукнула входная дверь. Казалось, не слышал. Кто то шумливый, мохнатый как медведь, мягко ввалился в дверь. Кричал раздельно и сочно.

— Хо-о, Микандра!.. Ты што-ль? Здравствуй! О, язви-те в душу-то! Двадцать лет не видались. Пойдем выпьем што-ль, тудыт твою мать!

Совсем еще, ясно не узнавал, не думал, кто это, но чуял что-то родное, близкое, горячее, свое лапит его крепкими руками, мажет по лицу пахнущим острой дубильной краской полушубком:

— Хо-о!

Не то легче, не то тяжелее стало Назарову: тяжелое поспешно уходило, но еще сжимало горло резким режущим удушьем.

Встряхнулся.

— Миха. Ты? Чего ты орешь?

— Э, нет!.. не скажу, милейший!.. Нет! давай рупь-целковый, крепко бросил перед собой широченную ладонь: —давай, язви-те в душу-то, тогда расскажу.

И тут-же бурно, с восторгом начал рассказывать, как вчера на барахолке, где он „реализовал подушку—свое последнее наследие буржуазии",—он уви-

дел встречу двух старых казаков и так именно приветствовал один из них другого—„Микандру".

— Нет... ты слушай. Хо-о!

Миха пускал звук из глубины, из широченной своей груди—сочно, полно, ядрено

— Хо-о!

— Куда, там тирольцы с голыми ляшками! Ей-Богу! Ты вообрази. Старый казак с рубцами на лице, с историческими шрамами, вот с такой седой бородищей... Зверюга, косматый, матерой... Доисторический бронто-палеонто-ихтиозавр!—сляпал с довольной, наивной миной он дикое слово.

— Плечи-во-о!

Миха с силой раскинул руки по комнате от стены до стены.

Вот такой зверюга рычит: Хо о! Нет, слушай, слушай. Хо-о!

И сам, как медвежонок, склонившись прислушивался к звуку и довольно крутил головой и хохотал от удовольствия...

— Сколько в нем этой „жизнищи",—подумал Назаров Михиными словами и как всегда глядел с мрачной улыбкой из-под своих черных бровей, нахмурив лоб, на эту кудлатую белобрысую голову, на белесое лицо с наивными ребячьими глазами и чувствовал, что и сам он, как ребенок, увидевший старую забытую игрушку, светлеет...

Нюра внесла два стакана с чаем и тарелку, нагруженную пирогами.

Миха на лету схватил кусок побольше.

—Это дело!.. Сейчас мы его того, прелестнейшая фея... тиснем! Хо-о!

— А вы дяде Васе оставьте!

— Не бойся, Нюра. Я ему все не дам. Лопнет,—улыбнулся ей сверху Назаров

Сидели, пили чай. Миха вставал, шумел. Назаров коротко рассказал о своей поездке в деревню.

— Ну, а у нас тут что? Зачем я вам нужен?

— О, много... Ты ничего разве не знаешь еще?

— Откуда?

Взглянули друг другу в глаза: ясно видели, что оба хорошо что-то знают и оба знали в то же время, что сейчас об этом говорить не надо.

— Я еще никого не видел, .

— Ну, так вот, милейший. Приехал головарь... областной гусь...—Миха зашептал слова, не говорил, а словно ел что-то вкусное, и лицо у него стало еще наивнее—совсем ребячье; только длинные белесорыжие усы были теперь совсем лишними...

— Шпентель такой!.. Мерзав!..—повысил было голос, но тут-же сорвался. Опять оба поняли и опять знали, что не надо об этом говорить. Назаров задал несколько специальных вопросов о полномочиях, явке приехавшего и получив ответ, задумался.

Миха опять зашептал: -Узришь сам сегодня... Сподобишься... Видел мое титло?.. Вызывает нашу троицу боевиков, ставит вопрос об охоте... Я против. Неужели ты „за"?

— Я всегда готов... А теперь—особенно,

— Почему теперь?—Опять осекся и спохватился Миха, и вдруг неожиданно покраснело до смешных залысин его круглое лицо.

— Не понимаю... Как можно так не любить, не чувствовать жизни, чтобы отказываться от живой борьбы и идти туда, в дыру!—рявкнул Миха.

— Тише, чорт... Хочешь еще чаю?

— Нет!

— Тогда двинем,—ясно и деловито скалал Назаров.—Шора. Дорогой я докажу тебе, как дважды два четыре, что ты не прав.

— Докажешь? А это?..—Миха уже от двери лукаво ткнул ему под нос свой крепкий кулак, из которого задорно торчал большой палец, легко и молодцевато повернулся и двинулся вперед, перекликаясь весело и широко с коричневой старушкой и Нюрой. Хохотал.

Пела ответно из-за стены хозяйка и задорно радостно звенела Нюра.

II.

Собрание было за городом в тайге, в заброшенной старой даче. Рамы были без стекол, и их снизу закрыли досками, отодранными Михой и Назаровым с террассы. В углу вытянулась вверх черным хоботом железная печка: одно время Миха и Назаров квартировали здесь. Снаружи выла и билась в тонкие досчатые стены неожиданно разыгравшаяся мятель, взмывала вверх и, опадая, глухо ударяла в крышу. Сверху в широкие щели прорывался легкими рваными клочьями белесый снег, и падали серые полосы света.

У двери жался неясной тенью тонкий Чубаров, Миха сидел на столе, слева от председательствовавшего Лепорского. Справа поникла Таня. Огня не зажигали. Курить было запрещено,—это именно больше всего и злило Назарова: так ему казалось. Он сидел в пустом темном углу прямо на полу и кутался в свою серую шинель. Посиневшие большие руки старательно прятал в узкие рукава. Перед ним на белом табурете поблескивал синими пятнами его новый наган. Все время молчал.

Спор продолжался больше двух часов. Спорили главным образом Миха и Лепорский.

— Меня удивляет,—мелодично, красиво, не волнуясь, говорил Лепорский, что здесь я встречаю оппозицию по отношению к вопросу о терроре... и как раз среди боевой тройки. Правда,—в голосе Лепорского послышались пренебрежительные нотки иронии,—самый испытанный член ее товарищ Назаров, повидимому, не возражает, но вот товарищ Орлов почему-то не хочет согласиться. Он не только тактически не приемлет террора, но у него чувствуется и идеологическая, принципиальная трещинка в убеждениях ..

— Идеологическая... Идеологическая!—передразнил зло Миха, передавая еле-заметную словно красиво напухшую картавость и пафос Лепорского:—при чем тут „идеологическая"?.. Мы создавали тройки—и по своему почину- во время корниловщины, держали эти штуки про запас, на случай появления толстосумов, Тит Титычей и генералов.. Я так понимаю. А теперь... Да где у вас, чорт возьми, наконец, грамота от нашей достоуважаемой пуповины-цека?.. Выкладывайте!—взревел Миха.

— Позвольте, позвольте, товарищ Орлов,—поблескивал мягкими, круглыми темными глазами Лепорский,—что большевики—контр-революционеры, это в достаточно ясных формулах зафиксировано последним с'ездом. Что касается постановления цека, то к чему этот вопрос? Связи нет, а медлить нельзя ни секунды .. Ведь не мы нападаем, на нас нападают. Мы не знаем, что будет с нами через пару дней...

— А вы уверены нутром, кишками своими, любезнейший, что эти штуки дадут плод?—спрашивал Миха со страшной настойчивостью, наседая на Лепорского своей мощной фигурой запорожца. Серые глаза его лукаво и наивно резали светлый сумрак.

— Я понимаю, мы стреляли в фаянку красномордого жандарма... Это чудесно! Ух!—потряс он вдруг кулаком в воздухе.—Бить мертвых... безглазых! Это чудесно! Но палить людей с красным знаменем, палить в них .. может быть, ошибающихся... Эсо простите меня... Леруа пардон! Лимонад!—как извиняются русские парни. Да, да!.. Мы все залезли в дыру... и они и мы, но они бьют прежде всего в морду буржуя, чорт возьми! . А его всегда надо бить. Ибо его существование мне личное, жестокое оскорбление!

— Ого! Договорились. Старая интеллигентская песня!—Лепорский в такт словам откидывал рукой в перчатке упавшие на лоб пряди волос из-под барашковой шапки. Народ—святыня, культ, это—своеобразное толстовство. Розовые ленточки институтки на бараньих рогах. Наша цель определенная—дезорганизовать ряды врагов, идущих на нас Вся их сила здесь, ее необходимо разбить! И мы вершим не убийство, а именно для прекращения в дальнейшем массовых убийств приводим в исполнение смертный приговор над людьми, которые хотят разрушить государство. Другого исхода нет.

Назарову казалось, что он раньше—до того момента, как увидел Лепорского, сам держался тех же взглядов, которые развивал теперь Лепорский. Он был убежден, что если бы не неожиданное появление Лепорского, он сам бы скоро поставил перед тройкой этот вопрос. Ему казалось, что это знают и остальные. Но в красивых, лощеных фразах Лепорского была какая то фальшь, какая-то тайная, задняя мысль. Назаров почти догадывался о ней, но пока презрительно отметал ее. Взглядывая иногда на Лепорсского, его красивые руки в перчатках, выразительное лицо и непреклонный тон, он чувствовал, что Лепорский добьется того, что поставил своей целью—и порой вихрем выспыхивала в нем злость, и он готов был резким ударом разрушить его планы. Но тайная боязнь, что вдруг другие сочтут это трусостью, изменившей его убеждения, а главное, какое-то упорство и самолюбивое, гордое нежелание говорить при Тане с Лепорским удерживали его от участия в споре.—Зачем это он так часто снимает и надевает пенснэ?—подумал он презрительно о Лепорском.

На один момент ему показалось, что они уже встречались где-то с Лепорским и встречались, как враги. Усмехнулся над своей романтической фантазией, от которой повеяло дешевым бульварным романом с приключениями.

Вы эти красивые слова оставьте, милейший!.. Здесь не верхняя палата лорд мистеров!—сзлился Миха, соскочив со стола:—Ими вы меня не прошибете... Что вы изрекаете словеса, как непогрешимый папистый Будда! Да скажите ему, наконец, товарищи, что нельзя стрелять в рабочих и крестьян... Таня что-же вы молчите?—горячо метвулся он к ней, но что-то вспомнил и сразу осекся, растерянно застыв посреди комнаты.

— Не в рабочих, а в тех, кто обманно ведет их к неизбежной гибели.. Зияющей пропасти!—вспыхнула звонким огнем светло-рыжая Таня, словно ее оскорбили: да наконец, когда это, товарищ Орлов, наша партия шла за толпой?

— Но она никогда и не стреляла в нее! сдержанно, зло бросил Миха.

Назаров во время последних слов сидел неподвижно, устремив взор на табуретку, где спокойно поблескивал его наган. На Таню ни разу не взглянул. Мусолил во рту папиросы. Бросал и снова незаметно для себя доставал новую. Неожиданно увидал, как по нагану взбирается большой белесо-серый паук. Мягко покачиваясь на высоких тонких ногах, замер на секунду, двинулся по табурету к нему. На краю остановился, тонкий, бескровный он как-то безжизненно остро закачался, словно готовясь раскинуть свою противную паутину.

— Откуда он тут зимой?—

С неприятной, словно даже немного жуткой брезгливостью раздавил его папиросой, отшвырнул в сторону и резко поднялся на ноги.

— Может быть, довольно митинговать?

Большой, высокий, сутулый, он раздраженно и быстро прошелся по комнате: доски хрипло и глухо охнули под его ногами,—остановился перед Лепорским и презрительно-зло спросил:

— Разрешите закурить?

— Не могу... воля собрания,—с легким пафосом ответил тот, разводя руками.

— Ну тогда вот што... довольно канитель тянуть!

Губы, щеки нервно передернулись у него, черные узкие глаза сверкнули.

— Вношу предложение, голосовать. Первое: кто за убийство?

— Террор,—мягко поправил Лепорский.

— Ну, пусть будет террор... что-ли!—злобно-презрительно подернулся Назаров.—Второе: кого в первую очередь? И жребий. Надоело! Мы не мальчишки, чтоб разубеждать друг друга. Домой пора!

— Хорошо. Возражений нет?

Лепорский быстро поднялся и слегка склонился над столом.

Таня вскинула на него свои большие зеленые глаза, но тут-же поспешно, почувствовав Назарова, опустила их и снова сжалась.

Миха шлепнулся в угол на место Назарова, вобрав в плечи огромную голову в рыжей папахе.

Чубаров зачем-то открыл дверь. Все оглянулись: из темной дыры мягкой и легкой волной плеснула стихавшая мятель.

— Закрой, чорт!—огрызнулся Назаров.

— Голосую... Кто против террора?—Лепорский изящно и быстро вскинул пенснэ и тусклo блеснул ими, оглядывая всех.

Миха вытянул голову, опершись руками о пол.

— Позвольте:—вспылил Назаров, бросая под ноги измусоленную, незажженную папиросу:—я не так поставил вопрос. Я предложил: кто „за"?

— А разве это не безразлично?.. Я полагаю здесь воздержавшихся не будет.

— Нет, не безразлично!—резко и глухо сказал Назаров со страшным упорством, глядя пристально на Лепорского—Вы делаете только то, что угодно вам, а не собранию!

— Напрасно так думаете, товарищ Назаров. Я никогда этого себе не позволял и не позволю,—чуть чуть насмешливо сказал тот:

— Кто за террор?

— Я против,—упрямо и нервно бросил Миха.

— Я спрашиваю: кто „за"?

— Я хочу сказать...

— Я вам слова не давал, товарищ Орлов,—решительно оборвал Лепорский.—Кто „за"?

Чубаров и Лунева медленно подняли руки.

Назаров небрежно мотнул по воздуху посиневшей рукой.

— Я присоединяюсь,—поспешил добавить Лепорский.—Кто против?

— Да ясно-же!.. Назаров нетерпеливо пошел к двери.

— Кто против?—настойчиво и любезно повторил Лепорский.

— Я против,—брезгливо сказал Миха.

— Принято. Кого из намеченного списка в первую очередь?—

— Военспеца Павлова,—медленно сказал от двери Назаров.

— Я со своей стороны предлагаю еще комиссара Медведева,—поспешно добавил Лепорский.—Полагаю двоих вполне достаточно. Возражений нет? —

Все молчали.

Миха взглянул вопросительно на Назарова, но увидев, что тот застыл у двери, отчаянно махнул рукой.

— Хорошо. Принято. Теперь жребий... Я, как известно вам, не имею права участвовать. Товарищ Лунева не входит в тройку и может не участвовать, присутствуя как представительница здешнего комитета...

— Ну чорт с вами, милейший!—вдруг весело встрепенулся Миха, легко вскидывая на воздух свое полное тело.

— Товарищ Орлов. Призываю вас к порядку. Это не от меня зависит. Я не имею права...

Знаете, робя! —не обращая внимания на слова Лепорского, загорелся Миха.—Давайте канаться! В чижика сыграем. Я люблю это. У-ух! Чудесно! Чубарка! давай твой „прозябший" жезл. Кто сверху, те двое идут... с визитом к богу,—сострил Миха.

Лепорский усмехнулся с презрительным снисхождением, пожал плечами, но возражать против необычной „жеребьевки" не стал.

Подошли к Чубарову. Миха ловко схватил палку, подкинул ее и поймал за нижний конец.

— Эх, ты палочка-стукалочка—выручай!

Назаров спокойно положил руку на палку—за Михой.

Чубаров, как автомат, отделился от стены, неловко бросил на стол черные варежки. Одна упала на колени к Тане. Та вздрогнула, повела глазами вспыхнула:—И я иду!

— Но ведь вы...—начал было Лепорский.

— Хочу!—решительно заявила Таня.

Лепорский недоуменно вздернул плечами.

Миха состроил довольную мальчишескую мину, высунув язык.

Таня быстро отделилась от стола, Подошла. Потянулась к палке.

Назаров в это время неожиданно отвел от палки свою руку.

Таня загорелась и крепко и плотно охватила палку маленькой рукой в белой перчатке.

За ней Чубаров. Потом Назаров.

Мелькали медленно руки в сумраке комнаты.

За окнами тихо взмывала порывами утихшая мятель.

Сверху остался небольшой—вершка в три—конец палки. Назаров, растопырив длинные пальцы, закрыл его весь, выставив вверх большой палец.

— Ну, нет, милейший Вася! Лукавый царедворец! Не финтить. Лимонад!

И Миха резко сдвинул его руку, цепко ухватившись за конец:

— Хо-о! Я говорил, что я люблю играть в чижика... И мне всегда талан. Ваше величество—светлейший генерал! Илу на вы. Держись, любезнейший!

Казалось, он действительно собирается играть в чижика: присел на корточки и ловко сжонглировал в воздухе палкой.

— Я убью Медведева,—медленно и очень спокойно заявил Назаров.

— Но может быть, товарищ Орлов, вы не сможете выполнить постановления?—с несколько нарочитой, довольной серьезностью начал Лепорский...—Во избежание недоразумений, я как представитель...

— Пошел к чертовой матери!.. Ах, виноват, прекраснейшая леди! Лимонад! Я-же заявил вам, что я прекрасно играю в чижика. И в городки. Чемпион мира! Таинственная черная маска! Не промахнусь... А что, Вася, если я в него из моей дульцинеи-двухстволки дуплетом, как медведя, сперва бекасинником, потом—жаканом. Иль вицлебен вернее? А может быть картечью?

— Через два—три дня я сообщу распорядок,—опять очень спокойно заявил Назаров.

— Чудесно! Чох якши! как говорят на Кавказе. А сейчас двинем на лыжах. Вася, ведь скоро весна!.. Полетят утки... Загогочут гуси!.. Хо-о! Пойдем на тягу, Вася. Хырк! Хорк!

Он говорил так, словно в помещении никого, кроме них не было. Сам слушал с видимым удовольствием звуки, склонив набок голову.

— Ладно. Сейчас. Вот только два слова мне надо с товарищем Луневой...

— Сейчас?—удивленно взметнулась с молящей слабой надеждой Таня.—Я тороплюсь. Потом!

— Торопитесь?.. Потом,—тихо и размеренно, словно вдумываясь в слова, повторил—Назаров.—Нет! Сейчас. Мне нельзя будет ни с кем видеться, кроме Михи. Необходимо сейчас,—заявил он тоном приказания.—Миха. жди меня там... у оврага.

Таня вскинула беспомощно глазами на Лепорского. Тот молчал.

— Товарищи! будьте добры, оставьте нас на одну минуту,—с тихой властностью, не двигаясь, сказал Назаров.

— Уже поздно, товарищ Назаров,—любезно, но настойчиво возразил Лепорский, укладывая пенснэ в карман.

— Мне непременно надо сейчас, товарищ Лунева,—повторил Назаров, не желая прямо отвечать Лепорскому: чувствовалось, что он ни за что не уступит.

Таня растерянно блеснула глазами и сжалась:

— Хорошо...

— Если вам угодно остаться, я подожду вас на берегу,—с еле-уловимой иронией заявил Лепорский.

— Да, да... на берегу,—повторила, как эхо, безучастным тоном Таня.

Лепорский спокойной, мягкой поступью вышел вслед за Михой и Чубаровым, не прикрыв двери.

Мятель стихла, и в даче стало светлее.

III.

Белесый, дымный, как грязное молоко, сумрак мягко разлился по комнате серыми полосами.

Таня,—казалось, что она стала выше, тоньше,—стояла посреди комнаты, беспомощно опустив руки. Ждала.

Назаров прошелся раза три от двери к столу, пряча руки в рукава шинели. У полуоткрытой двери, слушал, когда замолкнут глухие шорохи шагов.

Вспыхнула папироса огненной, мелькающей сеткой и открыла его суровое, с крупными чертами лицо, резкий из-под-лобья блестящий взгляд.

Тишина. Сдержанный тихий вздох Тани. Опять тишина.

Перед терассой дачи широкая просека. За ней бесформенной полосой открывалась сумрачная даль - холодная, неприветливая, жуткая, уходящая в безвестное бесконечным пространством.

Назаров глянул туда—и неожиданно, живо ощутил, ярко осознал, что сейчас произошло нечто ужасно нелепое, чего уже совершенно нельзя поправить.

Метнулся было всем существом, но сразу захлопнулась черная тяжелая доска—мышья ловушка!—стало безнадежно пусто на душе.

А тут эта даль—серая, нудная! Она сразу заполнила, захлестнула его живым ощущечием, предчувствием своего темного, неизбежного конца.

— Так неожиданно...

И острое ощущение своего существа, вот сейчас бьющейся горячо крови, ноющей бессильной мысли, только усиливало жуть перехода в безвестное, беспредметное, неживое.

Деревья мертво и безучастно черной стеной застыли по сторонам. Серый снег уходил в даль мертвыми полосами. Холодные, черносизые простанства далекого неба.

— Все, это так-же будет стыть и после. Всегда. И от меня -ничего, никакого следа. Хоть бы отчаянный вопль собаки плюнул в эту темь!

Но знал, что нет у него и собаки.

Таня ждала. Знала, удар будет. Но какой, не знала. Страшнее всего. если он вдруг подойдет с тоской о прошлом.

Но он молчал. Большая, серая спина смотрела на нее безучастно и недвижно. Неуклюжая фигура в серой. солдатской шинели, казалось, совершенно забыла о ней. Скоро-ли?

Назаров тщательно затушил папиросу и закурил другую.

Тишина. Недвижная, ушедшая в себя большая, сутулая фигура.

— Меня ведь ждут!

Резкий, полный скрытой, сдерживаемой ненависти голос. Назаров словно прослнулся. Нет, он не забыл о ней, он только бессознательно, очень хотел, чтобы это так было как можно дольше: стояли-бы они молча вместе—в одной комнате—человечьей норе, еще не сказавшие громко друг другу, что они чужие.

Ее возглас был первым ударом, вернувшим его к действительности. Но он не захотел сразу заговорить с ней о своем больном и, не шевельнувшись, все—также стоя спиной к ней, начал распрашивать ее о Лепорском, так как явка Лепорского была к ней.

Таня насмешливо и ядовито отвечала ему, но Назаров сдерживал себя и долго, подробно распрашивал. Только когда в одной из ее фраз особенно резко и ясно прозвучала ненависть к нему, не выдержал.

— Таня! Послушай,—он живо обернулся к ней, шагнул,—послушай меня. Зачем этот тон? Еще ведь ничего не случилось! Ты просто ошиблась. Я знаю.

Вот оно, чего так страшилась Таня: суровый человек молил, как обиженный ребенок, это слышалось в его срывающемся, грубом голосе. Скрытые ноты нежности в нем оскорбляли ее.

Назаров подошел вплотную:

— Таня! -

— Уйдите.... Что вы делаете? Как вам не стыдно унижаться!— с истерической ненавистью и, казалось, брезгливостью медленно, раздельно и глухо проговорила она.

— Таня! Постой... Погоди... Ты пойми меня! Послушай.—

Назаров с трудом сдерживал себя.

— Я ни о чем не прошу тебя. Я хочу, чтоб ты поняла. Предо мной смерть. Черная пропасть... Дойди со мной до конца! Осталось так немного. Я не хочу от тебя больше ничего.

Он смотрел на нее, брезгливо отстранившуюся от него и в остатке его безнадежного порыва нежности рождалась уже—выпирала—резкая ответная ненависть. Но ведь в ней был он—его ребенок!

— Уходите!

— Я уйду,—опять сдержал он себя,—скоро уйду... и навсегда. И мне не надо ничего. Дай мне лишь слово—сохранить его и отдать, кому я укажу Мне это очень нужно теперь!

Последние слова вырвались у него откуда-то из глубины горячим и неожиданным всплеском.

— Уйдите!

Таня отошла к столу и стала к нему боком, отклонившись, точно ожидая удара:

Уйдите! Я не хочу вашего ребенка. Его еще нет... И не будет. Слышите, не будет!

Она выпрямилась, загорелась дерзостью, в голосе появились ясные и упрямые ноты злости.

Он почувствовал страшную безнадежность: она не услышит, не захочет услышать его. Она так далека от его первой и последней тоски.

Ты лжешь гадина! Он жив!

Что-то жгучее дико и неудержимо взметнулось в нем:

— Ты лжешь!

Схватил за руку, сдавил с силой. Раздавить-бы ее, расплющить-бы в ней эту упрямую тупую ненависть! Ведь где-то и в ней билось светлое, широкое, человеческое: она нарочно, злобно, как старуха, запрятала это. Куда?

— Ну, бей! Убей меня! Проповедник вольного, как бесконечность, чувства!

Вскинула голову, смотрела прямо, сияло лицо теми-же, что и раньше, глазами—светлыми, ясно-зелеными.

— Ы-ых!—глухо, как от невыносимой зубной боли, промычал Назаров, бросая ее руку:

— Гадина... Неужели ты не понимаешь Ты! Женщина!

Откуда-то из глубины опять и опять приливами взмывала безмерная, огромная, бесссильно мечущаяся ненависть к ней, теперь казалось, безликой самке.

— Пойми-же, хоть раз... ты! Открой свои уши, сбрось свою шкуру! Не я прошу. А ты сама—ты! Неужели не понимаешь? Ты—мать! Ведь всего семь месяцев тебе это будет стоить. Успеешь еще..... с этим лощеным мерзавцем!—резко и грубо в отчаяньи бросил он ей грязное ругательство.

Скривились губы, подергивались щеки у Назарова.

— Ну, а еще как сумеете оскорбить и изругать меня?—с холодным задором спросила Таня.

— Изругать... Боже мой! она слышит только руганы! О, сволочь!

Вместе с ненавистью в его голосе неудержимо и горячо плеснула широкая, острая тоска отчаяния.

Назаров отошел в угол и стал лицом к стене.

— Уходите!—нервно и глухо, дрогнув, сказал он. И сразу стал—и это увидела Таня—беспомощным, жалким, разбитым, как брошенная собаченка.

Таня быстро пошла к двери. У выхода остановилась:

— Вася, прости меня! Я не могу иначе.

— Уходи скорее, сволочь!—некрасивым криком глухо заплакал Назаров.

— Вася!

— Замолчи же ты, гадина!

Назаров, резко пригнувшись, стремительно бросился к двери мимо отстранившейся в испуге Тани.

Вокруг дачи остро-спокойно смотрел серыми полосами снег, молчаливо и мертво стояли темной стеной деревья. Чуть-чуть яснело небо; кое-где, мерцая, проглядывали звезды.

IV.

Назаров почти бежал по тайге, увязая по колена в снегу.

Впереди гулко разносилось: У-ух-ху-ху!

Это Миха гукал по-тирольски. Он уже стоял на лыжах крепкий, круглый, мохнатый. Назаров молча стал надевать лыжи, сбивая голой рукой налипший наполозья снег.

Пошли. Словно в тихом испуге шоркали по снегу длинные лыжи. Замаячили среди деревьев в сумерках ночи две странно-раскачивающиеся фигуры,— сначала неровно, неуклюже; но скоро ровнее и быстрее зашоркали лыжи и ритмичнее закачались фигуры.

Тайга спала. Отовсюду беззвучно дышала тишина. Огромные мохнатые деревья застыли: казалось, каждую секунду, что они только что шептались между собой и, внезапно, вот сейчас только, прервали свой шопот. Таинственно и четко реяли резные ветки, выступая то пухлыми белыми опахалами, то темными, тяжелыми мохнатыми лапами недвижно-притаившихся чудовищ Прислушиваясь к их тишине, тяжелыми пятнами низко нависло мутное небо. И только кое-где—в темно-синих полыньях облаков—остро и светло проглядывали звезды.

Тонули в темных, сумрачных выемках оврагов, скользили по ровным светлым полянам. Молчали. Миха чувствовал, что пока еще надо молчать: слышал, как неровно, прерывисто дышал Назаров.

Запутавшись лыжей в валежнике, Миха грузно шлепнулся в снег и не выдержал—охнул раскатисто:

— Гоже! Как балерина, прыгнул. Язвите в душу-то!.. Кажинный раз на эфтом месте!

Назаров невольно улыбнулся, глядя как Миха круглым темным пятном упрямо выкарабкивался из снега, фыркая и ругаясь. Едкое удушье, охватившее его на даче, уже проходило от движений, таяло от бега—на душе становилось легче: яснее и тише. Выезжали из лесу. Темным серебром махнуло в глаза огромное поле. Вдалеке гасло и умирало большим тяжелым пологом.

Взбирались на черный мост, неуклюжим зверем, крепко раскинувшимся над большим глубоким оврагом.

— Покурим.

Миха утвердительно и довольно хокнул, хотя и не курил: голос Назарова прозвучал ясно и спокойно. Светлым вспыхом проклюнула темноту спичка. Тлела одиноко розовато-красной точкой папироса; летела в овраг. За ней другая, третья...

— Ну, так-то Миха... Таки-то дела. Все теперь ясно и просто, как у мандарина в брюхе,—вздохнул откровенно и облегченно Назаров.

— Дела!—взвился Миха, словно от взрыва,—дураки вы все... и я с вами— первейший! Штампованный и утрамбованный. Чудеснейший б а л д а!—произнес он раздельно со страшным убеждением.—Бесповоротный, как жернов! Чудесно спели под дудку этого шпентеля... Брр!.. А впрочем—теперь на все наплевать с верхней полочки!—сказал он лихо.—Лучше глянем сюда. Видишь? Ширь-то какая. А сюда мотри!—Повернулся размашисто, словно размахнулся всей своей фигурой.—Тайга—словно храм, милых окаянных чертей! Мрачный, величавый, таинственный... И тихо, как у покойника в носу. Когда там еще нет червей. Эх, и широк-же мир!

Крепко выкинул руки в стороны, голову откинул назад, подняв лицо к небу и застыл.

Назаров видел, как смешно торчали усы у Михи и как по-детски поблескивали глаза. И вдруг Миха заговорил—вдохновенно, ярко и ядрено.

— Нет, к чорту! К чорту вас всех, дрягунов! Канатных скакунов! К черту! К весне упитаю свою фаянку и двину... на Черноморье. Для антитезы ощущений. Буду жрать под кипарисом арбузы... Сяду где-нибудь в Голенджике или Мюссере на берегу моря... под апельсином и лимоном и буду таращать лупала свои на бирюзовое море. И жрать!—Хватил цепко рукой по воздуху, словно действительно хотел оторвать кусок мира.

— Желаю, чтоб моему существу, как косноязычному Моисею, открылось особенное, нужное, новое, ценное всем людям!

Слова бросал редко, раздельно, словно вбивал толстые крепкие сваи в гулкую землю; короткие ноги, как два упора тяжелого моста, врезались в снег, казалось, крепко срослись с землею.

— А ты, Васька, мерзавец. Чувствуй и благодари. Лезешь в дыру! В паутину, как муха. Да я-б на твоем месте—с твоей то эрудицией давно-бы был... в Батуме! А впрочем,—добродушно, широко добавил он,—при выборе места, дружище, баранина всегда предпочтительнее разных гейзеров! И так, юный друг, ты со мной. Да? —вдруг сказал он ласково, задушевно, склонив на бок голову и прищурив глаза.

— Конечно... Теперь я вольная птица... с легкой горечью сказал Назаров: почувствовал, что здесь, в поле, можно говорить обо всем.

— Ага! Вот оно! Это ты про Таню! Наплюй! Я же тебе говорил: женщина всегда предательница. В каждом атоме своего существа. Я это знаю. И я, как старый селезень, когда вижу красивую женщину, ее зовущие, томные формы, говоря высоким штилем,—я только крякаю вот так: Ва-ах! и будет! Конец! Если-же уж очень разберет, покормлю ее шеколадом недельки две, ей вообще ни чорта больше не надо!—и атанде! Пошел дальше! Учись и ты „вьюноша нечистивый", как говорил мой отец старый киржак—подземный казак.

— Вероятно, ты прав, Миха!..

— Да уж поверь мне... Мне старому чорту и гениальному, как Серафим Саровский, ловеласу,—Миха был на пять лет моложе Назарова, ему было двадцать шесть лет,—поверь и пой песни... К чорту! Все к чорту! На свете есть только три вещи, достойные внимания мудреца: солнце, фрухты, (арбузы, главным образом!) и кипарисы!.. Остальное чепуха! Так што-ли, дружище?

Миха крепко потряс за локти Назарова и глубоко глянул ему в глаза—черные, глубокие, живые.

— А если тебе кто под твоим кипарисом да в рожу?—спросил тихо Назаров.

— А ты ему сдачи! рыкнул, как зверь, Миха.—Всенепременно! И обязательно. Сторицей. Да как можно хлеще! Гуще. В фаянку. Чтоб его, как ветром!.. И опять пой под кипарисом, как птичка.. И э-эх! Учись мудрости, пока я жив.

Нечаянно сказались последние слова, но оба почувствовали, ощутили живой смысл этих слов. Смотрели друг на друга в глаза, казалось—были одно, держали друг друга за локти, не верили, что это—их нее, общее, живое, такое крепкое сейчас, может стать скоро мертвым.. Безумно дикой казалась эта мысль, взметнулось огромное чувство жизни, заполнило все вокруг—поле, тайгу, небо, землю...

— А знаешь што, Вася?—таинственно зашептал Миха. И Назарову стало жутко от ожидания того, что скажет Миха, словно тот собирался снять с него какую-то страшную завесу, его прикрывающую, обнажить до нутра, до последнего предела.

— А знаешь что, Вася?..

Мгновенье,—взгляды слились совсем и испуганно разомкнулись.

— Знаешь что...—впервые чуть дрогнув, неровно и тихо сказал Миха,—

в тебе не кажется, что... тебе надо отдать в починку твою двухстволку? Правый курок у тебя немного фальшит. А то ведь скоро перелет?

— Дурак, выразительно и убежденно произнес Назаров.—Право, дурак!

Миха гулко, ядрено захохотал, скользнув упруго в сторону на лыжах:

— И поехали два дурака, домой, как гласит русская пословица,—проговорил он и снова захохотал еще более раскатисто и гулко, так что где-то глухо и коротко охнула заснувшая тайга.

V.

Через неделю—накануне того дня, когда Миха должен был убить военспеца, ночью его квартиру оцепили агенты Чека. Миха, запершись в комнате, начал отстреливаться и был убит в перестрелке одной из первых пуль.

Назаров еще раньше перебрался в свою запасную нелегальную квартиру, к рабочему жестянщику Гордею, жившему на окраине города. Эту квартиру никто из товарищей, кроме Михи, не знал.

Пришлось несколько выжидать.

И только сегодня ему самому лично удалось установить, что военный комиссар Медведев будет вечером в красноармейском клубе, куда он изредка заходил играть в шахматы. Лепорский, узнав от Тани о распросах Назарова о себе, захотел непременно присутствовать при этом, но Назаров его помощь решительно отверг.

Последние дни почти никуда не выходил. Лежал по целым дням в комнате; с миром сносился только через Гордея и раза два встречался на стороне с Чубаровым.

Только получив известие о гибели Михи, Назаров понял, что в нем до последней минуты бессознательно гнездилась надежда: Миха не пойдет на убийство.

Теперь рухнуло последнее, огромное и, казалось, все чувства навсегда умерли в нем. Все для Назарова стало безразлично. Читал целый день пустейшие романы и старался ни о чем не думать. Только когда видел или слышал маленькую девятилетнюю сестренку Гордея, с черными блестящими глазами, что то вспыхивало в нем. Вспоминал Нюру, старушку, и мысль пыталась бежать дальше. Но он легко останавливал ее, и все снова быстро умирало.

Вечером в семь часов—лежал на кошме перед печкой и равнодушно жег свои последние сохранившиеся бумаги.

Книги он раньше передал частью Чубарову, частью Гордею. Комната пустела. Неуклюже повисла на стене серая, длинная шинель. Неуютно смотрела деревянная кровать большим синим пятном скомканного истертого одеяла. На столе две-три растрепанных книги, да грязная разбитая чернильница. И все.

Безучастно смотрел Назаров, как догорали листочки бумаг; яркий, бездушный огонь одинаково весело пожирал их один за другим.

— Вот и последний... Что на нем?—Назаров устало повел глазами по неровным, черным строчкам:

— Сказочной и воздушной кавалькадой, озорной и беспечной, как и наша ватага ребят, по степи скакали круглые кусты ржаво-серого перекати-поле. Сшибались, цеплялись друг за дружку, громоздились в кучу. Налетал порыв ветра, они снова, как испуганные пушистые зверки, летели в рассыпную... Мы снова собирали их в кучу, огромное количество,—потом разом пускали их по широкой, безкрайней степи.—

— Что такое?

Эти перекати поле своими серыми колючими отростками словно укололи его слегка; что-то чут-чуть разбередили в нем...

Он вспомнил: это его юношеские наброски картин своего детства. Теперь оно уже далеко: оно покрыто и завалено большим грузом жизни; тяжело и окончательно раздавлено неуклюжим страшным мусором недавнего прошлого.

Он бросил листок в печь.

Вспыхнул ярко; скоро сгас и ровно затлел коротким синеватым огоньком. Потух. Потухали и угли в печке. В комнате повис темно синий сумрак.

Назаров медленно откинулся на кошму и закрыл глаза. Поплыли черные бесформенные клубы перед глазами... В городе длинно и серо прохрипел осипший фабричный гудок..: И оборвался. Опять захрипел. Долго не смолкал... Наконец, сипло гукнул два раза—замолчал.

Назаров забылся в бесвкусной сладкой дреме. Поплыл по смутным, тихим волнам. Чуть-чуть вспыхивало сознание, но ему нечем было питаться: на душе было пусто,—и оно вновь угасало.

— Спи дитя мое, усни,

Сладкий сон к себе мани!

наивно мелодично пела за стеной черномазая Лиза.

— Ишь ты,—подумал в полузабытьи Назаров почти с бессознательной слабой лаской,—братишку укачивает. Это все Гордей ее выучил. Чудак... Эстет! Меньшевик, а Фета, Майкова читает. Чудак...—Глубже забылся под ее пенье. Ушел в глубину свою, которой, казалось, никогда не знал.

Откуда-то пришла и замаячила серебристым ковылем степь; переливалась разными кругами красок, вспыхивали оранжевые, пунцовые, ярко-красные, огненно-сизые... А это что за краска?.. Да такой нет в жизни. Да,—да, нет. Вот-бы запечатлеть.

Краски жили, переливались, расплывались, уходили .. Ушли совсем.

А вот и перекати-поле. Он ловит их, хочет остановить, но, странно, их нет под руками, руки машут в пустоте, а перекати-поле ускользают: кто-то невидимый направляет их и они тихо бегут и бегут. Как их много! Целая армия! Вот они колышатся, как морские волны, и он сам, не ощущая их, путается в них, падает, они подхватывают его и несут... Как хорошо! Как бесконечно сладко безвольно качаться на них...

Да это совсем и не перекати-поле: это настоящие, широкие, ласкающие волны. Он покоится в них, весь отдался им, и в нем самом уже нет совершенно жизни: это ясно,—живет не он, а волны, огромные светлые, ласковые они шевелят его и ему кажется, что он живет.

А это кто?— Над ним стоит черный человек в барашковой шапке с красивым, кукольным лицом и словно молчаливо допрашивает его о чем то страшном; лицо страшно знакомо, но он никак не может его узнать. Зачем он здесь? Зачем он берет его, поднимает и отрывает от волн. Ему страшно: он-же знает, что без них он мертвый.—Не надо! Не трогай!—беспомощно по-ребячьи молит он. Но черный человек улыбается (какие у него красивые, страшные зубы!), мягко берет его подруки и поднимает вверх. Не трогай! Назаров отчаянно сопротивляется—и тут-же просыпается.

Так это во сне?—облегченно думает он. Теперь он лежит на большой деревянной кровати. Где же это он? Вспомнил. Это кровать его отца. Его придавило смерзшимся скирдом соломы, под'еденным скотиной, отец отрыл его и принес домой. Да, да... Вот и отец: он сидит с поцарапанными, большими руками, еще взволнованный и курит папиросу за папиросой .. А он—маленький Вася—с глубокой и благодарной любовью смотрит на эту папиросу с белым дымком и она ему кажется частью самого отца. И отец смотрит на него Как глубоко проникают в него эти усталые, темно-серые большие глаза. Какой страшный, близкий взгляд!—Да, что это?..—Лицо отца наклонилось близко, близко к нему...—Кто это дышет? Это не он дышет, а отец... Дыхание горячей струей разбегается по руке.

— Да, это дышет отец, дышет вместе со мной, из меня—тяжело с одышкой дышет. Где-же я? .. И где отец?—Но ведь он же умер. Я хоронил его,—с ужасом думает Назаров,—значит—умер и я... Нет, нет, я жив,—упрямо сопротивляется он и чувствует, как что-то горячее живое закапало из глубины его самого.

— У меня ведь скоро будет мой ребенок—точно горячая капля согревает его.—Мой ребенок,—думает он радостно,—Где он? Он во мне... Я его отдал Тане. А вот пришла и она,—женщина. У ней нет лица и вся она гибкая, страстная, зовущая... глубокая...—Я ненавижу тебя!—Женщина хохочет, отклоняется, ускользает... Назаров порывается за ней и просыпается.

Оказывается, он сидит на кошме и протягивает вперед руки.

— Что за чепуха? думает он. Голова болит, ноет тело.

— Не проспал-ли?

Светлый вспых спички. Часы. Начало девятого. Еще немного рано. Обычно сейчас приходили Миха и Таня. Где-то внутри неожиданно и ненужно заныла боль. Вспомнилась дача. Воспоминание повисло над душой, как большое, грязное и темное пятно.

— Наплевать! Пойду скорее...

Накинул шинель. Нахлобучил шапку.—

Ну, еще что? Чернильница? Что с ней делать? Разве запустить ею в стену, как в детстве при отъезде на каникулы?

— А разве сейчас я еду на каникулы? Да, на каникулы—усмехнулся он.

— Да, чернильницу надо непременно сменить, разбито горлышко,—словно кто-то странно равнодушно со стороны подумал в нем.

Подошел к окну. На окне лежала раскрытая согнутая книга—„Ключи счастья" Вербицкой. Мудрая женщина!—подумал иронически Назаров и вдруг ему показалось, что кто-то взглянул на него в окно, мелькнул за стеклом. Поднял глаза. Никого не было. Снег синими полосами спал на крышах.

Спал тихо, спокойно. Как и тогда—в детстве. Как и после. Как и тогда, когда приходила Таня. Неожиданно заныла боль об ушедших женских ласках, непонятно-сладких, неразгаданно-мучительных. А вдруг она придет сейчас? Холодком пахнуло по спине. Испугала мысль. И вдруг показалось, что хлопнула дверь. Кто это?—Миха! Почему Миха? Он буйный. Он всегда кричал, как зверь свое хо-о!

— А ведь его нет теперь,—подумалось как-то удивительно просто и равнодушно.

— Нет. Ну, так что же? И пусть. И меня не будет. Всех не будет.

— Там за речкой тихоструйной
Есть высокая гора,
В ней глубокая нора,—

учила за перегородкой черненькая девочка Пушкинскую сказку.

— Нора?. Почему нора? Не так. надо—дыра... Да, да... Миха так говорил..

— А где-же револьвер? Ага... вот он. Это хорошо. Великолепно! Чудесно, чорт возьми!

Стоял посреди комнаты в темноте и ему казалось, что в его мозгу скачет какой-то задорный светлый зайчик. Этот зайчик—неожиданно появившаяся мысль четко осознает все окружающее и напряженно ощущает все до боли ясно; вот она словно отделяется от его тела, живет самостоятельно... В ушах начинается сплошной серой лентой шум,—все звуки кажутся большими, значительными и странными, пугает шорох собственных шагов и кажется уже слышно, как шуршит по телу кровь... Теперь, вдруг, само тело стало чужим, ненужным: ненужными и чужими кажутся пальцы, которые тяжелеют, словно распухают и бухнут.

— Странное состояние...

— Однако, что же это я медлю. Нехорошо опаздывать, когда идешь убивать человека.

— Нехорошо!—передразнил задорно светлый зайчик в голове.

— Лиза, я ухожу! Закрой на крючек дверь.

— Куда дядя?

В клуб. Скажи Гордею—в клуб. Он знает.

— Играть дядя?

— Играть...

— Ты скоро воротишься?

— Нет, не скоро, Лиза. Не жди.

— А то Гора сказывал, самовар тебе раздуть. Я раздую. В печке картошки остались...

— Нет, не надо. Спи... Я надолго. Прощай! Дай, я тебя поцелую. Ты смотри, никому не говори... смотри-же!

— Нет... я не скажу.—серьезно ответили черные глаза.

Хлопнула резко дверь, тихо щелкнул крючек. Маленькая головка девочки о чем то озабоченно думала.

VI.

Полчаса—не больше—ждал Назаров прихода Медведева.

Чтобы не обращать на себя вниманья, он зашел в библиотечную комнату и там у барышни в рваном белом полушубке и дорогих роскошных белых стоптанных бальных туфлях, спросил книгу.

— Вам какую, товарищ? Какая область политики больше всего занимает вас в данный момент?—бойко затораторила барышня, не взглянув на него и роясь в книгах.

— Все равно какую...

— Вы читали „Азбуку коммунизма"?

— Да, смотрел... дайте какую-нибудь. Безразлично.

— Тогда я рекомендую вам ознакомиться с новой книгой Владимира Ильича „Союз рабочих и крестьян"... Из нее вы увидите, что все нападки на нас...

— Хорошо, давайте!—устало сказал Назаров.

Самоуверенная девушка удивленно вскинула на него своими темными блестящими глазами и спросила другим простым, человеческим тоном:

— Вы нездоровы, товарищ?

— Нет, почему вы так думаете?—усмехнулся Назаров.

— Так... мне показалось,—совсем смутилась девушка.

Хотя для Назарова это явилось и неожиданностью, но на ее вопросы сразу спокойно сообщил ей вымышленные имя, фамилию и адрес.

— Спасибо! Назаров бессознательно быстро ощупал глазами запасный выход из клуба—темный четыреугольник маленькой двери в библиотеки и вернулся.

Сидел в грязной, неуютной комнате с плохим освещением, беспорядочно и бестолково обставленной роскошной, разнообразной мебелью. На полу комнаты лежали шкуры белых и темно-бурых медведей, серых волков, оленей. По ним смело ступали грязные сапоги... На стенах рядом с плакатными фигурами угловатых рабочих, шаробразных купцов и попов висел большой ковер с выгканными фигурами лебедей. На длинных столах валялись в беспорядке книги, газеты... Тут-же стояли дешевые бронзовые фигуры—копии творений Антокольского и Кановы. В углу, рядом с тумбочкой, валялась черная, редкой ручной старинной работы, ваза восточного стиля, с изображением гагары—священной птицы шаманов. В нее бросали окурки, плевали... Красноармейцы сидели тут-же, в креслах, читали газеты, играли в шашки, а большинство писали письма.

Назаров сел в кожанное кресло невдалеке от шахматных столиков и стал безучастно смотреть в книгу.

— Товарищ... а товарищ!

Назаров поднял голову: на него смущенно смотрел молодой безусый, белобрысый красноармеец:

— Напишите письмо...

— Давайте.

Засаленый листок бумаги и измятый конверт.

— Ну, что писать?

— Пропишите супруге моей Пелагее Семеновне и родителям Трофиму Ивановичу и Анне Васильевне нижайший поклон...

— Еще что?

— Еще поклон дяде моему...

И красноармеец стал перечислять всех родных и знакомых своей деревни. И только в конце добавил:

— И говорят еще у нас, что скоро война с буржуями кончится и мы заключим на всех фронтах мир. Тогда ожидайте меня в скорости домой в добром здоровии...

— И с буржуями мир?—усмехнулся неожиданно для себя Назаров.

— Я не знаю... Так говорят у нас,—смущенно замялся красноармеец и на его лице выступили розовые пятна.

— Все?

— Да кажись все...—совсем покраснел парень.—Вот рази... не знаю, как выразить... чтоб жена не баловала до меня. Пленные безобразят... У моего земляка Ивана Скорнякова сын родился, как он в отлучке второй год из дому...

— А у тебя дети есть?

— Нет... Я всего полгода, как женился,—доверчиво блеснул глазами парень.

Назаров секунду задумался, тихо и горько улыбнулся углами губ и написал:

— Пелагее передайте мой крепкий супружеский наказ: хранить и беречь себя, как я твердо храню себя здесь. Скоро я вернусь и наша жизнь будет счастливой и ясной. Пусть не рушит нашего будущего счастья, не грязнит и не позорит нашего рода, как многие солдатки по деревням. Передайте ей крепко это от меня.—

Красноармеец счастливо заулыбался. Бережно облизал края конверта языком и старательно запечатал. Понес к ящику.

В этот момент в комнату вошел комиссар Медведев с безусым молодым человеком в черном длинном полушубке. Они быстро прошли в сторону Назарова и сели за шахматы.

Медведев был низкого роста, полный, но не пухлый, с большими серыми, спрятанными под густые брови, глазами.

Назаров, когда увидал вошедших, остро загорелся от волненья, но потом, когда они спокойно уселись за шахматы, быстро остыл и успокоился и стал незаметно наблюдать за ними. Сидели они в трех шагах от него. Он и сам, живя прежде в деревне учителем, любил эту игру, поэтому он даже стал с острым, больным любопытством следить за ходом партии. Играли они молча, сосредоточенно, уходя в игру все больше и больше с каждым новым ходом.

Медведев скоро поставил своего противника в затруднительное положение.

— Ого!—озабоченно проговорил молодой человек,—придется помозговать Он охватил крепко руками голову и глубоко задумался.

— Мозгуйте, мозгуйте... вид Рима с гор,—медленно и тихо сказал Медведев.

Назарову показалось, что тот произнес конец фразы не по-русски и у него как-то странно слилось в одно:

— Витрима—сгор...

— Ну, кажется, пора,—Назаров нащупал револьвер в глубоком кармане шинели: сталь холодно и чуждо коснулась его руки. Встал. Отложил книгу на стол. В этот момент Медведев достал из простого, черного кожаного портсигара папиросу. Назаров видел, как он взял ее короткими, немного дрожащими пальцами, положил конец в рот, зажег спичку (спички долго не зажигались) и закурил, жадно глотая дым.

— Надо дать ему докурить,—неожиданно и бесспорно подумалось Назарову. Витрима—стор,—почему-то прозвучало опять в ушах навязчивое непонятное слово.

Все его тело охватила дрожь. Он снова сел в кресло.

Медведев продолжал курить.

Подносил ко рту папиросу, жадно и глубоко вдыхал в себя дым и выпускал его тонкими сизыми струйками. Папироса то вспыхивала бледным огоньком, то тускнела и затем снова разгоралась.

— Сейчас конец,—со щемящей тоской и остро-режущим нетерпением подумал Назаров, напряженно следя за папиросой. И вдруг ему как-то совершенно неожиданно показались страшно знакомыми и эта трясущаяся, с еле-заметно выступавшими синими жилами, рука и эта маленькая, беленькая папироса.

— Ну, скорей!—с внутренней мукой понукал он Медведева. В этот момент Медведев вдруг поднял голову от шахматной доски и прямо и широко посмотрел на Назарова, напряженно вглядываясь в него, точно стараясь что-то вспомнить... И тут только Назаров увидел его всего—с головы до ног. Его такую-же, как у всех красноармейцев и у Назарова, серую шинель, стоптанные порыжевшие сапоги, приплюснутую истертую серую папаху и глаза. Глаза у него были большие, серые, глубокие, уставшие и настояще-человеческие с теми еле-уловимыми блесками тоскливой и больной улыбки и иронии. В них была и усталость, и какая-то конечная, примирившаяся со всем, безнадежность.

И ему, Назарову, привычному террористу, вдруг стало по настоящему жутко. Он не выдержал обнаженного взгляда Медведева, опустил глаза и его внимание с огненной остротой и больным напряжением (так, что у него слегка даже закружилась голова) остановилось на приходившей к концу папиросе, от которой сейчас зависела жизнь Медведева, эта нелепая связь теперь показалась Назарову безумно-веселой и тоскливо-острой.

— Что за ужас!—подумал он,—и почему это кончается папироса?—И снова тоже странное обостренное ощущение всего окружающего охватило его, как и перед уходом из своей комнаты. Он с больной улыбкой и безумной мыслью в глазах стал следить за папиросой. Медведев не докурил ее; он держал ее в своих коротких желтоватых пальцах и было неизвестно, потухла-ли она совершенно или под ее пеплом тлеет еще невидимый огонь..

Назаров быстро двинулся к двери. Затем так же быстро и легко повернулся, взял книгу со стола и пошел в библиотеку.

— Спасибо, барышня!—весело и широко сказал он.

Барышня в больших белых стоптанных туфлях с чужой ноги и в рваном полушубке быстро вскинула на него свои острые, черные глаза, хотела было оскорбиться за слово „барышня", но, посмотрев в его лицо, вдруг просто и хорошо улыбнулась ему из глубины своих темных глаз.

Он ответно улыбнулся ей, потом без колебаний вышел из клуба через запасный выход.

Когда Назаров, не убив Медведева и не покушаясь на это, вышел из клуба на двор и вступил на снег, то почувствовал, как остро пахнет первым дыханьем весны. Воздух чуть-чуть щипал ноздри. Снег словно опух и осел. И вдруг над головой Назарова низко-низко обеспокоенно загоготали дикие гуси. Потом, смешавшись, беспорядочно шарахнулись в высь.

— Что за ерунда? Откуда их занесло такую рань?

Назаров долго и с удовольствием прислушивался к не утихавшему, успокаивающемуся гоготанью.

— Эх, Михи нет! На перелет скоро двинулись-бы!—подумал он спокойно,—и смутно, но живо воскресли в памяти широкие степи, перелески, реки...

— Уеду-ка я снова в деревню учителем. Ну их всех к чертовой матери!—подумал он, перелезая через забор на глухую улицу.

VII.

Узнав от Чубарова о происшедшем, Лепорский предложил Назарову явиться опять на ту же дачу, где было и первое собрание. Назаров сперва хотел решительно отказаться, но потом подумал минуту и, чему-то улыбнувшись затаенно, мотнул головой в знак согласия.

— Хорошо. Скажи, приду.

Но вечером долго не шел.

Лепорский, Таня и Чубаров ждали его уже около двух часов. Таня, осунувшаяся и бледная, сидела в безмолвной позе за столом. Раздраженный Лепорский быстро ходил, заложив руки назад из стороны в сторону. Порой надевал на нос пенснэ, потом опять снимал их. Серым пятном маячил у закрытой двери Чубаров, неловко усевшись на железную печь.

Так-же как и той ночью, во время первого собранья, была предвесенняя мятель; еще злее била в стены и крышу.

Он не придет,—жалобно раздалось от двери.

Но в это именно время с террасы послышались тяжелые и быстрые шаги. Дверь распахнулась, и на серой мутной полосе сумерок вырисовалась огромная, нескладная, темная фигура.

— Извиняюсь. Запоздал... Картошки у Лизы очень вкусные вышли,—раздался освеженный морозным воздухом голос Назарова.

Таня вскочила, потом опять села.

Лепорский сразу успокоился и с достоинством прошел на то место, где он председательствовал на прошлом собрании.

— Товарищ Чубаров, прикройте дверь...

— Ну?

Назаров подошел ближе, остановился против Лепорского и положил на край стола свои большие голые кисти рук.

Лепорский выждал несколько секунд.

— Вам, конечно, известно или вернее, вы должны понять, товарищ Назаров, зачем мы вас сюда пригласили. На основании моих полномочий и в силу решения прошлого собрания, я прошу вас дать об'яснение, почему вы не выполнили его, когда вам представлялся такой удобный случай.

Лепорский застыл недвижно, смотря вопросительно на Назарова.

— Еще что скажете?

— Пока все. Отвечайте.

— Ага... вот оно что! А я то, дурак, подумал, что вы меня вызвали справить тризну по Михе,—усмехнулся Назаров, не отводя взляда от Лепорского и пригибаясь ниже к столу.

— Товарищ Орлов достойно завершил свою жизнь,—певуче и выразительно начал Лепорскийи,—и, конечно, партия сумеет передать его имя истории на ряду со славными именами Каляева и..—он не мог сразу подыскать другого имени, замедлил на мгновенье.

— ...И Лепорского!—его-же, приподнято-нарочитым, тоном добавил Назаров.

— Гражданин Назаров!—вспыхнул гневно Лепорский,—я прошу вас отвечать по существу.

— А Миха?—уже упрямо и зло спросил Назаров.

— Отвечайте, желаете дать об'яснения!

— Нет!—резко и высоко бросил Назаров, попрежнему не шевелясь и смотря в упор с ненавистью на Лепорского.

— Хорошо. Тогда, может-быть, вы дадите слово исправить свой поступок?

— Нет!—еще резче,—точно глубже врубался острый топор,—отвечал Назаров.—Я не желаю с вами иметь дела и прошу прекратить допрос.

— Ага, вот как... Что-же, может быть, вы желаете покаяться и перейти к нашим врагам?—насмешливо и резко спросил Лепорский.

— К вашим врагам?—медленно и значительно переспросил Назаров, пронизывая его взглядом — А вам что за дело? Может быть.

Чубаров, казалось, равнодушно смотрел на все происходившее: серое пятно пристыло к стенке у двери и не двигалось. Таня вспыхивала, привставала и снова садилась.

— А не поздно будет? Вы забыли, что вы уже участвовали в вооруженной борьбе и за вами даже есть заслуги,—опять с злой напряженной иронией спрашивал Лепорский.

— Что-ж, донести хотите?—заинтересовался серьезно Назаров.

— Партия не остановится ни перед чем, чтобы обезопасить вас гражданин Назаров!—с пафосом бросил Лепорский, как-то странно впервые вспыхнув всем лицом.

— Тем лучше!—Назаров выпрямился, пряча руки в рукава шинели.—Ну кажется разговор кончен?—спокойно спросил он.

— О, нет! Мы сейчас-же должы решить. И я предлагаю немедленно голосовать: отпустить гражданина Назарова или наш партийный долг доставить его в комитет?

— Эге... это любопытно. Занятно! Послушаем... Таня, подвинься чуточку. Я хочу посидеть рядом с тобой...

— Я прошу вас,—зазвенела вдруг Таня истерично,—не издеваться надомной... Я не желаю сидеть рядом... рядом...

— ... С убийцей?—быстро и значительно спросил Назаров, оборачиваясь и наклоняясь лицом к ней.—Так вы хотите сказать?... О, нет... я не убийца... Я теперь знаю, Таня, убивать человека никак нельзя.

С мягкой, но горячей и острой горечью летели слова, словно плавились в нем где то глубоко.

— Несчастный актер! Предатель!—истерично и звонко закричала Таня.

— Предатель? Но ведь этому-же даже Лепорский не поверит. Не так-ли товарищ Лепорский?—повернулся Назаров в его сторону, произнося слово „товарищ" с особым подчеркиванием.

— Призываю к порядку.—Лепорский поднялся и положил перед собой на стол револьвер—черный портативный браунинг, мягко накрыв его обнаженной рукой. Перчатку успел незаметно снять. Назаров, казалось, не обратил на это никакого внимания.

— Я извиняюсь,—спокойно продолжал он обращаясь к Тане,—но я вполне законно занимаю это место: здесь всегда сидел Миха. Вы помните, он играл в чижика. Миха ведь был всегда против убийства. Теперь я понял его... а вам следует перейти на левый сектор... Вы же за убийство?

— Товарищ Назаров!—раздался вдруг от двери жалобный плачущий голос Чубарова, и слышно было по тону, как он весь дрожал, точно его бил озноб,—товарищ Назаров! может быть, вы скажете, раз'ясните нам...

— О, вам, милый Чубаров, я бы сказал... Да, ведь я-же сам не знаю. Ей-богу, не знаю!—с искренностью произнес он.—Это вот Таня и Лепорский знают, почему можно убить человека... А я нет... Я знаю, что убивать никак нельзя... Это я знаю, а почему?—Ей-богу не знаю.

— Итак, товарищи, вопрос ясен. Гражданин Назаров не только не желает дать об'яснений, но он и не отрицает для себя возможности перехода к врагам. Я предлагаю голосовать: отпустить его или доставить в комитет. Товарищ Лунева, ваше мнение?

— В комитет...

Товарищ Чубаров, ваше?

— Я не знаю,—с мукой растерянно произнес тот.

— Странно!...

— Ого, председатель, лишился об'ективности!—вдруг искренне обрадовался Назаров, закуривая папиросу.

— Извиняюсь. Вопрос решен. Гражданин Назаров, вы арестованы.—Лепорский двинул револьвером по столу и слегка склонился вперед.

— Что?—как будто удивился Назаров, шагнул из-за стола на средину комнаты и медленно повторил,—арестован?

— Да. Если вы двинетесь, я стреляю. Чубаров, обыскать его.

Чубаров нерешительно шагнул к Назарову.

— Постой, Чубаров. Постой!—мягко и повелительно, словно отмахиваясь от надоевшего ребенка, сказал Назаров и, повернувшись к Лепорскому, так-же тихо, но твердо спросил.

— Да вы никак и в самом деле серьезно?

Лепорский навел на него дуло револьвера:

— Не подходите!

Тишина. Била мятель в стены.

Назаров, казалось, вглядывался в Лепорского с огромным интересом, вобрав голову в плечи. Чубаров снова сжался у двери в серое пятно. Странно белела, чуть-чуть дымясь, забытая Назаровым папироса в его опущенной руке. Таня лежала головой на столе, закрывшись от испуга руками.

— Ага! Так вот оно что!... —сказал Назаров прозрачно-ясным, далеким голосом, словно он понял в это мгновенье что-то огромное.

Назаров ничего не видел,—перед ним было только одно лицо Лепорского—красивое, резкое, со слегка выпуклым длинным носом, чуть-чуть раздувавшимися ноздрями и блестящим, как темное стекло, взглядом, который внимательно следил за его движениями.

И смотря на него, Назаров вдруг ярко вспомнил где и как он раньше встречался с Лепорским—все стало для него ясным; его пронизало острие ужаса от нелепости всего происшедшего—мелькнул погибший Миха, и вдуг его крепко, в узел охватила злая решимость.

— Если сделаете шаг вперед или назад... немедленно стреляю!

— Не надо!... Илья, не надо!... вдруг в истерике забилась Таня, протягивая перед собой руки в белых перчатках.

В этот момент Назаров стремительно припал к полу, метнулся в сторону, вперед. Из руки Лепорского блеснул полоской огонь. Щелкнул резко выстрел, другой, третий... Назаров опрокинул плечем стол, сбил им с ног Таню, Лепорского и в упор два раза выстрелил ему в голову.

Пронзительно-дико, раздирающе, как раненый заяц —звериным воем, закричала Таня, придавленная к стенке крышкой стола. Чубаров метнулся в дверь... Из двери отчаянно хлестнула мятель, вырвала дверь из его рук, отшвырнула его обратно. Глухо зазвенела печь. На полу у стены бился с простреленной головой Лепорский, а над ним стоял в уродливо-изогнутой позе огромный, неуклюжий Назаров и, казалось, с любопытством вглядывался в лицо Лепорского. Рядом на полу билась в истерике Таня.

Чубаров в ужасе прижался к стене за печью.

Вокруг дачи выла предвесенняя мятель.

В. Шанявец.

В вагоне.

Все так просто, так жестоко просто.
Псом больным хромает здесь мольба.
Жизни милой где-то светлый остров—
Светлый остров, красные гроба.
Сгрудились, как загнанное стадо—
Все сплелось и люди и мешки.
В каждом затаенная отрада,
Что везет он целый пуд муки.
Сон тяжелый бродит по вагону,
Смрадный воздух нарушает храп.
И нежданно вдруг метнулись стоны
Из угла от баб.
—Помогите, бабоньки родные...
Улетела в окна темнота.
— Смерть моя! Угодники святые...
Но бессильны матери уста.
Пеленой раздумие на лицах,—
Новой жизни слышен первый крик.
Мать, позволь мне за тебя молиться,
Кротким светом окропить твой лик.
Поезд стал, и так жестоко просто
На тележку, будто бы багаж...
Бережней проводят до погоста,
Бережней выносят саквояж.

Ерошин Иван.

Петербургская комната.

Испуг и оторопь не вылетев застыли.
Портьеры мягкие изводит едко пыль.
За полотном картин химеры опочили,
Гнилой эротикой жеманный бредит стиль.
В углах попрятались изысканные сплетни.
Задумчив шкаф с недоуменьем книг,
С вчерашнего кивает сон столетний
И бедный дух, как жалкий вор, притих.
Со злобой зеркало мигает мутным глазом,
А столик лаковый—как засушеный гриб.
Замучили цветы, готическая ваза,—
Косятчатый паркет по старчески охрип.
Как чужно все, как все со мною в ссоре—
И это зеркало, и кресло, и кровать...
Приду и ухожу без разговора:
Здесь можно только умирать.

Ночами не засыпаю—
В окне видение Петра.
Кровать—мне враг, я это знаю—
Не подойду к ней до утра.

Ерошин Иван.

Встречаю Вас на дороге пыльной,—
Боюсь этих беглых встреч.
Как сохранить душу невинной,
Детскую сказку сберечь?

Прохóдите Вы спокойно-стройны,
В зеленых глазах мечта.
А я одна. Все сны беспокойны,
Боюсь земного креста.

Как рассказать в городе пыльном
О вере в рай и любовь?
— Надо казаться гордым и сильным
Пред каждою болью вновь.

И Вы один, самый близкий из дальних,
Спокойно идете прочь.
О этот шелест слов прощальных
И синяя, синяя ночь!

Ксения Львова.

Мне снится каждый день
Твое лицо. И каждый день все ближе
Иная жизнь. И ближе ночи тень.

Сквозь этот мир невидимое вижу.
Дневные звезды синих глаз твоих
Теперь мне светят благостней и ниже.

Певучей говорит с тобой мой стих.
И стены комнат душу не обманут
В звенящей тишине ночей глухих,

Когда мой дух кольцом змеиным стянут,
И сердце хочет оборвать свой крик,
И звезды поздние на небе вянут.

Земная жизнь—один безумный миг,
А вечность шелестит травой весенней,
И все шумит, и все поет тальник,

И с каждым днем мне внятней это пенье.

Ксения Львова.

С караваном.

Сухой лиловый цвет кермёка,
Пустая гладь солончака.
Волнистым стадом издалека
Бредут на север облака.

Цветная соль отсела, блещет
Вокруг озер, горька на вкус.
Как обжигает наши плечи
Зудливый овода укус!

Цепь верблюдов. Однообразна,
Скучна их поступь, их горбы,
И так мучительно и праздно
Скрипят груженые арбы.

Киргиз-погонщик смугл, без шапки,
Загаром темным грудь ожег.
Поджаты розовые лапки
Летящей птицы. Путь далек...

Г. Дружинин.

ВЛАСТЬ

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В ОДНОМ ДЕЙСТВИИ.

Зал в центре дворца. Неизъяснимый сильный свет. Великолепие. На стенах фрески и портреты старинных королей и придворных. Резким контрастом к ним, за большим столом, очевидно принесенным из другой комнаты, одетые в черные сюртуки и фраки, совещаются министры. Все они находятся под влиянием доклада Премьера, каждый по своему выражая скрытое волнение. Министр финансов олицетворяет мыслителя, взявшегося за неразрешимую проблему. Министр юстиции то берет со стола свой портфель, как будто-бы вот-вот собирается уйти, то опять кладет обратно. Только Премьер, высокий седой старик, сохраняет на каменном лице невозмутимое спокойствие. Секретарь сидит в стороне, иногда что то записывает, но чаще ничего не слушает и вздыхает.

Премьер... На этом, джентльмены, я окончу свой доклад. *(Медленно собирает разбросанные на столе документы и заметки, складывая в портфель. Молчание).*

Мин. финансов. Итак, надежды нет.

Премьер. Да. Армии больше нет. *(Молчание).*

Министр юстиции. Теперь, надеюсь, вы вспомните то время, когда я, один против всех, защищал монарха... О, то была власть!.. Пусть преступная, пусть жестокая, но—власть... пред которой трепетала эта, царящая теперь нечисть. То было нечто безусловное, рожденное веками в народной вере, как святость, как справедливость!.. *(Встает).* В последний раз я обращаюсь к вашему разуму и предлагаю мой единственный выход, единственное спасение...

Мин. финансов. Fiat ustitia, pereat mundi! Так, так... Но будет слов. Во-первых—на этот трон дурака не найти, а во-вторых—золота, все равно, не прибавить. А власть—золото!

Министр юстиции. Так что-же?—Опять ждать?.. Чего?... Должны-же мы понять, что красная чума опаснее всех зараз. С чумой можно бороться, лишь сжигая зараженных животных! *(Молчание).* Враги занимают за зданием здание. Только еще сюда, во власти неисчезнувшего очарования, они не осмеливаются проникнуть. А мы, вместо того, чтобы действовать решительно,—управляем дворцовой стражей, которая, быть может, нас завтра выдаст!..

Премьер *(с едва уловимым оттенком насмешки).* Сегодня ночью. У меня есть неопровержимые данные, доказывающие, что сегодня ночью они предпримут решительный штурм дворца.

Министр юстиции. Сегодня ночью! Может быть сейчас... Небо! *(Почти истерично).* Так что-же вы молчите? Где-же выход?.. Выход!..

Мин. финансов *(Премьеру).* Потерять дворец—потерять власть!

Премьер *(поднимая голову).* Я—предлагаю мир.

Мин. юстиции. Мир?!

Мин. финансов. Мир с кем?

Премьер. С „товарищем Петром".

Секретарь (*очнувшись, пододвигается к ошеломленному министру юстиции*). Пьер! Наконец, я опоздаю! Смотри: темно... Я говорил тебе,—ты помнишь?.. та нежная, как сон, мечта моя,—сегодня у меня с ней первое свиданье. Кончай-же как-нибудь и выручай! Клянусь тебе—услуга за услугу...

Мин. юстиции (*отмахиваясь*). Какие там любви и незнакомки!

Секретарь (*удивленно*). А—серьезно разве?

Мин. финансов (*Премьеру*). Какие шутки!

Премьер. Что, испугались?.. ха-ха-ха! (*Внезапно встает, изменившийся, бледный, с огромной силой говорит*). Да, —я предлагаю мир с вождями бродяг и черни! Лишь слепые еще не могут разглядеть, что власти нет и быть не может иной, чем всепоглощающая вера в их сладкий обман, в их сказку и евангелие, что светлый рай снова будет здесь, здесь на земле, рождающей из черной грязи смешаный с кровью хлеб. Стоит только беднягам самим взять власть в свои руки! Власть! Ведь они думают, что ее действительно можно „взять"... Но они верят! Больше, чем в бога! .Я видел каким огнем горели их глаза, когда, словно проповедь Иисуса, они ловили пустые фразы... Да, это сила! Великолепие королей, орган то едва слышный, то огромный, как облачное небо, гипноз латыни и золотое распятье, и золотой огонь,—ничто пред их кровавым стягом, превращающим толпу бродяг в самую дисциплинированную армию мира!.. С нашей стороны было-бы непростительной ошибкой, в такое время, не использовать эту силу. Мы должны и можем повернуть ее в свое русло... Я убежден, вовсе не только нам, но и каждому из этих трех главарей совершенно ясно, что легко лишь обещать, что каждый раз, когда они на самом деле представляют себе „захват власти", они дрожат и пугаются, как беспомощные дети. (*С невольным благоговением*). О, государственная власть—не власть бандитов над своей шайкой!.. Так почему-бы не сговориться? Пусть царствует их босяцкий совет, пусть царстует, но—как король английский—не управляет. Они для масс будут знаменем, красной тряпкой, фетишем, сказочным Иваном Царевичем,—словом, заполнят пустоту, образовавшуюся после падения монархии. Да, будут новые слова, новые законы, новые идолы... но управлять государством будем—мы, как прежде, как всегда. Может быть, пожалуй, на новую приманку потребуется больше денег, но зато, говорю вам, никогда еще в наших руках не будет такого послушного народа, такого небывалого могущества...

Мин. финансов (*возбужденно*). Но согласятся ли они?!

Премьер. Я говорил, я убежден, что главари сами пойдут навстречу. Конечно, здесь необходимо искусство и я прошу уполномочить меня единолично...

Мин. юстиции (*внезапно поняв все*). Я согласен! Мир!

Секретарь. Мир? Я могу теперь идти?.. Высокое собрание окончилось? . . . . . .

Премьер. Прошу вас, джентльмены, удалиться всем и ждать моих распоряжений. (*Делает вид, что кланяется*). Спокойной ночи.

Министры уходят: в дверях слышны восклицанья: „Он сможет!" . . . „Уступят!" . . . „Я убежден!"

Секретарь. Я протокол представлю завтра. (*Напевает*). Мечта моя!.. (*Уходит*).

Премьер (*подходит к огромному окну, всматривается в мрак*)... Какая ночь! И каждый раз все глуше...

Тишина. Молчание. Изредка долетают глухие отголоски выстрелов. Усилием воли стряхнув влияние ночи, Премьер подходит к аппарату. Раздается тихое ответное гуденье.

Премьер. Старые казармы? Мне нужно... председателя Революционного Совета.

Голос. Кто говорит?

Премьер. Дворец. (*Молчание*).

Голос. Я жду.

Премьер. Я уполномочен правительством страны... вступить с вами в переговоры о создании новой власти. Я искренно надеюсь, во имя блага родины, вы сумеете подавить в себе ненужные волненья и придете переговорить со мной. Я буду ждать вас во дворце и я ручаюсь...

Голос (*перебивая*). Как! Я должен придти во дворец? Какое счастье!.. Однако, я принужден разочаровать вас. Совет предвидел, что вы „запросите пардону" и обсуждал этот вопрос. Мы постановили не вступать ни в какие переговоры, пока берлоги королевской дворни все еще полны наемниками. Вам, конечно, должно быть известно, что постановления Совета я изменить не могу. „Честь имею кланяться", как говорится в порядочном обществе.

Премьер (*быстро*). Одну минуту. Ваши условия?.. Какие-бы они ни были!

Голос. Ах, вот как?.. Хорошо.—Сегодня-же дворцовая стража должа быть распущена. Сейчас-же! Охрану примут наши войска.

Премьер (*невольно придерживая рукой сердце*). Ах вот как.. (*Молчание; потом громко*). Хорошо. Я согласен.

Голос. Согласны? Вы!.. (*Молчание*). Что-ж, вы—благоразумы: итог, ведь, все-равно был-бы таким-же... но вы сохраняете нам несколько сотен жизней; поэтому, если вы не кривите душой, я первый подам вам руку.

Премьер. Я отдаю приказ.

Голос. Буду верить.. Досвиданья.

Премьер (*выключая ток*). Негодяи! (*Подходит к другому аппарату*). Дежурный? Немедленно ко мне начальника стражи. Какой ваш номер? Вы отвечаете за каждую минуту... Так.. (*Встает*). Мы еще посмотрим!.. (*Странно внимательно осматривает дворцовую залу; останавливается на старинном портрете прекрасной аристократки*). В ее глаза заглянет чернь!.. И будет хохотать над обнаженной грудью и... нет, лучше... (*идет к портрету*)

Входит Начальник Стражи.

Премьер. А!.. Мой милый Гарри. (*Идет навстречу. Жмут руки*). Плохие времена. (*Молчание*). Как долго мы можем продержаться?

Нач. стражи. Их больше в десять раз.

Премьер. Да, да... Я знаю... Гарри, ты мне веришь?

Нач. стражи. Какой вопрос!

Премьер. Прости. (*Колеблется*)... Так значит нам не выдержать?

Нач. стражи. Я говорил... (*Молчание*).

Премьер (*громко*). Так сейчас же сними все посты и заставы! Сложи все оружие в арсенал и скажи солдатам, что армии больше нет. Пусть идут к своим бабам!.. Но офицеры... Офицеры тоже пусть разойдутся, но не теряют связи.

Нач. стражи (*темнея*). Значит...—на милость?.. Без боя!

Премьер. Гарри! Я думал, ты мне веришь... С твоими солдатами ничего не сделать. Солдат больше у них. (*Подходит ближе*). Слушай... Отбери самых надежных людей. Пусть бегут во все кварталы с вестью, что дворец взят! Дай им бутылки с лучшим вином: пусть всем рассказывают, что взяли его здесь. Дай им золота—лучше всего те безобразные золотые блюда, на которых подданные приносили „хлеб-соль". Дай им жемчуга и драгоценных камней,—пусть горланят: „Во дворец, кто хочет получить что-нибудь, пока Совет не поделил между собой остатки"!..

Нач. стражи. Но ведь сюда ворвется эта... сволочь!

Премьер (*взглядывает ему в глаза; начальник стражи каменеет*). Ты понял?.. Скорее Гарри!

Нач. стражи. Мой долг повиноваться. (*Уходит*).

Слева, в нише, отделенной странным экраном и тяжелой тканью, появляется Элен и Секретарь.

Секретарь. Мечта моя!

Элен. Нет, нет! Только не теперь: муж ищет меня по всем комнатам. Я должна его успокоить. Я скажу, что я уезжаю к княгине Вере. Тогда, ровно в двенадцать, мы встретимся снова. И мы будем совсем, совсем одни...—да? (*протягивает руку для поцелуя*).

Секретарь. Мечта моя!.. (*Уходят*).

Премьер медленно идет к рабочему столу, берет перо и задумывается. Молчание. В глубине сцены проходят Элен и Министр юстиции.

Элен. Пьер, как ты не можешь понять, что мне страшно! Весь низ полон солдат, они требуют вина и, представь себе, им дают сколько угодно...

Мин. юстиции (*замечает Премьера*). Ч-ш-ш! (*Молчание*).

В раскрытые двери входят Петр и несколько солдат, или вооруженных рабочих. Внезапно останавливаются, подавленные великолепием. Петр медленно идет вперед, поглядывая на изумительные фрески и портреты, на темные мраморные колонны и покрывающий весь пол темно-красный ковер, где совершенно тонут удары его солдатских сапог. Премьер, заметив врага, слегка вздрагивает, но, быстро овладев собой, идет навстречу.

Премьер (*любезно*). Так скоро?

Петр (*очнувшись*). Да... „на плечах врагов", как говорится в газетах.

Премьер. Надеюсь „враги" не причинили вам на этот раз неприятности?

Петр. Нет, вы точно выполнили все. (*Протягивает руку*). О чем-же мы будем говорить с вами, господин министр?

Премьер. Полагаю—тема ясна. В первый раз в истории Мира мы говорим, как равный с равным... И мы нашли, что для создания твердой власти будет справедливо привлечь вас к участию в управлении страной... Я думаю, с вами мне не придется говорить обычным языком. Скажите просто: сколько мест будущем министерстве просит ваша партия?

Петр. О,—ни одного! Боюсь, у нас другая справедливость: никаких нам мест и министерств не надо. Власть—трудящимся!..

Премьер. Безумие! Я знал, но я не верил и теперь не верю, что вы можете серьезно исповедывать вашу программу... Программа есть программа. Народ, как ребенок, любит звонкие побрякушки;—но государственная власть...

Петр. Довольно, господин министр. Убеждать друг друга нам бесполезно... А торговаться...

Премьер (*перебивая*). Я знаю только ту великую ответственность, какая лежит на вас и великую, убивающую меня горечь, когда я думаю о судьбе государства!

Петр. Жандармов, может быть, и тюрем?

Премьер. Сейчас вы не оскорбите меня, молодой человек. Нет. Мне все равно. Не дорога, для старого калеки, жизнь! Но вы, став на грань власти, должны понять, что в тот же миг, как вы об'явите свой сброд владыкой, сувереном, он ринется сюда и уничтожит все: культуру, радость творчества, науку. Он променяет на еду позолоту вот этих рам, а из картин нарвет портянки, счистив краску.

Петр (*вздрагивая*). А кто, кто сделал его таким? Вы трусите его стихийной мести!

Премьер. Я—не боюсь. Я ухожу из мира. Вы должны бояться! Вам надо будет жить в пустоте разрушенья, если вы позволите разграбить дворец!

Петр (*с внезапным состраданьем*). Ну, ну...—успокойтесь. Никто, ведь, не собирается грабить. Ни одной безделушки мы не сдвинем в этом... музее. (*Неожиданно*). А правда, говорят, подвалы дворца полны взрывчатыми веществами?

Премьер. Да, там, под правой башней, есть запасы.

Петр. Под правой башней...

Премьер. А если бы чернь захотела вернуть то, что по вашим словам—„ей-же создано"? Ведь вы об этом кричали на каждой площади! Ваша стража стала-бы стрелять... в народ?

Петр. Оставим это. Я жалею что...

Премьер. Оставим? Нет! Скажите,—вы говорили им, что дворец уже взят?

Петр. Что-же вы думаете, что мы будем из победы делать тайну?... Но—прощайте; я жалею, что заставил вас волноваться. Повторяю, Революционный Совет не забудет, что в последнюю минуту вы, мне все равно из-за каких побуждений, спасли сотни солдатских жизней. Крови было без того довольно... Прощайте! (*Хочет идти*).

Премьер. Куда вы? Они убьют вас!

Петр. Очнитесь же!.. Я вам пришлю врача.

Премьер. Нет,—вы очнитесь! Вам надо лечиться—от слепоты... Смотрите!

Быстрым движением гасит свет. Вверху горит слабый зеленовато-голубой фонарь. В центре сцены, на полумутровом экране, появляются очертания дворца.

Петр. Что это?

Премьер. Экран.

Петр. Дворец!.. Внизу двигаются люди... Опять какой-нибудь обман!

Премьер. Наука... Слушайте!

Молчание. Вдруг, как-бы из-за экрана, раздаются ясные, несколько неестественные голоса.

— Взяли, а нам не дают.

— На всех не хватит. Сами хотят поделить.

— Ну, уж нет!.. А много там солдат?

— Мало. Половина пьяные.

— Пьяные! У них настоящее вино?

— Вино?!

— Да еще какое! Я видел одну бутылку. Она была липкая и холодная, а внутри—желтый огонь. Во мне так все и перевернулось, Ее шейка была серебреная и надпись золотая—точно невеста! Самые мудрые монахи выдумали это вино... А монахи знают толк!

— Ты пил, что-ли?

— В том то и дело!

Молчание.

— Все-таки нехорошо пить вино... И когда я об этом подумаю, что вся моя жизнь пропала из-за вина, становится так скучно и тошно, что поневоле пойдешь в кабак. Но вот горе!—Совет закрыл все кабаки. И зачем это им столько вина?

— А много его?

— Бочки! Тысячи бочек!

— А еще что?

— Ого!

Молчание. Двигаются быстрее.

— После вина делается так хорошо. Я видел в окне девушку. Она не как наши. Это вероятно принцесса.

— Дурак! Принцессе отрубили голову.

— И королю. (*Исчезают в темноте у стен дворца*).

В освещенном пространстве, в лучах падающих из окон, появляется темная, фантастично-вооруженная толпа. Впереди высокий человек с обнаженной головой. В левой руке—знамя, кажущееся черным. Вдруг раздается несколько выстрелов.

Петр. Слышите? На самом деле—выстрелы!

Премьер. Это—ваши... „народные"... Смотрите!

Пьяница (*вбегает, задыхаясь; замечает кровь на рукаве*). Стреляют!

Предводитель. Слышите?! Ваш „товарищ Петр", он же—жид Фишер, изменил народу: его наемники стреляют в народ! Долой Петра!

В толпе. Долой!.. Долой!..

Предводитель. Мы сами себе избавители! Мы сами себе—Мессия! Зачем нам вожди, которые хотят только власти, чтобы душить нас? Вы видели—он стрелял в народ! Но мы не испугаемся тебя, предатель! Мы еще обольем смолой твою черную харю!

В толпе. Верно!.. Мы сами!... Да!.. Вперед!... Смерть!..

Предводитель. Вперед!

Пьяница (*хнычет*). Нет, я лучше пото-ом.

Предводитель. Ну!

Пьяница (хнычет).

Предводитель. Нам не надо изменников; но еще хуже бабье и трусы. Выбросить его в канаву!

Двое, стоящих рядом с Предводителем, быстро отделяются на глазах загипнотизированной толпы.

Пьяница (*внезапно*). Хорошо!.. но по закону вы должны сперва дать мне одну бутылочку. Когда меня хотели вешать королевские слуги, меня славно напоили.

Двое схватывают пьяницу и поднимают над перилами.

Пьяница (*цепляясь*). Зачем вы взяли меня из тюрьмы? Там бы меня славно напоили.

Предводитель. Ну!

Пьяница (*кричит*). Только одну буты-ыл!..

Тяжелый всплеск.

Предводитель. Видели! То, что я вам дам стоит не одной, а миллионов жизней. Я дам вам—власть. Власть народа! Верьте мне: во все времена счастливы были только те, кто умел брать, а те, кто ждал, что им дадут—оставались нищими. Вы—нищие! Вы жрете шелуху картошки, у вас только бумажные деньги, на которые, кроме женщин, ничего не купишь, а во дворце—золото!

В толпе. Золото!

Предводитель. Всемогущее золото!

В толпе. Все тарелки золотые!

— И ложки!

Предводитель. Весь дворец золотой!

В толпе. Весь дворец!

Предводитель. И—золотое вино!

В толпе. Вино! о-о-о-о!

Предводитель. За мной все страждущие, трудящиеся и обремененные! За мной.

Крики. Экзальтация. Движение. Рев.. Премьер включает свет. Видения исчезают.

Премьер. Ну... что?

Тишина.

Петр. Ложь! Все ложь! (*Быстро идет к выходу*).

Премьер. Так спешите вложить ваши персты в еще свежие раны. (*Беззвучно смеется*)... Молокососы!

Входят, сталкиваясь с Петром, два других члена Революционного Совета: Кандид и Генкель. Позади них—наряд солдат.

Кандид. Петр! А мы тебя ищем по всему городу: замучили телефонистов... Там, брат, кутерьма.

Генкель. И кто это разблаговестил так скоро!

Петр. Кто? Кто опять против нас?.. Да сколько же у нас врагов? Когда конец...

Кандид (*удивленно*). Ты что...—боишься?

Петр (*овладев собой*). Ну, чорт!

Кандид. На этот раз, брат, враги—вино и золото. Опасные ребята!.. Изголодались, брат.—Требуют, чтобы немедленно свершились обещенные Генкелем чудеса. Народ—всегда народ.

Генкель (*нервно ходит взад и вперед*). Шутить не время. Надо действовать!

Петр. Командир гаванского района—здесь?

Командир (*выступая*). Здесь!

Петр. Где твой отряд?

Командир. Я всегда вместе с ним, товарищ.

Петр. Проверить посты. Занять все выходы. В окна—пулеметы.

Премьер. Пулеметы?

Генкель. Нет! Я протестую: мы не...

Петр. Молчи! Я—командую армией. Я приказываю! (*Командиру*). Все ясно?

Командир. Есть! (*Уходит*).

Генкель. Но, пулеметы?!

Петр. Ну, предлагай тогда, свой рецепт на спасение.

Генкель. Я... Я затрудняюсь... но надо обсудить!

Петр. Что там обсуждать. Мы в западне.

Молчание.

Кандид (*увидев прекрасный портрет, едва слышно*). А, легендарная! Так вот где я тебя нашел... (*подходит ближе*).

Генкель. Что-же делать?.. Где выход?

Кандид. О ком поэты пели лучшие стихи, чьи страшные любовь и холод рождали огненные пытки творчества...

Петр (*услышав*). Кандид! (*Отбрасывает его*).

Кандид. Взгляни, как прекрасен этот лоб, эти губы...

Петр. Проклятая приманка!

За сценой глухие короткие очереди пулеметов и неясный гул.

Премьер (*подходя*). Слышите?.. Уже!

Генкель. Да, да... Мы—подражаем императорским жандармам! Мы—избранные теми, кого сейчас пронизывают пули! Чем это все кончится?!

Петр. Так отдадим дворец! Пусть грабят: сначала здесь, потом друг друга, пока, кто посильнее, не заберется снова на знакомый горб.

Генкель. Нет,—не то...

Петр. Что-же, по твоему, есть—власть?

Премьер (*повышая голос*). Сегодня власти нет. И потому, кто не лакей черни, обязан все отдать, чтобы ее восстановить. Без власти государства нет! Гибель!

Кандид (*насмешливо*). А ну, послушаем старую крысу,—кто знает, как это сделать?

Премьер (*бледнеет, но сдерживается*). Я знаю.

Генкель. Почему-же вы молчали?!

Премьер. Я говорил сегодня вашему коллеге (*указывает легким кивком на Петра*), что есть единственный выход из создавшегося положения, один способ восстановить власть. Необходимо было-бы образовать коалицию из состава законного правительства и членов Революционного Совета... но ваша партия все предрешила принципиально и потому...

Генкель (*поспешно*). Что решено, то всегда можно перерешить.

Петр (*бормочет, отражая крайнее напряжение мысли*). Так вот в чем дело!.. Так... так... Внизу, под правой башней... (*Вдруг, охваченный страшным вдохновением, бросается к задумавшемуся Кандиду*). Кандид, ты—художник?

Премьер (*все время неспускавший с них глаз, решительно подходит к Генкелю*). Я вижу, вы дальновиднее других. Я хотел бы переговорить предварительно только с вами. (*Отводит его в сторону. Они ходят по залу от авансцены вглубь. Слышатся отдельные слова: „Доверие масс"... „Синтез мудрости и силы"... „Народное государство" и т. п.*).

Петр. Скажи, если бы тебе пришлось выбирать: либо должно погибнуть величайшее творенье знаменитого, признанного гения, либо—умереть молодой, совсем еще неизвестный, художник?

Молчание.

Кандид. Святотатство убивать только нерожденное. Кто раз рожден, тот не умрет. Разбитая статуя для меня жива и будет вечно жить—во мне, в тебе, в бесчисленных воспоминаниях и копиях. Все мое искусство я отдал-бы за жизнь одного ребенка. Лишь то, что убито вместе с гением,—никогда не воскреснет.

Петр (*хватает его руку*). Ты решил судьбу Мира!

Кандид. К чему эти головоломки?

Петр (*быстро оборачивается, сталкиваясь с Премьером*). А!—так ваше последнее слово, господин министр?

Премьер (*все время с нечеловеческой волей, владея собой*). Пора перестать заниматься пустяками. Постреливая лишь в смельчаков, которые ближе других подходят к винным бочкам, мы только дразним зверя. Необходимо открыть настоящий огонь и рассеять чернь. (*Молчание*). Подброшенное полено гасит начинающий загораться костер... Но если-б это сделали вы, толпа завтра же потребовала ваши головы. Я беру все на себя. Мы немедленно об'явим, что это я,

член новой власти, приказал стрелять. Они ко мне привыкли. Они простят или забудут, как сотни раз. И через день, ручаюсь, мы снова станем сильнейшим государством.

Генкель. Я согласен!

Молчание.

Петр *(отвернувшись)*. А я, дурак, думал, что он хотел спасти солдатские жизни. Ах, дурак!.. *(Командуя)*. Кто со мной—сейчас уходи!

Кандид. Идем.

Петр. Кто останется—погибнет, как предатель.

Группа у дверей быстро уходит. Генкель остается.

Премьер. Молокососы! (Генкелю). Теперь, скорее, идите на балкон, вот в эту дверь, и скажите, что „товарищ Петр", он же жид Фишер, изменил, народу, что каждый, кто его встретит, должен убить на месте, что образована правительственная власть... Ну, да, идите же! Вы, ведь, считались у них лучшим оратором,—потому и попали в Совет...

Генкель машинально выходит. Премьер закуривает сигару, в усталую улыбку кривя тонкие губы, бормочет презрительно: „Молокососы". Садится в глубокое мягкое кресло, закидывая голову и вытягивается. Бесшумно вбегает Кандид, схватывает любимый портрет и скрывается обратно. В нише появляются Элен и Секретарь.

Секретарь. Дорогая... наконец-то!

Элен. Милый, как я соскучилась... *(об'ятья. Элен опрокидывается на подушки. Входит Генкель)*.

Премьер *(поднимая голову)*. Ну, что?

Генкель. Я еще... Я подожду немного... Я еще ничего не сказал... Дайте мне успокоиться!

Премьер *(уже с нескрываемой злостью)*. Да, выпейте воды! *(Сует Генкелю графин)*. Пророки! Чуть ли не новой расой провозгласили себя, а куда вы годитесь?—потомки сифилитиков и пьяниц... *(Повышая голос)*. Теперь вы не должны забывать, что я—глава правительства, в состав которого входите и вы. Я вам приказываю, господин министр, исполнить ваш долг. В такие минуты время не теряют... *(Ободряя)*. Ну,—идите!

Генкель. Да, да... Что я должен сказать? Ах, да... порхатый жид! *(берется за ручку двери)*.

Элен *(задыхаясь)*. Милый, милый...

Секретарь начинает осторожно поглаживать паутинный чулок. Мелькает полоска обнаженного тела. Вдруг непредставимый взрыв, огромный огненный смерч, поглощает сцену. И через миг—тьма, хаос, грохот. Потом, постепенно, наступает долгая тишина. В тумане осенней ночи появляются подводные светляки фонарей. Серые фигуры солдат бродят по каким-то неровностям; быстро и молча ищут; мелькают носилки санитаров. Когда бледный рассвет начинает рассеивать мрак, сцена оказывается загроможденной гигантскими обломками. Рядом спит смена солдат. Работающие солдаты иногда обмениваются негромкими возгласами: „Здесь"... „тащи"... „сюда"... и т. д... Утомление преобладает на всех лицах. Вдруг врывается резкий, ясный звук трубы. Солдаты мчатся на ее зов. Всюду крики: „Стройся!.. Стройся!. Сцена быстро наполняется народом.

Рабочий *(грозя куда-то выше развалин, как будто все еще видит дворец)*. Так тебе и надо, зараза!

Второй. Эх, углей сколько! *(Мальчику)*. Сень, беги за мешком... Только смотри, что другое найдешь—солдату отдай.

Первый. Углей?.. А может нашего брата на этой самой перекладине вешали, с которой угли?

Второй. Стой, Сень... Самовар нечем разжечь... Да, пропади они пропадом!

Вестовой *(подходит к командиру гаванского района)*. Товарищ командир!

Командир. А! Ну, об'ехали город?

Вестовой. Наш район, товарищ. По пути попались два патруля, тоже, говорят, везде тишь.

Командир. Понятно. Как разнесли эту чертовщину, так народ стал народом... Ладно, скажи своему начальнику, чтобы всех отпустил в казарму: нечего зря лошадей гонять. *(Уходят)*.

С противоположной стороны вбегают небольшими группами и по одиночке вооруженные солдаты. Они подстраиваются, расчитываются; раздаются слова команды.

Сеня (*вбегает с куском жирного мяса*). Тятька! Лошадь там, зажарилась! Ох и скусна.!

Большинство из толпы бегут за Сеней.

Сеня. Ох, и жирна!

Вдруг пробегает возбужденный гул: „Идут... идут!.." Толпа останавливается. Начальник отряда командует: „Смирно!" Входят члены Революционного Совета. Под фуражкой Петра белая повязка.

Петр. Вольно!.. Товарищи, сегодня в городе нет другой власти, кроме власти тех, кто сам держит винтовку и молот. И почти из всех городов мы получаем такие же вести—везде рабочая власть!

Эхо в толпе. Наша власть!

— Ура!

Петр (*покрывая крики*). Но это еще не победа!.. (*Голоса утихают*). Враги еще скалят зубы на вырванный кусок. В лесах еще бродят волчьи стаи. Еще рабы в колониях гнут костлявую спину, умножая тухлый жир богатства. Мы свободны и потому должны освободить всех. Мы понесем наше знамя во все страны. Все вперед и вперед!

Эхо в толпе. Все вперед и вперед!

Петр. Если надо, даже Сибирь пройдем от края до края и не устанем. И вы, кто остается, несмотря на голод, на века неволи, победив—побеждайте усталость. Отдых будет после последней победы. Теперь же, во что бы то ни стало,—стройте! Пусть, как боевое знамя, в крови будут мозоли рук, пусть падают камни, разбивая головы, пусть рушатся леса—стройте! Ночью мы взорвали дворец, чтобы выжечь гниль наших душ, зараженных рабством... Но вместе с дворцом погибла красота. Плечо к плечу, удар за ударом, освобожденный труд—всемогущ. Чтобы вновь бессмертным стал прекрасный подвиг, мы сбережем его, выстроив Новый Дворец!

Эхо в толпе. Новый Дворец!

Петр. Когда-же победим и вернемся, начнем наш последний штурм—штурм неба.

Эхо в толпе. Неба!

— Все вперед и вперед!

— Все выше и выше!

Петр (*солдатам*). Через Сахару, через Гоби, через дебри и степи, за Гималаи, за океаны—красная гвардия—м а р ш!

Команда. Крики. Движенне. Музыка. Экстаз... Сцена пустеет и опять наполняется новыми толпами. Вдруг, с непонятной быстротой, в руках появляются заступы, ломы, топоры, кирки. Перекликаются бодрые голоса. Кто-то восторженный и длинноволосый мелькает по обломкам и кричит ликуя: „Товарищи!- вот здесь сначала... здесь расчистить!.. вот так... вот сюда"...

Петр (*Кандиду*). Теперь прощай, друг. Ты должен остаться. (*Взмахивает рукой—куда ушли солдаты*)... А если не вернусь (*сжимает руку*),—огонь, зажженый в душах, не умрет... (*Быстро, по мужски, целуются*)

Кандид. Взгляни на них... (*Входят на мраморную глыбу*).

В толпе глухие удары и рабочие крики. Несколько голосов, едва слышно, задыхаясь напевают: „Своею собственной рукой"...

Кандид. Огонь, горящий в душах, не может не победить!

Дым тлеющих балок, как жертвенные огни. Над обломками—знамя революции. Петр снимает фуражку. И ярко, как знамя, горит кровь на белой повязке.

Вивиан Итин.

ВОСПОМИНАНИЯ О НАРЫМСКОЙ ССЫЛКЕ.

Из Италии—в Нарым.

В настоящее время чувствуется потребность рассказать новому поколению о старых работниках, прошедших суровую школу нелегальной работы и подневольного существования под зорким оком царской полиции и жандармерии в Нарымской ссылке. Царское правительство облюбовало ее для особенно ценных членов нашей партии.

Общий состав ссыльных в Нарымском крае был самый разнообразный. Было много рабочих, попадали и случайные обывательские элементы. На одних ссылка действовала разлагающе, другие крепли в ней, вырастали духовно, учились.

Мне пришлось пробыть в Нарымской ссылке с июля 1910 года по ноябрь 1916 года, около 6½ лет, если не считать перерывы на побег в Россию и сиденья в Томской тюрьме.

Попал я в ссылку чуть не прямым сообщением из-под лазурного неба Италии.

Окончив заграничную партийную школу на острове Капри *) (1-ая школа Горького и Богданова), я вернулся в Москву. По постановлению московского комитета нашей партии, я был послан в Питер в феврале 1910 г., а в апреле я уже сидел в „Предварилке" и ждал решения своей участи.

Ссылка в Нарымский край началась лишь после поражения революции в 1905 г., о ней еще мало было известно широким партийным кругам.

В пересылке познакомился я с Аркадием Ивановым, старым партийным работником, бывшим редактором большевистской газеты в 1905 году,

Начитавшись соответствующих стихов Некрасова, А. Иванов стал мне говорить, что Нарым бесконечно далеко, что мы прибудем на место только летом будущего года и нам придется сидеть в пересыльных тюрьмах чуть не каждого губернского города, которые будут встречаться на пути. По приезде в тундру или тайгу, мы найдем лишь тунгусов и остяков, нам придется строить юрту и т. п.

А. Иванов ушел на этап раньше меня дня на три. Мы сговорились обязательно увидеться в ссылке. Каково-же было мое удивление, когда через шесть дней наш этап из Питера прибыл в Томск, а еще через 3—4 дня в Нарымский край. В Томской пересылке я узнал, что А. Иванов не поедет в самый город Нарым, а остановится и будет ждать меня в селе Колпашеве, не доезжая 110 верст до г. Нарыма.

*) См. № 2 „Сибирских Огней", „Партийная школа на острове Капри", В. Косарева.

Колпашево стоит в 300 верстах от Томска. На пароходе пришлось ехать около двух суток. Когда пароход стал подходить к берегу, на нем стояла большая группа, человек около 100 ссыльных и местных крестьян.

Еще издали А. Иванов стал кричать приветствия. На вопрос—придется-ли нам строить юрты, он отвечал, что здесь живется не так плохо, как ему казалось.

Колпашево было обыкновенное русское большое село, крестьяне здесь занимались хлебопашеством и промыслами, на первый взгляд они мало чем отличались от российских.

В Нарыме с начала ссылки стали группироваться старые революционеры. Вплоть до Февральской революции север давал тон всей Нарымской ссылке. Здесь был ее культурный центр.

Прожив около недели в Колпашеве, мы с А. Ивановым решили перебраться в гор. Нарым. Тогда это было легко сделать, в ссылке не успела еще окончиться либеральная пора. На ближайшем пароходе мы перебрались в Нарым. Город Нарым представлял из себя обыкновенную большую сибирскую деревню, к городу примыкали 2—3 деревни. Вместе с ними можно было насчитать в городе сотни две домов. Но этот город когда-то являлся торговым центром для большой округи.

Здесь имелись 3—4 недурных магазина, в которых можно было купить почти все, что требовалось; имелись больница, школа и три церкви.

Город расположен на берегу одной из многочисленных проток, в двух верстах от реки Оби. Хлебопашеством жители почти не занимаются. Заняты рыбным, пушным и другими промыслами и скотоводством.

Ссыльным выдавалось от полиции пособие, простым смертным—6 р. 20 к., студентам и дворянам—12 р. 50 к. Тогда рублей на 10 в ссылке можно было просуществовать, цены на местные продукты были низкие: мясо—6—7 коп. за фунт, рыба—3—5 коп,, овощи, молоко, все было доступно. Квартира—3—4 р. за комнату, в которой обыкновенно жили по 2—3 человека. Услуги,—самовар, баня, мытье полов особо не оплачивались, а давались вместе с квартирой. Хлеб, чай, сахар и другие привозные продукты были немного дороже, чем в Томске, откуда они привозились.

Состав ссылки.

В зависимости от хода классовой борьбы в России, в Нарымский край иногда направлялись люди большими партиями. После поражения революции в 1905 —в 1906—1908 годах сюда приходили рабочие из Москвы, Питера, Лодзи и других пролетарских центров. Этот людской поток с 1906 по 1917 г.г. иногда стихал, в ссылку начинали приходить одиночки или отдельные „провалившиеся" организации.

Поднимались волны классовой борьбы и как их отзвук, результат торжества правящих классов—снова усиливался приток новых партий ссыльных.

В 1910—11 г.г. оканчивались сроки тем, кто был выслан в 1906—8 г.г. и начинали прибывать отборные опытные революционеры, пробывшие в нелегальных организациях по несколько лет.

Старая массовая ссылка состояла из самых разношерстных элементов, с.-д., большевики и меньшевики, эс-эры, анархисты, экспроприаторы разных мастей. Польской партии социалисты—Левицы и так называемые „фраки", беспартийные, полуобыватели, сочувствовавшие революции люди и попадавшие на глаза полиции или неосторожно написавшие кому-либо из знакомых о своем сочувствии революции.

Очутившись в незнакомой обстановке, многие из них быстро угасали, теряя свое революционное настроение, начинали хныкать, раскаиваться и умолять начальство о пощаде.

Полубандитские „эксисты" в ссылке резали коров у местных чалдонов, насиловали девиц, играли в карты и пьянствовали. Они часто вызывали справедливые нарекания со стороны местного населения. В таких случаях эс-эры и

с.-д. большевики и меньшевики об'единялись и выступали в защиту местного населения, принимали необходимые меры и устраняли нарастающее недовольство. Местное население приучалось различать „политику" от полууголовного элемента.

Этот элемент ушел из ссылки в 1910—1912 г.г. До Ленских событий ссылка оставалась маленькой, около 200 человек политиков. Но с оживлением рабочего движения, ссылка снова стала пополняться новыми пришельцами. Вместе с рабочими, высланными по преимуществу из Питера в Москву, стал снова прибывать уголовный элемент. Начальство решило разбавить ссылку. Появились воры-рецедивисты, аферисты, карманники и прочая братия, непризнающая чужой собственности, пока эта собственность лежит не в их карманах.

Война всколыхнула все слои населения. Вначале правительство было не уверено в себе и либеральничало, но почувствовавши опору в лице буржуазии, оно закрывало профсоюзы, газеты и все культурно-просветительные учреждения пролетариата, а руководителей послало в ссылку. Особенно яростно оно обрушилось на латышей. Почти весь их ЦК был выслан в Нарымский край, сотни товарищей, работавших в Риге и др. местах Латвии, были посланы в Нарым. С юга и запада России с территоррии, примыкавшей к военной полосе также высылались не только „подозрительные" и неблагонадежные лица по политическим соображениям, как социалисты, но и так называемые „шпионы"— немцы и евреи, неполадившие или неуспевшие своевременно дать взятку кому следует.

С этих пор ссылка снова была переполнена до краев. Больше всего было политических, из них огромное большинство членов нашей партии. Попадали меньшевики, эс-эры, реже анархисты и прочие. Значительное количество скопилось "шпионов" и меньшее уголовных.

Продукты, квартира и вообще вся жизнь стала быстро дорожать. Жить стало труднее. Такое положение продолжалось до самой Февральской революции.

1906—8 г.г.

1906—7 г.г. ссыльные в Нарымский край стали прибывать сотнями. Заселили весь край, потому что немногие, хотя и большие, деревни могли вместить не более 2—3 тысяч человек. В ссылке тогда еще не было твердой полицейской власти, поэтому из Нарымского края ссыльным сравнительно легко было убежать.

Многие горячие головы успели тогда уйти и вернуться по несколько раз, но по мере того, как реакция крепла, „Столыпинские галстухи" (веревки на шею) стали угрожать весьма реально всем строптивым людям, самые горячие головы должны были умерить свой пыл и чем-нибудь заняться в ссылке, чтобы обеспечить себя материально.

Начались в ссылке бесконечные разговоры об использовании естественных богатств в Сибири.

Местные жители только смеялись, слушая фантастические планы ссыльных.

Если поднимался воорос о квартире, то говорили о постройке десятков огромных домов—чуть не небоскребов. Когда говорили о рыбной ловле, то хотелось сразу выловить по несколько тысяч пудов и т. п.

Мечтатели в ссылке не переводились, начиная с польских повстанцев 1863 г. до последнего времени. Лишь сотая доля этих несбыточных планов об использовании естественных богатств Сибири отчасти осуществляется только теперь.

В Нарыме до сих пор стоит большой двух-этажный дом с колоннами на манер тех больших домов, какие строили в своих имениях старые помещики, выстроенный ссыльными поляками-повстанцами 1863 года.

В этом доме не живут, потому что зимой он требует неимоверного количества дров.

Но среди польских повстанцев оказалось несколько человек весьма практичных и деловых. Они создали в Нарыме большую торговлю.

К 1910—12 г.г. две таких семьи, Радюковых и Заводских, скупали пушнину и другие продукты края и снабжали через свои магазины край предметами первой необходимости.

Эти купцы были либеральны. Их либерализм не мешал им в интересах дешевого приобретения товаров спаивать остяков и тунгусов, но к ссыльным они относились покровительственно.

Когда ссылка стала организовывать артели по рыболовству, купцы давали им свои товары в кредит.

Убивши все свои пожитки и занявши у купцов товаром и деньгами рублей по сто на брата, одна артель ссыльных обзавелась сетями и всем необходимым и занялась рыболовством.

Скоро оказалось, что само занятие это не столь легко, как казалось в теории. Без опыта и соответствующей трудовой дисциплины было трудно справляться с большим хозяйством.

Сети, мокрые после работы, не развешивались и гнили. Рыба протухала. Сбыта под рукой не было, а засаливать ее впрок или коптить было мудрено: помимо отсутствия опыта, нужны были новые капиталы на закупку соли, тары и т. д.

Члены артели, под разными предлогами, стали уходить. Скоро остались лишь самые упорные, но и им стало не под силу одним вести большое дело. Пришлось его ликвидировать, причем оказался большой убыток. На нескольких человек лег большой долг, но они хотели уплатить его во что бы то ни стало, чтобы не подорвать кредит у купцов для всей остальной ссылки.

Вокруг Нарыма множество болот, лесов и озер. Во время половодья Обь так широко разливалась, что заливала все озера, болота и леса на десятки верст по обоим берегам.

К концу лета вода спадала сажени на 3—4. В озерах она стояла много выше уровня Оби и тем более ближайших протоков весной представлявших собой большие бурные реки и совсем пересыхавших летом.

Один из ссыльных смерил высоту воды и решил спустить озеро, чтобы на сухом дне забрать рыбу. Вначале он попытался втянуть кое-кого из артели в свою затею, но, обжегшись однажды, товарищи отказались.

Тогда он решил осуществить свой план один. Нашему герою пришлось работать два лета. Наконец он достиг желанного конца и начал спускать озеро и на половину спустил. Но снова беда... Во-первых, дно озера оказалось очень илистым. Караси, окуни и прочая рыба, не успевшая уйти на середину озера зарылась в ил и пропала. Затем канава оказалась недостаточно глубока, чтобы спустить все озеро, а рыть снова не было сил и желания.

Другой эпизод не менее интересен и оригинален по своему окончанию. Ссыльный Толпоров был сыном исправника, с отцом он порвал всякую связь. Ссыльные, близко знавшие Толпорова, говорили, что отец не раз пытался восстановить хорошие отношения с сыном, но неудачно. Однажды Толпоров получил от отца сто рублей, он немедленно и полностью послал их обратно, вычтя лишь 15 коп. на перевод, о чем сделал соответствующую приписку.

Вместе с другими он участвовал в артели рыболовов. Когда артель распалась, он взял на себя часть долга и ушел в тайгу. В городе он почти не появлялся. Он отмерил себе территорию в тайге, где больше кедра и не пускал к себе местных крестьян, когда они пытались обобрать урожай ореха.

— Живет, как зверь. К себе близко не подпускает,—говорили про него крестьяне. Он действительно одичал и отвык от всяких культурных привычек.

Весной 1916 г. его призвали на военную службу. Впервые он появился и зашел к нам. Помню, пригласили его обедать. Все сели за стол, а он не решился, сидел в стороне. Наконец, после настойчивых предложений, он сел и сознался, что он отвык от накрытого стола.

— Я ведь шесть лет не видел ни вилок, ни тарелок. Все это мне кажется диким, я не-знаю, как начать есть.

Он отвык от человеческой речи, забыл многие слова. Ему надо было долго прислушиваться, знакомиться с прошедшими без него событиями, чтобы наконец, понять разговоры товарищей и принять в них участие.

После империалистической войны, Толпоров снова вернулся в тайгу и жил здесь до прихода белых Они шли из-под Тобольска. Он собрал остатки бывших ссыльных, живших в ближайших деревнях и в тайге. Создал отряд, дрался с бандой и погиб в бою за советскую власть в 1920 году.

Крушение несбыточных фантазий надломило многих из первых партий ссыльных. Опыт был горек и дорого стоил, но он дал практические навыки и наметил для прибывших в ссылку позднее правильный путь труда для осуществления не фантастических, а реальных планов.

Одиночки-интеллигенты находили уроки. Сапожники, столяры, слесаря, хлебопеки открывали свои мастерские или нанимались к местным предпринимателям и зарабатывали себе на пропитание.

Крестьяне, чернорабочие и вообще люди физического труда нанимались к местным крестьянам,-ловили рыбу, возили дрова, сено или просто работали по хозяйству.

Первая попытка создания в Нарыме партийной школы.

Осмотревшись в городе Нарыме, я увидел, что здесь можно будет возобновить и продолжать занятия, начатые в школе на Капри. Там я не мог получить больших знаний, на это потребовались бы целые годы. Но, овладев до известной степени марксистским методом, я хотел передать кое-что другим рабочим, знающим меньше моего и пополнить собственные знания.

Прийдя к такому решению, я стал советываться с более опытными товарищами, бывшими в других ссылках.

Они отозвались весьма сочувственно. Не откладывая дела в долгий ящик, мы созвали совещание из тех, кто, по нашему мнению, мог бы сам читать лекции и рефераты.

Была одобрена программа, пройденная мною в школе на Капри, в нее пришлось внести лишь некоторые изменения. Очень скоро людей, желающих принять ближайшее участие в работе школы в качестве ее организаторов, лекторов и т. д., набралось около 30 человек. Было решено читать лекции для всех ссыльных.

Недели через две мы уже слушали первую лекцию, потом вторую, и дело пошло. Часть необходимой литературы для пособий лекторам нашлась в библиотеке ссыльных или у отдельных товарищей, кое-что решено было выписать.

Все говорило за то, что предстоящая зима в городе Нарыме не будет походить на предыдущие, потому что ссылка хочет серьезно заниматься, а при занятиях, конечно, не будет места для ссор, склок и дрязг, которыми так богаты были все ссылки.

Публика ожила. Вместо пустых разговоров или нытья о „каторжных условиях" и оторванности от живой обстановки, послышались разговоры о книгах, принципиальных вопросах и т. д. Лектора усердно готовились к лекциям. Многие слушатели также не оставались без работы.

Все было так хорошо предусмотрено. Но... не предусмотрели лишь пустяка. Забыли, что ссылка находится в самодержавной России. Хотя охранка и жандармы были очень далеко от нас, но они все-таки были.

Все участники увлеклись и позабыли об элементарных правилах конспирации. Один из старых опытных революционеров имел неосторожность написать в Томск письмо о нашей школе. Письмо попало в руки жандармов и они поспешили нагрянуть к нам по первому зимнему пути. Другой не менее старый и опытный партийный работник хоть письма и не писал, но список всех главных участников начатого дела держал в кармане вместе с программой занятий и не догадался выбросить или спрятать все от жандармов, хотя имел на то время. Он забыл, что перед обыском надо осмотреть все карманы сначала самому.

Жандармы заехали к нашему либеральному приставу и, вместе с ним, нагрянули к нам. А мы, головка нашей школы, как бы нарочно собрались, сидели и ждали незванных гостей.

Найдя список участников и программу школы, жандармы потирали руки от удовольствия. Потом приступили к тщательному обыску квартиры.

У дверей стояли два стражника, скоро одного из них услали, затем услали и другого. У дверей остался пристав. Я подошел к нему поближе, смотрю и не верю себе:—жандармы роются в книгах и не обращают на меня внимания, а пристав показывает на дверь:—уходи, мол, пока не поздно; я не верю, иду ближе, он кивает еще раз, я ухожу. Пришел на свою квартиру, убрал все, что могло вызвать интерес жандармов и задумался:—что делать дальше? Бежать в Россию—не было денег, паспорта, да и не хотелось отставать от товарищей. Вышел, посоветывался с другими и решил явиться к жандармам. Те не успели еще уйти, обыск еще не был окончен. Конечно, они вознегодовали, когда узнали, что я чуть было не скрылся, и обещали расправиться за это в свое время.

На следующий день всем нам было пред'явлено обвинение по ст. 102 уголовн. уложен., обещавшей за участие в организации Р. С.-Д. Р. П. по 8 лет каторги. Затем нас отвезли в Томск и посадили в одиночный корпус первой арестанской роты.

Так наши добрые намерения кончились бедой. Арестованных было около 20 человек. Многие из участников школы стали унывать. Ведь вот не будь этой распоясанности, не напиши один из нас письма, ведь не приехали бы жандармы. И этот тоже хорош, за каким чортом ему понадобился список и программу держать в кармане, когда в них и надобность то давно миновала. Забыли, черти, что живут не в свободной Европе, а в самодержавной России...

Уже по дороге в Томск были попытки заняться отысканием виновников для соответствующего внушения, но благоразумие скоро взяло верх и публика примирилась.

Четыре месяца жандармы из кожи лезли, стараясь найти связь с партией и создать громкое дело, но материала не хватало, они должны были нас отпустить. В марте 1911 года мы ехали ликуя обратно в Нарым.

Мы снова на „свободе". Нарым все-таки куда лучше, чем тюрьма.

Несмотря на первую неудачу, многие все-таки не бросали мысли снова наладить занятия. К осени 11 г. в Нарым прибыли новые ссыльные из Московской организации Р. С. Д. Р. П. (большевиков). В этой группе были В. Н. Яковлева, А. П. Смирнов, И. Я. Жилин, Мандельштам (Одиссей) и др. Вопрос об учебе снова стал обсуждаться.

Обстановка к тому времени изменилась. Во-первых, наши вольности сильно были урезаны. Организации пришлось переводить на полулегальное положение. Затем ссыльные стали делиться: на одной стороне по преимуществу большевики, на другой—меньшевики, эс-эры и наиболее мещанская публика. Первая группа не принимала к себе всех желающих, а ставила условие: учиться могли лишь те, кто обещал по окончании курса поехать в Россию и вести партийную работу в нелегальных организациях.

Наши занятия распадались на две части: на элементарное и общеобразовательное обучение и на лекции по общественным вопросам.

Большая половина нашей группы состояла из рабочих. Многие из них были полуграмотны. Другие, пробывши в ссылке по нескольку лет и занимавшиеся здесь, желали заниматься дальше. Было составлено несколько групп по математике, этимологии, теории словесности и т. п.

По общественным вопросам была тщательно составлена и обсуждена программа. По ней читались лекции, рефераты и велись семинарии.

Лекторами этой группы были, главным образом, В. Н. Яковлева, В. В. Куйбышев, Мандельштам. Затем под'ехали Я. М. Свердлов и сразу же стал читать по политической экономии.

А. Иванов вел занятия, главным образом, по русскому языку.

По отдельным вопросам делал доклады Франц Кравзин (Суховерхов).

Выступали и другие. По спорным вопросам велись дискуссии.

Наши занятия начались осенью и велись до весны. В общем месяцев 6—7 беспрерывно.

Очень многие рабочие занимались потом самостоятельно, создавая отдельные кружки по разным вопросам. Таким образом, время было использовано. Занятым людям некогда было разводить склоку, а приобретенные знания помогли им в будущем на разнообразных постах после Октябрьской революции в России.

Многие рабочие, прибывшие в ссылку в качестве анархистов, эс-эров, максималистов или беспартийных, потом, после занятий в нашей группе и после самостоятельного чтения соответствующей литературы, делались убежденными большевиками и также впоследствии занимали ответственные посты в Советской России. Занятия, начавшиеся 1914 г. усилились в 1915 г. и продолжались до начала революции. Эти занятия отличались от начальных занятий тем, что они были их продолжением и завершением, и выражались в чтении больших серьезных книг кружками от 3 до 8 человек. Конечно, такие чтения были и раньше. Отдельные, имеющие подготовку, товарищи читали во всех тюрьмах, ссылках и каторгах, если были под рукой книги и подходящие условия. Но здесь такие занятия были, как массовое явление. Занималась чуть не вся политическая ссылка. В первую очередь создавались группы для чтения капитала К. Маркса, затем по русской истории (по Покровскому), литературе и т. д. Затем, во время войны, существовала группа по вопросу о влиянии войны на измение хозяйства и промышленности разных стран.

В это время стали чаще вестись дискуссии между оборонцами и пораженцами.

1915 г. дал большую волну новых ссыльных. Здесь было новое поколение революционной молодежи.

Кружковые занятия по общественным вопросам стали массовыми, именно благодаря ее участию. Особенно занимались латыши. Среди них не оставалось без занятия буквально никого.

Нажим.

Долго Томские власти придумывали способ, которым можно было-бы прижать наиболее активную часть ссыльных так, чтобы это было чувствительно для всех.

Но случай долго не подвертывался. Наконец, они его дождались: засадили в тюрьму 20 человек за празднование маевки 1912 г.

1-го мая (18-го апреля) 1912 г. был прекрасный день. С раннего утра мы стали готовиться к маевке. Решили пойти в лес, неподалеку от Нарыма. Там устроить собрание и чаепитие. Так как ссылка всю зиму продержалась двумя группами, то и в лес поехали отдельно, хотя и в одном направлении—на берег протоки.

Мы знали, что полиция намерена устроить за нами слежку. Но нас это не смущало. Никто не думал прятаться. Многие демонстративно, с утра прикалывали красные бантики и цветы на грудь и ходили по городу. Когда публика потянулась за город, стражники стали наблюдать, куда идет народ. На маевке наша группа поставила красное знамя и начались речи о значении первомайского праздника. Прошло около часу. Появились стражники.

С разных сторон подошли они поближе, записали участников, посмотрели на наше знамя и пошли с докладом к приставу.

В этот день пошел лед на Оби и на протоке, на берегу которой мы праздновали маевку. Наша группа прогуляла до вечера. По возвращении домой, мы узнали от хозяев, что стражники о нас справлялись.

Прошло больше месяца времени. Снова явились жандармы. Начали производить поголовные обыски среди членов нашей группы. К вечеру оказались арестованными свыше 20-ти человек, участников маевки.

Нам пред'явили обвинение по 125 ст. Уг. Уложения, сурово карающей за вооруженные демонстрации, или демонстрации, производимые в больших городах, рабочих центрах и т. п.

Но нам сразу стало ясно, что за „демонстрацию" в Нарымской тайге даже и по царским законам нас нельзя осудить. Однако жандармы не унывали. Сидели мы месяц, сидели два, прошло полгода, а мы никак не могли узнать: когда-же наконец будет суд.

Нас охотно посещал бывший тогда в Томске товарищ прокурора Киц. На все справки о деле, он отвечал, что дело за жандармами. А на вопрос, почему прокурорский надзор не понудит жандармов двинуть дело дальше, он неизменно отвечал, что для жандармов закон не писан.

Наконец, дело перешло к прокурору. Мы начали всюду писать прошения об ускорении дела.

Тот же знаменитый Киц появился в наших камерах и на наш вопрос, скоро-ли перейдет дело в суд, он с развязной наглостью отвечал, что в суд дело передавать бесполезно.

Суд должен оправдать вас и, зная это, Томские власти решили подольше держать вас до суда. В Нарыме вы наделали немало хлопот местной полиции и худо влияли на остальную ссылку. Все это мы знаем и постараемся держать вас в тюрьме год, а, если удастся, то и два.

После такого разговора, нам стало ясно, что скоро из тюрьмы нам не выбраться. Тогда мы стали шуметь.

Через своих родных и знакомых, мы постарались воздействовать на „Томское общество", поставили на ноги нескольких влиятельных адвокатов, согласившихся бесплатно защищать нас на суде. Стали писать прошения в Омскую судебную палату и Питер—о незаконности нашего содержания в тюрьме и т. п. К концу девятого месяца нашего сидения, дело перешло в суд, а еще через месяц нас судили и оправдали.

Защитниками у нас были Б. М. Гран и Вологодский.

Вернувшись из тюрьмы в конце марта, я решил бежать, а к концу мая уже ехал из Нарымского края на пароходе по направлению к России.

Организация в ссылке.

Всевозможных организаций среди ссыльных Нарымского края было довольно много. Когда для многих революционеров стало ясно, что в ссылке придется прожить по несколько лет, с тех пор мысль об учреждении разных организаций должна была окрепнуть и оформиться.

В первую очередь надо было собрать книги и устроить библиотеку.

Это было сравнительно тогда легко сделать, ибо среди ссыльных было множество буржуазных интеллигентов, папаши которых имели капиталы и охотно жертвовали на революцию.

Почти все либеральные редакции журналов и газет присылали бесплатно свои издания в ссылку.

Стоило лишь написать им просьбу о высылке.

Затем надо было организовать материальную помощь наиболее нуждающимся. Привозные продукты, вроде хлеба, чая, сахара или мануфактуры были дороги. Ссыльными была организована своя потребилка, которая стала успешно конкурировать с местными купцами, а так как больших капиталов ссыльным было взять не откуда, приходилось часто обращатьтя за кредитом к тем-же местным купцам, то между купцами и ссыльными был заключен словесный договор.

Купцы обещали отпускать свои товары потребилкам почти по себестоимости, за что ссыльные обещали торговать только для себя, не отпуская своих товаров из потребилки местным крестьянам и остякам.

Кроме потребилки имелась мясная лавка, столовка и хлебопекнрня. Затем постепенно вырос недурный театр. Местные купцы охотно помогали театру. Давали деньги, мешки для декораций и вообще относились сочувственно.

В 1911—12 г. г. театр имел множество костюмов, декораций. Ставились такие пьесы как: „Борис Годунов", "Власть тьмы" и др. Труппа разрослась потом до 30—40 человек.

Особое внимание уделялось почте, так как в Нарыме и Колпашево было довольно много ссыльных, которым хотелось поскорее получать свои письма, то избирались один-два человека, которым поручалось получать по доверенности всю корреспонденцию, приходящую на имя ссыльных. Чевез старых большевиков удавалось получать нелегальные издания нашей партии заграницей—„Пролетарий", позднее„Социал-Демократ".

Обыкновенно такие издания вкладывались в средину газеты „Новое время" или „Русское знамя" и посылались в Нарым. Эти газеты настолько были почтенны для полиции, что их пропускали без просмотра, и нелегальщина доходила по назначению.

Каждое учреждение имело выборных или платных служащих, и все они об'единялись под общим управлением особых органов, избираемых почти всей ссылкой.

Правда, каждый вновь прибывший должен был подать заявление о вступлении в организацию ссыльных. Он должен был представить соответствующую рекомендацию. Но очень редко были случаи, чтобы кого-нибудь не принимали. Но бывали случаи исключения хулиганствующей братии. Это многих удерживало от хулиганских поступков. В случае исключения ссыльный лишался кредита, и в ссылке ему было трудно прожить без поддержки.

Позднее, когда организация окрепла, накопила некоторое количество товаров и обзавелась сравнительно большим кредитом у местных купцов, у ссыльных возникла даже своя денежная система. Были приготовлены особые талончики в 10, 20, 50 коп. и т. д., которые принимались к расплате во всех своих учреждениях.

Ссыльные, имевшие некоторый запас денег, обменивали их на такие талоны, давая возможность организации обзаводиться большим количеством товаров и платить долги.

Вокруг Нарыма были расположены колонии (поселки), где также имелось не мало ссыльных. Они имели свои местные организации.

Но потребилка, столовка и театр имелись лишь в Нарыме и Колпашево, а близ лежащие колонии примыкали к организациям центральным. Для обсуждения некоторых общих вопросов созывались соответствующие совещания, конференции и краевые с'езды, на них ставились вопросы культурно-просветительного и экономического характера.

По вопросам об организации побегов избирались особо надежные товарищи, к которым можно было обратиться лишь через легальное правление, известное всей ссылке, а не непосредственно.

Когда отношения с полицией особенно обострились, в порядок дня встал вопрос об об'единенной борьбе, и для обсуждения действий, как протеста против приказа о неотлучке ссыльных из данного села, были организованы конференции по всей ссылке.

Весной 1912 г. во время разлива воды состоялся краевой с'езд в лесу под Нарымом. Делегаты во главе с И. Н. Смирновым приплыли с Юга из Колпашево за сто с лишним верст.

Собрание продолжалось двое суток—день и ночь, пока не была окончена повестка дня, после чего южане уплыли во-свояси. На этом с'езде бызо избрано центральное бюро для координации действий по борьбе с полицией и для организации побегов. К сожалению, под рукой у меня не имеется никаких документов из жизни в ссылке, да не знаю сохранились-ли они вообще.

Во всяком случае протест против нажима со стороны полиции был организован настолько хорошо, что часто заставлял и полицию отступать. С самого начала ссылки можно было заметить, что ссыльные держались группами, в которых преобладал известный элемент партийности. Но некоторые собирались просто для чаепития, игры в карты или шахматы,

Но эти группировки никак не закреплялись почти до 1911 года. С приездом Московских товарищей: А. П. Смирнова, В. Н. Яковлевой и Я. Жилина и др., большевики стали выделяться из общей массы ссыльных. Была оформлена своя фракция, избран коллектив и завязана регулярная связь с ЦК и с организацией в России. Позднее и по ближайшим колониям, в которых насчитывалось десятка два ссыльных, так и не возникло своих фракций. Они были об'единены в краевом масштабе. Для обсуждения общих вопросов созывались с'езды, один такой с'езд состоялся в 1915 г. в лесу под Нарымом, председателем его был А. И. Руков. В повестке дня стояли вопросы о партийной работе в ссылке, о побегах для работы в Россию, о борьбе с полицией и другие. На нем присутствовало человек 30. С'езд прошел благополучно. ЦК поддерживал связь письмами и присылкой литературы.

Усиление надзора и борьба с полицией.

До 911 г. в Нарымском крае существовала свобода передвижения для ссыльных на ряду сдругими свободами. Пристав был один, да и тот либерал.

Он должен был блюсти порядок во всем крае. Ссыльные жили на протяжении трехсот верст по берегам Оби. Стражников не было.

Вообще тогда полиция старалась ладить с ссылкой. Если кто либо хотел переехать в другое село, достаточно было сделать заявление приставу или стражнику, а иногда и этого не делалось.

Обыкновенно отсутствие ссыльного обнаруживалось лишь пдсле выдачи кормовых. Но и тут можно было выдать доверенность товарищу, сославшись на болезнь и т. д.

В случае побега, обыкновенно пристав просил не подводить его и сообщать, когда убежавший будет „вне пределов досягаемости" Томской полиции.

Но бывали курьезы. Кто либо убегал. Проходило 2—3 месяца. Он успевал снова „сесть", и его направляли обратно в Нарым или в другую ссылку, а пристав не успевал сообщить и доносил, что ссыльный только что сбежал. Тогда охранка делала ему нахлобучку.

После нашего ареста в связи со школой в 1910 г. жандармы обратили усиленное внимание на ссылку, и количество стражников было увеличено. Каждому из них даны были определенные лица под его ответственность. Переезд был запрещен.

Можно было перебраться в другое село с разрешения исправника, который жил в Томске и разрешал переселение в особых случаях:—по болезни или другим уважительным причинам.

Однажды мы удостоились посещения господина губернатора Грана. Он прибыл в город Нарым со специальным намерением самолично убедиться: какими вольностями мы еще располагаем, чтобы постепенно их отобрать.

Он зашел посмотреть нашу столовку, потребилку, театр и проч. Затем стал давать советы приставу:—как бесшумно можно закрыть все наши учреждения. Предложите, мол, купцу положить муку или другой товар в помещение, где находится театр ссыльных и т. д.

Словом мы должны были почувствовать, что начальство обратило на нас внимание и скоро не отвяжется.

После каждого побега стали производиться обыски и допросы, чего раньше никогда не водилось.

Жандармы сделали набег на библиотеку и увезли большую ее часть.

Правда, наиболее ценные книги мы к тому времени, стали держать в укромных местах, не желая отдать их в случае обыска, и эти книги не попали жандармам.

Весной мы узнали о новых скорпионах: нас не стали пускать на пароход.

Конечно, свои позиции ссылка не сдавала без боя. Когда стражники стали лазить по квартирам, им было предложено не ходить, если они не хотят сломать шею, ибо их будут спускать с лестниц.

Но так как находились среди них упорные, то было не мало случаев, когда некоторых действительно спускали с лестницы.

Тогда наиболее сообразительные стали уговариваться, что будут справляться через домохозяев, а в случае побега просили сообщать им не позднее, чем через неделю, чтобы они успели сообщить приставу и в Томск, пока бежавший не успеет снова попасться.

Наиболее навязчивых стражников иногда проучали так: тот, кто собирался бежать, переходил на территорию этого непокорного чина и бежал. Два, три таких случая и стражника прогоняли со службы А во время войны это значило, что ему надо было итти на фронт, чего они боялись, как огня, и старались ладить со ссылкой.

Дело с недопущением на пароход, также было скоро ликвидировано.

Когда раздавался первый гудок, обыкновенно вся ссылка, стражники и местные жители высыпали на берег. Раньше, чем успевали по настоящему наладить сходни, ссыльные стояли уже около рубки капитана и весело перекликались со стоящими на берегу.

После запрещения входа ссыльным на пароход все наличные стражники выстраивались около сходней и не пропускали ссыльных на пароход.

Тут многих взяло зло, да и стражников было всего человек 6—7, а ссыльных 40—50 чел. Наиболее смелые ребята решили взять пароход натиском.

Пока пассажиры не успевали еще все сойти с парохода, а на пароход пройти желающих было много, ссыльные начали напирать с берега, энергично предлагая стражникам посторониться, а когда решительно заняли трап, намереваясь выдержать напор, то с берега так нажали, что 3 или 4 стражника полетели в воду, и ссыльные прорвались на пароход.

Мокрые стражники побежали к приставу за разрешением пустить в ход оружие, но дело кончилось тем, что пристав предложил ссыльным не ходить на пароход всем сразу, а идти очередями по 3—4 человека.

Позднее и это правило было отменено. Конечно, о всех подобного рода делах пристав немедленно спешил сообщить в Томск исправнику и жандармам. Был издан приказ, запрещающий уходить за околицу села или деревни, где жили ссыльные, дальше, чем за полверсты.

Этот приказ разом отменял заработки тем, кто ездил в лес или в поле, на рыбную ловлю.

За неисполнение приказа угрожали тюрьмой. Конечно, почти никто не думал выполнять этого приказа и очень скоро наиболее строптивых повезли в Томск на отсидку.

Тогда были арестованы И. Н. Смирнов, Лашевич и др. Таким образом, было из'ято все центральное бюро, в котором состояли Смирнов и Лашевич.

В конце лета 1914 г. в Нарымский край проводился телеграф. В мирную пору все местные крестьяне работают на поле. Кроме ссыльных нанять было некого. Естественно, их стали приглашать, чтобы поставить столбы, но там работали немногие.

Но вот нужно было поставить высокую мачту. Народу потребовалось человек 30. Ссылка повалила к месту установки мачты, а это было верстах в 2—3 от г. Нарыма. Конечно, начальство обратило внимание на "беспорядок" и стало составлять протоколы об отлучках.

В ответ на это ссылка решила действовать скопом.

Заходили к приставу человек 40—50 и просили составить на каждого из них отдельный протокол за нарушение приказа об отлучке.

Пристав начинал торговаться нельзя-ли составить общий протокол. Ему возражали, что действовать скопом закон воспрещает, он на это с неудовольствием заявлял, что у него не хватит ни служащих, ни бумаги, чтобы ежедневно составлять по несколько десятков протоколов.

Между тем, нажим жандармов все усиливался. Стражники доносили о нарушении приказов и многих уже отвезли в тюрьму. Ссылка решила протестовать более энергично. Однажды рано утром, когда пристав и стражники еще спали, человек 60—70 ссыльных уехали на лодках в тайгу. А найти их в Сибирской тайге, когда Обь разлилась на десятки верст по обоим берегам и со-

единилась с бесчисленными озерами и протоками, было невозможно, да и небезопасно было уезжать далеко. Возвращались из тайги группами и одиночками, затем снова уезжали, некоторые поехали в соседние села. Словом полиция была дезорганизована. Ни один стражник не знал, кто из его поднадзорных убежал и кто остался.

После этого полиция пошла на уступки, было неоффициально об'явлено, что приказ об отлучках будет отменен.

Конечно, томские жандармы, узнав о такой демонстрации на лодках, предложили отобрать у нас все лодки и запретить местным крестьянам давать нам свои лодки, но это в жизнь не прошло.

Ссылка в ссылке.

После побега из Нарыма, на воле мне не повезло. Я попал на известного харьковского провокатора Федора Рудого, который выдал Ивана Никитича, а потом и меня.

К началу 1914 г., я снова двигался в Нарымский край.

Еще в томской пересылке и каталажной камере исправника, мне пришлось услышать о больших переменах в Нарымском крае.

Уже здесь стражники рассказывали неприятные истории о деревеньке Киндал и о других новых скорпионах для ссылки.

Продолжительное сидение в тюрьме, неудачный побег и длинная дорога от Харькова до Томска, здорово расшатали тогда мои нервы, и поэтому нарымские новости создали угнетенное состояние.

А тут еще предстоял длинный в 500 верст путь в лютую стужу, когда у меня не было шубы и заменяло ее ватное старое пальтишко.

В Нарым мы прибыли поздно—вечером. Раньше стоило добраться до места и ссыльного отпускали на все четыре стороны. А на этот раз меня повели в управление пристава и там об'явили, что немедленно повезут в Киндал. Все мои протесты остались без внимания. Я слышал, что в Киндале невозможно ничего купить и просил оставить меня до утра, но меня и слушать не захотели. До пристани не допустили и повели дальше.

Ехать надо было еще верст 100 на север.

По приезде, я застал в Киндале Леонида Серебрякова, В. Рябкова, Ермолаева и эсера Лобанова, позднее прибыл Миша Сумецкий.

Киндал состоял из 8 или 9 жилых помещений. Причем 3—4 из них были похожи на настоящие дома, в других же, несмотря на лютые морозы, в окнах было по одной раме. В деревне не было лавочки, бани, не говоря уже о каких-либо культурных учреждениях.

Стражникам было вменено в обязанность караулить нас день и ночь.

Пытались мы налаживать чтение, но оно плохо шло. Ссыльные решили уходить из этого проклятого места, и как ни были стражники бдительны, ребята все-таки обманывали их и на лыжах уходили в Нарым.

Уходившие из Киндала брали с собой простыни. Когда они слышали погоню, то свертывали с дороги, накрывались простынями и прятались за бугорок. Когда стражники проезжали мимо, выходили на дорогу и шли дальше.

В Нарыме жили по 4—5 суток у товарищей, затем шли к приставу и заявляли, что в Киндале жить не будут, их направляли обратно. Они снова уходили. Наконец, это надоело приставу и он стал с разрешения исправника переводить одиночками в Нарым.

И скоро Киндал был упразднен совсем.

Сбор кедрового ореха.

Я хочу рассказать о сборе ореха нашей артелью. Нас было шесть человек: И. Н. Смирнов, И. Н. Яковлев, Репин (Томский губвоенком), „Митяй", Дм. Кудрявцев (погиб в Челябинске при Колчаке), Афоня, фамилии не помню и я. Кедр обыкновенно растет по берегам рек, озер или на „гривах".

Мы выбрали реку „Васьюган", к которой надо было ехать вниз по Оби, от Нарыма верст 100 на север. К концу июля мы прибыли на место с про-

дуктами, инструментами и необходимым скарбом. На месте нашли „караму" примитивная сибирская постройка для жилья. Немного подправили ее и стали готовиться к сбору ореха.

Орех еще не вполне созрел, шишки крепко сидели и не падали даже и тогда, когда по дереву сильно ударяли „ботом". Это примитивное орудие делается просто. Берется обрубок дерева, аршина $1^1/_2$ длины, вершков 5 толщины и насаживается на шест, аршина 4—5 длины. К обоим концам бревна привязывается веревка. „Бот" ставят к дереву. Один направляет удар, двое дергают за веревку.

Бот сильно ударяет по дереву, оно сотрясается и шишки падают на землю. К началу сентября шишки падают сами. Их собирают в большую кучу, где они потом растираются особой машиной.

Затем орех просеивается, отделяется от шелухи, потом поджаривается и уносится или увозится из тайги.

В хорошую погоду, хорошо в тайге. Хотя работа тяжелая, но среди кедровника дышется легко и работа идет успешно. Однако, к вечеру, особенно без привычки, народ устает и еле тащит ноги.

Но голод и жажда подгоняют и заставляют засветло добраться до карамы, чтобы поужинать.

Так как я в первую свою высылку из Москвы в 1899 г. служил в ресторане помощником повара и обладал некоторыми кулинарными познаниями, то мне чаще других приходилось оставаться около карамы—варить обед.

Чем дальше, тем работа становилась труднее. Усталость стала сказываться настолько, что и ночью сон не освежал окончательно. Многие бредили, вскакивали впросонках, шарили по стенам, как бы ловя веревки от бота.

Вася Репин однажды вскочил, схватил рядом с ним лежащего Яковлева и стал его приспособливать на загорбок так, как он днем носил мешки с шишками.

Яковлев проснулся и никак сразу не мог понять, что с ним хотят делать и где он находится.

После такого происшествия было решено работать не так энергично, чтобы не переутомлять себя.

Крыша в караме была покрыта ветвями и травой, а сверху обмазана глиной.

Когда пошел большой дождь, крыша потекла. Скоро в караме не оставалось сухого места. Дождь уже прошел, а через крышу все еще продолжала лить грязная влага. Пришлось разложить несколько костров на крыше, но и они лишь через несколько часов остановили потоки воды с потолка.

Все эти условия, при тяжелой работе, заставили нас нервничать. Иногда из-за пустяков возникали ссоры, но из беды неизменно выручал Иван Никитич. Он хороший знаток русской истории и литературы.

Когда замечал нервное состояние, то старался рассказать что нибудь смешное, чем неизменно рассеивал сгустившуюся атмосферу.

Так проработали мы около месяца. Весь кедровик вокруг версты на 3 - 4 обколотили и шишки собрали. По соседству работали остяки и местные крестьяне, нам больше собирать было нечего.

Мы приступили к растерке шишек и стали очищенный орех переносить в караму. Одна большая куча шишек была версты за 3 от карамы за речкой. Носить было тяжело. Хотели нанять лошадь, но это стоило очень дорого. Явилась мысль поднять речку запрудой и перевести орехи на лодке. Сказано сделано. Принялись за сооружение запруды и большую половину реки быстро завалили сучьями, дерном и землей, но когда оставалось всего аршина два, вода собралась в узком месте и ее трудно было удержать.

Долго мы мучились, наконец решили бросить эту работу, тем более что вода поднялась лишь около плотины, потому что место было неровное.

В дальнейшем эту плотину использовали для перехода чезез речку.

Поближе к сентябрю крепчают утренние морозы. Надо было спешить с работой, чтобы успеть вывести орехи к ближайшей пристани, где можно было их сдать купцу или на пароходе довести в Нарым.

У нас было две лодки, одна большая крытая, другая маленькая. Довольно быстро мы нагрузили большую лодку и отправили орехи в Каргосок.

Мы вдвоем с Афоней остались в караме. Дня через два полетели белые мухи, и появилась беспокойная мысль, как бы не зазимовать в тайге.

— Если они еще два дня не приедут, ты как хочешь, а я поеду в Каргосок,—заявил Афоня. Но на утро наша компания вернулась.

Они сообщили, что последний пароход уже ушел. Нагрузили большую лодку и отправились. От Каргосока до Нарыма 60 верст, нам с Яковлевым досталась маленькая старая лодка, которую также пришлось нагрузить до краев разным скарбом и орехами.

Выехали на Обь, тут надо было плыть против течения. Лодка подскакивала, натыкаясь на подводные каряги, казалось, того и гляди проломит дно, и мы пойдем ко дну. Вода в лодке быстро прибывала. Приходилось приставать, выгружать все вещи и конопатить ненадежные места. Нам стало ясно что лодка стара и невозможно ее законопатить, а мороз по ночам все крепчал.

Появились забереги, пошла шуга. Надо было спешить. На Оби при ее изгибах и поворотах осенью бывает очень бурно. Нам предстояло пройти несколько таких мест.

Было опасно, но кое-как мы пробрались и через них. Часто приходилось приставать к берегу и отливать воду.

Брели суток четверо почти без сна, потому что ночи были холодны, а одежда у нас почти летняя, спать даже у костра было невозможно.

На четвертые сутки мы добрались измученные и голодные до Нарыма. После продажи ореха мы увидели, что заработали около ста рублей на каждого. Это означало, что можно было прожить около года. Такая сумма могла устроить вполне и собиравшихся бежать в Россию.

Побеги.

Нарымская ссылка была особенно хороша тем, что из нее почти всегда удавалось бежать.

В 1906—7 г.г. бежать мог всякий без затруднений. Садился на пароход и ехал. Позднее это было труднее. На пароходе чаще бежали в сторону Томска, реже в сторону Тюмени—на больших „американских" пароходах. Этот путь считался опаснее тем, что по пути в Тобольской губернии была своя ссылка. Она начиналась сейчас же за Нарымским краем. Тут стражники, следя за своими тобольскими ссыльными, могли захватывать и нарымчан. Такие случаи бывали.

Ссыльные охотнее поэтому бежали на Томск. Эти побеги легче было организовать „южанам", т.-е. ссыльным, жившим на юге Нарымского края в Молчанове, Колпашеве и других селах. Здесь в нескольких десятках верст кончались топи Нарымского края. Можно было, проехать верст 30—50 на лодке, сесть на пароход с такой пристани, где нет стражников. Такой побег считался почти безопасным. Правда, в Томске иногда полиция проверяла документы. Но редко. Труднее было сесть на пароход в Нарыме и ближайших к нему пристанях. Тут стражники зорко смотрели за каждым проходящим на пароход подозрительных останавливали и выясняли личность.

Тут приходилось проделывать некоторые особые приемы. Чаще всего делали так: когда с парохода сходили все пассажиры и выгружали груз, когда команда отдыхала и на пароходе становилось тихо, а стражник, оставшись один, начинал от скуки зевать, к нему обыкновенно подходил кто-нибудь из ссыльных и начинал его „развлекать", а в это время с другой стороны парохода на лодке подвозили убегавшего и сажали на пароход. Надо сказать, что администрация пароходов почти никогда не выдавала ссыльных, а среди ко-

манды парохода легко было найти своих ребят, которые прятали ссыльного на время обыска и до тех пор, пока пароход выходил из территории Нарымского края.

Бывали случаи, когда удавалось хорошо загримировать ссыльного и нарядить его под челдона, так что стражники не обращали на него внимания, а пройдя на пароход незамеченным, ссыльный мог спрятаться.

Частенько выезжали от Нарыма до ближайшей деревни, откуда иногда садились местные крестьяне. Удавалось садиться и ссыльным, убегавшим в Россию. Но этот путь был рискованным, потому что часто на пароходах с разными делами ездили стражники.

Побеги зимой стали налаживаться здесь почти с тех пор, как началась ссылка в Нарымском крае. Всегда существовала особая нелегальная организация в 2—3 человека, которые налаживали „веревочку", т.-е. они нанимали определенных крестьян, имевших хороших лошадей за хорошую плату, сговаривались с ними увозить бегущих на 50—100 верст, иногда без остановки. Затем увозивший из ссылки крестьянин указывал на остановке верного другого крестьянина, а тот следующего и т. д. до Томска. Организатор веревочки иногда, для пробы в начале зимы, проезжал сам, чтобы убедиться в надежности этого пути, после чего можно было спокойно ехать бегущему.

Долгое время организатором побегов был И. Н. Смирнов, затем Б. Краевский, был им и я.

Некоторые побеги были и неудачны. А. Н. Рыкова очень долго никак не могли посадить на пароход, но все таки он удрал. И. Я. Жилин, загримированный, был остановлен стражником. Он узнал его по походке и спросил:—Куда вы, Иван Яковлевич, собрались?

Удачно был организован побег В. Н. Яковлевой. Перед побегом она заболела и слегла. У ней открылось кровохарканье. Стражник к ней не заходил, а посылал проверять хозяйку. Мы жили тогда втроем на одной квартире. Она, я и В. Куйбышев. Когда В. Н. стало немного легче и она решила удрать, то мы не стали пускать в комнату хозяйку, говорили, что больная спит, или, что ее нельзя беспокоить. Затем вечером, незаметно мы отвезли ее в поле, где ожидал ямщик, и она укатила. Хозяйке-же мы продолжали говорить, что В. Н. больна и просит не беспокоить и потом так через недельку, т. е. когда она была уже в России, пришел к нам И. Я. Жилин, мы одели его в тулуп, закутали в платок и осторожно усадили в сани и повезли, вместо якобы больной В. Н. в больницу. Еще с неделю прошло времени. Стражник узнал о побеге, когда понес в больницу кормовые деньги В. Н.

Но чаще всех и с большими происшествиями бегал Я. М. Свердлов.

Некоторые его побеги были удачны. Но однажды он убегал поздней осенью. Его обласок (лодка душегубка) перевернулся и он очутился в ледяной воде в бурных волнах Оби. Только случайно проезжавший крестьянин спас его.

Другой раз после побега его вернули и сослали в Максимкин Яр. Это был самый отдельный и страшный пункт в Нарымской ссылке. Им обыкновенно пугали самых отчаянных уголовных преступников, или особенно хулиганистых анархов и разных экспроприаторов, имевшихся в свое время в большом числе в Нарымском крае.

Максимкин Яр лежит около 600 верст в сторону от села Колпашева по реке Кети. В этом поселке имелось 7—8 домов. В них жили 3—4 русских семьи и остяки. Пароход на Максимку приходил один или два раза за все лето. Зимой почта также бывает раз в два месяца.

Яков. Мих. говорил, что и оттуда он пытался организовать побег, но во-первых этого сделать было не с кем. Кроме него на Максимке был еще один ссыльный, какой-то уголовный. Затем его неотступно караулили два или три стражника, которым было заявлено, что в случае нового побега, их отдадут под суд.

Иван Никитич Смирнов также пытался организовать побег Як. Мих. но сделать это было из Колпашева—трудно.

Тогда-же велась кампания через думскую фракцию в Питере и нажим на пристава в Нарыме за перевод Я. М. в Нарым или Колпашево. Но власти долго не сдавались.

Яков Михайловича продержали в Максимке семь месяцев. Потом месяца через 1½—2 после его перевода из Максимки в Нарым мы праздновали маевку.

Я. М. с нами не было. Он уезжал тогда в Колпашево. Но когда нас арестовали, забрали, кстати и его. Когда он спрашивал жандармов, за что арестован, те без стеснения отвечали, что они знают об отсутствии Свердлова во время празднования ссылными маевки, но арестовали его просто потому, чтобы показать особую бдительность надзора над ним, затем они обещали выслать его в Турханский край или Якутку, откуда ему невозможно будет бежать.

Мне пришлось тогда сидеть в одной камере с Як. Мих. Помню он весьма волновался, получивши известие о Турханске. Но, повидимому, момент еще не настал и его отпустили из тюрьмы и направили в Нарым. Вскоре к нему приехала жена К. Т. Новгородцева. Они зажили семейной жизнью, полиция и жандармы успокоились. Но в одно прекрасное время Якова Михайловича не оказалось. Он снова убежал. Затем уехала и его жена.

Когда он снова попался, его направили в самые отдаленные места Туруханского края. Откуда он не смог больше бежать, несмотря ни на какие усилия. Я. М. должен был прожить в Туруханске вместе с женой и двумя ребятами до начала февральской революции.

В. Косарев.

К ИСТОРИИ ЮНКЕРСКИХ ВОССТАНИЙ В СИБИРИ.

Есть такой водевиль „Графиня Эльвира", где рядовой изображает на сцене графиню, а ефрейтор „барона Шпыля"... Они умело сплевывают, страшно стучат сапогами и сморкаются „посредством одного пальца", вызывая у невзыскательной публики смех. Но это только потому, что слишком мало внимания им уделили гвардейский офицер и великосветская дама, иначе-бы они безусловно справились с задачей и пожили бы немного, хотя и на сцене „красивой жизнью людей великосветского общества".

Этот водевиль страшно напоминает времена юнкеров ускоренных выпусков.

Их тоже учили танцевать, целовать руки дам и красиво щелкать шпорами. А когда война заставила еще более увеличить офицерские кадры, когда стали расти, как грибы, школы прапорщиков, куда широкой волной посылались все, когда, таким образом, замкнутая каста офицерства вынуждена была пустить в свою среду этих новых пришельцев—на их обтесывание стали обращать особое внимание. Их стали учить делать поклоны, сморкаться (факт!), здороваться, говорить... Тогда в серой казарме или полутемной пыльной конюшне, здоровые краснощекие солдаты старательно потели и изучали институтские правила, чтобы пройти всю эту муштру и превратиться в один подлинно для них прекрасный день в их благородие.

Как люди ограниченные, пробывшие к тому-же несколько лет или месяцев в атмосфере безусловного подчинения и обезличения солдатской казармы, они ждали этих дней своего счастливого превращения, чтобы немного пожить, повластвовать—а там все равно...

В период керенщины школы прапорщиков наполнялись исключительно молодежью, недоучками, для которых представлялась возможность избрать себе карьеру. Ведь нельзя же сравнить положение приказчика, конторщика или чиновника 14 класса, которое ожидало большинство из них, выдержавших экзамен на первый классный чин, с положением офицера, хотя бы и прапорщика. И стоило повоевать, чтобы эту возможность за собой оставить, стоило поднять и восстание.

У 3|4 состава школ прапорщиков 1917 г. первым мотивом восстаний против Советской власти было стремление сохранить свои офицерские погоны, а потом уже искусственно прививались политические мотивы. Ради этого юнкера шли к Корнилову и Каледину, ради этого убивали других и гибли сами. Что это утверждение верно, мы постараемся доказать дальше.

И вся нелепость этих причин кажется еще более жуткой, когда отдашь себе отчет в той грандиозности момента, в том сгустке общемировых причин, которые переживались перед октябрем 1917 г., когда представишь, наконец, все противоречие ничтожных мотивов, оскорбленного самолюбия, юношеской ветренности и легкомыслия с неразбуженным еще классовым сознанием большинства из них—этих конторщиков и приказчиков.

Я был приятно разочарован, когда попал в июле 1917 г. во вторую Омскую школу прапорщиков. Работая до этого в самой гуще солдатских масс, столкнувшись ближе с белобилетниками, людьми пожилых лет, собственнически инетинкты которых развиты, конечно, сильнее чем у молодежи, но с которыми на почве ежедневных и особенно казарменных интересов можно найти общий язык и которых можно убедить, я ожидал встретить в школе более законченную классовую формацию своих противников, с которыми и труднее и интереснее поработать. И с первого же дня убедился в противном. Стало действительно противно представить себе этих будущих офицеров, в руки которых передавалась жизнь белобилетников -солдат, от которых они пошли и с которыми только что жили. Вырвавшись из казармы, из солдатской среды, став уже полуофицерами--они прежде всего занялись... действительно танцами. И все три месяца по вечерам из здания не то бывшей конюшни, не то солдатской столовой по вечерам неслись звуки разбитого пианино и топот сотен ног. И после таких трудов и такой учебы—на бульвар, в сады--чтобы ко дню своего выпуска, этой цели, заслонявшей вся и все—найти проститутку!..

С другой стороны было ясно, что такая среда особой опасности представить не может в силу полной распыленности интересов. Ничего общего, что об'единяло-бы эту массу в 500 человек, не было, если не считать заветной мечты—дня выпуска и той дисциплины, которая сковывала их, этих людей собранных сюда чтобы научиться подчиняться и подчинять других.

Все-таки из всей этой массы выделялось несколько групп, с которыми нужно было считаться и которые в решительный момент смогли-бы сыграть известную роль. Первой такой группой было все офицерство школы и до десятка примыкающих к нему юнкеров (несколько правых эсеров, два-три из группы „Единство", остальные чистокровные монархисты).

Вторая группа, состояла всего из нескольких человек левых эсеров, интернационалистов и большевиков.

За первой группой пока она едина--была вся школа. Нужно было ее разбить. И это нам сравнительно удачно удалось при обсуждении вопроса о кандидатуре нового начальника школы. Мы настояли на недопустимости вынесения этого вопроса на общее собрание, где мы оказались бы в безусловном меньшинстве и где прошел-бы нежелательный кандидат—и путем обсуждения только в школьном комитете и офицерском собрании провели более приемлемую кандидатуру—нерешительного и мягкого капитана Селиванова вместо яркого монархиста и человека большой воли—капитана Селецкого (расстрелян партизанами около Канска).

Стихийно расходившийся по домам гарнизон выдвинул эти две небольших единицы—две Омских школы прапорщиков. Им была поручена почти вся гарнизонная служба, охрана пороховых погребов и складов Омска, города, призванного играть в те дни роль центра всей Западной Сибири. И еще задолго до Московского восстания юнкеров—в школе начали появляться такие фигуры, как лидер Омских ка-де Жардецский и правый эсер Куликов, до сих пор не имевшие оснований так интересоваться школой. Они учли роль школы, как наиболее спаянной боевой единицы, в событиях гражданской войны. И они не ошиблись. Полоса юнкерских восстаний, докатившаяся от Москвы до Иркутска, не прошла мимо Омска. И если в Омске дело не дошло до кровопролития, так это можно об'яснить, с одной стороны, достаточно умелым отношением к делу тогдашних руководителей движения—Военно Революционного Комитета—и с другой стороны—работой этой незначительной „второй группы", о которой я говорил выше, среди тупой и инертной, в общем, массы юнкерства.

Прежде всего, к моменту событий—1 ноября 1917 года—была распущена 1-я школа прапорщиков. Юнкера одели погоны, раз'ехались по домам в отпуск. И пожалуй, большая часть их осталась в Омске. Тот факт, что юнкера 1-й школы (уже прапорщики) никакого участия в движении второй школы не принимали, достаточно ярко рисует их политическую физиономию—им важно было окончить школу, добиться производства в заветный офицерский чин—а там—кому служить—и даже служить-ли вообще—дело второстепенное.

Началом „событий", нужно считать арест командующего тогда войсками Омского военного округа прапорщика Половникова, произведенный юнкерами в самом здании школы, куда тот был приглашен для выяснения вопроса—кому должна подчиняться школа—ему-ли, как ставленнику Временного Правительства, или Военно-Революционному Комитету. А так как, по постановлению Совета солдатских депутатов, ни одно распоряжение командующего не действительно без подписи хотя бы одного из членов комитета—то вот, мол, для школы создался тупик. Дело конечно, стояло гораздо проще—инцидент был искусственно создан группой офицеров и тем-же Жардецким, а мы, вторая группа, это определенно проморгали. И только тогда, когда Половников и два сопровождавших его члена. В.-Р. Комитета были арестованы и помещены под охраной верных юнкеров в одном из отдаленных зданий шлолы (кажется, в том самом, где сидел Ф. М. Достоевский), когда сразу-же появился на трибуне Жардецкий, где-то выжидавший этого места и вместе с ним Куликов и целая группа лиц, нам неизвестных—для нас стало ясно, что вопрос заранее предрешен. Между прочим, Жардецкий последние дни в школу являться перестал, ибо наша группа ему не давала прохода—проще говоря—не пускала его в здание, а кто-то, кажется С. М. Гоголев, даже его выгнал. Выступление его в такой момент, подогретое арестом Половникова, определенно давало событиям ход не в нашу пользу. Для нас это было ясно и сопротивляться, пытаться повернуть события в другую сторону, было бесполезно. Мы только немедленно дали знать Совету о случившемся Не выдержавший и пытавшийся выступить левый эсер Токарев был сразу-же арестован.

Школа была поставлена в ружье. Немедленно был захвачен находящийся неподолеку пороховой погреб и склад гранат, сняты часовые и забраны винтовки из расположенной рядом казармы без всякого сопротивления. В школу явился подпоручик Немчинов, провозглашенный командующим войсками. Им и его штабом был отдан приказ о занятии вооруженной силой штаба военного округа и здания Военно-Революционного Комитета. Последнее здание, как находящееся в некотором отдалении -вскоре было освобождено. К этому моменту, когда следовало ожидать начала дальнейших активных действий—к крепости были двинуты войска—Украинский полк, несколько отрядов Красной гвардии и боеспособные части полков. Школа оказалась отрезаной и притиснутой к Иртышу. Попытка соединиться с казачьей батареей, успеха не имела—батарею успели не то отвести в другое место, не то казаки сами не пошли.

Но жертвы уже были. В момент, когда школа была вызвана в ружье и два взвода ее выстроились в одном из корридоров, чтобы получить захваченные гранаты, у одного из юнкеров при вставке запальника произошла задержка. Он легонько стукнул гранатой по колену—и она завертелась под ногами сотни юнкеров с воспламенившимся запальником. Часть юнкеров успела выбраться в двери, остальные попадали на пол. Взрывом, происшедшим через несколько же секунд, было ранено 11 человек и один смертельно. Это был юнкер Канаев, чуткий и даровитый юноша, член школьного комитета, далекий от всяких выступлений и вообще военной обстановки, мечтавший о дальнейшем образовании. В страшных мучениях, получив более десятка ран, он через три часа скончался.

Целую ночь, взводы за взводами несли охрану школы. Утром же стало ясно, что выступление можно ликвидировать безболезненно. В школе, кроме учебного пулемета, 200 винтовок и двух возов гранат—ничего не было. Юнкера провели бессонную ночь, продрогли на дожде, первая горячка прошла.

На первом же собрании (а они шли беспрерывно), мы выступили с предложением освободить Половникова. Собрание могло кончиться крахом, нас могли при первых же словах переарестовать—и мы решили пойти на невинную хитрость. Председателем школьного комитета был некто Пехов, актер по профессии, обладавший огромнейшей глоткой, прямо-таки нечеловеческой силой голоса. Его-то мы и двинули, как тяжелую артиллерию. В нужный момент он

прерывал неугодного нам оратора, иногда даже замечанием не по существу, а одной силой своего голоса. Пользуясь перерывом, кто-нибудь из нашей группы (чаще Емельянов, Гоголев или я) начинал говорить. Если его прерывали (а сначала просто не давали возможности говорить)—и слово брал кто-либо другой--Пехов пускал опять в ход силу своего голоса-- и мы получали слово. Этот оригинальный способ ведения собрания по существу разрешил вопрос—наши сторонники, прибывали и прибывали, мы все дальше и дальше пробивали брешь в настроении школы, причем в числе доводов были и такие наивные, расчитанные на среднее юнкерство—как этот:—если Половников освобожден не будет и ваше выступление окончится неудачей—вас в офицеры не произведут. А если освободите Половникова, через несколько дней—срок выпуска и авось вам зачтут ваш глупый, опрометчивый шаг.

Пехов нашел какой-то удачный момент голосования, поставил вопрос—что называется „фуксом"—и провел нужное решение. Где было большинство голосов—неизвестно—но Пехов авторитетно, а еще более громогласно заявил, что большинство за освобождение. Попытки протеста были заглушены той же громогласной глоткой. А так как у большинства было одно настроение—хоть какой-нибудь конец, то и попытки созыва нового собрания нам удалось ликвидировать, разбивая мнения по одиночке и по-взводно.

Половников был освобожден. Окружавшие школу цепи ушли. Часть юнкеров разбрелась по городу, меланхолически раздумывая—удастся-ли теперь им получить погоны.

Но события на этом не прекратились. Днем, когда военно-революционный комитет предложил сдать все оружие и припасы и передать суду виновных в захвате склада гранат и винтовок—школа отказалась это выполнить, вторично стала в ружье и вторично была окружена войсками. До поздней ночи велись переговоры, и когда часа в три утра, вместе с представителями комитета, я попал в школу, то застал ее в полной боевой готовности. Даже все двери и окна зданий были забаррикадированы. Не спавшие две ночи юнкера, в полном боевом вооружении, с винтовками, столпились в здании столовой. Представителей комитета, очевидно ждали—был на месте президиум собрания.

Первым говорил т. Азаров (с. д. интернационалист), затем представители полков, и дальше было дано слово мне, как представителю школы в Совете Р. и С. Депутатов. Я подробно обрисовал настроение гарнизона, состав частей, которые готовы выступить, настроение Совета, где мной только что был сделан доклад. словом, привел все доводы, доказывающие полную безрассудность выступления и какого-либо сопротивления, подчеркивая, что требование разоружения вполне законно, что всякая власть, имеющая дело с попыткой сопротивления, должна это сделать.

Против этого резко выступил тот же капитан Селецкий, любимец большинства. Как утопающий хватается за соломинку, так и Селецкий решил использовать последний и довольно слабый довод. С дрожью в голосе, со слезами на глазах, показывая на свои золотые нашивки на рукаве –знаки ранений, Селецкий долго и действительно красиво и с чувством заговорил о чести мундира. Разоружить юнкеров, лишить оружия будущих офицеров—это значит разжаловать их или нанести тягчайшее оскорбление. Так говорит традиционная честь офицерского мундира. Никаких надежд на производство в офицеры не будет, коль скоро все юнкерство разоружено, превращено в толпу. Это значит, что у представителей власти нет веры в честное слово русского офицерства, что у них уже готово решение о расформировании школы и с этим решением школа соглашается, передавая свое оружие. Потрясая своим кортиком, Селецкий заявил, что при первой же попытке разоружить его, старого кадрового офицера—он или пустит пулю в лоб или будет защищаться до последней капли крови.

Нам было бы смешно спорить о традициях „чести мундира" и чувствах кадрового офицерства—поэтому Селецкому взялся возражать тот же Пехов. В запасе у него, вероятно, было достаточно красивых слов, вполне пригодных для

сцены и на театральную речь Селецкого он ответил таким громоподобным монологом, что впечатление от выступления Селецкого стерлось. Пехов не говорил—он играл. На позу Селецкого он ответил такими закругленными театральными жестами, в силу своего голоса вложил столько чувства, что мы диву дались...

— Никогда русское офицерство—гремел Пехов—не поднимало оружия против тех, кому оно должно было подчиняться. Никогда оно не занималось арестами командующих войсками... За такие вещи отдают под суд. И нас нужно судить. Требование о разоружении не есть приговор, это только шаг к расследованию дела. Судить нас будут потом и за дело судить...

В этот момент выступил представитель первого взвода первой роты Янсон.

— По поручению первого взвода первой роты докладываю, что весь первый взвод постановил сдать оружие.

Селецкому оставалось только сделать еще один красивый жест—он заявил, что коль скоро в школе нет единства и налицо имеется трещина—он умывает руки. Школа сильна спайкой, единством, а теперь было бы бесполезно что-либо доказывать и он рекомендует своим „друзьям и питомцам" найти это единство, хотя бы даже и вредное с его точки зрения.

И когда за сдачу оружия высказался начальник школы—Селецкий остался в меньшинстве получив около 60 голосов из 500.

И по окончании этой истории опять блестяще подтвердилось мое утверждение о мотивах восстания. Через три дня юнкера представляли из себя вполне деморализованную массу. Они группами и по одиночке пошли по домам, следом за теми солдатами, которых так недавно называли „серой скотиной, тянущейся к водопою". Часть ушла к Корнилову. Остатки жили в школе в такой грязи, что помещение далеко превосходило своим безобразием самую запущенную казарму. Наступили холода, школа сидела без дров, юнкера ломали заборы, стулья, скамейки и жгли, корридоры превратили в уборные. Словом школа представляла из себя блестящее подтверждение словам Селецкого о „чести мундира и высоком звании офицера".

Постановление о расформировании школы не застало в ней ни одного человека.

Но при первых же выстрелах, возвещавших начало чешского движения, в июле 1918 года, остатки юнкеров собрались в Омске и ушли на фронт за погонами, получить которые им не удалось в 1917 году. Ими был расстрелян тот самый Токарев, который осмелился выступить первым с резким протестом.

Безусловно, в тех же самых условиях и приблизительно в такой же обстановке произошли и остальные юнкерские восстания—в том числе и кровопролитное иркутское восстание в декабре 1917 года, стоившее иркутским рабочим тысячи жизней.

М. Басов.

НАУЧНЫЙ ОТДЕЛ.

К ВОПРОСУ О СОХРАННЕИИ СИБИРСКИХ ТУЗЕМЦЕВ.

ОЧЕРЕДНАЯ ЗАДАЧА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ КАРАГАССОВ *).

С тех пор, как зародилась сибирская общественность, одним из очередных и животрепещущих, но вместе с тем, трудно разрешимых вопросов был вопрос инородческий. Лучшие представители тогдашней журналистики неустанно доказывали настоятельную необходимость создания таких условий социальной и экономической жизни, которые исключали бы возможность и допустимость насильственного руссификирования сибирских инородцев. Однако, их требования, в условиях того времени, оставались гласом вопиющего в пустыне. Жизнь шла своим чередом, а инородческие племена под тяжестью русского бесправия, насилия и экономического гнета неуклонно шли по пути вымирания и одичания. Многие мелкие племена руссификаторской политикой правящей власти были стерты с лица земли. И в наше время, когда представилась возможность хоть отчасти разрешить извечный наболевший вопрос о праве на существование сибирских инородцев, лишь немногие из них оказались жизнеспособными воспользоваться завоеваниями революции и осуществить свои давнишние требования. Такие народности, как якуты, алтайцы, киргизы и монголо-буряты получили возможность автономного существования, более способствующего возрождению и расцвету их национальной культуры. Но и они вряд-ли скоро справятся с теми многочисленными и сложными задачами, которые неизбежно диктуются об'ективными условиями самостоятельного устроения своей жизни. Лишь тогда они выйдут на торную дорогу расцвета своей национальной культуры, когда создадут свою интеллигенцию, своих деятелей на различных поприщах,—труда, литературы, науки и искусства.

Что же, можно сказать о тех малочисленных племенах, которые до сего времени не успели выделить из своих рядов даже мало-мальски грамотных людей?

---

*) Помещая статью Ив. Евсенина, редакция „Сибирских Огней" не разделяет взгляда автора в той части статьи, где речь идет об организации управления карагассов.

Автор говорит:

„Организация, хотя-бы самого примитивного советского самоуправления среди карагассов, совершенно не мыслима".

Редакция считает такую точку зрения недостаточно убедительной. Советска система тем и отличается от буржуазных форм, что она весьма проста, несложна, доступна пониманию каждого труженника и применима к самым разнообразным условиям быта. Опыт пятилетнего советского строительства в Российской федерации показал, что советская форма легко прививается не только к народам и областям с высокой хозяйственной культурой, но и к таким хозяйственно и культурно отставшим народам, как киргизы, сарты, калмыки, якуты, буряты, зыряне, алтайцы и т. п. Конечно, шаблон в подходе к такой народности, как карагассы, вреден для дела.

Но это уже вопрос о том, как наиболее удачно к каргассам подойти при организации у них советского управления.

Их национальное бытие предрешено...

Ни о какой автономии их, ни о каком возрождении национальной культуры этих племен не может быть и речи.

Но мы не должны хладнокровно отмахиваться от тех голосов, стонов и воплей, которые доносятся из таежных дебрей и горных лабиринтов Восточной и Западной Сибири.

„Сохранение инородческих племен, развитие образования среди них, также как и призвание их к гражданской и умственной жизни, есть настолько же историческое право инородцев на общечеловеческое существование, сколько и исторический долг русской народности на Востоке".

Так писал несколько лет тому назад один из виднейших знатоков инородческого вопроса Н. М. Ядринцев.

Мы должны и обязаны придти на помощь погибающим мелким инородческим племенам и создать такие условия, которые хоть задерживали-бы их вымирание и способствовали зарождению и развитию среди них гражданственности, этого залога их национального существования.

Безразличное отношение государства к этому вопросу было бы равносильно желанию стереть с лица земли ни одну сотню тысяч сибирских инородцев.

Задача этой статьи выдвинуть современные нужды одного из таких малочисленных туземных племен и хотя-бы в общих чертах наметить пути их решения.

По образу своей жизни карагассы являются кочевниками, а по образу занятий—охотниками оленеводам.

Территория их кочевок распространяется на юго-восточную часть Канского уезда и на южную часть Нижнеудинского уезда.

Занятия охотничеством и оленеводством требуют значительной площади тайги и гор для пастбищ оленей и для охотничьего промысла.

Естественно поэтому, что кочевья карагассов разбросаны на громадном растоянии друг от друга по рекам (и их притокам) Бирюсы, Агула, Гутара, Тагула, Морхоя и Уды. Впрочем, нужно заметить, что за последние 8 лет карагассы принуждены были, благодаря учреждению Саянского заповедника в канской тайге. совершенно покинуть свои насиженные, отличающиеся хорошим промыслом места в Канском уезде и сосредоточиться, главным образом, в районе Нижнеудинского уезда по долинам рек (и их притоков) Б. Бирюсы, Уды, Морхоя и Ии. Однако, и здесь тайга достаточно богата ценными пушными зверями, дающими карагассам шкуры и мясо. Здесь добывают: медведя, лисицу, белку, соболя, горностая, сохатого (лося), марала (изюбря), оленя, коз и пр.

Охотничий промысел является основным источником существования карагассов, а оленеводство представляет собой как-бы неизбежный придаток к охотничьему кочевому быту.

Лет 40—45 тому назад оленеводство составляло серьезнейшую статью дохода в хозяйственном укладе карагассов, но за последние годы, вследствие все усиливающегося сокращения пастбищных угодий и общего об'единения племени—оленеводство сократилось более, чем на две трети. Безошибочно можно сказать, что средне зажиточная карагасская семья владеет не более, как 15-ю оленями, включая матух и быков.

Карагассы держат оленей, главным образом, для езды и перевозки имущества во время перекочевок. Уход за ними самый примитивный—круглый год они пасутся на подножном корму („каменный" мох, растущий на белках); никаких хлевов, где олени могли-бы спасаться от мороза и пронзительных порывов осеннего ветра, карагассы не делают. Удойность оленей ничтожна.

Охотничьим промыслом карагассы занимаются с раннего возраста. Лет 12—13 мальчик идет в тайгу; сначала под руководством отца или другого кого

из старших в семье (преимущественно на мелкого зверя), а потом он постепенно становится вполне самостоятельным охотником. Промышляют до глубокой старости „пока ноги держат и глаза видят".

Помимо охотничнего промысла карагасс существовать не может. И если промысел неудачен, карагасс обречен на голодовку со всеми ее пагубными последствиями. Неудача в промысле происходит от того, что летние пожары, уничтожая тайгу, уничтожают и распугивают зверя, что нередко у карагассов не хватает пороху, пистонов и дроби. Часто во время промысла испортится у карагасса ружье и он теряет весь промысел, так как на месте серьезного ремонта ружья никто не может выполнить. Вообще, охотничье ружье карагассов оставляет желать многого.

Ухудшению охотничьего промысла карагассов способствует еще и то обстоятельство, что карагассы в 1914 году были изгнаны, в связи с упомянутым заповедником, из своих родовых тайг, богатых соболями и изюбрами—и принуждены были откочевать на юго-восток—в места более худшие в промысловом отношении. Но и здесь они не были оставлены в покое. Они встретили серьезных конкуррентов по промыслу в лице русских заимочников, минусинских охотников, сойотов и отчасти окинских бурят. Все они имеют более совершенное, чем у карагассов, оружие, а, следовательно, и получают от промысла львиную долю.

Мало того, хищнические способы добывания зверя, практикуемые этими охотниками, в виде—плашек, ям, кулемок и отравленных пуль, с одной стороны обогащают пришлых охотников, а с другой стороны—хищническим уничтожением зверя разрушают в корне основы экономического благосостояния карагассов.

Нет необходимости иллюстрировать фактами, создавшееся на этой почве трагическое положение карагассов, но необходимо решительно признать, что такое положение не должно впредь иметь места.

Нужно теперь же, пока не поздно, положить предел дальнейшему обнищанию карагассов.

Необходимо, раз навсегда, приостановить дальнейшее сокращение площади промысловых и пастбищных угодий карагассов, воспретив всем не принадлежащим к карагасскому племени, вторжение в пределы их промыслов и охоту здесь без согласия самих-же карагассов. Но поселившиеся здесь (при наличии договора с карагассами) должны подчиняться всем тем обычно-правовым нормам, коими регламентируется общественно-правовая и хозяйственно-бытовая жизнь карагассов. Воспретить не только изданием „обязательного постановления" хищнические способы добывания зверя, но и установлением степени ответственности и наказания за нарушение его. Это обстоятельство вызывает потребность постоянной и сезонной (на время промысла) стражи, стоящей на высоте своего призвания в смысле нравственных качеств. Стража эта при известной самостоятельности своих действий на месте в конечном счете должна находиться в ведении особого уполномоченного.

Вне этого никакие обязательные постановления, никакие распоряжения действительной силы иметь не будут.

Говоря об идущем под уклон экономическом благосостоянии карагассов, необходимо отметить, что одним из главных факторов их обнищания является распространенная среди них система товарообмена с русскими торговцами и заимочниками.

Как подлинные охотники и оленеводы, ничего кроме пушнины не имеющие, они нуждаются в хлебе, чае, табаке, соли, ситцах, охотничьих припасах и пр. Все это с давних пор они получают в обмен на пушнину, кабарговую струйку и моральи панты от русских. Эта меновая торговля до сих пор сохранила все отличительные черты хищнической эксплоатации инородцев русскими. Обмеривание, обвешивание, спаивание и открытый обман достигают здесь легендарных размеров.

Вследствие своей необеспеченности и постоянной зависимости от капризных результатов промысла, карагассы принуждены забирать у русских продукты продовольствия и предметы домашнего обихода в кредит, до промысла.

Почти каждый „дружок" старается открыть карагассу кредит с таким расчетом, чтобы он при расплате остался должником. При новой нужде карагасс поневоле обращается к помощи своего старого „дружка", который уже успевает опутать должника сетями тройной таежной бухгалтерии. Всякий раз он в своей записной книжке или на „рубежках" ставит такую сумму долга, какая придет ему на ум, и всегда сумеет доказать должнику, что он „много ему прощает". При постоянной расплате карагассов со своими кредиторами все-же они оказываются неоплатными должниками. Нет ничего удивительного в том, что долги карагассов русским торговцам и заимочникам достигает колоссальной цифры—в среднем тысяч по семи *), по восьми на семью.

Но и это еще недостаточно ярко характеризует систему торговых операций русских с карагассами. При всякой сделке, при каждом приеме пушнины и заборе карагассами продуктов применяется в широком размере способ спаивания. Заимочник и торговец не поведут с карагассами никаких деловых разговоров, предварительно не споив их до невменяемости. И тогда карагассы находятся в полном владении „дружков", которые делают с ними все, что им заблагорассудится. Подобные деяния „дружков" неоднократно были зафиксированы протоколами полиции и доведены до сведения властей. Впрочем, большинство этих дел оставалось без всякого движения.

Для того, чтобы обеспечить карагассам более нормальные условия сбыта продуктов охотничьего промысла, необходимо поставить их в условия, исключающие всякую возможность зависимости от заимочников и им подобных „дружков".

В связи с этим выдвигается вопрос о своевременном и постоянным снабжении карагассов продуктами продовольствия и охотничьими припасами. Но если продовольственный аппарат не будет в должной мере налажен и планомерно организован, если снабжение карагассов всеми необходимыми для их повседневной жизни продуктами и припасами попрежнему будет находится в руках заимочников и торговцев, то эксплоатация русскими карагассов устранена не будет.

Лишь тогда у карагассов не будет нужды прибегать к помощи „дружков", когда все их потребности вполне будут удовлетворены этим продовольственным аппаратом. В качестве примера уместно указать на факторию „Иргубсоюза". Эти фактории, по словам самих-же карагассов, „дело шибко хорошее, там хлеб маленько подешевле, чай недорогой и самогонки не подносят", но самая система отпуска продуктов до сих пор нуждалась в коренных изменениях, ибо она нисколько не гарантировала карагассам нужного количества и своевременного получения жизненных припасов. Поневоле карагассам приходилось обращаться к помощи тех же „дружков", которые ставили карагассам решительный ультиматум: или иди в свой союз (так называют фактории Ирсоюза), или бери только у меня; тогда ни ногой в союз.

Карагассы уже прекрасно сознают, что кроме убытков и явного вреда от торговых операций с „дружками" они ничего не получают, но экономическое положение их и условия перекочевок таковы, что припасы, выдаваемые им факториями „Ирсоюза" не удовлетворяют главной нужды в них и карагасс волей-неволей вынужден кредитоваться все у тех-же торговцев и заимочников.

Таким образом систему выдачи карагассам продуктов и приема от них пушнины более чем необходимо видоизменить в сторону наибольшей гарантии карагассам *своевременного* получения *потребного количества* жизненных припасов. Кроме того, необходимо открыть карагассам на определенных условиях и до возможной нормы кредит.

Только таким образом можно вырвать карагассов из цепких лап таежных хищников и обеспечить им до некоторой степени более спокойное материаль-

*) Имеются в виду золотые рубли. Автор.

ное существование. Такой принцип в постановке дела, при надлежащем подборе честных, дельных и знакомых с местными условиями работников, обеспечит и „Иргубсоюзу" более благоприятные возможности для развития пушных операций в карагасском крае.

Органам, ведающим снабжением карагассов продовольствием, надлежит учесть это основное положение и сделать все зависящее от них в видах своевременного и полного удовлетворения карагасского племени предметами домашнего обихода, охотничьего промысла и продуктами продовольствия.

При иных условиях эксплоатация карагассов заимочниками будет по-прежнему продолжаться и наступит момент, когда карагассы останутся исключительно в руках заимочников, а фактории принуждены будут прекратить свою деятельность, и карагассы опять окажутся в кабале.

В заботах об устройстве карагассов в экономическом отношении необходимо предпринять меры к привлечению их к эксплоатации естественных богатств края.

Территория, занятая карагассами, славится своими естественными богатствами, до сего времени остающимися не разработанными. В таежных недрах на северных склонах каменных хребтов растет, ставшее с некоторых пор известным в качестве дубильного вещества, растение—*бодан*. Кедровые тайги, раскинувшиеся иногда на площади нескольких квадратных верст, могли-бы дать значительное количество ореха. Многочисленные реки содержат разные виды рыб: щук, леньков, налимов, хайриузов и пр. Речные долины и вершины каменных гор богаты лекарственными растениями, которые могли-бы до некоторой степени при теперешнем недостатке медикаментов, умерить нужду в них. Наконец, целый ряд условий благоприятствует развитию здесь пчеловодства, скотоводства, дегтярного и корзиночного производства, смолокурения и пр.

При условии умелой и рациональной эксплоатации естественных богатств края можно обеспечить стране значительное количество сырья. Наконец, при известных затратах и энергии можно было-бы не ограничиваться только вывозом сырья, а на месте-же организовать маслодельный завод, засолку рыбы, если не выработку рыбных консервов и пр. Доставка этих продуктов в Тулун или в Нижнеудинск обойдется не дороже 5 р. *) с пуда, что при современных рыночных ценах на масло и рыбу дало-бы возможность поставлять эти продукты значительно дешевле.

Мы не затрагиваем вопроса о разработке горных богатств, так как это вызывает большие затраты и требует специальных штатов.

Добыча же указанных продуктов вызовет лишь расходы по содержанию руководителей Все остальное будет выполнено самими карагассами.

Летом в течение двух с половиной месяцев карагассы бывают совершенно свободны от всяких работ и все это время проводят в праздных шатаниях из юрты в юрту. Они сами тяготятся этим вынужденным бездельем, но у них нет ни средств, ни инициативы для того, чтобы дать своей энергии рациональное приложение.

Участие государственных органов в этом деле должно выразиться в организации этого дела и в постоянном, через приглашенных для этого лиц, руководстве и инструктировании. Инструкторами в целях экономии сил и средств, могут быть и те лица, которые будут приглашены на службу по делам управления карагассами. Поэтому при подборе канцелярских и иных служащих и сторожей необходимо принимать в расчет их знакомство с теми или иными ремеслами или их практические познания в области пчеловодства, огородничества, рыболовства.

Ко всем этим отраслям деятельности должно быть привлечено в качестве живой рабочей силы все карагасское население. Это даст ему возможность увеличить свой бюджет, а главное—карагассы постепенно будут привыкать к более рациональному использованию своего досуга.

---

*) В довоенных рублях.

В качестве одной из частных мер, направленных к поднятию экономического благосостояния карагассов, настоятельно необходимо снабдить карагассов хорошим охотничьим оружием. Больших затрат на это не потребуется, так как для всего племени потребуется не больше 60—70 берданок. Необходимо допустить рассрочку платежа. Чем скорее это будет сделано, тем лучше. Хорошее оружие гарантирует успех промыслового сезона.

Улучшение материального положения карагассов в значительной степени сократит процент заболеваемости и смертности.

Безошибочно можно сказать, что около 50 проц. заболеваний среди карагассов обусловливается общими ненормальными условиями их существования. Значительная часть болезней при том, имеет главной своей причиной скудное питание, зачастую голодовки, влекущие кишечно желудочные заболевания, общее расстройство, отравление организма.

В силу идущих из поколения в поколение голодовок, умственные способности карагассов также не остаются без гибельных последствий.

Но одними мероприятиями экономического характера не должно ограничиться участие государственной власти в улучшении условий существования карагассов.

Карагассы, в силу особенностей своего кочевого быта, подвержены частым довольно серьезным заболеваниям.

Заразные болезни, например: венерические, сифилис, тиф, оспа; накожные, переходят из юрты в юрту, из одного стойбища в другое. Достаточно заболеть одному, как через некоторое время зараженными оказываются уже несколько человек. Изоляция больного совершенно не осуществима за отсутствием даже лишних юрт. Отсутствие у населения хотя бы самых элементарных понятий о гигиене, полнейшая медицинская беспомощность лишь способствуют распространению этих болезней.

Больные всецело предоставлены самим себе, в лучшем случае—прибегают к помощи стариков и старух, занимающихся лечением травами, кабарговой струей, медвежьей желчью, наговорами и проч. Польза от этого лечения ничтожна, а вред довольно ощутительный.

Нужно заметить, что карагассы весьма доверчиво относятся к научной медицине, охотно берут лекарства и употребляют их так, как это предписывается им врачем или фельдшером. Но беда в том, что научная медицина отделена от них расстоянием в 200—300 верст (Нижнеудинск).

Особенно трагично положение тех больных, которые нуждаются для своего лечения в обязательной медицинской помощи (слабые больные, получившие травматические повреждения). Поездка в Нижнеудинск верхом, на олене, для них совершенно не выполнима. Таким больным поневоле приходиться вручать свою судьбу воле доброго Кудая или благорасположению коварного Эрлик-Хана.

При простудных заболеваниях употребляют во внутрь потогонные растения, принятие их в юрте с температурой (зимой) до 35—38 Р. вряд-ли приносит пользу. Нет ничего удивительного в том, что ревматическими болями страдает добрая половина карагасского племени.

В еще более ужасных условиях находятся карагасски—роженицы. В русских деревнях, даже самых захолустных, роженица пользуется некоторым уходом и относительными удобствами. Карагасска же до последнего момента своей беременности исполняет решительно все хозяйственные обязанности, разрешаясь от бремени в холодной юрте, не имеет возможности хотя бы несколько дней провести в тепле и покое. Мне самому приходилось быть очевидцем, как только что разрешившиеся от бремени карагасски ходили на реку за водой и приготовляли чай, доили оленей и т. д.

Ни о ваннах, ни о бане карагасска даже и мечтать не может. Не раз приходилось наблюдать, что разрешившиеся от бремени не делали даже обмывания себя и ребенка.

Все это не должно удивлять нас, если мы представим себе жилищные условия карагассов, их полнейшее незнакомство с основами гигиены.

Вот почему карагасски—первороженницы дают значительный процент смертности, вот от чего добрая половина карагасских детей вымирает в возрасте до 2 лет (мои статистические данные до 1915 г.).

Карагассы вымирают, но вымирание это происходит не в силу каких то „предопределений судьбы", „физиологических и расовых законов", как это стараются некоторые „исследователи" внушить русскому обществу и этим убаюкать его, а исключительно благодаря тем вопиющим условиям их существования, к изменению и улучшению которых правительственные и общественные органы оставались до сего времени пассивны.

Так было, но так не должно оставаться теперь, когда многие сибирские туземные племена поставлены в иные более лучшие условия.

Государство должно взять на себя инициативу и в деле прекращения дальнейшего вымирания карагассов.

Помимо забот об улучшении материльного положения карагассов, оно должно теперь же приступить и к организации стационарной медицинской помощи им.

Само собою понятно, что при современных финансовых затруднениях нельзя надеяться, что дело медицинской помощи можно поставить на такую высоту, какая диктуется потребностью в ней карагасского племени. Но наличие действенного сочувствия к погибающей народности поможет заложить первые камни в деле организации серьезной медицинской помощи карагассам.

Переходя к вопросу об организации управления карагассов, я должен сказать то же, что говорил три года тому назад. Я говорил *) „создание хотя бы упрощенной формы земского самоуправления среди карагассов невозможно". Организация хотя бы самого примитивного советского самоуправления среди карагассов совершенно не мыслима, добавлю теперь. Этому препятствуют полная неграмотность племени, отсутствие известной степени гражданственности и хотя бы элементарного основного опыта в общественных делах. При таком положении вещей всеми делами неизбежно будут руководить теперешние и вчерашние эксплоататоры карагассов, от чего их положение нисколько не улучшиться, а ухудшится.

Я правильно выражу общее пожелание самих карагассов таким заявлением: в условиях современного общественного и социального уклада жизни карагассов необходимо временно сохранить порядок их старого внутри-племенного управления.

До сего времени карагассы управляются сугланом (общественным сходом), участие в котором принимает все мужское население от 18 до 55 летнего возраста. Исполнительные функции возлагаются сугланом на шуленгу и дарг. Каждый дарг управляется улусом, а все они вместе и порознь подчинены шуленге и ответственность несут перед своим выборщиком- улусом. Шуленга подчинен и несет ответственность перед всеми племенами.

Судебные дела (маловажного значения, более серьезного характера передаются в соответствующие русские судебные инстанции) разбираются всем сугланом, заседающим под председательством, особо избранного всем племенем старшины. Аппеляционных инстанций карагасский национальный суд не знает, да в них и нет потребности, так как решение этого суда, по заявлениям карагассов и моим личным наблюдениям, отличаются необыкновенной справедливостью и беспристрастностью. К своему суду карагассы относятся с благоговением.

Внутри-племенное управление карагассов не нуждается в изменениях по существу. Оно лишь требует со стороны государственной власти некоторого наблюдения и руководства. Это наблюдение и руководство должно быть возложено на особый орган, являющийся передаточным звеном между карагасским племенем и властью. Во главе этого органа должно быть поставлено

*) См. докладную записку Иркут. губерн. земск. собранию.

лицо, достаточно знакомое с языком, духовным и материальным бытом карагассов и их нуждами. И вообще это лицо должно быть достаточно компетентно в вопросах инородческих.

Для предварительного рассмотрения и освещения нужд туземцев и содействия заведующему (назовем так) при нем должен находится постоянный совет из представителей карагасского племени, созываемый по мере надобности или по требованию двух третей представителей карагассского совета.

При заведующем должны быть сосредоточены все дела управления и хозяйства карагассов. На его-же обязанности должно быть возложено: 1) разработка проэктов, направляемых к поднятию материального благосостояния и духовного уровня карагассов, 2) развитие грамотности и промыслов, 3) забота о своевременном снабжении туземцев продуктами продовольствия и охотничьими припасами. 4) охрана их от эксплоатации со стороны торговцев и заимочников, 5) борьба с хищнической эксплоатацией естественных богатств края.

При нем же должен быть организован статистический учет населения, изучение факторов его благосостояния, рождаемости и смертности. Только таким образом, налаженный аппарат может с успехом выполнить свои разнообразные задачи.

Обязанности заведующего, его взаимоотношения с губернской и центральной властью должны быть определены особой инструкцией.

Само собой понятно, что при заведующем должен быть организован постоянно действующий штат, который позволил-бы ему разбить работы до предельно-желательного максимума.

Помимо этого, для борьбы с хищническими уничтожениями лесов и зверя, спаивания карагассов, а также в целях создания более спокойной обстановки для работы, необходима промысловая стража, о которой я уже имел возможность упомянуть выше.

Территориальные условия и географические особенности края вызывают потребность такой стражи не меньше 10 человек.

В среде своей непосредственной деятельности, эта стража, подчиняется заведующему охраной, общие-же руководящие распоряжения исходят от заведующего управлением карагассами.

Что-же касается сезонной стражи, то таковая может быть организуема в случае надобности. Постоянная стража во время промысла усиливается за счет уездной милиции.

Учреждение постоянной стражи необходимо не только в интересах пушного промысла, но этого требуют и интересы государства, заинтересованного не только в сырье, но и в устроении жизни, входящих в его состав народностей.

Мы рассмотрели в самых общих чертах ряд мероприятий, способствующих улучшению экономического положения карагассов и общего устроения их жизни; однако, было бы ошибочным предполагать, что все это обеспечивает им счастливое существование.

Счастье нации только тогда осуществимо, когда вся нация принимает в этом деятельное творческое участие.

Только тогда инородцы достигнут того положения, о котором мечтали их искрение друзья и пламенные защитники Н. М. Ядринцев и Г. Н. Потанин, когда дело устроения и улучшения жизни инородцев перейдет в их собственные руки.

Никакие опеки, никакие заботы о них не смогут обеспечить им того, что они в силах создать сами,

Но такой момент для многих инородческих племен—особенно мелких еще не наступил. Он настанет лишь тогда, когда инородческие племена в данном случае карагассы выделят из своей среды деятельных и подготовленных работников.

Задача государственной власти и органов местного самоуправления в том и заключается, чтобы приблизить этот момент и создать такие условия эконо-

мической и культурно-правовой жизни карагассов, которые способствовали-бы выделению из своей среды деятельных и достаточно образованных работников; лишь тогда дело управления и их хозяйственно-правовой жизни станет на твердую почву, только тогда карагассы не будут, как дети, нуждаться в опеке над ними.

Приближение этого момента, помимо мероприятий, отмеченных выше, предполагает и необходимость развития грамотности среди карагассов. Для этого необходимо открыть на их территории школу с обязательным для учащего знанием бытовых условий бродячих инородцев и, если не карагасского, то хотя-бы одного из тюрко-татарских наречий *). В этой школе необходимо организовать преподавание рукоделия для девочек и ремесел для мальчиков.

Эта школа при соответствующем умелом преподавании и способности учащего подойти к психологии карагасских детей в скором времени могла-бы дать положительные результаты. Прежде всего она привила-бы учащимся и воспитала в них чувство серьезного и сознательного отношения к окружающей действительности, положению своего племени; воспитала-бы в них лучшие общечеловеческие и гражданские идеалы. А в этом залог сохранения племени от вымирания, в этом начало его культурного прогресса.

Заканчивая эти беглые строки, я хотел-бы вызвать у читателей то сочувственное отношение к погибающей народности, на которое оно вправе рассчитывать.

Историческая роль бродячих инородцев, достаточно ярко выявлена в соответствующей инородческой литературе и нам нет необходимости останавливаться на ней. Но нужно заметить, что карагассы явились одними из первых пионеров в истории колонизации суровых саянских предгорий и при крайне тяжелых материальных и правовых условиях на протяжении больше трехсот лет вносили свою лепту в сокровищницу русской материальной культуры. Исключительно благодаря им были открыты в первой половине XIX столетия золотые промыслы на реке Б. Бирюсе, по количеству добывающегося в Сибири золота занявшие одно из первых мест.

Будет время и я в этом убежден, когда и карагассы, эта маленькая вымирающая групка, некогда величественного и славного тюрко-татарского народа, выделит из своей среды деятелей и в области духовной культуры.

Но современное положение их, полное нищеты и бесправия, требует разумного и гуманного вмешательства со стороны органов государственной власти и местного самоуправления. Они не должны останавливаться перед затратами на поднятие экономического благосостояния инородцев, на укрепление среди них народного здравия, на развитие грамотности и культуры. Полумерами ограничиваться нельзя. Карагассы слишком некультурны, через чур бедны, чтобы устроение своей жизни взять самим на себя. Пока они нуждаются в помощи со стороны болеее культурной расы; они нуждаются в охране и в опеке, но в опеке разумной и гуманной.

Не будем создавать красочных иллюзий.

Окончательное разрешение ниородческого вопроса, меры и формы помощи инородцам—вопрос общегосударственного значения.

Лишь тогда будет разрублен гордиев узел трагических условий существования сибирских инородцев, когда этот вопрос получит свое разрешение в общегосударственном масштабе, когда будут отпущены для осуществления этих мероприятий достаточные средства, когда, наконец, будут созданы специальные институты, которым и будет поручена разработка и практическое осуществление всех этих мероприятий, направленных на благо инородцев.

---

*) В 1919 году Иркут. Губ. Земством была приглашена в качестве учительницы для предполагавшейся карагасской школы С. Н. Никифорова, телеутка по происхождению, знакомая с карагасским наречием и имевшая почти 5 летний стаж, как учительница в алтайских туземных школах, однако, развернувшиеся политические события отодвинули на задний план организицию школы среди карагассов.

Но это—вопрос будущего, а время не ждет. Инородцы гибнут от голода, от болезней, от своей собственной темноты, помощь нужна, помощь необходима теперь же.

Мы не можем сепаратными мерами вполне рационально подойти к правильному разрешению векового вопроса, но мы в силах сделать то малое, которое задержит вымирание инородцев, улучшит их положение, заложит основы того здания, возведение которого является одной из очередных задач государственной власти.

Мероприятия, которые должны быть проведены в отношении карагассов теперь-же и осуществить которые государственная власть в силах, в общих очертаниях таковы:

1) Полное своевременное удовлетворение карагассов продуктами продовольствия и предметами охотничьего промысла и хозяйства.

2) Урегулирование охотничьего промысла и воспрещение хищнических способов добывания зверя и уничтожения тайги.

3) Удовлетворение карагассов более совершенным оружием.

4) Всякое содействие возникновению и развитию местных ремесл и промыслов и постановка преподавания рукоделия и некоторых ремесл в школе.

5) Предупреждение дальнейшего сокращения площади кочевок и охотничьих угодий карагассов изданием соответствующего законоположения о землях бродячих инородцев.

6) Принятие энергичных мер против хищнической эксплоатации карагассов спиртоносами, торговцами и др. лицами.

7) Введение культурного оленеводства.

8) Организация медицинской и ветеринарной помощи.

9) Распространение в населении основных понятий санитарии и гигиены.

10) Поднятие культурного уровня карагасского племени путем организации школы, при условии знания учащим быта бродячих инородцев и если не карагасского, то одного из юных тюрко-татарских наречий.

Ив. Евсенин.

М. П. ОВЧИННИКОВ, КАК АРХЕОЛОГ.

История о том, как Михаил Павлович Овчинников сделался археологом, весьма характерна для ученых сибиреведов. Революционный жизненный путь, который в свои юношеские годы избрал Михаил Павлович, привел его в конце концов в отдаленный угол Сибири—в Якутскую область. Знаменитая „Владимирка" не одного его привела к изучению Сибири. Неизведанность края, глубокий интерес для науки каждой мелочи привлекали к себе лучших людей политической ссылки. Якутской области Сибирь особенно обязана, как месту зарождения своих исследователей. Сначала внимание М. П. привлекли к себе занятия в области этнографии якутов и русского старожилого населения Сибири. Затем он переходит к историко-архивным изысканиям. От занятий историей Сибири один шаг до занятий археологией. Этот шаг тем более естественен в Сибири, что у нас доисторическое тесно сплетено с историческим и с этнографическим, и Сибирь настолько богата доисторическими остатками, что каждый исследователь не может ими не увлечься.

Свои первые шаги на поприще археологии Михаил Павлович сделал еще в далеком Олекминском крае. После переезда в Иркутск М. П. встретился с двумя другими сибирскими археологами, его предшественниками по исследованию Прибайкалья,—Н. И. Витковским и П. П. Агапитовым, работы которых относятся к восьмидесятым годам, работы М. П. относятся, главным образом к девяностым годам прошлого столетия и первому десятку лет текущего.

Разработка каждой археологической проблемы проходит несколько стадий: 1—собирание материала (в археологии это особенно интересно и увлекательно), 2—ознакомление с добытыми материалами (интересно для собирателя, т. к. ему делается ясно то, во что выльется работа; здесь же намечаются и конечные выводы), 3—разборка и регистрация материала (скучнейшая механическая работа, весьма необходимая, но поглощающая массу времени и ничего не дающая собирателю); 4—описание и публикация (столь же скучное для собирателя изложение своих выводов и мыслей, держание корректур и прочее). Михаил Павлович проделывал только первые две стадии, не интересуясь завершением работы. Отсутствие научного тщеславия, столь характерное для него, не побуждало его закрепить за собой свои открытия, но оно—же не заставляло его делиться с миром результатами своих исследований: он работал исключительно для себя. Многие вещи он просто снес в Иркутский музей и хранил о них все данные в сокровищнице своей поразительной памяти.

Оригинальны были у него и археологические методы раскопок. Утром в праздник М. П. снаряжался (он всегда где-нибудь служил и располагал только праздником), брал чайник, сумку с горбушкой хлеба и большой нож и целый день проводил за городом, осматривая пашни, овраги, железно-дорожные выемки и промоины. Что лежало сверху, прямо отправлялось в сумку; что находилось в земле, выкапывалось оттуда ножом. Дома М. П. рассматривал найденное и иногда делал на предметах пометки в роде: В. Г. (Верхоленская гора) Ц. Д. (Царь—девица), К. (Кузьмиха) и т. д. Такой образ действий можно назвать разве только беглыми разведками. К правильным раскопкам Михаил Павлович никогда не приступал, ссылаясь на отсутствие денег и свободного времени. Но не в этом, конечно, лежала причина. В самой природе Михаила Пав-

ловича не было задатков, необходимых для организации раскопок в крупном масштабе. Он по натуре своей не был организатором; распланировать работу, распределить ее между рабочими, наблюдать за точным выполнением инструкции и неуклонно следить за ходом раскопок изо дня в день без всяких уклонений, было не в его характере. Зато он обладал другим, не менее ценным для археолога свойством. Это было его поразительно чутье. Чем и как руководствовался М. П. при своих открытиях, он и сам не знал, но, приехав куда-нибудь быстро ориентировался и прямо приходил на то место, где находилась доисторическая стоянка. Это чутье слагается из прирожденных способностей и навыков, почерпнутых из долговременного опыта. Приходится пожалеть, что он загубил за канцелярским столом столько времени и не имел возможности использовать его для разведок. Тогда бы, несомненно, вся карта Прибайкальского края была бы покрыта местонахождениями, открытыми М. П. Овчинниковым. К сожалению, ему в силу служебного положения приходилось пользоваться, как уже сказано, только праздниками, и область исследования сама собой ограничилась ближайшими окрестностями Иркутска. Но и в часы досуга Михаил Павлович сделал очень много открытий. Сибирь в археологическом отношении находится еще в периоде широких маршрутных исследований. Сначала такие археологи, как Овчинников, должны наметить пути исследований, а за ними пойдут по открытым уже местонахождениям археологи кунктаторы, тщательно раскопают, зарегистрируют и опишут все находки. В этом отношении заслуги—М. П. перед Сибирской археологией велики.

Все археологические открытия делаются более или менее случайно, и мы бессильны были бы в области открытий, если бы нам на помощь не приходила, с одной стороны, природа, с другой—разнообразные земельные работы, обнажающие скрытое в слоях земли. Здесь-то и ценны указания с мест, от деревенских любителей старины. М. П. обладал удивительным даром быстро сходиться с людьми и заражать их своим энтузиазмом. Кто в Иркутской губ. не знал или не слышал о Михаиле Павловиче? Кому не было известно, что в Иркутске живет удивительный старичек, которому надо сообщать о всех находках? И действительно, Михаил Павлович имел много корреспондентов на местах и от них получал сведения и вещи. Предметы поступали в его домашний музей, а сведения хранились в его ясной памяти. Непоправимая вина лежит на нас, его близких друзьях, что мы во время не записали все эти данные.

Планомерным занятиям археологией мешала в значительной степени крайняя разносторонность Михаила Павловича. Собственно говоря, он занимался сибиреведением; все касающееся Сибири его интересовало, но работал он только в четырех отраслях этой собирательной науки: 1—общественные движения, 2—историко-архивные изыскания, 3—этнография и 4—археология были предметом его изучения. Поскольку ценны были его знания в области сибиреведения, можно убедиться на примере его деятельности в иркутском университете. Он был одним из первых поборников идеи создания университета в Иркутске и деятельно работал над его открытием. Университет открылся,— Михаил Павлович и дальше нашел применение своим силам. В одной из отдаленных комнат он установил стол и здесь открыл действия руководимой им иркутской архивной комиссии. Сюда, в этот тихий уголок, приходил побеседовать то тот, то другой профессор молодого университета. В. И. Огородников, автор истории Сибири, получил ряд ценнейших справок от М. П., т. к. покойный живо интересовался этой областью и работая много лет по архивам, хранил в своей памяти массу интересных данных, которые нельзя почерпнуть ни из каких справочников, а можно приобрести только путем долголетней работы. А. М. Селищев, автор „Забайкальских старообрядцев" и „Диалектологии Сибири", часто совещался с М. П. и получил от него много сведений, т. к. М. П. и сам собирал сведения, касающиеся этой стороны народной жизни. Наконец, пишущий эти строки получил от М. П. ценнейшие сведения о местонахождении тех или иных доисторических стоянок окрестностей г. Иркутска. Иные приходили к М. П. за справками по истории революционного движения, о декабристах, о народовольцах и т. п.

Другие—просто поговорить с интересным стариком или же попросить у него бумаги для писания своих работ. Кстати, отмечу еще одну характерную черту Михаила Павловича. Он отличался редким отсутствием научной жадности, той отвратительной, к сожалению, столь распространенной черты—боязни поделиться с кем-нибудь своими мыслями, чтобы другой их не опубликовал вперед. М. П. сам даже старался узнать, кто что делает, и нес ему что либо из своих материалов, не предлагая даже отметить, что эта часть материала доставлена им. Только незадолго перед смертью Михаил Павлович обратился ко мне с просьбой укрепить за ним приобретение в работе по составлению археологической карты Прибайкалья—мысль, с которой Михаил Павлович давно носился и к подготовительным работам давно приступил. Делаю это теперь с особым удовлетворением, особенно ввиду того, что археологическая комиссия в Иркутске приступила к выполнению указанной работы и использовала в этом направлении многие советы покойного.

М. П. был археолог-самоучка, в полном смысле этого слова. Он не только никогда ни у кого не обучался археологии, но даже основных учебников археологии не признавал и не читал.—„Я с этими иностранцами не согласен",—говорил он мне по поводу классификации,—„это может быть и так для Европы, а у нас в Сибири все совершенно по своему". На мой вопрос, нет ли у него каких-либо археологических общих сочинений, он мне ответил:—„Была у меня эта... книга.., да какой-то подлец зачитал ее. Автора я позабыл". М. П. просматривал преимущественно „Известия" Археологической Комиссии, „Древности" и т. п. журналы, содержащие главным образом описание находок; останавливался он предпочтительно на сибирском материале. Но такое недоброжелательство к книгам и к обобщениям М. П. проявлял только в отношении археологии. В остальных же областях М. П. был то, что называется, книгоед, у него самого была довольно приличная библиотека. Отсутствие всякой школы и даже самообразования в археологии у М. П. отчасти искупалось специальным археологическим чутьем, при помощи которого он постигал порою очень сложные вещи; например, тонкости кремневой техники он постиг в совершенстве, а это дается только путем длительных упражнений в специальных лабораториях. К разряду этого же смешения разнородных черт, надо отнести и фантазерство Михаила Павловича, связанное в то же время с отсутствием умения перейти от метериальных предметов (кремневых орудий) к реконструкции образа жизни древних населыников Прибайкалья. Часто Михаил Павлович приносил с собой с экскурсий окатанные водой голыши, уверяя, что это несомненные орудия, или горячо убеждал, что выветрившиеся бороздки на круглой гальке, суть доисторические письмена. Но в это же время не шел дальше обычного определения орудий, не стремясь ни воссоздать их древнее применение, ни картину быта каменного периода в долине Ангары.

Поразителен энтузиазм М. П., с которым он предавался любимому делу, поразительна преданность его сибирской археологии. Своим энтузиазмом он заражал посетителей музея, когда он, в качестве консерватора восточно-сибирского отдела Русского Географического Общества, водил экскурсии. Своим энтузиазмом он сплотил вокруг себя молодежь, преимущественно студентов-иркутян, учившихся в то время, за отсутствием своего университета, в различных высших учебных заведениях России. С ними он предпринимал экскурсии по открытым им стоянкам доисторического человека. К сожалению, случайно, все это были юристы, технологи врачи, натуралисты и т. д.

Студенты раз'ехались, а коллекции, собранные во время экскурсий трудами М. П. и его кружка, были молодежью завезены в Петроград, сложены „для разбора и опредения" в одной из запасных комнат академии наук, где и посейчас лежат запыленные и забытые. Кто знает, доберутся ли до них любящие руки, да и смогут ли привести их в известность? Положены ли при них какие-либо записи?

Музейная деятельность М. П. выразилась в том, что он был в течение некоторого времени консерватором музея восточно-сибирского отдела Р. Г. О. в

Иркутске. Должность эта давала ему много возможности свободно работать в избранной области, но, к сожалению, внутренние раздоры и интриги, от которых страдал отдел последние 20 лет, быстро устранили М. П. от занимаемой им должности. Это было одним из тяжелых его воспоминаний. Много любви и страданий вложил он в музей и археологический отдел, гордость Иркутского музея, является почти исключительно делом его рук. До него этот отдел представлял собой небольшое собрание доисторических предметов. Теперь-же это большая зала, содержащая 23 витрины и более 8000 предметов. С удивительной любовью и энтузиазмом Михаил Павлович принялся за развитие своего любимого отдела, отдал в музей все свои коллекции, тщательно собирал новые и побуждал любителей древностей жертвовать. Если мы из археологического отдела исключим вещи М. П., то в отделе почти ничего не останется. Поэтому отдел смело можно назвать отделом Михаила Павловича Овчинникова. Но как у музейного работника у него были и крупные недостатки, вытекавшие опять таки из положительных качеств его натуры, из его пылкости, горячности и избытка энтузиазма. В регистрации коллекций музея восточно-сибирского отдела Р. Г. О. вообще было много путаницы и больше всех путаницы завел сам М. П, Не в его экспансивной натуре лежала педантичная машинность музейной регистрации. К талантливому М. П. надо было приставить еще одного бездарного М. П.; один должен был работать в поле, делать открытия, привозить новые коллекции; другой должен был только сидеть в музее, писать №№ на предметах и вносить все данные о добытых коллекциях в инвентарь. И тот и другой М. П. не совместимы в одном человеке. К счастью для коллекций, я с небольшой группой студентов Иркутского государственного университета успели во время позобрать коллекции, составить описи и под руководством М. П. внести все нужные данные в инвентарные описи. Он сам через день, через два приходил к нам в музей и давал указания, нам, где найденый и кем доставлены невыясненные предметы. Память его нас поражала. Он знал „в лицо" каждый предмет и мог о каждом рассказать его происхождение. В начале не верилось, что старик все помнит, я пробовал проверить его, я откладывал определенные им предметы к невыясненным,—и на следующий раз он давал теже самые обозначения их местонахождения. Благодаря нашей совместной работе, дефекты в регистрации оказались устраненными. Люди, бывавшие у М. П. дома, конечно, помнят хорошо те Плюшкинские кучи, которые представлял собой его рабочий стол, пространство под столом и так называемый „кабинет",—те участки, куда чистоплотная Александра Александровна не должна была заходить со своими щетками, мыльными тряпками, мытьем и т. п. очистительными средствами. Это были пыльные горы, из которых тут и там торчали углы книг, рукописи, старые газеты, иконы, старинное оружие, картины с нашитыми на них вещами и разные свертки и бесформенные предметы. В этом хаосе М. П. гораздо быстрее все находил и ориентировался, чем мы при помощи наших карточных каталогов. Тоже было и в музее: по углам, в ящиках, за шкафами всюду были "завалы" вещей, всюду стояли коробочки, запихнуты были свертки, лежали отдельные предметы. Положено это было с тем, чтобы в „свободное время" записать, но это желанное время не приходило. Коллекции не только не были систематизированы, но даже не расставлены по трем периодам—камень, бронза, железо.

Значение работ М. П. для архиологии Сибири чрезвычайно велико. Только его скромность и нелюбовь к систематизации и публикации помешали ему еще при жизни стать в ряду крупных археологов и нам, пишущим его биографию и продолжающим его работы, придется еще не раз выдвинуть его научные заслуги. Он первый произвел подробное исследование края в археологическом отношении. Можно сказать, что он сделал за будущих археологов, которым предстоит работать в Прибайкалье, всю черновую работу и тем дал возможность теперь приступить к систематическим исследованиям. Честь положения путей будущих исследований принадлежит М. П. Без его предварительных работ мы стояли-бы теперь все еще перед необходимостью производства

разведок и нащупывания основных элементов сложного комплекта напластований различнейших культур, оставивших вещественные памятники на площади края.

Теперь-же, благодаря работам М. П. Овчинникова, мы можем избрать ту или иную определенную проблему доисторического прошлого края и повести исследования по заранее выработанному плану. Большой научной заслугой является масса открытых М. П. доисторических стоянок. Будущие исследователи избавлены от тяжелой, и отнимающей массу времени, работы—хождения по горам, оврагам, пашням с целью найти остатки доисторических эпох: эта работа уже произведена. Достаточно обойти открытые и указанные М. П. пункты и, избрав наиболее соответствующий, приступить к его раскопкам. Колоссальное значение для сибирской археологии вообще и для областной в частности имеет обширнейшее собрание предметов по неолиту с берегов Ангары, составленное почти исключительно М. П. Коллекции эти настолько велики и полны, что можно по ним одним составить исчерпывающее монографическое описание неолитической культуры края. В значительной своей части это под'емный материал, но как и всякий под'емный материал он представлен прекрасно сохранившимися образцами. Дальнейшие раскопки стоянок дадут несомненно много обломочного материала, которым всегда изобилуют подобные местонахождения. Но этот недостаток будет вполне покрыт цельными экземплярами из собрания Михаила Павловича.

Нет в настоящее время такого начинания в области археологии края, которое не было-бы задумано М. П для которого уже собраны им материалы, о котором он имел определенные, порой смелые и оригинальные, суждения. Заинтересовавший так за последнее время Иркутских археологов и историков вопрос о прохождении якутов через области, лежащие к северу от Байкала, получил ряд археологических обоснований от М. П. Когда мною были открыты остатки неизвестного скотоводческого народа, знакомого с выделкою железа, названного мною провизорно „курумгинские кузнецы", я пришел к выводу, что это остатки предков якутов. Поделившись своими выводами с М. П., я узнал от него, что им уже давно найдены аналогичные остатки еще в ряде мест, и что он свои находки тоже приписывает древним якутам. С тех пор мы начали рука об руку с М. П. разрабатывать „якутскую проблему", как мы шутя окрестили эти изыскания.

В 1920 году открыла действия археологическая комиссия в Иркутске. Основной работой, предпринятой комиссией, является составление археологической карты края. Но и в этом отношении комиссия только продолжает работы, начатые М. П. Еще в 1894 г. он не только сам принял живейшее участие в работах комиссии несмотря на болезнь, приковывающую его к постели, но передал комиссии все имевшиеся в его распоряжении материалы и карты.

Наконец, к научным заслугам Михаила Павловича следует отнести и его настойчивые указания на существование бронзового века в Иркутской губернии. Хотя до сих пор этот вопрос нельзя считать выясненным в виду ненахождения ни курганов, ни могил с погребениями, характерными для бронзового периода Сибири, тем не менее его указания очень ценны. Он считал, что после неолита был краткий медный век, когда основным материалом был попрежнему камень, но уже употреблялись медные орудия. Подтверждение этого он видел как в нахождении отдельных медных орудий, так и погребений (глазковский некрополь), где вместе с каменными орудиями покойнику были положены тонкие листовидные медные кинжалы. Медный век был сменен бронзовым периодом, когда, по мнению М. П., по прежнему в Иркутской губернии употребляли и каменные орудия. Образ жизни в этот период нисколько не изменился сравнительно с неолитическим периодом. Богатая коллекция М. П. дает подтверждение(особенно бронзовые котлы „скифского типа"), что минусинская бронзовая культура распространялась и на Иркутскую губ. Положение, высказанное М. П. относительно медного и бронзового века, конечно, смелое, но, как ни странно, все дальнейшие изыскания в этом направлении дают новые подтверждения его гипотезе.

Из печатных работ по археологии у Михаила Павловича имеется всего одна:—Материалы для изучения памятников древностей в окрестностях г. Иркутска. Известия вост. сиб. отд. Р. Г. О. т. XXXV, 1904, № 3. Эта сводка наблюдений за ряд лет представляет собой хаотическую смесь самых разнородных элементов, которая так для него характерна. Здесь и якутская проблема и „белокурая раса" и разведки по неолиту на правом и левом берегах Ангары и находки палеолитической стоянки „Верхоленская Гора" и описание борьбы с инженерами-строителями сибирского пути и разрушителями глазковского некрополя и многое другое, в том числе и материалы по культу рыбы. В этой коротенькой статье, содержавшей всего 14 страниц нагромождено столько материала, что даже такой внимательный археолог как А. А. Спицин, собравший для своей работы „Русский Палеолит" все сведения до беглых заметок, где имеются хотя бы намеки на возможность нахождения палеолита, не усмотрел в этой статье определенных указаний на палеолитические стоянки „Верхоленская Гора" и „Рабочий Дом". Как статья М. П., так и его способ хранения коллекций настолько спутаны, что я, приезжая почти ежегодно в Иркутск, начиная с 1912 года, беседуя с ним и занимаясь в музее, не подозревал, что в 8 верстах от здания музея находятся палеолитические стоянки, которые я тщетно разыскивал во время своих раз'ездов. Только когда с моим переездом на постоянное жительство в Иркутск было приступлено к приведению в порядок музея и удалось выделить предметы со стоянки на Верхоленской горе, моим изумленным глазам представился действительный палеолит. За этими раскопками, произведенными в музее, последовали раскопки на месте. Только стаял снег, мы с Михаилом Павловичем были уже на Верхоленской горе, а затем благодаря средствам, отпущенным Иркутским госуд. университетом, удалось поставить правильные раскопки по последнему слову археологической техники и в течение двух лет 1919 и 1920 г. г. закончить раскопки этой замечательной находки М. П. Подводить итоги значения этого открытия впредь до полной обработки лока не представляется, конечно, возможным; достаточно указать, что в Сибири известно всего три палеотических стоянки. Томская находка ничего существенного не дала; Красноярский палеолит находится еще в стадии разведок, и только открытие М. П. является в настоящее время руководящим для самого древнего периода жизни человека в Сибири. Из других открытий Михаила Павловича надо отметить некрополи в Глазковском предместьи Иркутска, неолитическую стоянку Царь Девица (3-я верста от Иркутска вверх по Ангаре на левом берегу), смешанная стоянка—неолит и железо—Кузьмиха (5-я верста), такая же стоянка Малая-Межовка (6-я верста), стоянка того же типа Большая-Межовка (9-я верста), неолитическая стоянка Ерши (11-я верста). На всех этих стоянках Михаил Павлович побывал со студентами Иркутского гос. университета и завещал молодежи продолжение своих работ. Незавещанными остались стоянки около ст. Михалево на левом берегу Ангары и стоянки Лисиха и Разводная на правом берегу. Впрочем, на этих стоянках с Михаилом Павловичем были кое-кто из жителей г. Иркутска и таким образом их местонахождение удастся установить. Гораздо труднее будет найти палеолитическую стоянку „Рабочий Дом", а также стоянки в падях Горюново и Убиенных. В одной из них, по словам Михаила Павловича, найден эолит. Мы с ним хотели с'ездить посмотреть этот эолит, но осенью 1920 года Михаил Павлович чувствовал себя очень слабо, а до начала археологической кампании лета 1921 года он не дожил.

Но он может спать спокойно, дедушка сибирской археологии. Своим энтузиазмом, своей горячей любовью к сибирской археологии он зажег исследовательский дух в сердцах юных сибирских археологов, и то, что им не доделано, сделают те, кому он завещал продолжение своих работ, а молодой Иркутский университет поведет изыскания дальше с того места, где остановился М. П. Овчинников.

Проф. Б. Петри.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ.

ПЯТЬ ЛЕТ БОРЬБЫ И ПОБЕД.

(К пятилетней годовщине Октябрьской революции)

„Мы вправе гордиться и мы гордимся тем, что на нашу долю выпало счастье *начать* постройку Советского государства, *начать* этим новую эпоху всемирной истории, эпоху господства *нового* класса, угнетенного во всех капиталистических странах и идущего по всюду к новой жизни, к победе над буржуазией, к диктатуре пролетариата, к избавлению человечества от ига капитала, от империалистических войн."

(*Н. Ленин—„К четырехлетней годовщине Октябрьской революции"*).

Февральская революция 1917 г. означала начало конца империалистической войны. Отсталая в промышленном отношении, ведшая войну в значительной степени на средства и при помощи иностранного капитала, самодержавная Россия первая дала трещину, ибо нигде разрушение производительных сил и обнищание трудящихся слоев населения не достигли таких пределов, как в России.

Чем была в сущности Февральская революция? Буржуазия, докатившаяся на плечах восставших рабочих и солдат до власти, пыталась изобразить ход событий в таком свете, какой только ей был выгоден для укрепления ее господства. Вся она, от Гучкова до Керенского, рисовала дело примерно так: самодержавие оказалось не способным вести войну, власть находилась до сих пор в руках министров казнокрадов и изменников, которые не могли обеспечить России победу. А „народ" требует победы и для этого хочет иметь министров „честных" и „патриотичных". В изображении Милюкова получалось, что Февральская революция—это движение „глубоко патриотическое", возглавляемое „представительством русской чести и совести", гучковско-родзянковской Государственной Думой. Естественно, отсюда следовал вывод: „новая" Россия, Россия Гучкова-Терещенко-Керенского, обязуется свято чтить и безоговорочно выполнять все „союзные обязательства", которые были взяты на себя перед лицом иностранных банкиров и королей правительством Николая Романова. Ибо одно дело—„наши семейные дела" (смена власти), другое дело международные обязательства России, как государства. А главное: „война до конца, до полной победы, до Берлина и до Константинополя". Ведь только во имя этого, или, по крайней мере, прежде всего во имя этого произошел переворот.

А биржи Лондона и Парижа, после некоторого размышления, заявили своему агенту Милюкову о том, что они „приемлют" русскую революцию. В самом деле, почему не „приять" революцию, когда она движется столь патриотическими мотивами и когда ее министрами являются сами Гучков и Милюков—один в роли руководителя армии, другой—в качестве руководителя международной политики революционной России.

Международная биржа просчиталась: слона она как будто не приметила; социально-экономическая природа Российской революции, как будто осталась для нее книгой за семью печатями. А, между тем, положение было ясно до очевидности. Февральская революция родилась под лозунгом: „мир, хлеб и свобода", что в переводе на отшлифованный политический язык означало: „долой войну, долой самодержавие, долой буржуазию". И если с самого начала революция не получила законченного выражения в форме организации Советской власти, то не потому, что она была революцией буржуазной и не могла ставить себе задачи свержения диктатуры буржуазии, как о том любили напевать меньшевики и прочие мудрецы от, так называемого, социализма, а только потому, что силы пролетариата были до последней степени распылены войной, а крестьянство, как политическая сила, не успела еще к этому времени оформиться.

Революция стала развертываться и углубляться с момента своего зарождения, ее перерастание из буржуазно-демократической в социалистическую совершалось с какой то сказочной быстротой, вопреки всем попыткам буржуазии и ее агентов из „социалистического лагеря" (эсэры, меньшевики) впречь ее в оглобли „революционно-демократической законности".

Рабочие и солдаты требовали прекращения войны, а Милюков держал курс на „войну до полной победы". Солдаты требовали раскрепощения их от казарменного гнета и бесконтрольной власти царских генералов, а Гучков квалифицировал, это как „измену отчеству". Столкнулись две различных классовых психологии, различные классовые интересы. Кто победит?

Промежуточные, шатающиеся и фактически на каждом шагу предающие интересы рабочего класса партии 2 Интернационала (меньшевики и эсэры) пытались „спасти революцию" (ох, уж эти спасители!) излюбленным их сердцу методом: ни тем, ни другим, а найти золотую середину—образовать коалиционное правительство, в котором интересы закабаленных и придавленных войной и капиталом трудящихся классов—с одной стороны и интересы эксплоататорских классов—с другой нашли-бы трогательное примирение. Как это всегда бывает, золотая середина не спасла положения.—Коалиция лишь укрепила позицию буржуазии. Сменивший Гучкова Керенский продолжал дело Гучкова, но уже именем „революционной демократии", а то и „трудового народа". В случае затруднений „социалистов" из коалиционного правительства (Керенский, Церетелли, Чернов, Скобелев) обращались за поддержкой к „организованному пролетариату" в лице Петербургского Совета рабочих депутатов, а потом ЦИК, находившийся тогда в руках меньшевиков и эсэров. А „затруднения" эти бывали. И обнаруживались они не состороны буржуазии, с которой у нашей „революционной демократии" всегда находился общий язык, а со стороны волнующихся масс рабочего класса, армии и крестьянства.

Эс-ры и меньшевики пытались „спасти революцию". Они обязались „организованным путем" отстаивать интересы трудящихся перед лицом капитала. А на деле вышло, что меньшевики и эс-эры сами собственными своими руками проводили все необходимые для буржуазии меры. Так было с требованием рабочих установить 8 ми час. рабочий день, так было с требованием введения рабочего контроля над промышленностью, которую капиталисты, в предведении своей судьбы, раззоряли и распродавали направо и налево. Так было и с требованием контроля над банками... Они пытались кого-то убедить, что, стоя вместе с буржуазией у власти, они как-нибудь урезонят их хозяина—английского посла Бьюкенена завязать разговоры о мире на „приемлемых для союзников условиях", а на деле вышло, что по приказу этого самого Бьюкенена они двинули армию в наступление (июньское наступление 1917 г.)— безнадежнейшее и самое подлое предприятие, какое когда-либо знала история.

И когда чаша терпения переполнилась и массы рабочих и солдат в июльские дни вышли на улицы Петербурга и Москвы с твердой решимостью до конца бороться за свои интересы—это уже был не простой протест против войны и власти „министров-капиталистов". Это была прелюдия к Октябрь-

ской революции. Это означало, что массы высвободились из-под влияния меньшевиков и эс-эров и что в их сознании нет теперь грани между буржуазией, и так называемыми социалистами из коалиции. Для масс—это теперь сплошная контр-революционная сила, которая должна быть свергнута и разрушена.

Можно считать, что к этому времени политическое самоопределение пролетариата и части армии уже закончилось: эти две силы были на стороне нашей партии, развернувшей знамя социалистической революции и Советской власти. Неясной долгое время оставалась позиция деревни, и, следовательно, той части армии, которая наиболее тесно с деревней была связана. Но об этом также позаботились наши „спасители от социализма". Крестьянство с нетерпением ждало разрешения аграрного вопроса, а правительство Керенского с этим розрешением не торопилось: оно откладывалось до Учредительного собрания, а Учредительное собрание, в свою очередь, откладывалось до неизвестного будущего. А когда крестьянство пыталось, через свои крестьянские комитеты, само приступить к ликвидации помещичьего землевладения и остатков крепостничества, его действия трактовались, как „преступления против революции и закона". Получалась умилительная картина: революционный народ сверг царя и его министров, а помещики остаются на своей земле, при своих привилегиях и удобствах. Крестьянство десятками лет боролось за землю, а когда совершилась революция—„революционная" власть, земли у помещиков не отнимает, а крестьянству предлагает ждать Учредительного собрания. Что странного в том, что передовые слои крестьянства, находившиеся в армии, а за ними постепенно и вся крестьянская масса отвернулась от „революционной демократии" и пошли за нами, за партией „социалистической революции".

Так был подготовлен великий Октябрь.

* * *

Российские обыватели из 2 интернационала, все эти Гоцы и Даны, в эту пору изображали дело так, что большевики водрузили знамя гражданской войны „в среде единой революционной демократии". Как же! Они, эти Гоцы и Даны, и большевики, это, по сути дела, представители одних и тех же классов, в крайнем случае—это не больше, чем фракции „единого социалистического фронта".—Между теми и другими имеются „тактические разногласия", которые должны быть разрешены „волею большинства революционной демократии". Но затевать войну против своих же „братьев по демократии", против таких хороших социалистов, как меньшевики и эс-эры, это преступление против революции. Смерть большевикам!

Эти господа, уже на второй день революции обнаружившие всю свою бессодержательность, пытались, как всегда, свою дряблость и никчемность прикрыть букетом пустых фраз. Они как будто не замечали, что дело не в тактических разногласиях, а в самом основном—в подходе к революции, в понимании ее характера и той роли, которую в ней должен играть пролетариат. Для них революция 1917 г. это был политический переворот, ни в малейшей степени не затрагивавший собственности. В эту революцию осуществляются, по их рецепту, „заветные мечты лучших людей", как любили когда-то выражаться либералы и народники: деспотизм низвергнут, власть переходит в руки „всего народа", по всеобщему и равному, или, говоря проще, в руки буржуазии. В эту „великую национальную революцию" пролетариат должен ставить себе только такие цели, которые не противоречат интересам революции, как „национальной", „всенародной", т. е. не экспроприировать собственностью буржуазии, не увлекаться максималистскими требованиями вроде 8 часового рабочего дня или контроля рабочих над промышленностью, не подрывать обороноспособности „великой России" в борьбе ее против „германского милитаризма", не требовать мира, когда этого не хотят сеньор Терещенко и сэр Бьюкенен; одним словом,—„беречь революцию", (т. е. временное правительство Львова-Керенского), как „национальное достояние".

Такова была одна идеология, идеология героев желтого социализма.

Послушаем теперь, что говорили представители „другой фракции" большевики. В. И. Ленин приехал из-за границы 3-го апреля 1917 г., а 4 апреля он выступил на собрании социал-демократов с такими тезисами:

1) „В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К-о безусловно остается грабительской империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы на малейшие уступки „революционному оборончеству".

„На революционную войну, действительно оправдывающую революционное оборончество, сознательный пролетариат может дать свое согласие лишь при условии: а) перехода власти в руки пролетариата и примыкающих к нему беднейших частей крестьянства; б) при отказе от всех аннексий на деле, а не на словах; в) при полном разрыве на деле со всеми интересами капитала; г) доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром *нельзя* без свержения капитала; организация самой широкой пропаганды этого взгляда в действующей армии;

2) „Своеобразие текущего момента в России состоит в *переходе* от первого этапа революции, давшего власть буржуазии в силу недостаточной сознательности и организованности пролетариата,—ко *второму* ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства".

3) „Никакой поддержки временному правительству, раз'яснение полной лживости всех его обещаний, особенно относительно отказа от аннексий. Разоблачение, вместо недопустимого, сеющего иллюзии, „требования", чтобы *это* правительство „правительство капиталистов, *перестало* быть империалистским".

4) „Раз'яснение массам, что СРД есть *единственно возможная* форма революционного правительства".

5) „Не парламентская республика, а республика советов Р. и К. Д. по всей стране, снизу до верху".

6) „Конфискация всех помещичьих земель".

7) „Национализация всех земель в стране".

8) „Немедленный переход к контролю со стороны СРД за общественным производством и распределением продуктов".

9) «Инициатива создания революционного интернационала" и т. д. (Н. Ленин, собр. сочинений, том XIУ стр. 17—19).

Это был черновой набросок платформы Российской Коммунистической партии (тогда еще с. д. большевиков) в эпоху революции. Тут не все еще доведено до конца Так, тут нет еще национализации промышленности. Но ведь это было буквально на второй день после революции, когда трудно было предвидеть каким темпом она будет развиваться. Но если сопоставить эту платформу с тем, какие задачи ставили себе русские партии 2 интернационала (с-ры и меньшевики) то сразу станет понятно, что все разговоры о поднятии большевиками „войны внутри революционной демократии"—сплошной вздор. Тут не „единая революционная демократия", а две борющихся между собою классовые силы, здесь две стороны баррикады. По одну стоят меньшевики и с-ры с излюбленными их сердцу „демократической республикой", „общенациональной революцией", поддержкой буржуазного временного правительства и войны, больше чем почтительным отношением к институту частной собственности. С другой—большевики с диктатурой пролетариата, советской властью и рядом переходных, но весьма решительных мер к социализму.

Как видим, тут дело—не в „тактических разногласиях", а в том, что меньшевики и с-ры оказались не социалистическими партиями, защищающими интересы пролетариата, а всего только крайним флангом единого буржуазного фронта, которому противостоял фронт большевистский, пролетарский.

Ошибка, или точнее—заблуждение большевиков состояло в том, что они некоторое время допускали возможность *мирного* перерождения революции и власти; им казалось, что переход власти к Советам может совершиться в результате длительной и упорной пропаганды, без применения более сильно дей-

ствующих средств. Июльские дни, когда все контрреволюционное и оголтелое от Керенского и Алексинского до генерала Корнилова об'единилось в попытке уничтожить большевиков и задавить революцию, показали, что эти надежды в достаточной мере безпочвенны. И уже тогда вопрос о новой революции, не только совершаемой рабочими и крестьянами, но и совершаемой для рабочих и крестьян, стал в порядок дня. Мятеж, организованный Корниловым с благословения Керенского, только ускорил ход событий. А вообще—мы шли к октябрю, не воюя „внутри единой революционной демократии", а *против* этой „революционной демократии", которая, по сути своей, мало чем отличалась от буржуазной контр-революции.

Октябрьская революция впервые в опыте истории показала, на что способен пролетариат, когда он становится у власти.

Три основных проблемы были выдвинуты революцией: прекращение войны, разрешение аграрного вопроса и удар по собственническим правам и привиллегиям буржуазии. До того момента самой сложной проблемой был выход из войны. Соглашательские партии пугали себя и других тем, что выхода из войны нет вне заключения общего мира между всеми воюющими, а так как у Антанты, только что получившей мощного союзника в лице Америки, не было никакого интереса итти на мир до полного разгрома Германии, то получалось, что мы, по милости лондонских и парижских биржевиков и военщины, должны продолжать до безконечности давать миллионы людей на убой и вконец разрушить наше хозяйство, только бы Лондон и Париж получали хорошие дивиденты. Октябрьская революция, как известно, не для того была совершена. И поскольку самые решительные попытки только что родившейся Советской России найти почву для всеобщего мира уперлись в непреодолимое сопротивление Антанты, постольку для нее вставал вопрос о выходе из войны помимо Антанты. Мы знали, что на этом пути нас ожидают огромные трудности и бедствия, но другого пути у нас не было. Германские империалисты постарались, конечно, воспользоваться тяжелым положением рабоче-крестьянской республики и пред'явили нам грабительские требования. Перед нами были две возможности: либо отвергнуть германские требования и итти на войну, при отсутствии каких бы то ни было военных сил и с перспективой неизбежного разгрома и краха Советской России, либо пойти на мир, хотя бы самый тяжелый и грабительский, только бы сохранить главную позицию „командную высоту"—Советскую власть. Мы остановились на последнем решении. Весь желтый интернационал, который давно потерял остатки социалистической совести и полностью продался буржуазии, обвинил Советскую Россию в „измене" и „предательстве". Еще бы! Ему так хотелось видеть ее раздавленной в войне. Мы этих обвинений не испугались. Мы пошли на „тильзитский мир", как выражался тогда товарищ Ленин.

Пусть найдется такой умник (не считая с-ров на процессе) который взялся бы утверждать, что эта тактика была ошибочна. Мы на мир пошли, мы понесли жертвы, но мы откупились, мы передышку получили, мы уцелели и окрепли, а казавшаяся столь мощной система германского империализма лежит раздавленной у ног версальских победителей.

Вторая проблема—разрешение аграрного вопроса не представляла таких трудностей, хотя и на этот счет господа „социалисты" из коалиции тоже любили рисовать самые страшные вещи. Первым декретом, с которым Советская власть, в лице 2-го Всероссийского с'езда Советов, обратилась к народу, был декрет о земле. В декрете были провозглашены конфискация помещичьих земель и национализация всей земли.

Больше затруднений встретила при своем разрешении третья проблема —ограничение (пока только так ставился вопрос) частно-собственнических прав буржуазии. Первым шагом в этом направлении был декрет о 8 час. рабочем дне, появившийся на второй день существования советского режима—26 октября (ст. стиля) 1917 г. Через короткое время появился декрет о рабочем контроле над промышленностью. Это было нечто уже совершенно новое и доселе

неслыханное в опыте буржуазии—над ее собственностью, доходами и расходами, сырьем и топливом, вообще над всем производством устанавливается контроль рабочих. Как и следовало ожидать—рабочий контроль над производством был только первым шагом в направлении активного вмешательства рабочего класса в распоряжение судьбами промышленности. За этим первым шагом неизбежно должен был последовать второй -переход *управления* производством в руки рабочего класса и связанная с этим конфискация промышленной собственности у капиталистов. Так оно вскоре и случилось. Но одним из самых сильных сокрушительных ударов по буржуазии было наше проникновение в ее святая святых—в банк. В начале декабря Советская власть овладела главной крепостью буржуазии—ее финансовой организацией. Декрет о национализации банков выбивал из под ног буржуазии последнюю подпорку. Ее экономическая сила была подорвана, политически она была нами обезглавлена.

Однако, трудности, какие встретила на своем пути пролетарская революция, не были этим преодолены. Наоборот, только теперь они начинались. Октябрьская революция была первой в истории человечества революцией, экспроприировавшей собственность и привилегии у буржуазии на пространстве огромной страны, насчитывающей свыше 150 миллионов населения. Эта революция совершена была в стране отсталой, малокультурной, с слабыми организационными навыками у пролетариата и при том в обстановке тяжелой разрухи и распада производительных сил, причиненных войной. Ее трудности проистекали как из технической и вообще культурной отсталости России и глубоко вкоренившихся частно-собственнических инстинктов и предрассудков в массу населения, в своем преобладающем большинстве крестьянского, так и из международной обстановки—враждебного капиталистического окружения, в которое молодая Советская республика попала с самого начала своего возникновения.

Весь пройденный нами за пять лет путь может быть разделен на два основных этапа. Первый—от Октябрьской революции до X с'езда Российской Коммунистической Партии и второй—от X с'езда. Первый этап характеризуется ожесточенной гражданской войной на внутренних и внешних фронтах и крайним распадом производительных сил страны, второй этап знаменует собой чрезвычайно медленное, но неуклонное наше движение по пути восстановления разрушенного хозяйства, не взирая на огромные, порой кажущиеся непреодолимыми, препятствия, вроде постигшего в прошлом году республику голода.

* * *

Октябрьская революция встретила неслыханное сопротивление со стороны частно собственнических классов и групп населения. Владельцы акций, облигаций, земли, рудников, заводов и фабрик, банков и железных дорог не могли, конечно, примириться с тем, что собственность у них отнята и об'явили Советскому строю открытую войну. В этой войне они опирались на классовую реакционную армию, навербованную из генералитета, офицерства, юнкеров и значительной части казачества. Интеллигенция, которая, как это всюду бывает в капиталистических странах, теснейшим образом переплелась с интересами и судьбами частной собственности и буржуазную демократию привыкла считать последним словом истории, без зазрения совести и без всяких колебаний, отдала накопленные на народном труде свои знания на борьбу с диктатурой пролетариата. Те самые инженеры, врачи, агрономы, вообще люди науки и техники, которые так были необходимы пролетариату в его тяжелой работе по укреплению нового строя, повернулись к пролетариату спиной. А так называемые социалистические партии (меньшевики и эс-эры), в программах которых десятки лет значилась борьба за диктатуру пролетариата, оказались на деле самыми непримиримыми врагами этой диктатуры. Выступая под ширмой „социалистической демократии", эти партии на самом деле давали „идейное обо-

снование" всей русской контр-революции, беря на себя всю ответственность за войну, которую реакция об'явила пролетарской революции.

Все эти группы, классы и партии образовали „единый фронт" против рабоче-крестьянской страны. Отдельные разногласия между ними стушевывались перед лицом общего их врага—пролетарской революции. Оголтелые черносотенные монархисты трогательно об'единились с „социалистами" на общей платформе—„восстановление России". Какой России? На это все они сначала обычно отвечали: „демократической, с учредительным собранием, с гражданскими и политическими свободами и прочими прелестями". Но стоило где-нибудь улыбнуться им счастью, как только где-нибудь им удавалось временно захватить власть—эта „демократия" выступала в своем оголенном виде. „Социалисты" получали в таком случае пинок в неприличное место, а в роли „восстановителей России" выступали „истинные патриоты"—генералы и адмиралы—Колчаки, Красновы, Деникины, Алексеевы, Юденичи и Врангели.

Главным штабом этого „великого патриотического движения" была заграничная биржа—Лондон и, особенно, Париж. Отсюда российская контр-революция получала питательные соки в виде целых дивизий, перебрасываемых на русскую территорию, командного и вообще инструкторского офицерского состава, вооружения, обмундирования, денег и, конечно, распоряжений и приказов.

Международный капитал с разных сторон был заинтересован в разгроме Российской пролетарской революции. Во-первых—потому, что Российская революция являлась опасным прецендентом и большим соблазном для рабочих других стран, которые накануне и непосредственно после Версальского мира находились в состоянии сильного брожения, грозившего каждую минуту перейти в революцию. Во вторых, потому, что наша революция наложила свою руку на старые русские долги заграницe, а также на иностранные капиталы, размещенные в больших размерах в России. Тут уже были задеты интересы кошелька в прямом смысле слова. Больше всего задета была Франция, которая в течении десятков лет со времени Александра III постоянно снабжала царскую Россию деньгами и тем укрепляла самодержавный строй. История знает факт, когда (1905—1906 г.) поставленное революцией на колени самодержавие было спасено „прекрасной Францией", отпустившей Николаю Романову 1 миллиард золотых рублей на подавление революции, выплату жалованья жандармам, полицейским, чиновникам и т. д.—правда, на несовсем выгодных для „русского союзника" растовщических условиях. Сотни тысяч, чтобы не сказать миллионы французских собственников, крупных, средних и мелких. держателей бумаг всякого рода займов, заключенных в разное время старой Россией, были задеты в своих собственнических интересах—русская революция отказалась платить по этим займам. Отсюда, это доходящее до исступления, негодование против Российской революции, отсюда—эта война против нас во имя „цивилизации и культуры", которые в представлении собственника неотделимы от понятия кошелька. Франция становится центром военной борьбы против Советской России. Ее генералы руководят белогвардейскими армиями, действующими против Советской России в Одессе, в Крыму, на Украйне, в Польше, в Прибалтийских странах и т. д.. Она организует и содержит на свой счет бесчисленное множество белогвардейских отрядов, контр-революционные заговорщические организации, она подготовляет террористические и подрывные акты, словом—она „прекрасная Франция", кичащаяся тем, что когда-то она совершала революции. На примере Франции ярче всего выявилось настоящее лицо всей буржуазии, в ее роли „защитницы цивилизации", при чем это лицо оказалось таким, что по классическому выражению Карла Маркса, хоть штаны на него надень. Три с половиной года продолжалась тяжелая изнурительная для нас война. В разные моменты огромные пространства территории Советской Республики уходили из наших рук—так было с Сибирью и Уралом в 1918—19 г.г., где власть находилась сначала в руках чехов и эс-ров, а потом у адмирала Колчака. Так было в 1919 г. с северным Кавказом, Доном, Украиной и значи-

тельной полосой центральной России, где царствовал генерал Деникин. В том же году угрожала непосредственная опасность Петербургу. Был момент, когда Советская власть сохранилась только в Центральной России, а в 250 верстах от Москвы уже находились войска наших врагов. Но международная буржуазия пыталась свалить рабоче-крестьянскую власть не только внутренней гражданской войной. Когда на этом ее карта была бита—она поставила нас перед фактом внешней войны—с Польшей. И тем не менее ограбленная, измученная, истерзанная, нищая, голодная, умирающая от эпидемий, грязи и холода страна нашла в себе достаточно сил не только для сопротивления, но и для победы. Откуда такое чудо? Разгадка этого, как будто таинственного вопроса кроется в одном слове—*крестьянство*. Наши враги, эксплоататорские классы, были уверены, что эта сила, по сути дела *решающая*, пойдет против нас. Надо отдать им справедливость—они все сделали для того, чтобы рассорить нас с крестьянством. Вынужденные ими к опустошительной войне, мы, естественно должны были вести себя, как на войне. В стране, по преимуществу земледельческой, тяготы войны должны были пасть, главным образом, на крестьянство, которое понесло огромные жертвы в живой силе и в материальных средствах. Эпоха „военного коммунизма", единственно возможная в обстановке войны и осады, ударила сильно по крестьянскому хозяйству, лишила его в значительной степени права на распоряжение остающейся после выполнения государственных повинностей части продукций и не могла не вести к падению его производительности. Как будто были на лицо все предпосылки для того, чтобы крестьянство пошло против Советского строя. И тем не менее надежды контр-революции не справдались. Крестьянство пошло с нами, и пошло *активно* и тем обеспечило Советской власти победу. Чем это об'яснить? Очень просто. Когда крестьянство было поставлено перед выбором—Советская власть или власть генералов (ибо среднего не дано)—вопрос для него был решен. Оно поняло, (а генералы, с своей стороны, своими делами помогли ему это понять), что власть наших врагов означает полный возврат к царско-помещичьему строю, тогда как мероприятия Советской власти в обстановке войны—это временные жертвы и лишения во имя полного освобождения от кабалы помещиков, ростовщиков и мрачной памяти царско-генеральской власти.

Ставка контр-революции была бита. Это привело к некоторому сдвигу в отношении некоторых групп к Советской власти. Очутившись перед лицом раздавленной контр-революцией и перед фактом укрепления Советского режима значительная группа интеллигенции, специалисты, поняли, что у них нет иного выхода, как отдать свои знания и опыт на служение рабоче-крестьянской власти. А рабоче-крестьянская власть, нуждающаяся в каждом знающем и честном работнике, охотно предавала забвению самые тяжелые преступления против трудовых масс, только бы в дальнейшем была обеспечена со стороны специалистов, людей знания, честной и деловой работы. Со стороны же рабочего класса таким специалистам было обеспечено товарищеское отношение и атмосфера доверия.

В обстановке войны и осады, как мы уже сказали, Советская власть не могла держаться иной системы хозяйствования чем та, которая об'емлется понятием военного коммунизма. Эта система конкретно выражалась в том, что все без из'ятия средства и орудия производства находились в непосредственном распоряжении государственной власти, а управление хозяйством было до последней степени централизовано. Все наличие продовольственных рессурсов, за покрытием главнейших нужд крестьянства, считалось исключительной собственностью государства, которое собирало эти рессурсы в порядке разверстки. Являясь исключительным владельцем всей продукции республики, как промышленной, так и сельско-хозяйственной, государство должно было выступать в роли универсального интенданта, снабжающего все без исключения население (другое дело—в каких размерах и насколько аккуратно) предметами потребления. Поскольку национализация хозяйства проведена была до конца и государство являлось исключительным производителем и потребителем продуктов—

исчезла небоходимость денежного обращения и постепенно в Советской Республике роль денежного знака начинает отмирать. Все эти факторы в совокупности исключали всякую возможность существования вольного рынка, который в эти годы военного коммунизма находился на нелегальном положении. Эта, как теперь принято выражаться, „старая экономическая политика" имела своей основной целью: лишить буржуазию какого-бы то ни было материального базиса и в ее войне против пролетарской диктатуры. Само собой разумеется, что эта политика не могла не ударить по кооперации, которая, по своей сущности, не согласуется с политикой централизации, государственной монополии на все и вся и требует для своего развития того, что В. И. Ленин на X партийном с'езде назвал свободой торгового оборота. В эти годы кооперация фактически превращается в распределительный орган при компроде.

Из этой орбиты не могло выйти и наше профессиональное движение. Перед лицом пролетарского государства, владеющего всеми средствами и орудиями производства и борющегося за восстановление народного хозяйства, у профсоюзов могла быть одна только задача—активное участие в организации производства. Союзы становятся массовой организацией рабочего класса, выполняющей важнейшие государственные функции (охрана труда, обязательное нормирование заработной платы, дисциплинарные взыскания, распределение продуктов, одежды и т. д.)

Такая политика дала возможность советскому государству сосредоточить на потребностях войны все силы и средства Республики. Она сопряжена была с колоссальнейшей разрухой в народном хозяйстве вообще и сельском хозяйстве в особенности Но она обеспечила рабоче-крестьянской стране победу—и в этом историческое оправдание ее, ибо только охранение Советской власти единственно обеспечивает восстановление разрушенного хозяйства.

10 с'езд Коммунистической партии знаменует резкий поворот в нашей экономической политике. К этому моменту наши непосредственно военные задачи были в основном разрешены—все фронты были нами победносно ликвидированы и мы могли оглянуться на себя, во что мы превратились за годы гражданской войны. На этот счет у нас не было никаких иллюзий; мы знали, что распад производственных сил достиг таких пределов, которые горячие головы называли катастрофой Мы никогда не обольщали себя на счет того, что мы сразу справимся с сложнейшей задачей социалистического строительства и вовсе не из любви к национализации и не из переоценки нашей организационной и материальной подготовленности мы взяли всю промышленность целиком в свои руки. Поэтому, как только главные этапы войны были пройдены—перед партией и советским государством встал вопрос о разгрузке государства от целого ряда ненужных функций, от ненужных и только обременительных предприятий, от излишней регламентации, от политики монополии по всему хозяйственному фронту.

Понесшее в войну тяжелые потери крестьянство к этому моменту в свою очередь заявило о своем недовольстве создавшимися отношениями между городом и деревней, между пролетарской властью и крестьянством. Заявления крестьянства сводились к тему, что оно безоговорочно и безропотно несло жертвы, покуда это вызывалось войной, но теперь оно требует некоторой конденсации. Требования крестьянства были, между прочим, продемонстрированы в открытых выступлениях против Советской власти— в Кронштадте, в Тамбовской губ. и кой-где в других местах. Наши враги пытались использовать это движение для своих политических целей—свержения Советской власти. Эти попытки оказались безнадежными: Коммунистическая партия умелым маневром отвлекла крестьянские массы от наших врагов. Мы имеем ввиду переход к новой экономической политике. Реально это выразилось в переходе от продразверстки к продналогу. Задача, поставленная партией этим поворотом, сводилась к тому, чтобы ценой весьма крупных экономических уступок удержать крестьянство на стороне пролетарской власти, без чего дело социалистическсго строительства в крестьянской стране немыслимо. Новой политики крестяянству, после выполнения им государственных повинностей (продналог), предоставляе-

тся право свободного распоряжения своей продукцией—менять, продавать и т. п. Этот шаг в свою очередь вызвал ряд других шагов: легализацию вольного рынка, нового кооперативного законодательства и т. п. В области промышленной первые шаги новой экономической политики выражались в том, что Советское государство разгрузило себя от целого ряда ненужных предприятий, закрывая их или сдавая в аренду—тем самым узаконяя в известных пределах частно-капиталистические начала в промышленности. В дальнейшем, в течении полутора лет, продолжалось развертывание новой экономической политики. Государство, в лице управляющих его органов, отказывается от роли снабженца и постепенно система пайкового питания всего населения отживает; наша промышленность переводится на хозяйственный расчет с предоставлением предприятиям права покупки сырья, топлива, продовольствия и продажи своей продукции. Забота о своевременной выплате заработной платы падает на сами предприятия, которые получают полную свободу хозяйственного оперирования. С развитием капиталистических начал, постепенно начинает вновь выростать роль денег и к настоящему моменту финансы являются основным фактором в нашем хозяйственном развитии. В соответствии с новой экономической линией меняется и наша политика в области заработной платы: от прежнего голодного тарифа мы давно отошли—в настоящее время заработная плата имеет тенденцию приближаться к прожиточному минимуму.

Соответственно меняются и задачи профсоюзов. Поскольку оживает частный капитал, постольку союзы возвращаются в значительной мере к старым задачам и методам, защиты интересов рабочих от капиталистической эксплоатации. Это, конечно, не умаляет одной из главных задач профсоюзов в условиях пролетарской диктатуры быть школой коммунизма и подготовлять из среды рабочих организаторов производства.

За нами уже 1½ года практики работы в новых условиях хозяйственной политики и можно подвести некоторые, хотя самые осторожные, итоги. Несомненно, что мы за это время укрепились внутри и во-вне. Понемногу и постепенно, весьма медленно, но неуклонно и планомерно, мы двигаемся вперед. Из грязи, разрухи, эпидемий и голода мы выпезаем. Освобожденные от опеки, наши промышленные предприятия или группы предприятий (тресты, комбинаты) увеличивают свою продукцию; тяжелый и длительный топливный кризис в основном миновал, производительность труда неизменно возрастает; железные дороги в обіцем подготовлены к грузообороту. Не следует, конечно, переоценивать, достигнутых результатов, но они имеются и скрывать их не следует. Наша промышленность уперлась в другой кризис—кризис сбыта и оборотных средств, но это об'ясняется общими условиями нашей экономики и в частности кризисом сельского хозяйства, а не состоянием нашей промышленности, как таковой.

Наша новая линия в области профдвижения и по части регулирования заработной платы, еще больше сблизила нас с массой беспартийных рабочих в этом нас наглядно убеждает с таким успехом проведенная по всей России кампания добровольного членства в союзы, на которую наши враги и противники (меньшевики и эс-эры) возлагали столько надежд и которая принесла им столько разочарований.

Но надо откровенно признаться, что основная задача, поставленная X с'ездом при переходе к новой экономической политике, установление „смычки с крестьянством", в истекший промежуток времени не была разрешена. Продналог, по идее своей, означал облегчение тягот крестьянства. Этого осуществить в кампанию 1921—1922 г. не удалось. Советская республика была ввергнута в пучину страшнейших бедствий—страну постиг неурожай и голод, поразивший до 30 миллионов крестьянского населения. Государственная власть должна была спасти это население и когда-то плодоносные районы от окончательной гибели и смерти. Мы достигли в этом деле значительных успехов. Но эти успехи, помощь 30 миллионам голодающих были достигнуты за счет дальнейшего ослабления сельского хозяйства всей Республики. В этом отношении приходится констатировать, что смычка с деревней осуществлена не была. Конечно, это вовсе не означает, что крестьянство выступило против нас. Крестьянство поняло какие

обязанности стоят перед ним по отношению к голодающим и с большой выдержкой эти обязанности выполняло. Но те задачи, которые нами в отношении деревни были поставлены на X с'езде партии, несколько отодвинулись. И только теперь мы практически приступаем к их реализации. В этом году мы имеем приличный урожай, который даст нам возможность чуточку оправиться. Разряды урожайности об'явлены такие, что действительно „гарантируют крестьянину распоряжение значительной частью продукций сельского хозяйства. Вот это и есть та самая „смычка", по поводу которой наши враги пролили столько чернил, чтобы доказать всю утопичность этой идеи и которая, тем не менее, является осью нашей политики. Мы на деле приступили к осуществлению смычки с крестьянством к большому огорчению всех наших врагов и противников. А успех на этом фронте означает коллосальную победу на всем фронте строительства социализма.

Укрепление Советской республики внутри неизбежным следствием своим имело ее международное укрепление. И если в 1918—19 г. мы только тем и занимались, что искали какую-нибудь страну, хоть бы самую маленькую и самую слабенькую в роде, (Эстонии, Латвии, Финляндии) для того, чтобы заключить мир, хотя бы самый для нас тяжелый и невыгодный, только бы где-нибудь прорвать осаду и вырваться из войны, то теперь наше положение иное. Мы подписали политический договор с Германией, как две абсолютно равные стороны, мы отказались ратифицировать договор с Италией, ибо там не соблюден до конца этот принцип; мы ведем теперь переговоры с Японией под знаменем отстаивания наших суверенных прав на Дальнем Востоке и не позволяем себя третировать, как силу и величину второго разряда. Мы теперь чувствуем себя достаточно крепкими для того, чтобы отстаивать на каждом шагу и до конца деловые интересы Советской республики, как абсолютно независимой рабоче-крестьянской страны.

Мы прожили пять тяжелых лет. Наши враги предсказывали гибель Советской власти через две недели, потом они эту гибель отстрочили до двух месяцев, потом до года и до двух лет. Теперь они перестали, повидимому, заниматься этим бесплодным делом. Они теперь ухватываются за каждое мало-мальски заметное событие, как за исходный пункт своих чаяний. Они надеялись свалить нас на голоде и международная биржа все сделала для этого. Но это им не удалось. Из неслыханно тяжелого испытания, каким явился голод, Советское государство вышло хозяйственно значительно ослабленным, но политически абсолютно крепким, ничуть не потрясенным. И если белогвардейщина и буржуазная сволочь всего мира вкупе со своими друзьями из желтого интернационала все эти пять лет кричали на весь мир, что большевистская власть держится на штыках,—пусть они подумают о том, почему же эта, держащаяся только на штыках, власть могла без всяких потрясений выйти из такого бедствия, как голод. Почему наконец эти штыки, которые так не дают спать белогвардейщине, и которые так, по ее мнению, слепо и безрассудно исполняют требования Советской власти, почему они не прозревают? Ведь над этим так старается вся международная буржуазия.

Тупоголовый мещанин, кто бы он ни был, с.-р., меньшевик, помещик или генерал, как будто не может понять одного: Советская власть своими корнями глубоко уходит в толщину народной массы, рабочих и крестьян; оттуда она получает свою силу и поддержку, оттуда—источник ее твердой и уверенной политики как в делах внутренних, так и в делах внешних.

Власть, которая под ураганным огнем всего международного капитала сумела создать сильную рабоче-крестьянскую Красную армию, не только отразившую все атаки врагов, но и поставившую их на колени, такая власть не может быть низвергнута, такая власть может только побеждать.

Мы—первая страна, где власть находится в руках не эксплоататоров, а трудящихся масс. Но мы—не последняя страна. Наша армия на международной арене растет и укрепляется и дело наше победит.

Это—также несомненно как и то, что после ночи наступает день.

И. Ходоровский.

РОЛЬ ИНОСТРАННОГО КАПИТАЛА В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СИБИРИ.

II.

Роль иностранного банковского капитала. *)

I.

Значение и роль банков. Об азование банковского капитала. Обращение его в финансовый капитал. Русский банковский капитал и его рост. Организационные формы русских банков. Захват банками всех сторон экономической жизни России.

В условиях капиталистического общества торгово-промышленные предприятия для своей повседневной деятельности постоянно нуждаются в правильно организованной деятельности банков, и поэтому коммерческие банки стоят в самом центре жизни современных капиталистическах стран, правильнее сказать—во главе ее.

В банках обычно хранятся денежные средства предприятий и учреждений, при помощи их производятся расчеты между предприятиями и отдельными лицами, там же нуждающиеся в средствах предприниматели покупают капитал (деньги), необходимый им для создания, поддержания и направления деятельности предприятий, для заготовки сырья, расчета с рабочими, поставщиками и т. д., и таким образом. банк является посредником между теми, кто обладает денежными капиталами и не знает куда их поместить, и теми кто нуждается в этих средствах для ведения различных операций.

Эти „регулярные" операции банков, имевшие место в первый период деятельности денежного банковского капитала, с развитием капиталистических форм производства, расширением рынков, развитием промышленности—остались далеко позади, и сфера „классической" деятельности банков изменилась и расширилась до чрезвычайности.

Развитие банковского капитала и его значение в экономике было предугадано К. Марксом, весьма резко и отчетливо нарисовавшим картину деятельности банков. „Банковая система, **) говорит Маркс: со стороны ее организованных форм и централизации, представляет самое искусное совершенное произведение, к какому вообще способен капиталистический способ производства. Она представляет в распоряжение промышленных и торговых капиталистов весь наличный, даже потенциальный, не функционирующий еще активно капитал общества. Банковое дело вырывает из рук частных капиталистов и растовщиков распределение капитала, как особое предприятие, как общественную функцию".

Проф. Яснопольский, определяя положение банков в развитом капиталистическом обществе, говорит: ***) „Процесс банковой концентрации, как и рост промышленных картелей и трестов, является самым глубоким и характерным процессом „высшей фазы" капитализма. И это организационное движение, уже в значительной мере поставившее на место отходящей в историю системы сво-

*) См, статью А. Шиша. „О роли торгового иностранного капитала". Сиб. Огни № 3.
**) К. Маркс. Капитал, т. III ч. 2 стр. 144.
***) Банковая энциклопедия. т. I, проф. Яснопольский—коммерческие банки, стр. 8

бодной конкурренции, власть *организованного* капитала, есть основной факт новейшей эволюции капиталистического строя".

С развитием капиталистических форм наблюдается постепенное проникновение банковского капитала в деятельность промышленных предприятий и подчинение их своей руководящей воле. Таким путем банковский капитал с течением времени захватывает фактически область деятельности промышленного капитала, создавая то, что называется теперь финансовым капиталом.

„Все возрастающая часть промышленного капитала, говорит Гильфердинг: *) не принадлежит тем промышленникам, которые его применяют. Распоряжение над капиталом они получают лишь при посредстве банка, который представляет по отношению к ним собственника этого капитала. С другой стороны и банку всю возрастающую часть своих капиталов приходится закреплять в промышленности. Благодаря этому он в постоянно возрастающей мере становится промышленным капиталом. Таковой банковый капитал, следовательно, капитал в денежной форме, который таким способом в действительности превращен в промышленный капитал—я называю *финансовым капиталом*".

Участие финансового капитала в промышленности выражается как в создании новых промышленных предприятий, так и концентрации уже существующих. Практически это совершается путем приобретения акций соответствующего акционерного общества и дальнейшего его финансирования, причем представители банков непосредственно входят в органы управления и надзора (советы) предприятия, где и проводят мероприятия в соответствии с интересами банка. Таким порядком промышленный капитал постепенно ставится в зависимость и подчиненное положение по отношению к банковскому капиталу, который является на рынке единственным руководителем экономической жизни страны.

Зарождение русского банковского капитала должно быть отнесено к моменту открытия в России первого акционерного банка, каковое имело место в 1864 году, когда был учрежден первый акционерный банк под названием „Петербургский частный коммерческий банк".

Создание этого банка совпало с движением, направленным в сторону развития русской промышленности, наступившим в связи с реформами 1861 г., почему деятельность банка была вполне успешна. К 1870 году в России функционировало уже 12 банков с основным капиталом в 15400000 рублей. Дальнейшее развитие банковского капитала совершалось довольно быстро: к 31 декабря 1875 года имелось уже 39 банков с 49 отд. и с капиталом в 105700000 р., к 1900 г.—39 банков с 242 отделениями с капиталом в 188400000 р., к 1914 г.—50 банков с 632 отделениями с капиталом в 774300000 р. и на 1 сентября 1917 г. 47 банков с 614 отделениями и с капиталом в 1 024.580.000 р.

Из этих данных усматривается, что усиленный рост банков относится к началу 70 годов прошлого столетия, когда Россия была охвачена горячкой всевозможного учредительства акционерных обществ—здесь были и железнодорожные, промышленные и торговые и банковские и всякие другие. Как всегда случается, за периодом увлечения наступал момент падения возбуждения наступил жестокий экономический кризис и масса вновь образованных акционерных обществ, созданных в процессе чисто спекулятивной деятельности учредителей, прекратили свое существование, оказавшись банкротами Конечно, крахи коснулись не только промышленных предприятий, но распространились и на банки, неудачно финансировавшие промышленные предприятия. Конец 70 годов и начало 80 годов—ознаменовались рядом крахов банков, серию которых открыл Коммерческий ссудный банк в Москве.

Крах одного банка настроил весьма подозрительно широкую публику по отношению к остальным, что создавало для банков тяжелое положение. Публика хлынула в банки, требуя выдачи своих вкладов, держатели акций поспешно выбрасывали их на биржу. понижая тем стремительно их стоимость и лишая банки возможности получить средства для расплаты со своими клиентами. При таком положении вещей вслед за первым вынуждены были ликвидироваться

*) Р. Гильфердинг. Финансовый капитал стр. 332.

еще целый ряд других банков: Ростовский н/Д Коммерческий (1876), Кишиневский коммерческий (1878), Одесско-коммерческий (1878), Каменец-Подольский коммерческий (1879), Ревельско-коммерческий (1880) и два банка были об'явлены несостоятельными должниками.

По миновении кризиса в дальнейшем намечается в банковском деле определенное устойчивое положение. Не увеличиваясь в числе—банки начинают расширять сеть своих отделений на местах, и как щупальцами охватывают всю территорию России. Особенно усиленно наблюдается открытие отделений банками за период времени с 1900 г. по 1910 г., когда в среднем ежегодно открывалось по 40 отделений. Своего максимума как в отношении числа банков и отделений так и своих размеров—банковский капитал достигает в России к началу Европейской войны, когда общее количество акционерных банков достигает 50 отделений 632. С развитием войны и занятием германцами территории Польши и части Прибалтийских губерний число банков и отделений уменьшается и достигает к сентябрю 1917 года 47 банков с 614 отделениями, хотя и за этот период времени банками был открыт целый ряд новых отделений. Основной капитал их выражался в сумме 1024580000 р. Необходимо помнить, что относительная ценность рубля к этому времени уже пала.

Переходя к вопросам организационного характера, необходимо сказать, что история и практика банковского дела установила две банковские системы, два основные типа банков:

1) Английский, построенный на строгом разграничении по специальным видам кредита, где по каждой почти форме кредитования создается особое кредитное учреждение с его филиалами, ведущее свои операции в точно определенных отраслях народного хозяйства—торговопромышленный с подразделением по отдельным видам, сельско-хозяйственный, *вывозной* и внешней торговли и т. д.

2) Германский—смешанный, где банковские учреждения занимаются и чисто банковскими регулярными операциями и участвуют непосредственно путем финансирования в промышленных и торговых предприятиях, экспортно-импортных операциях и т. д.

Организация банков по английскому типу возможна лишь в странах, обладающих большими капиталами. Россия всегда была бедна капиталами, и поэтому банковское дело приняло здесь форму германских банков, т. е. смешанных, что в известной мере может быть об'ясняемо также еще и тем влиянием германского капитала, какое последний оказывал на русскую промышленность и торговлю

Выполняя в начале чисто банковские операции регулярного характера, с течением времени акционерные банки в России перешли к непосредственному участию в делах русской промышленности, в особенности в высших формах ее организации—синдикатах. Акции всех крупнейших русских синдикатов как „Продамет", „Кровля" и др. в значительном своем большинстве находились в портфелях банков. Равным образом банки же являлись держателями акций и крупнейших русских акционенных обществ, как „Богословское горнозаводское общество, и т. д.

В период Европейской войны банки принимали ближайшее участие в создании и поддержании военной промышленности как путем финансирования уже существующих предприятий, так и создания и организации новых.

Эти краткие, беглые замечания свидетельствуют о развитом состоянии банковского (финансового) капитала в России к моменту начала Европейской войны, его концентрации и постепенном проникновении и охвате своим влиянием всех сторон экономической жизни России. В особенности это обстоятельство сказалось в период Европейской войны, вызванной, как известно, борьбой финансовых капиталов двух могущественнейших в экономическом отношении стран—Англии и Германии. Здесь влияние финансового капитала на ход событий сказалось особенно ярко и рельефно. Разумеется, вся экономическая жизнь России в этот период времени в своих важнейших проявлениях также протекала под знаком

влияния банковского капитала, начавшего утрачивать свое значение с начала революции 1917 года и потерявшего его в октябре.

Играя столь могущественную роль в Европейской России, финансовый банковский капитал, естественно, не мог оставить без внимания такой богатейшей сырьевыми рессурсами страны, какой является Сибирь, в особенности в связи с тем, что в деятельности некоторых акционерных банков определенно был заинтересован иностранный капитал.

К изучению этой роли банковского капитала в Сибири мы в дальнейшем и перейдем.

II.

Частные кредитные учреждения в Сибири. Появление городских банков. Открытие своих отделений банками Сибирским Торговым, Русским для внешней торговли, Русско-Азиатским и другими. Размещение отделений банков на территории Сибири, их рост и причины, вызвавшие порядок и условия их распределения по Сибири,

Частные кредитные учреждения появились в Сибири прежде всего в виде городских общественных банков.

Первый такой банк был открыт в 1837 г. в г. Иркутске под названием „Банк сиропитательного дома Е. Медведниковой". Вскоре (в 1844 г.) в г. Томске был открыт второй городской общественный банк имени Поповых. Оба эти банка, созданные на частные средства, имели двойную задачу—с одной стороны, коммерческую,—доставление нуждающемуся городскому населению дешевого кредита и получение прибыли, и с другой—содержание на полученные доходы городских благотворительных учреждений. По сообщению И. И. Левина вообще все городские банки, открытые в России до 50 годов XIX столетия, в своем происхождении имели филантропический характер.

Оба указанные выше банка имели, конечно, только местное значение, т. к. обслуживали почти исключительно торговое городское население. Благодаря незначительным средствам, банки не оказывали никакого влияния на характер и ход торговых операций сибирского купечества.

В дальнейшем в открытии городских общественных банков в Сибири замечается некоторая остановка и только почти через 20 лет открываются в 1863 году два банка в Енисейске и Канске. Затем открытие городских банков следует довольно быстро: в 1865 г. в Кургане и Тюмени, в 1871 г. в Петропавловске, 1873 г. в Таре, 1874 в Благовещенске, 1875 г. в Ишиме и Омске и в 1882 г. в Тюкалинске.

Из данных, собранных вестником финансов, промышленности и торговли в 1899 г. *) видно, что на 1-ое января 1899 года в пределах Европейской России действовало уже 262 городских банка и на территории Сибири 14 банков—из них 9 в Западной, 4 в Средней и 1 в Восточной.

Первым акционерным банком, открывшим свое отделение в Сибири является Сибирский Торговый банк, устав которого был утвержден в 1872 году с местонахождением правления в г. Екатеринбурге. По сформировании в ноябре месяце 1872 г. состава правления, в следующем 1873 г. открывается первое отделение в Томске.

Выбор правлением Томска, вполне понятен. В 70-х годах прошлого столетия Томск являлся центром золотопромышленности, развитие которой к 80-м годам достигло своего максимума.

В дальнейшем в 1878 г. происходит открытие отделения в Тюмени, как перевалочном центре сосредоточения грузов, как вывозимых из Сибири, так и ввозившихся в нее единственным удобным в то время водным путем. Затем в 1890 г. открываются отделения в Барнауле, как центре горнопромышленности Алтая, и последующие годы в Иркутске и Красноярске (1896 г.), как центрах золотой и горной промышленности Средней Сибири. Наконец, с развитием золотопромышленности на Дальнем Востоке в 1896 г. открывается отделение в

*) Вестник финансов, промышленности и торговли за 1899 г. № 45, стр. 489.

Благовещенске и Сретенске. В связи с торговыми операциями с Монголией и нашим степным краем, а также сооружением Сибирской железной дороги открываются отделения в 1894 году в Омске, в 1898 г. в Кургане, Семипалатинске и Бийске, и в 1900 г. в Новониколаевске.

„Проведение железной дороги" говорит Левин *), „втягивает новую местность в народохозяйственный и мировой товарообмен, включает ее в сеть денежного хозяйства, открывает выход скрытым богатствам, потенциальной энергии, создает новые центры. Естественно, эти приобщенные к денежному хозяйству районы являются благодарной почвой для создания кредитного оборота. И вот, вслед за железными дорогами тянулись у нас банки. Указание на это обстоятельство мы встречаем нередко в ходатайствах и записках учредителей, ссылающихся на проведение железной дороги, как фактор, вызывающий учреждение банка".

Особенно усиленное открытие банками своих отделений наблюдается в Сибири после русско-японской войны, когда Сибирь выступила на мировом рынке, как поставщица сырья. В 1905 г. Сибирский банк открывает отделение в Петропавловске, в 1909 г. в Акмолинске и Камне, в 1910 г. в Кустанае, Каинске, Канске и Верхнеудинске.

Русский для внешней торговли банк (Руссенбанк) первое свое отделение открыл также в г. Томске в 1893 г. с одной стороны, в связи с производившейся уже постройкой Сибирской ж. д. и с другой, считая Томск крупным торговым центром Сибири. Последующие свои отделения Руссенбанк открывает спустя 15 лет и сферой своей деятельности избирает исключительно Западную Сибирь. Открытие всех своих отделений Руссенбанк производит чрезвычайно быстро—в течение каких нибудь 3 лет. В 1908 г. им открывается комиссионерство в Челябинске, подотчетное Пермскому отделению. В следующем 1909 г. открываются отделения в Павлодаре, Омске, Тюмени, Новониколаевске и Барнауле и, наконец, в 1910 г.—в Ишиме и Каинске.

Русско-Азиатский банк, слившийся в 1910 г. с Северным банком и переименованный в Русско-Азиатский банк (Синорус), был основан в 1895 г. с исключительным назначением поддерживать торговые сношения с Восточной Азией. Поэтому первые его отделения были открыты на Дальнем Востоке в период времени с 1896 по 1901 год—во Владивостоке, в Благовещенске (1896 г.), Сретенске, Чите, Верхнеудинске, Иркутске и Бодайбо. Деятельность открытых отделений была направлена на кредитование золотопромышленности и поддержание торговых сношений с Китаем и Монголией. С 1900 г. Синорус начинает открывать свои отделения в Средней и Западной Сибири, первоначально в Красноярске (1900 г.), затем в 1903 г. в Бийске, в 1906 г. в Новониколаевске, в 1907 г. в Семипалатинске, в 1908 г. в Барнауле, Усть Чарыше и Омске, в 1912 г. в Татарске, в 1914 г. в Ачинске и в 1916 г. в Кузнецке и Якутске Открытие отделений в Западной Сибири было вызвано теми же условиями как и открытие отделений другими банками в связи с развитием экспорта сырья. В отношении Синоруса характерным является то, что распространение его отделений в Сибири совершалось с Востока на Запад в то время, как остальные банки шли с Запада на Восток.

Из числа банков, работавших на территории бывшей Российской империи, Русско-Азиатский банк являлся единственным по кругу операций, разрешенных ему ввиде монополии правительством. Помимо операций, присущих вообще всем коммерческим банкам, Синорусу, на основании его устава, было предоставлено право приобретения концессий на постройку в пределах Китая железных дорог и проведение телеграфных линий, морское, речное и сухопутное транспортирование товаров с правом принятия их в залог с выдачей варрантов, выпуск собственных билетов, чеканка с разрешения китайского правительства местной монеты и покупка и продажа товаров по сделкам, имеющим непосредственное отношение к странам Азии, или в интересах торговых сно-

*) И. И. Левин. Акционерные коммерческие банки в России, изд. 1917 г. т. I, ст. 189.

шений с этими странами. Если проследить постепенное расширение круга операций Синоруса, то можно будет установить следующие три пояса:

1) Операции за пределами русской территории, главным образом в Китае, где банк имел самые широкие права и являлся в сущности говоря, не только коммерческим предприятием, но и известным проводником русской политики в ее завоевательных тенденциях в отношении стран Востока. Здесь имеются и право концессий, и право чеканки монеты и организация морского и речного транспорта.

2) Операции в пределах Дальнего русского Востока, связанные с деятельностью банка в Китае; открытые здесь отделения имеют право покупки и продажи за счет банка различных товаров, морское, речное и сухопутное транспортирование товаров, страхование, прием товаров в залог с выдачей варрантов и проч.

3) Начиная с Иркутского отделения и далее на запад, операции чисто банковского характера.

Открытие отделений других частных акционерных банков совершалось следующим порядком—Русско-Торгово-Промышленного банка (Петропари) в 1904 г. в Петропавловске, Челябинске и Кустанае, Волжско Камского—в 1905 г. в Кургане, Омске и Иркутске и в 1907 г. в Семипалатинске, Петроградского Международного в 1915 г. в Томске, Бийске, Владивостоке и в 1917 г. в Кузнецке. Открытие отделений этого банка в Томске и Кузнецке было произведено с целью финансирования предприятий акционерного общества Кольчугинской ж. д. и Кузнецких копей.

Что касается о ва взаимного кредита, то первое такое общество было организовано в г. Томске и открыло свои действия по утверждении устава с января 1900 года.

Наконец, в связи с развитием кооперативного движения стал открывать в Сибири свои отделения Московский Народный Банк (Народбанк), созданный в 1912 г. кооперативами. Первое его отделение было открыто в 1916 г. в Новониколаевске, и в последующие годы в Омске, Иркутске, Чите, Владивостоке и Томске.

В период 1918 и 1919 г., в г. Владивостоке, были открыты отделения чисто иностранных банков: 1) *Американских банков*: а) Национального Сити-банка в Нью-Йорке, б) Меркантиль Оверси и К-о и в) Чайна-Джапан-Трэйдинг, 2) *Канадских*, 3) *Китайско-Промышленного* (французский капитал), 4) *Английские*: а) Гон-Конг, б) Индо-Китайского банка, 5) *Японские*: а) Иокагама-Спеси Банка, б) Шанхайского банка и в) Мадсуди банка. Еще ранее японские и китайские банки были открыты в Харбине.

Таким образом, к 1918 г. на территории Сибири от Челябинска до Владивостока, включая Орск, Кустанай и Шадринск имелось всего 139 кредитных учреждений с числом отделений:

Государственный банк	19
Акционерные банки	68
Городских общественных банков	25
Общество Взаимного Кредитования	21
Московский Народный банк	5
Всего	139 отделений.

Интенсивность открытия отделений акционерных банков в Сибири может быть сведена в следующую табличку:

1873—1892 г.	1893—1902 г.	1903—1908 г.	1909—1914 г.	1915—1919 г.
2	15	17	18	15

Таким образом, наибольшее число открытых отделений частных банков падает на десятилетие 1903—1914 г., т.-е. период экономического расцвета Сибири.

Открытые на территории Сибири отделения принадлежали следующим акционерным банкам:

1) Сибирский Торговый банк	25 отд.	или 36,9	проц.
2) Русско-Азиатский	21 „	„ 30,9	„
3) Русский для Внешней Торговли . . .	9 „	„ 13,3	„
4) Волжско-Камский	5 „	„ 7,3	„
5) Петроградский Международный . . .	4 „	„ 5,8	„
6) Русский Торгово-Промышленный . .	3 „	„ 4,4	„
7) Соединенный (в Челябинске)	1 „	„ 1,4	„
Всего	68 „	„ 100	„

По отношению к России это составляет 11,04 проц. (по данным центральной бухгалтерии государственного банка на 1-е сентября на территории России находилось 661 Аакционерных банков с их отделениями, считая в том числе и Кооперативный Московский Народный банк).

Из общей цифры 68 отделений по Сибири 43 отделения или 63,2 проц. находились в западной Сибири (район Челябинск—Томск), 7 отделений или 10,2 проц. в средней Сибири (включая Иркутск) и 18 отделений или 26,6 проц. в восточной Сибири. Эти данные показывают, что большинство отделений банков были сосредоточены и деятельность их разбивалась в той части Сибири, откуда преимущественно производился экспорт сырьевых продуктов. Этим фактом уже в известной мере предопределялся характер работы сибирских отделений акционерных банков, направленный на экспорт сырья.

III.

Иностранные капиталы в банках, оперировавших на территории Сибири. Зависимость правлений банков от иностранных акционеров. Суммарные данные о размерах иностранных капиталов в русских банках. Характер деятельности отдельных банков в зависимости от участия иностранного капитала.

Иностранных банков в чистом виде в Сибири открыто не было, т. к. вообще русское правительство стояло на точке зрения воспрещения открытия в России иностранных банков. Единственное исключение в этом отношении составлял французский банк „Лионский кредит", которому в 1879 г. было разрешено иметь свои агентства в Петрограде, Москве и Одессе. Лионскому кредиту было разрешено производить все банковские операции, за исключением приема вкладов, т. к. правительство опасалось создавать между банками конкуренцию на почве привлечения к себе вкладов. Все-же в 1891 г. Лионскому кредиту было дозволено производить все вкладные операции, и, таким образом, он был сравнен в своих правах с русскими банками.

Участие иностранного финансового капитала в делах русских банков совершалось путем приобретения акций подлежащих банков. Так целый ряд русских банков был тесно связан с немецкими банками, что об'ясняется оживленными торговыми сношениями, издавна существовавшими между обоими государствами.

Профессор Боголепов в своей работе „Русские биржевые ценности" приводит целую табличку с перечислением русских банков, состоящих в зависимости от немецких, при чем оказывается, что большинство крупных Петроградских банков группировались около Deutsche Bank и Disonto geselschaft Bank. Из числа банков, оперировавших в Сибири. в этой табличке находятся:

1) Сибирский Торговый Банк, основанный в 1872 г. с капиталом в 20,000,000 руб.
2) Русский для Внешней Торговли Банк, основ. в 1871 году с капиталом в 60,000,000 руб.
3) Петроградский Международный Банк, основ. в 1869 году с капиталом в 60,000,000 руб.

Другая часть банков находилась в зависимости от французского капитала, а именно:

1) Русско-Азиатский Банк, основанный в 1910 г. с капиталом 55,000.000 руб.
2) Русский Торгово-Промышл. Банк, основанный в 1889 г. с капиталом 35,000,000 руб.

Последний банк был даже создан при участии Парижского банкирского дома М. Эфруси и К-о, являвшегося представителемсиндиката французских банков.

Зависимость русских банков от иностранных держателей акций была значительна. Некоторые банки, как например, Русско-Азиатский, имели заграницей (в Париже) особый орган, который фактически и руководил операциями банка в России через правление, находящееся в Петрограде. Deutsche банк, беря на себя реализацию в 1889 г. нового выпуска акций Русского для Внешней Торговли банка, потребовал от правления банка предоставления для своих представителей трех мест в совете банка.

В аналогичном положении находились и остальные банки, акции которых котировались на заграничных биржах, т. к. держателями их фактически являлись немецкие или французские банки *).

С 1910 г. заметно было тяготение русских банков к французскому финансовому капиталу, что видно из стремления их ввести свои акции в котировку на Парижской бирже. Именно в этом году были введены акции СПБ частного коммерческого и Московского соединенного банков, в 1911 г. Русско-Азиатского и в 1912 г. Сибирского Торгового банка и Азовско-Донского банков.

В период Европейской войны акции русских банков, находившиеся в руках немецких держателей, перешли частью к шведским и датским банкам и, повидимому, частью французским, что видно из следующего.

В июле месяце 1915 года член государственной думы Хвостов выступил с заявлением о принадлежности акций Сибирского Торгового банка немецким держателям. Правление банка выступило в печати с опровержением этого обстоятельства и сообщило, что акции были распределены следующим образом:

К 1-му апреля 1912 года из общего числа 50000 акций были размещены:

В России.	Во Франции.	В Германии	Неизвестно где.
45185 акций.	—	4794 акции.	21 акция.

В последующие годы из 80000 тыс. акций (ввиду увеличения основного капитала) были размещены:

	В России.	Во Франции	В Германии	Неизвестно где.
К апрелю 1913 г.	53570 акц.	22268 акц.	4105 акц.	57 акций.
„ „ 1914 г.	53534 „	21146 „	3793 „	1527 „
„ „ 1915 г.	51992 „	23584 „	—	4424 „

Данное вынужденное оповещение является единственным, где банком указывается точно размещение его акций. Обычно эти данные, являясь своего рода тайной—не публикуются, и, следовательно, широкая публика совершенно не осведомлена, кто является фактическим распорядителем банковских дел.

Находившиеся в Сибири банки, состоявшие в непосредственной зависимости от иностранного финансового капитала—принадлежали немецкому и французскому капиталам.

По данным журнала „Промышленная Россия“, подтвержденным исследованиями П. В. Оль **), участие иностранного капитала в интересующих нас банках выражается в следующих цифрах:

Французский капитал.

Русско-Азиатский банк	36000 тыс. руб.	или 65 проц.
Сибирский Торговый банк . .	4000 „ „	„ 20 „
Русский Торг.-Пром. банк . .	4000 „ „	„ 11 „

Немецкий капитал.

Русский для Внешней Торг. банк . . .	24000 тыс.	или 40 проц.

*) „Руководящая роль в нашем банковском деле принадлежит иностранцам. Крупные наши банки являются лишь Gochterbanken немецких и французских банков. Правления и советы наших банков ничто иное, как наемные служащие иностранного капитала, от него они получают свои инструкции его волю они и творят. Ни один значительный кредит, ни одна крупная банковая операция не делаются в России без ведома и согласия иностранных хозяев“. „Правда о русских банках“—издание жур. „Промышленная Россия“, 1916 г. стр. 13.

**) В. Оль. Иностранные капиталы в России.

Петроградский Международный банк .	20000	„	„ 30	„
Сибирский Торговый банк	4000	„	„ 20	„

Английский капитал.

Русский Торг. Пром. банк	10000	„	„ 28	„

В общей сложности основной капитал перечисленных банков выражался в сумме 230000 тыс. рублей, причем иностранный капитал владел акциями на сумму 102000 тыс., что составляет ко всей сумме основного капитала 44,3 проц. Участие иностранного капитала выражалось в отдельных банках от 11 проц. до 65 проц., т.-е. почти полного покрытия основного капитала.

Разумеется, деятельность этих банков находилась в прямой зависимости от тех задач, какие ставили себе эти иностранные капиталы, направляя свои средства в Россию и Сибирь.

Из истории развития промышленности в Германии видно, что с 90-х годов прошлого столетия в немецкой промышленности все более стала усиливаться концентрация как финансового, так и промышленного капиталов. В некоторых важных отраслях немецкого народного хозяйства концентрация доразвилась до комбинированного производства, т.-е. соединения разнородных предприятий под одним управлением. Во главе этих предприятий фактически находились банки. Таким образом, германский финансовый капитал был чрезвычайно заинтересован в надлежащем обеспечении промышленных предприятий всеми необходимыми средствами и материалами, а с другой стороны и в самом расширении этих предприятий, причем расширение очень часто заключалось в создании предприятий в заграничных странах, где в наличности имелись благоприятные условия для развития промышленности.

По мнению профессора И. Д. Вебера—немецкие банки заграницей должны были „не только выполнять регулярные банковские операции, но должны способствовать расширению спекулятивных дел банков". Поэтому немецкие крупные банки не открывали своих отделений заграницей, а создавали там свои филиалы в виде самостоятельных банков, находившихся фактически в полном подчинении своим немецким отцам, их породившим. Такая постановка дела давала вновь открытым банкам большую свободу действий, лучшую возможность приспособиться к местным правовым условиям страны и обычаям ее торгового оборота и не содержала в себе указаний на то, что данное учреждение непосредственно связано с тем или другим немецким банком. С другой стороны банк—организатор нес меньшую материальную ответственность, т. к. акции вновь открываемого банка в значительной части распространялись среди широкой публики и даже других банков.

Направляя свои капиталы в страну с низкой культурой, не обладающей промышленностью и богатой сырьем, немецкий капитал, прежде всего, ставил себе задачей экспорт этого сырья для своих промышленных предприятий и снабжение местного рынка изделиями и товарами своей промышленности. С развитием конкуренции и получением указаний на создание в данной стране собственной промышленности как на местные, так и иностранные конкурирующие капиталы—немцы принимали меры к созданию промышленных предприятий или финансированию возникающих. Этой политики немецкий капитал придерживался и в отношении Сибири, где его стремления первоначально направлены были к экспорту сырья, и лишь уже перед Европейской войной Петроградский Международный банк, находящийся в зависимости от немецкого индустриального банка—принял на себя финансирование акционерного общества Кузнецких копей, имевшего своей задачей создать и развить в районе Кузнецкого уезда Томской губернии промышленность по выработке самых разнообразных химических препаратов. За период Европейской войны и гражданской предприятия эти перешли в руки французских капиталистов, так так правление этого общества оказалось в Париже и оттуда посылало в 1919 г. свои распоряжения управлению копями и железной дороги.

Французский финансовый капитал, разумеется, также принимал участие в экспорте сырья, но первоначально своей задачей он ставил развитие торговли и промышленности. И, действительно, на Дальнем Востоке отделения Синоруса (Русско Азиатский банк) финансировали золотопромышленность и содействовали установлению торговых связей с Китаем и другими Восточными странами. Деятельность Синоруса в Западной Сибири была направлена в известной мере к поддержанию местной промышленности, но последняя в большинстве случаев имела весьма ограниченный круг деятельности и не представляла собой крупных предприятий. В этом отношении можно указать на деятельность Синоруса по финансированию мукомольной промышленности в Семипалатинске, Новониколаевске, Благовещенске. В этих пунктах связь Синоруса с мукомольной промышленностью была столь велика, что представители банка принимали участие в управлении этими предприятиями, входя в состав дирекций. Так управляющий Новониколаевским отделением Синоруса состоял директором, в период времени 1914—1915 г. г., акционерного общества Алтайской мукомольной компании (Туркина), причем деятельность компании весьма тесно была связана Синорусом. При перемене в 1914 году состава администрации по делам Южно-Алтайской мукомольной компании—председателем администрации оказался избранным тот-же управляющий Новониколаевским отделением Синоруса. Надо сказать, что Новониколаевская мукомольная промышленность достигла сравнительно значительных размеров. По сообщению Новониколаевского биржевого комитета в период пятилетия 1908—1912 г. г. ежегодно привозилось в Новониколаевск хлеба в зерне 13552800 пуд. и из этого количества 8500000 пуд. *) перемалывалось на местных мельницах. Несомненно, близкое участие принимал Синорус в делах акционерного общества Алтайской железной дороги, а также по сооружению Южно-Сибирской, т. к финансирование правлений обществ, а равно местных управлений производилось Синорусом. Правда, сооружение этих железных дорог относится к периоду 1913—1916 г. г. и последующих, когда иностранный капитал направил свою деятельность на создание в Сибири крупнейших транспортных и промышленных предприятий.

Дальнейшее изучение непосредственной деятельности банковского капитала в Сибири приводит к выводу о правильности этих кратких первоначальных предпосылок.

IV.

Средства отделений акционерных банков в Сибири. Порядок их образования вкладные операции и текущие счета. Позаимствования оборотных средств у своих правлений. Передача излишков правлениям. Переучет обязательств в отделениях государственного банка.

Определить, какие капиталы были затрачены правлениями банков на сибирские отделения не представляется возможным, так как в большинстве случаев отделения средствами правлений оперируют лишь в первые годы своего существования, пока не развиты операции отделений и, главным образом, вкладные С течением времени, с приобретением клиентеллы—вкладные операции постепенно растут, увеличиваются и достигают таких размеров, что отделение начинает работать исключительно на деньги своих клиентов. Только в моменты усиленных операций, когда своих средств не хватает—эти отделения обращались за подкреплениями к своим правлениям, которые и снабжали их необходимыми средствами.

Разумеется, правления отпускали свои средства отделениям не бесплатно, а получали за то особое вознаграждение ввиде начисления процентов за пользование их капиталами. Размер этого процента был ниже учетного процента в других банках, но выше % платимого по вкладным операциям (4 проц.) В свою очередь, если отделение снабжало своими средствами правление, то оно также начисляло в свою пользу процент за пользование его капиталами. Таким образом правление выполняло роль регулятора между своими отделениями,

*) Журнал заседания новониколаевского биржевого комитета, от 11 февраля 1915 г.

направляя капиталы в те отделения, где в них ощущался недостаток и получая их оттуда, где был некоторый избыток в средствах.

В этом отношении интересно сравнить деятельность двух отделений Сибирского Торгового банка—Тюменского и Красноярского. Первое для своих оборотов систематически нуждалось в средствах и получало их от правления, уплачивая ему громадные суммы в качестве процента за пользование капиталами. Это обстоятельство находилось в зависимости от слабого притока вкладов и сравнительно значительных операций по учету векселей и ссудам. Собственных средств не хватало, хотя отделение в свою очередь пользовалось кредитом в местном отделении государственного банка при помощи переучета векселей.

Обороты по операциям Тюменского отделения представляются в следующем виде в рублях:

Годы	Общий оборот	Вклады	Счет с правлением		Уплач. % правлению
			По кредиту	По дебету	
1910	156921762	22664665	13393827	10560842	94156
1911	181049182	25391725	16697880	14159413	130540
1912	175745736	26427092	16266809	15336343	87540
1913	164089149	24931316	16274140	14136411	53811
1914	154482488	23207636	18272945	13717089	129194
1915	198490422	27962769	22115377	17649736	96346

Из данной таблички усматривается, что общие обороты отделения определенно увеличились, а между тем вкладные операции оставались почти все время на одном уровне. В 1913 и 1914 в особенности вкладные операции даже значительно понизились. В это же самое время заметно расширяется статья позаимствования отделением суммы управления и в связи с этим рост вознаграждения, уплачиваемого отделением правлению за пользование капиталом, каковая цифра в 1914 году достигает суммы 129.194 р., что нужно об'яснить влиянием начавшейся Европейской войны, когда население начало выбирать вклады и для удовлетворения своих нужд, вызванных войною.

Начиная с 1915 года рост вкладных операций постепенно увеличивается под влиянием той-же войны, что об'ясняется обилием появившихся у населения денежных знаков, когда благодаря массовым заготовкам, производившимся правительством для военных надобностей, выплатой мобилизационного пособия семьям призванных в войска и т. д. в население была выброшена масса денежных знаков. Это обстоятельство усматривается из следующего:

Годы	Общий оборот	Вклады	Счет с правлением		Получ. % с правления
			По кредиту	По дебету	
1916	262988414	55187345	22115337	23818592	17076
1917	340761716	80780762	25988000	28551695	140454

Оба эти года характеризуются расширением общих оборотов отделения, ростом вкладных операций и передачей отделением своих денежных средств в распоряжение правления, что в первый год дало отделению пользу за счет правления 17.076 руб. (100 проц.), а в последующий—140.454 руб, т. е. возростание на 806 проц. Одновременно происходит уменьшение активных операций отделения по учету векселей и выдаче ссуд под товары, документы и проценты бумаги.

Иная картина рисуется в деятельности Красноярского отделения, обороты которого представляются в следующем виде:

Годы	Общий оборот	Вклады	Счет с правлением		Получ. % с правления
			По кредит	По дебет	
1910	149931243	26616512	10208246	10463831	16668
1911	149514365	27136861	10348851	11655283	28357
1912	126832548	24316595	10681820	10989718	31216
1913	123090881	21158416	9909163	10410776	33210
1914	128205873	24053530	9842779	10701644	30730
1915	133151658	23534416	9932192	11858503	37768
1916	203818867	43526103	14068299	16892680	85310
1917	283283499	54653162	19183173	18405936	131135
1918	110708059	21577807	6379749	7234922	49515
1919	633836538	113850181	50688477	58363734	74057

При сравнении оборотов обоих отделений довольно явственно вырисовывается та картина, что у Красноярского отделения при меньших суммах обших оборотов размер вкладных операций почти равняется сумме вкладов тюменского отделения, (а в 1910 году даже значительно превышал), имевшего гораздо больший общий оборот. Если взять среднее отношение вкладных операций к сумме общих оборотов за период времени с 1910 года по 1915 г., то окажется, что по Тюменскому отделению это среднее будет равно 14%, а по Красноярскому—18% Тоже среднее за 1916 и 1917 г. г. равно по Тюменскому—22 проц. и по Красноярскому—21 проц.

Эта зависимость между развитием вкладных операций и возможностью в таком случае работать исключительно на местные средства, не прибегая к позаимствованию у правления—теперь устанавливается ясно.

В отношении операционных средств омских банков дирекции Сибирского торгового банка удалось „случайно" получить сведения, которыми она и спешит поделиться со своим правлением:

„На днях удалось ознакомиться с деятельностью конкурирующих здесь в Омске трех отделений столичных банков и узнать, что их напряжение (общие валовые обороты) за последние три года определились следующими величинами за:

	1912 г.	1911 г.	1910 г.
у Волжско-Камского . . .	105 мил. руб.	95 мил. руб.	93 мил. руб.
„ Русско-Азиатского	71 „ „	92 „ „	100 „ „
„ Русского для внешней торговли	186 „ „	141 „ „	149 „ „
Всего руб. . .	362 „ „	328 „ „	342 „ „
у нас	361 „ „	295 „ „	221 „ „

За эти три года, как и до появления упомянутых здесь конкурентов, ваше омское отделение работало на местные средства, из коих, за размещением в местные активы, было предоставлено в ваше распоряжение по дебету отделения и оставалось за вами к 1 января: 1913 года 475 тысяч рублей, 1912 года 400 тыс. руб., 1911 года 88 тыс. руб., 1910 года 206 тыс. руб.

Конкурирующие с нами вышеупомянутые отделения работали исключительно на средства акционеров и они по кредиту своих счетов оставались должны правлениям к 1 января:

	1913 г.	1912 г.	1911 г.	1910 г.
Волжско Камский	536 тыс.	1133 тыс.	873 тыс.	631 т. р.
Русско-Азиатский	805 „	1321 „	2491 „	1294 „ „
Русский для вн. торговли	1640 „	1607 „	2228 „	1452 „ „
Всего . . .	2971 тыс.	4061 тыс.	5592 тыс.	3377 т. р.

Таким образом, из отделений банков, находившихся в Омске, только отделение Сибирского Торгового банка работало исключительно на местные средства, а остальные отделения прибегали к средствам своих правлений, что об'ясняется теми значительными операциями, какие Сибирский Торговый банк вел по вкладным операциям и текущим счетам, хотя в целом ряде писем на имя правления омское отделение отмечает уменьшение у себя в 1913 году пассивных операций, переселенческим управлением, сокращениями операций, что было вызвано,как оказывается „прекращением заготовительных операций международной компании и что, аккредитивы на оплату масла, экспортируемого на германские рынки, почему-то стали поступать не к нам, а в отделение Русско-Азиатского банка, как передают здешние представители экспортеров, и об'ясняют, что это происходит помимо их желания", несмотря на эти тяжелые для отделения обстоятельства; оно продолжало работать на местные средства исключительно благодаря тому, что вкладные операции достигали значительных размеров.

По данным бухгалтерии государственного банка остатки к концу года в частных банках по вкладам и текущим счетам составляли (в тыс. рублях) для

1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.
43600	93909	107697	175178	126407

Эти суммы, не считая других средств, поступавших в распоряжение банков по отделам пассивных операций—являлись тем собранным у населения капиталом, на который работали банки. Разумеется, этих средств банкам далеко не хватало, почему банки переучитывали находившиеся в их портфелях векселя и другие обязательства в сибирских отделениях государственного банка, каковые операции выражаются в следующих цифрах (в тысячах рублях):

1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.
3591	12554	11361	11303	15017

Таким образом, размеры капиталов, находившиеся в распоряжении акционерных банков, на которые они оперировали в Сибири, можно было примерно определить в следующих цифрах (в тысячах рублях):

1910 г.	1911 г.	1912 г.	1913 г.	1914 г.
77191	116463	119058	186481	141424

Из этих данных видно постепенное увеличение потребных банкам капиталов в связи с экономическим развитием Сибири, ростом экспорта и развитием местной промышленности.

V.

Активные операции, характер их развития —Торговые операции банков. Товарно-комиссионная деятельность банков, и ее значение Учет векселей. Ссуды. Комиссионные поручения. Аккредитивы. Роль правлений. Общая характеристика операций. Информация.

По существовавшим в России законам банки могли вести исключительно кредитные операции,—торговая деятельность им была воспрещена. Лишь только в случаях необходимости, когда клиент не оплачивал взятой им ссуды, банк имел право производить продажу по определенным правилам взятого им в обеспечение товара. Но это положение вещей оставалось на бумаге, и банки рамки своей деятельности в Сибири постепенно расширяли, вводя в круг своих непосредственных задач и операций куплю и продажу товаров и сырья, экспорт его, участие в торгово-промышленных предприятиях и т. д.

Такова уже сущность банковского (финансового) капитала, который не может замыкаться в узкие рамки деятельности, определенной ему законом и, первоначально путем обхода закона, а затем совершенно открыто, выполняет свою общественную функцию—подчиняет своему влиянию весь торгово-промышленный оборот.

Если ознакомиться с перепиской, какую вели между собой банки и их сибирские отделения, то содержание их телеграмм и писем почти исключительно можно свести к запросам и ответам—почем можно купить или продать тот или

иной товар, какое количество и по какой цене может быть заготовлено то или иное сырье и т. д. Разумеется, это были не упрощенные формы запросов, а самое существо операций, так как банки являлись фактическими держателями и распорядителями огромных количеств товаров, находившихся у них на складах, и которые нужно было ликвидировать.

Непосредственное вхождение банков в существо торговых и заготовительно-экспортных операций и фактическое ведение их находили отрицательную оценку к себе со стороны группы банковских деятелей,стоявших на той точке зрения что банки, как кредитные учреждения, должны вести исключительно банковские операции и ни в коем случае ни превращаться в торгово-экспортные предприятия. В особенности такое упорное отрицательное отношение оказывалось со стороны старых банковских деятелей, принципиально считавших недопустимым обращение кредитного учреждения в „лавочку", превращения финансовых деятелей в „торгашей". Так, например, правлению Сибирского Торгового банка пришлось вести бесплодную войну с управляющим омским отделением банка, который стоял на точке зрения необходимости ведения лишь чисто банковских кредитных операций и считал неприемлемым непосредственное участие банка в торговых делах. Поэтому все такого рода предложения со стороны правления и отделений им постоянно под различными предлогами отклонялись и вся работа отделения была направлена в область чисто кредитных операций.

Совершенно иной политики держались руководители отделений, открытых уже в период экономического оживления Сибири, т. е. после русско-япон. войны, когда стремление занять на данном рынке господствующее положение, создать для проведения своих операций более благоприятную обстановку, вполне естественно, останавливали внимание правлений банков на возможности и желательности явиться монопольным представителем того или другого промышленного предприятия.

Так в одном из информационных писем на места, правление Сибирского торговго банка, давая лестную характеристику одной германской фирме по продаже сельско хозяйственных машин, сообщает:

„Целью их об'единения и предоставления представительства нашему банку является желание завоевать себе видное и прочное положение в деле сбыта своих изделий в обширной земледельческой Сибири. Уверенные в том, что группа их заводов будет в состоянии удовлетворить и качественно и количественно всем требованиям рынка—они в тоже время не сомневаются, что наше учреждение со всей его сетью отделений в Сибири, как никто другой, может способствовать успеху их предприятия".

Указывая, что фирма предполагает открыть свои склады в крупных центрах Сибири—Омске, Новониколаевске, Томске и других городах, правление банка отмечает, что „наш банк будет впоследствии иметь общий надзор; руководство и контроль над ведением дела".

Что касается финансирования этого предприятия, то правление раз'ясняет, что „продажа будет производиться при полном делькредере самих фирм". В случае надобности банк будет выдавать им ссуду под сложенные машины в размере не свыше 50 проц. их фабричной цены и учитывать их вексельный портфель, образовавшийся при продаже машин. Если удастся установить отношения с переселенческим управлением—банк придет им на помощь учетом платежных обязательств, выдаваемых ведомством министерства земледелия и государственных имуществ за купленные орудия и машины".

Из этой переписки усматриваются вполне определенные желания правления активно руководить операциями по сбыту сельско хозяйственных машин в Сибири. Такого рода предложения о сбыте тех или других товаров в пределах Сибири получали через свои правления и непосредственно от заинтересованных фирм отделения всех банков, находившихся в Сибири. В отношении иностранных фирм надо сказать, что эти предложения поступали через соответствующие иностранные банки, которые были заинтересованы в делах русских банков. Таким путем банки являлись монопольными представителями самых разнообраз

ных предприятий и заводов—железо-делательных, машино-строительных, сахарных и т. д., стремившихся разместить свои изделия и товары в Сибири. Обладание значительными количествами товаров, которые могли выбрасываться на рынок, или наоборот, задерживаться на складах банков по их усмотрению—предоставляли банкам руководящее положение в торговой жизни Сибири.

С другой стороны экспортные возможности Сибири, привлекая к себе внимание иностранного капитала—в конечном результате также приводили различных предпринимателей к банкам. В делах сибирских отделений банков имелись многочисленные предложения, как отдельных иностранных фирм, так и частных лиц, „обладавших многолетним опытом" в деле реализации русского и сибирского сырья на заграничных рынках—о принятии на себя на комиссионных началах реализации сибирского сырья, находившегося в распоряжении банков. В большинстве случаев сибирские отделения банков операции по реализации сырья производили через свои правления, но иногда отделения и самостоятельно выступали на заграничных рынках через своих комиссионеров. Все эти операции по реализации сырья при содействии банков для интересов сибирского производителя были столь-же невыгодны, благодаря своей неорганизованности, как и его выступления через комиссионеров и непосредственные продажи.

В деле реализации сибирского сырья, как на русских рынках, так в ссобенности на заграничных—банки своего организующего начала не внесли, хотя они располагали в этом отношении достаточными связями, техническими средствами—складочными помещениями, холодильниками и т. д. Реализация сырья производилась в достаточной мере беспорядочно и неорганизованно, почему сибирское сырье не оплачивалось в полной мере. Иногда эти операции банков были столь неудачны, что клиенты пред'являли к ним иски об убытках, вызванных неправильными действиями банков.

Что касается той части сырья, какая заготовлялась непосредственно банками по поручению иностранных банков и фирм, то здесь отделения банков выступали и на местном рынке в качестве обыкновенного рядового скупщика, также в этом случае не доплачивая производителю всей цены и оставляя у себя разницу между заготовительными и продажными ценами на иностранных рынках.

Деятельность банков в Сибири в области активных операций сводилась к учету векселей и других обязательств, ссудам под товары и товарные документы и комиссионным поручениям.

Операции с ценными бумагами, столь развитые в Европейской России—в Сибири занимали незначительное место, так как здесь не было бумаг, котировавшихся на местных биржах, а различные государственные ценные бумаги -не имели распространения среди сибирского населения. Рост этого рода бумаг в Сибири начался уже в период Европейской войны, когда банки приняли на себя размещение военных займов, что ими проводилось довольно успешно и значительное количество облигаций всех выпусков военных займов было размещено не только среди торгово-промышленных кругов и городского населения, но также и среди сельского населения в лице сельских торговцев и зажиточных крестьян.

Что касается операций по учету векселей и других обязательств и ссудам под товары, то таковые, в среднем, обычно составляли по своим оборотам—для отделений почти равные величины, колеблясь незначительно по отдельным банкам в ту или другую сторону.

При определении отношения этих операций в балансе среднего сибирского отделения банка к общему обороту этого отделения можно сказать, что в довоенное время вексельные операции составляли примерно от 4 до 10 проц. оборота и ссуды под товары от 2 до 8 проц. оборота, а в общем, следовательно, эти операции составляли в среднем около 9 проц. к обороту. В отношении к обороту среднего отделения по чисто активным операциям—учет векселей составлял примерно до 25 проц и ссуды под товары до 15 проц. причем в отделениях, ведших активные операции за свой счет, этот проц. поднимался выше.

В большинстве своем подтоварные ссуды имели в качестве об'екта залоги и обеспечения товаров, представлявших из себя экспортное сырье, каковое меняло свое существо в зависимости от характера хозяйства того или другого района Сибири.

Если в Западной и Средней Сибири об'ектами залоговых операций по преимуществу являлись продукты сельского хозяйства, то в Восточной Сибири таковыми об'ектами была пушнина, золото, товары, ввозившиеся для нужд населения и проч.

Некоторое представление о том, какое место в подтоварных ссудах занимали те или иные сырьевые продукты, показывает следующая табличка, составленная Омским отделением Сибирского торгового банка:

Произведено выдач	1913 год		1912 год		1911 год		1910 год	
	Рубли	Коп	Рубли	Коп.	Рубли	Коп	Рубли	Коп.
Под сливочное масло .	2599191	27	3706911	3	2058907	20	3450077	38
„ крупчатку	—	—	2121	—	1026	25	9597	98
„ зерн. хлеб. прод. .	142387	6	237898	84	38839	41	38163	95
„ кожи и жир. тов. .	592177	2	561076	54	535863	13	482952	2
„ живой скот	664786	16	122875	71				
„ разн. товары . . .	7803	89	25677	30	6137	42	76851	53
Итого	4006345	40	4656560	42	2640773	41	4057642	86

Из этой таблички видно, что ссуды под экспортируемое масло составляли в среднем 65 проц. кожи и жировые товары 15 проц. живой скот 15 проц., зерновой хлеб 3 проц. и разные товары 2 проц. Таким образом почти все ссуды банка выдавались под экспортное сырье.

Тоже самое можно сказать и в отношении учетных операций, которые в большинстве своем имели также дело с сырьем, хотя значительная часть учетных операций была направлена на кредитование местной торговли и промышленности.

Одной из различных операций отделений банков, при помощи которой совершался экспорт сырья были аккредитивы, открываемые правлениями через свои отделения на местах от имени различных иностранных фирм и предприятий, ведших экспортные операции.

Так в отношении экспорта масла аккредитивы открывались для датской фирмы „Сибирская Компания" по поручениям копенгагенского торгового банка на целый год сразу с обязательством еженедельной сдачи масла на сумму от десяти до 25.000 рублей золотом. Аналогичные аккредитивы поступали для этой же цели Сибирской Компании через сибирский торговый банк от берлинских и лондонских банков. Другие датские и английские фирмы аккредитовались приблизительно таким же порядком английскими, немецкими, датскими, голландскими и другими банками под транспортные документы на суммы для еженедельной сдачи масла от 300 до 600 боченков.

Что касается экспорта хлеба, то здесь аккредитивы открывались правлениями русских банков, хотя в этом случае они также действовали по поручениям иностранных банков. Скупка хлеба в массе производилась русскими скупщиками, которые сравнительно крупными партиями сдавали его затем или представителям крупных перекупщиков или самим банкам, выступавшим в качестве комиссионеров.

Надо сказать, что так называемые комиссионные поручения в банках в области всякого рода покупок и продажи товаров и были той ширмой, за кото-

рой банки фактически вели свои торговые операции, на которых они извлекали значительные доходы.

Получая от своих клиентов определенные указания о предельных ценах, по которым разрешалась реализация товара банки всю разницу между ценами оставляли в свою пользу, начисляя кроме того обусловленный процент комиссионного вознаграждения за выполнение поручения.

Правления банков постоянно указывали отделениям в своих циркулярных письмах на необходимость широкого развития товарно комиссионных операций, отмечая, что в этих делах „играет роль личная инициатива и энергия директоров того или другого провинциального отделения". Между тем „конкуренция в лице других банков стремится все больше и больше завоевать товарное дело и наши отделения должны проявляемым интересом к товарному делу способствовать нам в удержании позиций" *).

В связи с открытием в 1910 году в гор. Виндаве своего комиссионерства правление С. Т. Б. указывает, что „отныне отделениям предоставляется широкая возможность при помощи нашего органа в Виндаве развивать за свой счет новые операции, главным образом ссуды под экспортные товары (в особенности масло), направляемые в Виндавский порт или экспортируемые через него же за границу. Мы приглашаем наши отделения и комиссионеров остановить свое внимание на этих операциях, приложить старания к их развитию и представить нам свои соображения по вопросам, связанным с этим предметом".

Таким образом, активные операции сибирских отделений были направлены преимущественно на заготовку и экспорт сибирского сырья, и лишь незначительная доля на удовлетворение чисто местных потребностей путем кредитования торговли и промышленности местного значения.

Без особого преувеличения и ошибки можно сказать, что почти все сырье, экспортировавшееся из Сибири, вывозилось при содействии и участии в той или другой форме банковского капитала.

В связи с развитием товаро-комиссионых операций вся банковская система, начиная с правления и кончая отделениями была построена на взаимной и самой подробной информации о состоянии денежного и товарного рынка. В особенности подробной была еженедельная информация о состоянии масляного рынка, что видно из числа многих писем Виндавского отделения С. Т. Б. на имя сибирских отделений.

Столь же подробна была информация о состоянии рынков и в отношении других видов сырья, экспортировавшегося из Сибири. Благодаря этому, банки, выступая на рынке в качестве продавца или покупателя, всегда были осведомлены не только о положении отечественного рынка, но и международного. По сколько же фактическим хозяином на рынках являлся финансовый капитал, руководивший деятельностью находившихся под его влиянием хозяйствующих групп, постольку отделения банков являлись теми незаметными винтиками и рычажками, при помощи которых эта работа осуществлялась на местах. По первому взгляду разрозненные и малые по своим размерам операции отделений в результате давали довольно яркую картину работы банка в целом, его стремлений в захвате рынка и те реальные достижения, какие удавалось осуществить банку в борьбе со своими конкурентами. Для Сибири деятельность всех банков была однородна, все они об'ектом своего внимания имели сырье, и лишь в порядке особой крупной заинтересованности своих акционеров банки встали на путь финансирования таких промышленных предприятий, как железная дорога, копи, заводы и пр. Но деятельность банков в этой области была очень коротка, фактически она только начиналась и была прервана войной. Между тем, для экономического развития Сибири это являлось одним из крупнейших факторов, дававшим основание предполагать, что экономическая зависимость Сибири постепенно ослабнет и из колонии она превратится в самостоятельную величину не только располагающую всем необходимым для удовле-

*) Циркуляр правления С. Т. Б. от 13 ноября 1909 г. № 5129/73.

творения своих потребностей, но и сбывающую излишки своей продукции на мировой рынок.

VI.

Процентное начисление на вклады и текущие счета Зависимость от размера средств в стране Ставки вознаграждения в Сибири. Учетный процент. Повышение его с Запада на Восток.

Изучение материалов по вкладным операциям и текущим счетам показывает, что приобретение денег банками совершалось всегда гораздо дешевле, чем сам банк ссужал ими нуждающихся, т. е. банк всегда сам платил меньший проц. по вкладам и текущим счетам, чем взимал его по своим активным операциям. Разница составляла весьма значительную долю прибыли банка тем более, что фактически на эти чужие средства банк производил свои активные операции.

Установление размера проц., начисляемых банком по вкладам и текущим счетам и размер учетного проц. дает возможность определить стоимость капитала на денежном рынке, и в зависимости от высоты этих величин выяснить известную наличность свободных капиталов как в стране вообще, так и в данной местности в частности. Чем страна богаче капиталами, чем большее количество людей обладает свободными средствами, тем проц, платимый банками по вкладам и текущим счетам—ниже, ибо в этом случае в банк постоянно притекают все новые средства.

Таким образом, чем больше банк платит проц. по вкладам и текущим счетам, тем выше должен быть учетный проц., т. к. покупая по дорогой цене товар (деньги)—банк, естественно, вынужден и продавать его потребителям по более высокой цене, т. е. взимать более высокий учетный проц.

Разумеется, на размер как проц. по вкладам и текущим счетам, так и учетный громадное влияние оказывает то обстоятельство в какой мере данная область является экономически развитой. При наличности слабо развитых экономических отношений даже в стране бедной капиталами может создаться такое положение, что банк, обладая значительными свободными средствами, не в состоянии разместить их и вынужден принимать меры к уменьшению размера проц. по вкладным и текущим счетам.

Банковский капитал появился в Сибири в тот момент, когда экономические отношения начали только налаживаться, когда круг лиц, нуждавшихся в денежных средствах был весьма незначителен и когда среди некоторой части населения деньги хранились дома по кубышкам и чулкам. Все это вместе взятое создавало обстановку, при которой банк мог за очень небольшой проц. привлекать к себе вкладчиков в особенности в таких городах как Омск, Барнаул, Томск, Иркутск.

В этом отношении очень любопытная табличка была обнаружена в делах омского отделения сибирского торгового банка рисующая размер проц., платившихся отделением по вкладам и текущим счетам за период времени с 1904 г. по 1908 г. Переведя цифры выплаченных по этим операциям сумм в процентные отношения, получим следующее:

Выплачено	1908 г.	1907 г.	1906 г.	1905 г.	1904 г.	Средн.
Из 1½ проц. год.	—	—		—	4,1	0,3
„ 2½ „ „	—	—	0,4	54,5	50,8	21,1
„ 3 „ „	42,4	51,7	63,4	15	13,8	37,2
„ 3½ „ „	6,2	25,1	20,1	1,5	1 7	10,5
„ 4 „ „	34 8	9,3	3,4	13,5	5,2	13,2
„ 4½ „ „	4,3	7,7	11,4	15,5	25,2	13,6
„ 5 „ „	9 9	5,8	1,3	—	—	3,4
„ 5½ „ „	2,1	0,3	—	—	—	0,2

Из данных настоящей таблички усматривается, что в 1904 году вкладные операции производились даже из 1½ процентов годовых, что в последующие годы уже совершенно не наблюдается. В течение 1904 и 1905 г.г. вклады и текущие счета поступали преимущественно из 2½ проц., причем высшим проц. был 4½. Столь низкий проц. в известной мере может быть об'ясняем происходившей в то время русско-японской войной, вызвавшей приток денежных знаков у населения и сократившей коммерческие операции его вследствие заполонения транспорта воинскими перевозками. С 1906 г., начального момента экономического оживления Сибири, и до 1908 г, вклады преимущественно поступали из 3 проц., причем в 1906 г. текущие счета поступа· ı еще из 2½ проц., (к общей сумме – 0.4 проц.), а в дальнейшем эта ставка совершенно исчезает. В этот же период времени замечается вообще рост вкладного проц., а именно уже в 1906 г. часть правда незначительная (1,3 проц.) поступила из 5 проц. увеличиваясь к 1908 г. к общей сумме до 9,9 проц.

Надо сказать, что в довоенное время в среднем банки платили в Сибири по текущим счетам 3 проц., повышая эту ставку в силу особых соглашений, но не свыше 4 проц. Лишь по вкладным срочным операциям банки платили до 5½ проц.

Что касается учетного процента за пользование капиталом, то в среднем банки по Западной и Средней Сибири взимали от 7¼ проц. до 8 проц., повышая эту ставку до 9½ проц. по специальным текущим счетам и ссудам под товары. В некоторых отделениях, как напр. в Иркутском, учетный процент в период 1910—1912 г.г. был равен в своем большинстве 5 проц., не превышая 8½ проц. годовых.

В отношении Восточной Сибири надо сказать, что там учетного проц. ниже 9 не было, доходя в некоторых случаях до 12 проц. годовых (Сретенск). Обычная высшая ставка была равна 10 проц. (Благовещенск, Н.-Уссурийск и др.)

Из этих кратких данных усматривается, что по направлению с запада на восток—размер ставок, плативших банками по вкладам и текущим счетам определенно повышался. Равным образом в том же направлении наблюдается и повышение учетного процента, достигавшего по некоторым операциям предельного размера, допускавшегося законом.

О тяжелом денежном положении на востоке А. Митинский говорит *) „кредит торговле и промышленности в Приморье очень тяжел. Слабость организации в Восточной Сибири банковского дела заметна уже с Читы: государственный банк не производит на Читу никаких торговых операций, если не считать незначительного кредита под шлиховое золото. Сибирский банк ведет на Читу мало операций товарных. Деньги очень дороги. В Забайкалье есть учеты в 8—9 проц. В Хабаровске удостоверения казенных ведомств о причитающихся с них бесспорных платежах лежат на онкольных счетах из 12 проц. И эти проценты считаются еще низкими. Кредит промышленности не существует“

Данное положение вполне понятно. Сеть банковских отделений в Западной и Средней Сибири была раскинута в местности сравнительно густым населением, хозяйство коего было достаточно развито для работы на рынок, и следовательно в населении имелись средства, собиравшиеся банками и направлявшиеся ими на совершение операций производственного характера. Иная картина была в Восточной Сибири—незначительное население, разбросаннсе на громадной территории, вынужденное еще бороться с природой за каждый клочек земли, необходимый для хозяйства. При таком положении вещей, разумеется, не было еще предпосылок для удешевления денег и возможности банкам вести свои операции из более низкого процента.

Необходимо еще остановить свое внимание на одной из форм оплаты услуг, взимавшихся банками, именно комиссионном вознаграждении за совершение банками различных чисто бухгалтерских операций по счетам клиентов, получе

*) Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке Выпуск VIII стр. 182.

ние денег в уплату по векселям и т. д. Суммы этого комиссионного вознаграждения, выражаясь в весьма незначительных ставках—1/8 проц.—давали в конечном итоге довольно большой доход отделениям банков. Ставки этого вознаграждения также менялись, то понижаясь, то повышаясь, но в общем они для всех банков представляли равную величину, менявшуюся в зависимости от соглашения с тем или другим клиентом.

VII.

Общие условия для кредитования под золото. Размеры и способы кредитования. Скупка золота. Прибыль от этих операций.

Кредитование в Сибири акционерными банками золотопромышленников имеет свою историю. Первоначально в этой области банки несли убытки, что вызывалось существовавшими до 1902 года правилами о воспрещении свободного обращения золота между частными лицами и обязательной сдаче его в казну. Банки не могли совершать залоговые операции золотом и, следовательно кредитование золотопромышленников носило известный характер риска. В силу этих условий, банкам для кредитования под золото приходилось становится в роль доверенного золотопромышленников и кредитовать своих доверителей, считаясь с фактическим положением их дел. Для реализации золота банк брал от кредитуемого им предприятия доверенность, выдавая в то же время аванс под золото от 3 до 4 руб. за золотник, из 8—9 проц. Чтобы обеспечить сколько-нибудь выданные, таким образом, ссуды от возможных обращений взысканий на золото со стороны казны и прочих лиц—банки требовали от своих клиентов представления удостоверений горной полиции в том, что золото свободно от арестов и взысканий. Опыт все же показал ненадежность и бесполезность таких удостоверений, как не обеспечивающих интересы банков, почему банки вели операции только с теми предприятиями, кредитоспособность которых была для них вне всякого сомнения, при чем в обеспечение кредита фирмы брались соло-векселя сроком по пред'явлении.

Таким порядком Сибирским Торговым банком в Благовещенске было выдано ссуд: в 1896 году на 350 000 руб, в 1897—на 90.000 руб., в 1898—на 170.000 руб. и в 1890—на 750.000 руб.

За этот-же период времени Сибирский банк реализовал золота: в 1896 г. около 27 пуд., в 1897 г.—16 пуд., в 1898 г.—25 пуд. и в 1899 г.—78 пуд.

Синорусом было выдано авансом—ссуд: в 1898 г. на 691.975 руб. и 1899 г. на 786.150 руб. и реализовано золота в 1898 г.—около 57 пуд. и в 1899 году около 73 пуд.

Со времени введения свободного обращения золота Сибирский и Синорус занялись сами в довольно обширных размерах скупкой золота. В целях успешного проведения этих операций названными банками были открыты собственные золотосплавочные лаборатории в Благовещенске, Иркутске, Томске и Красноярске, куда золото поступало в значительных количествах, что видно из следующего:

Названия банков	1902		1903		1904		1905		1906		1907		1909		1909		1910	
	п	ф	п	ф	п	ф	п	ф	п	ф	п	ф	п	ф	п	ф	п	ф
Русско-Китайский	21	9	262	17	242	24	164	31	164	6	3	1	—	—	—	—	—	—
Сибир. Торг . .	—	—	27	16	191	15	202	27	229	32	303	15	498	09	494	—	646	—
Казенные *) . .	192	39	653	32	1083	23	1046	11	1007	39	1347	19	1406	33	—	—	966	06

*) Благовещенске, Барабинске, Красноярске и Николаевске.

Таким образом, банки отвлекали значительное количество золота от казенных лабораторий, что об'ясняется большей дешевизной операций по сплаву и отсутствием волокиты с получением денег за сданное золото. Кроме того, банки при кредитовании золотопромышленников ставили им непременным условием сдачу золота в лаборатории банков.

За период войны в лаборатории Сибирского Торгового банка поступило золота:

1. В Благовещенске:

В 1915 г. 315¼ пуд., в 1916 г.—130 п., в 1917 г.—284 п., в 1918—44 п.

2. В Николаевске:

В 1916 г.—64½ пуд., в 1917 г.—29 пуд.

Из отчетов Сибирских отделений Сибирского банка операции по скупке золота дали следующую прибыль:

Г О Д А	1910	1911	1912	В с е г о
Название отделений	Р у б	Р у б	Р у б	Р у б
Благовещенское	50980	30653	23942	106575
Иркутское . . .	3382	10205	11620	25207
Красноярское .	3431	8063	9676	21170

Хотя обороты отделений банков по скупке золота и достигали значительных размеров, тем не менее оффициальная прибыль от этих операций указывалась в отчетах весьма скромно: в среднем для отделения от 0,3 проц. до 0,7 проц. к затратам суммы на покупку золота. Об'яснение этому факту надо искать в том, что все закупленное золото вывозилось банками за границу и там реализировалось распоряжением правления. Поэтому местные отделения банков в качестве продажной цены ставили местные рыночные цены, которые были ниже заграничных. Что банки на операциях с золотом получали несомненно большой проц., прибыли указывает то, что банки платили за деньги дороже, чем они выручали от продажи золота. Разумеется, такое положение нельзя допустить, т. к. банки, несомненно, прекратили бы операции не только ничего не приносящие, но даже с точки зрения деятельности своего отделения —прямо убыточные. Очевидно, реализация золота была более выгодна, чем отделения показывают в своих отчетах.

Практическая прибыль банков на операциях с золотом слагалась из двух моментов: ссудного процента, взимаемого с золотопромышленника в размере от 8—9 годовых и разницы между покупной и продажной его ценой. Затем нередко золотопромышленники поручали банкам продавать находившееся в залоге золото на комиссионных началах, при чем покупщиком его выступали теже банки. Услуги по этим операциям банками производились, конечно, не безвозмездно.

Все это указывает на сложность комбинаций, к которым банки прибегали в отношении операций с золотом.

VIII.

Кооперативное движение в Сибири. Попытки кооперации получить кредит. Сдержанное отношение банков. Постепенное получение кредитов.

Весьма любопытным является отношение финансового капитала к кооперации.

Возникновение кооперативного движения в Сибири необходимо отнести к концу 1900 годов. Сравнительно организованные формы оно приняло к концу 1907 года, когда производительная кооперация вылилась в форму союза си-

бирских маслодельных артелей, с главной конторой в Кургане. Хотя это была и чисто кооперативная организация, тем не менее по внешним приемам ведения дела и его постановке—учреждения союза напоминали частные торговые предприятия.

Союз маслоделов целый ряд своих операций проводил через частные банки, главным образом, через курганское отделение сибирского банка, в котором были открыты текущие и специальные счета. Операции союза в банках сводились, главным образом, к открытию текущих счетов и получение подтоварного кредита под масло и другие товары, т.-е. такие операции, которые по существу своему для банка не представляли никакого риска. Что касается вексельного кредита, то таковой открывался союзу в виде специальных счетов, обеспеченных векселями, но эта форма кредита не имела широких операций, т. к. для банков кредитоспособность союза все же представлялась величиной неопределенной.

Потребительская и кредитная кооперация в Сибири развитие свое получили исключительно в период Европейской войны, благодаря тому, что и казна и общественные организации стали передавать кооперативам заготовку различных продуктов, необходимых для армии и населения. Развиваясь вширь, кооперативы не имели возможность в столь короткий срок развиваться вглубь, т.-е. создать собственные денежные капиталы для ведения торговых операций. Выполняя поручения казны и общественных организаций—кооперативы работали всецело на средства этих учреждений и не нуждались в кредите. Конечно, как только кооперативы вышли на путь самостоятельных торговых операций перед ними немедленно же встал вопрос о средствах. В особенности это относится к потребительской кооперации, которая своей задачей ставила широкое снабжение населения товарами.

К концу 1916 года обнаружилось весьма интересное явление в Сибири в деятельности частного торгового капитала—старые торговые фирмы встали на путь ликвидации своих предприятий, при чем своеобразными „наследниками" этих фирм являлись кооперативы, которым торговцы стали продавать свои предприятия со всеми остатками. Об'яснялось это с одной стороны неустойчивостью цен, а с другой—ожиданием возможности эксцессов по отношению торговцев со стороны населения под влиянием растущей дороговизны, что наблюдалось уже в целом ряде городов как Европейской России, так и Сибири.

Для закупки товаров кооперативам требовалась громадная сумма денег, а между тем собственные капиталы были крайне ограничены, и следовательно необходим был банковский кредит.

Когда кооперативы обратились к банкам с просьбой об открытии им кредита, то они встретили весьма холодный прием. Об'яснялось это в известной мере тем, что эти организации на торговом рынке были еще новы, во главе их стояли в большинстве случаев новые люди из бывших политических ссыльных, незнакомых с торговой деятельностью. Таким образом, с практической стороны кооперативы в положительном смысле не успели себя зарекомендовать, имущественная же обеспеченность их была крайне ничтожна.

Кроме того, самые уставы большинства кооперативов были не ясны по своей юридической конструкции, представляя нарушение требований устава торгового.

Помимо вопросов о кредитоспособности перед банками стоял главным образом чисто принципиальный вопрос о возможности кредитования организаций, стоявших на позиции неуклонной борьбы с частным капиталом, в какой бы форме он не проявлялся. С точки зрения политики финансового капитала, стремящегося к концентрации капиталов всех видов—являлось совершенно не допустимым кредитование организаций, имевших своей задачей борьбу с тем же банковским капиталом, поскольку он являлся орудием в руках группы частных лиц и обществ. Поэтому кооперативное движение и не могло найти сочувственного отношения в банковских кругах.

Поскольку стремительное развитие сибирской кооперации являлось своего рода знамением времени и толковалось торгово-промышленным классом, как явление временное, вызванное условиями ненормальной жизни страны в обстановке войны—в нем не усматривалось ничего опасного для деятельности частного капитала. Предполагалось, что с окончанием войны и переходом к нормальным условиям жизни раздувшаяся кооперация вынуждена будет опять сократиться и уступить дорогу частному капиталу—почему не отрицалась возможность предоставления банковских кредитов кооперативам, тем более, что деятельность торговых фирм прекращалась вне зависимости от появления на рынке кооперативов

В соответствии с этим банки от предоставления кредита кооперативам уклонялись до получения от своих правлений надлежащих инструкций, отказывая по чисто формальным соображениям в кредите и требуя предоставления самых подробных сведений о деятельности кооперативов.

Надо полагать, что в разрешении вопроса в отрицательном смысле не малую роль сыграли учетные комитеты банков, состоявшие из представителей местного купечества, которое в кооперативах видело своих органических врагов. И если представлялась возможность навредить этим „врагам", то, конечно, представители торгового класса этим обстоятельством пользовались в полной мере.

Русско-азиатский банк приступил к кредитованию после того, как вопрос этот был разрешен в августе месяце 1916 года на с'езде управляющих сибирскими отделениями. В благоприятном смысле для кооперации разрешили этот вопрос и другие банки, но каждая операция кредитования всегда сопровождалась выполнением массы различных формальностей.

Все эти перепитии касались, главным образом, потребительской кооперации, так как кредитная при содействии учреждений мелкого кредита, пользовалась кредитом в государственном банке и не нуждалась почти в кредите банков, что для потребительской кооперации было невозможно.

В отношении частных банков к кооперативам необходимо отметить то существенное обстоятельство, что банки на них не были в состоянии оказывать то влияние и давление, какое они оказывали на частный капитал. Здесь несомненно имели значение как сила организации кооперативов, работавших по директивам общих собраний кооперативных с'ездов, так и личный состав правлений, независимый непосредственно в своих личных делах от правлений банка. Поэтому, по отношению к кооперативам в их торговой деятельности, банки вынуждены были отказаться от руководящей роли Эту роль выполнял лишь московский народный банк, являвшийся созданием кооперативов и в своей деятельности руководимый представителями кооперации.

В период революции и последовавшей затем гражданской войны кооперативы укрепили свое положение и значение их в экономической жизни Сибири было значительно. Частный капитал—торговый и промышленный—продолжал уходить со сцены и рынок оказался постепенно захваченным группами спекулянтов, наживших свои средства и капиталы в период европейской войны.

Создавшаяся обстановка вынуждала акционерные банки вести значительные операции с кооперативами, тем более, что в силу закона 20 марта 1917 года юридическое положение кооперативов стало вполне определенным. Между тем, московский народный банк ввиду недостатка у него средств не мог удовлетворить полностью требования кооперативов о представлении им кредита.

В докладе правления „Закупсбыта" собранию уполномоченных, происходившему 14—18 сентября 1917 года указывается, что для обеспечения возможности производить закупки на восточных рынках—правление „Закупсбыта" вынуждено было обратиться за кредитом к частным банкам. В результате такого обращения русско-азиатский банк открыл кредит под именные дубликаты в 500.000 руб. и специальный кредит на заготовку кеты под предъявительские дубликаты в виде аккредитива на 3½ миллиона рублей. Кроме того, тот же банк открыл подтоварный кредит в 3 миллиона рубл. и вексельный на 300.000 р

Одновременно сибирский банк открыл „Зкупсбыту" кредит подтоварный на сумму один миллион рублей, векселъного 200.000 руб. и по аккредитивам в 700.000 руб.

По состоявшемуся соглашению кроме обычной комиссии по поручениям и проц. по ссудам—никаких оборотных комиссий по учетам банк не начислял.

Иное отношение встретили кооперативы гор. Иркутска со стороны, находившихся там отделений акционерных банков, которыми в 1917 году в открытии кредитов кооперативов было отказано, *) при чем здесь оказалось враждебное настроение буржуазно-классового начала к кооперации и вообще знамение времени: „частно-капиталистические банки спекулируют и играют на русском рубле".

В значительной мере это отношение банков к кооперации в Иркутске надо отнести к спекулятивной деятельности банков, т. к. в период времени 1918—1919 г.г. Иркутск являлся центром деятельности международных спекулянтов, совершавших здесь колоссальные сделки. Сюда с'езжались спекулянты из всех городов Сибири для закупок необходимых им товаров.

При таком положении вещей банки, разумеется, не нуждались в кооперативных организациях, как солидных клиентах и вели свои операции более подвижного характера с публикой, спекулировавшей в связи с тяжелым положением рынка.

IX.

Отношение банков к городским управлениям.

Со стороны некоторых отделений банков городские управления встречали довольно благосклонное отношение. и по их просьбам им открывался кредит. Так Новониколаевское отделение Сибирского Торгового банка в 1910 году открыло местному самоуправлению кредит под соло векселя в сумме до 280.000 рублей из 9 проц. годовых, на каковые средства и был сооружен городской торговый корпус.

В довоенное время города Сибири пользовались небольшим кредитом в акционерных банках и лишь уже в период европейской войны вопрос о кредите городам был поставлен довольно широко и получил благоприятное разрешение. Первый в этом отношении поставил определенно вопрос Русско-Азиатский банк на с'езде управляющих сибирскими отделениями, о котором упоминалось выше. С'езд пришел к выводу о необходимости самого широкого кредитования городских самоуправлений в их хозяйственных операциях. Надо заметить, что к этому времени в связи с возрастающей дороговизной целый ряд городов Сибири создал при городских управах особые продовольственные отделы, которые имели своей задачей заготовку продуктов широкого потребления и распределения их среди населения. Эти то операции и решено было банками кредитовать путем учета векселей и выдачи подтоварных ссуд.

Открываемый таким порядком кредит все же не обеспечивал потребности городов в оборстных средствах, почему города попрежнему испытывали сильнейший недостаток в средствах. В качестве выхода из этого тяжелого положения правительством было проведено законодательное распоряжение о том, что государство принимает на себя поручительство перед частными банками в исправном платеже городов по выданным им обязательствам на продовольственные заготовки. Каждому городскому управлению, по его ходатайству, министерством внутренних дел выдавались на указанные городом частные банки особые гарантийные письма, под которые и открывались этими банками в соответствующих суммах кредиты. Задолженность городов по этим гарантийным письмам достигала многих сотен тысяч рублей почти каждому банку. Дело в том, что если банки неохотно прежде открывали кредит городам, то теперь при наличности гарантийных писем правительства—они стали очень охотно и широко предлагать кредит городам.

---

*) Журнал „Кооперативное Дело", 1920 г. № 1, стр. 41.

Вообще же надо сказать, что акционерные банки делу кредита городов отводили, за немногими исключениями, весьма незначительное место.

X.

КОНКУРЕНЦИЯ МЕЖДУ БАНКАМИ.

Разумеется, прежде всего и больше всего оказывали известное влияние на ход и размер операций уже существовавших отделений открытие конкурирующими банками своих отделений и приобретение новых клиентов, которые могли бы своей работой определенным образом усилить операции отделения.

Поэтому, каждое из находившихся в одном и том же городе отделений разных банков следило за своим конкурентом и добытые о нем сведения немедленно же доводило до сведения своих правлений. Сманивание клиентов путем предоставления им более льготных условий являлось больным местом, на что очень живо реагировали заинтересованные отделения.

Состоявшиеся между правлениями банков и конкурирующими отделениями соглашения о размерах платежа проц. по текущим счетам, вкладам и прочим пассивным операциям в действительности не выполнялись и нарушались отделениями, на что указывает в своем письме от 5 апреля дирекция Омского отделения С. Т. Б, *) говоря что „к сожалению упомянутое соглашение местные отделения конкурирующих банков стремятся нарушить, усиленно призывая к себе нашу клиентуру, обещая делать непредусмотренные соглашениеи надбавки".

Конечно, деятельность отделений в области конкуренции между собою не сводилась только к такому простому способу, как сманивание того или другого клиента путем предоставления им некоторых льгот в совершении банковских операций. На это могли пойти клиенты, или слишком нуждавшиеся в средствах, желавшие сохранить каждую лишнюю копейку расхода, или не обладавшие личной инициативой в ведении своих дел и строивших свою программу работ на мелочах.

Преимущественно конкурирующая деятельность отделений была направлена на финансирование операций, которые являлись в деятельности банков в данной местности новыми, содержащими по своей новизне некоторые элементы риска, или с персональной точки зрения того или другого управляющего хлопотливыми и поэтому нежелательными.

В известной мере об'яснение этому факту можно найти в том, что отделения банков открытые сравнительно давно, усвоили с течением времени некоторую неподвижность и даже консервативность в деле ведения и самом об еме и форме своих операций. Только определенные предписания и распоряжения правлений вынуждали их раскачиваться и вести с их точки зрения или рискованные или хлопотливые операции.

Совершенно иной тактики держались отделения одного и того же банка, открытые позднее, а в особенности конкуренты. Необходимость приобретения круга клиентуры толкала их по пути новаторства, проведения новых операций и установления новых возможностей в деле совершения и проведения новых торговых операций. В этом случае отделение брало на себя и инициативу кредитования или определенной отрасли торговой деятельности или определенных предпринимателей, которые доселе не пользовались благорасположением банковских кругов.

Оценивая деятельность русского для ввешней торговли банка и Русско Китайского (Русско-Азиатского) дирекция Омского отделения С. Т. Б. в письме от 27 июля 1909 г. говорит что Руссенбанк „обещает земледельцам на всех хлебных железнодорожных станциях артельщиков для выдачи через них на местах авансов под хлеб, собираемый земледельцами, а не торговцами. Здешнее отделение Русско-Китайского банка также обратило внимание на земледельцев и де-

*) Письмо от 5 апреля 1913 г. № 4368/62.

лает будто-бы учет их соло-векселей по предварительном совершении закладных на землю, а торговцам, вместо учета, усиленно открывает специальные счета под векселя. Последовавшим обстоятельством и можно об'яснить последовавшее у нас некоторое уменьшение учета за счет лучшего портфеля".

Таким образом в целях конкуренции отделения банков проводили в жизнь новые операции, которые вместе с некоторыми для них хлопотами ставили их лицом к лицу с непосредственным производителем сырья и тем давали возможность извлекать максимальную прибыль из операции, так как посредник, скупщик в этом случае совершенно устранялся.

Возвращаясь к этому же вопросу вновь, Омское отделение С. Т. Б. в письме от 18 сентября 1910 года отмечает, что „Русско-Китайский банк, кроме ссуд под зерно, занялся и ломбардированием разных мелких товаров.... Получают ли эти банки какую либо пользу от широкой готовности итти, яко-бы навстречу, местной торговле и промышленности—скажет ближайшее будущее".

Это суждение основано на том, что „от нашего района нельзя ожидать серьезных ссуд" и поэтому тот вид „товаро-ссудных операций, который наши конкуренты намерены широко развить, едва-ли будет отвечать их ожиданиям".

Конкуренция между банками в конечном итоге заставляла более активные из них принимать все меры к развитию своих операций, иногда рискованных и приносивших им убыток. Но в этом случае банки стремились к отысканию новых форм кредитования, способствовавших развитию экономических отношений и вовлекавших в торговый и товарный оборот все новые группы хозяйствующих субъектов. Разумеется в осуществлении этих своих задач, банки не останавливались даже перед тем, чтобы переманивать к себе более способных и знающих район сотрудников от конкурентов и т. д., и те, кто был более подвижен и ловок—тот привлекал к себе больший круг клиентеллы.

XI.

БАНКИ В СИБИРИ В ПЕРИОД ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ.

В период Европейской войны, революции и гражданской войны—акционерные банки в Сибири в своих операциях не избегли спекулятивной деятельности, выразившейся как в кредитовании фирм и лиц, несомненно занимавшихся спекуляцией, так и в прямой покупке через подставных лиц особо ходких товаров и хранении их на своих складах в ожидании повышения цен.

Спекулятивная деятельность сибирских отделений акционерных банков не являлась, разумеется, чем-то отличным от общей линии поведения банков, оперировавших на территории Европейской России. Спекуляция шла от центра к периферии, и следовательно сибирские отделения в этой области работали в полном соответствии с деятельностью их правлений и по указанию последних.

Что спекулятивная деятельность банков приняла действительно грандиозные размеры—свидетельствует факт издания царским правительством закона от 10 октября 1916 года, в силу которого министерству финансов было предоставлено право производить через своих агентов ревизии банков по всем их операциям для установления соответствия их деятельности с уставами. До этого времени банки были забронированы от такого рода контроля и, конечно, закон этот банковскими сферами был встречен весьма недоброжелательно, причем банки указывали, что их престиж и доверие в глазах широкого населения падет, так как прежде ревизии назначались правительством над банками, когда дела их приходили в расстроенное состояние и необходимо было оградить интересы вкладчиков.

В оффициальных органах печати относительно сетований банков, для их успокоения, были помещены статьи и заметки, из'ясняющие смысл закона и отмечавших, что ревизия будет касаться крайне узкой сферы деятельности банков—их товарных операций, и что поскольку это касается всех банков, то говорить о потере доверия в глазах населения не приходится, так как само население заинтересовано в нормальной работе банков с устранением операций, законом недозволенных.

Когда в некоторых городах Сибири вопрос о спекуляции встал в обществе и прессе особенно остро управляющие отделениями банков, желая снять всякое подозрение с банков—торжественно заявили, что они впредь не будут финансировать сделки спекулятивного характера и направлять имеющиеся в их распоряжениии капиталы на поддержание и развитие промышленности, работающей на оборону страны.

Фактически это были только одни красивые слова без реального содержания.

В конечном результате кредитование как спекулянтов, так и предприятий и учреждений, работавших на оборону, вполне миролюбиво уживались одновременно в деятельности одного и того же банка. причем кредитование спекулянтов производилось охотнее и шире, так как в обеспечение открываемого кредита, последний представлял товары и нередко участником сделки становился и сам банк. Между тем „военная промышленность" строилась главным образом на вексельном кредитовании в лице по преимуществу военно-промышленных комитетов и предприятий, группировавшихся около них и создававшихся в большинстве случаев в целях получения владельцем предприятий отсрочки от явки к отбыванию воинской повинности.

В этом отношении любопытна деятельность Омского и Новониколаевского отделений Русско-Азиатского банка. Управляющие обоими отделениями состояли председателями—один областного Западно-Сибирского и другой—местного Новониколаевского военно-промышленных комитетов, и финансировали их путем открытия как вексельного, так и подтоварного кредита. Само собою разумеется что клиентами банка являлись невольно и прочие поставщики и контрагенты комитета, считавшие для себя выгодным иметь „милости" влиятельного банка и не портить отношений с председателями комитетов, тем более, что в то время эти комитеты в Сибири, в особенности в Эмске и Новониколаевске имели в глазах администрации значительный вес. Представители комитетов заседали в комиссиях по представлению отсрочек, и к голосу их там прислушивались также довольно внимательно.

В других городах Сибири Русско-Азиатский банк также оказывал полное содействие местным военно-промышленным комитетам как путем участия в их составе, так и открытии кредитов. Сибирский Торговый и Русский для Внешней Торговли относились к этому делу весьма сдержанно. Отделения остальных банков, благодаря своей незначительности также непосредственного участия не принимали. Таким образом Русско-Азиатский банк оказывал в Сибири особое внимание развитию и поддержке военно-промышленных комитетов, занимая в этом патриотическом по тому времени деле господствующее положение.

Разумеется, в этом вопросе деятельность Русско-Азиатского банка не может быть об'ясняема и поставлена в исключительную зависимость от персонального участия в делах отделения того или другого управляющего, по своим личным побуждениям решившего оказывать всяческое содействие к созданию военной промышленности, во главе которой встал военно-промышленный капитал. Причины этому лежат несомненно гораздо глубже.

Необходимо вспомнить, что Русско-Азиатский банк является учреждением, созданным на деньги французских капиталистов, вложивших в него значительные суммы. В первый период войны Франция находилась в положении страны, которой грозила опасность гибели от германской армии. Русское правительство, самонадеянно заявившее, что оно готово к войне и справится со снабжением своей армии всем необходимым к середине 1915 года, доказало полную свою несостоятельность, так как русская армия оказалась без снарядов и прочего снаряжения. Тогда под влиянием союзников ставка была поставлена на общественные организации. Были созданы специальные общественные организации, как Земгор и Согор для оказания помощи больным и раненым воинам и военно-промышленные комитеты для организации предприятий по выработке снаряжения и прочего военного снабжения.

В этих условиях французский капитал, конечно, принимал все зависившие от него меры к тому, чтобы ослабить удар Германии и усилить деятельность русской армии. Поддержка французским капиталом созданных военно-промышленных комитетов, как в России, так и Сибири, как средства быстрейшего снабжения русской армии всем необходимым—являлась вполне понятной и естественной и поведение Русско-Азиатского банка в деле руководительства и финансирования военно-промышленных комитетов в Сибири становится ясным. Совершалось это в силу распоряжения правления, получавшего соответственные указания от своих хозяев из Парижа. Распоряжение это выполнялось в точности и военно-промышленные комитеты получали в лице французского финансового капитала поддержку как в средствах, так и людях, так как ответственные работники Русско-Азиатского банка занимали ответственные же места в комитетах, причем эти должности, как выборные, не оплачивались, и, следовательно, несение их являлось продолжением службы в банке.

Для Русско-Азиатского банка его работа с военно-промышленными комитетами не являлась, разумеется, убыточной, так как все суммы, отпускавшиеся комитетам и их контрагентам, банк получал в обусловленные сроки полностью, что достигалось очень легко, ибо во главе комитетов или в составе его руководящих органов стояли видные деятели Русско-Азиатского банка, всегда прекрасно осведомленные о положении дел как самих комитетов, так и его контрагентов.

Возможность предоставления крупных кредитов в распоряжение военно-промышленных комитетов на создание промышленных предприятий и прочих заготовок, обуславливалось тем, что в связи с сокращением товарного рынка с одной стороны и увеличением количества денежных знаков, обращавшихся среди населения с другой—учетно ссудные операции банков сильно уменьшались и в то же время пассивные операции, в особенности вкладные, увеличивались. Банки оказались обладателями средств, которые они не могли быстро и выгодно разместить среди потребителей.

Независимо от указанного выше, Русско-Азиатский банк занимался также учредительством предприятий по обслуживанию военных потребностей, непосредственно с работой военно-промышленных комитетов не связанных. Создавая для этой цели акционерные общества, банк являлся идейным руководителем, обосновывая необходимость, пользу и выгодность данного предприятия и предоставляя акционерам капиталы для их дальнейшей работы. Таким путем было, например, создано в Новониколаевске акционерное общество „Кожевенный завод 1915 г." с капиталом в один миллион рублей, доведенным затем до 6 миллионов рублей. То же самое имело место и в Омске и. т д.

Таким образом не будет преувеличением сказать, что военная промышленность в Сибири создалась при ближайшем участии Русско-Азиатского банка, действовавшего согласно определенных в этом направлении указаний французского финансового капитала.

Эта патриотическая деятельность Русско-Азиатского банка невольно напрашивается на сравнение с операциями того же банка в период 1918—1919 годов в Харбине и во Владивостоке, направленными к спекуляции с русским рублем.

В это время французский капитал явился уже в качестве победителя, т. к. Германия была разгромлена, и Франция выступила в качестве своего рода опекуна по русским делам, посылая войска и снаряжение для борьбы с Советской властью. Французский капитал чувствовал себя уже в безопасности и направлял свою деятельность на залечивание ран и ушибов, полученных во время Европейской войны. Боязнь утратить возможность получить свои долги с России и потерять в будущем колонию, с которой можно систематически получать доход без лишних затрат—неудержимо толкала Францию к вмешательству во внутренние дела России. Внутренняя слабость России, обусловленная гражданской войной, способствовала тому, что дельцы творили то, что лично им было выгодно.

Поэтому спекуляция с русским рублем для Русско-Азиатского банка являлась вполне естественной операцией, поскольку это давало колоссальные барыши и банку и его руководителям. На этих операциях и отделения банка и их дирекция зарабатывали огромные деньги, а население несло убытки от стремительного, неудержимого падения курса русского рубля. В „Русском Экономисте", газете издававшейся в 1919 г. во Владивостоке, вполне определенно в целом ряде статей указывалось, что Русско Азиатский банк является центром, откуда ведется кампания на понижение курса рубля, чему в известной мере способствует то, что банк в Харбине выполнял обязанности русского казначейства.

Все эти сообщения Русско-Азиатским банком опровергнуты не были.

Перед падением правительства Колчака, совет министров, под влиянием всех этих сообщений, вынес постановление о назначении ревизии над деятельностью всех отделений Русско-Азиатского банка, но постановление это так осуществлено и не было.

Не менее характерным является отказ владивостокского отделения Русско-Азиатского банка летом 1919 г. выдать находившееся у него на хранении серебро в монетах правительству Колчака, признаваемому банком за всероссийское правительство, мотивируя свой отказ тем, что его внес на хранение бывший русский посланник в Соединенных Штатах Бахметьев. Только после угрозы закрытия всех отделений банка на территории Сибири и обращения омского отделения Русско-Азиатского банка в Харбин и Владивосток от своего имени с указанием на необходимость исполнения пред'явленного требования и недопустимое поведение владивостокского отделения—серебро было выдано.

Еще большей развязности достигла деятельность Русско-Азиатского банка, когда в августе месяце 1919 г. в качестве министра финансов правительства адмирала Колчака был назначен член правления означенного банка фон-Гойер. В этот период времени на курс финансовой политики правительства Колчака безусловно имел исключительное влияние Русско-Азиатский банк, председатель правления которого—Путилов находился тогда в Харбине и оттуда давал соответствующие директивы фон-Гойеру. Непрекращающаяся спекуляция с русским рублем, несомненная прикосновенность к ней Русско-Азиатского банка—создали в обществе вполне определенное представление о том, что вся эта вакханалия производится с ведома и участия фон-Гойера. Промелькнувшие в этом отношении заметки в газетах так и остались неопровергнутыми фон-Гойером.

Этими фактами определенно устанавливается крупная политическая роль, которую играл Русско-Азиатский банк в период гражданской войны на территории Сибири, когда от него исходило руководство деятельностью существовавшей в то время государственной власти путем введения своих деятелей в состав правительства.

Данное поведение Русско-Азиатского банка не являлось чем то отличным от той линии поведения, какой держался этот же банк в царский период. Весьма любопытную характеристику этому банку дает журнал „Финансовое Обозрение" в передовой своей статье в № 4 за 1913 г., говоря „нельзя не принимать здесь во внимание совершенно из ряда вон выходящее значение Русско-Азиатского банка, которому в настоящее время принадлежит в экономической и политической жизни России место, резко отличающее его от других крупнейших кредитных учреждений. В самом деле, Русско-Азиатский банк имеет при огромном количестве отделений в России и заграницей теснейшую связь с солиднейшими финансовыми кругами Европы и играет безусловно серьезную роль в наших финансовых операциях на западе, в Китае и в Японии... Заметим, что бумаги Русско-Азиатского банка находятся в руках societé generale которое распределило их между своими 500 отделениями во Франции—тесная связь этого банка с финансистами нашей союзницы несомненна".

Далее в этой же статье указывается еще более интересное положение, дающее основание делать вывод, что русское министерство финансов в своей

кредитной политике следовало указаниям этого банка, „Едва ли мы ошибемся", говорится в этой статье: „если скажем, что ныне кредитная канцелярия и Русско-Азиатский банк являются тем могущественным рычагом, умелая работа которого может оказать и оказывает серьезнейшее влияние на то или иное направление в решении важнейших вопросов нашей внешней политики".

Об этой же политической роли Русско Азиатского банка отмечается в том же журнале по поводу приобретения Русско-Азиатским банком Салоникского банка со всеми его отделениями в Адрианополе, Белграде, Софии, Ускюбе и т. д., при чем эта операция была произведена при содействии французского финансового капитала.

Из этих фактов усматривается, что в деятельности Русско-Азиатского банка отчетливо выявились все положительные и отрицательные стороны финансового капитала—стремление концентрировать банковский и промышленный капитал в руках банка, подчиняя своему влиянию как отдельные банки, так и промышленные предприятия. В это же самое время Русско-Азиатский банк выполняет и последующую функцию финансового капитала—непосредственного вмешательства в политическую деятельность. правительства, выполняя его отдельные функции и влияя на работу отдельных министерств.

Таким образом, то вмешательство Русско-Азиатского банка в направление политической жизни России, какое делалось в довоенный период времени—вполне естественно должно было принять более напряженный и актуальный характер в период гражданской войны. Но поскольку этот банк принадлежал иностранному финансовому капиталу—постольку его роль в гражданской войне носила двойственный характер, где острие было направлено одновременно на обе враждующие стороны под разными лишь окрасками, имея в конечном результате одно желание—разрушение хозяйственного быта России в целях наиболее глубокого ее экономического захвата в дальнейшем. Здесь, конечно, были дозволены все пути—оружие для борьбы с Советской властью, и спекуляция и разрушение валюты внутри тех, кто боролся с Советской властью.

И в отношении Сибирского торгового банка надо заметить, что он также принимал на себя функции органа, проводящего политические взгляды правительства, направлявшиеся в конечном результате финансовым капиталом и его потребностями. Сибирским торговым банком была с согласия русского правительства получена концессия на учреждение банка в Монголии под названием „Монгольский Национальный банк", причем правление его, образованное из членов правления Сибирского торгового банка, находилось в Петрограде, а главная контора была открыта в Урге.

XII.

Выводы.

Подводя итоги работе банковского капитала в Сибири и его роли в экономическом развитии Сибири, необходимо сказать, что деятельность банковского капитала в рассматриваемой стадии имела в известной степени положительные стороны.

Прежде всего банки способствовали собиранию среди сибирского невежественного населения денежных средств, разбросанных и разрозненных по огромной территории и лежавших совершенно втуне. Эти денежные средства в руках банков были направлены на чисто производственные операции, способствовавшие экономическому под'ему Сибири, особенно в последние перед войной моменты деятельности, когда банковский капитал встал на путь финансирования не только промышленных предприятий местного значения, но направил свою деятельность на создание промышленных предприятий, которые, в случае их окончания, дали бы возможность Сибири на международном рынке занять более выгодное и определенное положение. В этом отношении можно сослаться даже на роль Русско-Азиатского и Международного банков (в железнодорожном строительстве, в попытках эксплоатации Кузнецкого каменноугольного бассейна и создании там-же крупнейшей химической промышленности) и си-

бирская военная промышленность, в большинстве своем созданная в целях переработки продуктов сельского хозяйства, должна почитаться солидным базисом в деле создания сибирской промышленности.

Иная оценка, конечно, должна быть дана всей остальной деятельности этих банков и особенно той, какая была проявлена ими в период Европейской войны, когда они открыто встали на путь спекуляции, принявшей сильнейшие свои формы в период гражданской войны и разрушившей народное хозяйство Сибири. В конце концов они докатились до введения своих представителей в состав правительства, до фактического превращения этого правительства в свое послушное оружие и ведения вооруженной борьбы, когда ими отстаивались интересы своих хозяев, иностранных банков.

А. Ш и ш а.

ПАФОС СОВРЕМЕННОСТИ И МОЛОДЫЕ ПИСАТЕЛИ.

(О Всев. Иванове, Н. Никитине, С. Семенове, Б. Пильняке и других).

Девочка подбежала к пианино и взяла несколько аккордов.

— Что?

— Волынка! У нас басче. Ка-ак маладяжник заиграет на гармошках, аж в ушах шипит. Ты на гармошке умешь?

— На гармошке? Нет.

— И гармошки нету? Чо таки вы за люди.

Из книги Всев. Тараканова „Рогульки" *).

У русской литературы есть большое и великое прошлое, связанное с именами Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Достоевского и Толстого. Второй стихией стали для нас многие строки этих великих писателей, и каждое мгновенье, как волна, бьет в нас Пушкинское—

Но не хочу, о, други, умирать!
Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать.

И ради этого великого Пушкинского нехотенья мы и не хотим, остаться только с прошлым, хотя бы и великим.

Искусству не присуща монументальная неизменность природы. Оно хочет жить лишь развиваясь, и оно мыслимо для нас и дорого нам только в этом постоянном процессе развития.

Если бы кто установил и доказал, что наше искусство кончилось, завершилось, то это бы означало лишь одно, что человек нашей эпохи кончился.

Осв. Шпенглер так именно и ставит вопрос в своей нашумевшей книге „Закат Европы"; он утверждает, что у искусства запада нет будущего, что „эпоха Фидия и Моцарта" для западной культуры уже немыслима. „Западноевропейскому человечеству не предстоит больше иметь ни великой живописи, ни великой музыки. Его архитектонические возможности уже лет сто, как исчерпаны" **).

Шпенглер на ряду с этим утверждает, что в этом положении нет ни капли пессимизма, а лишь об'ективный охват действительности, истории, и человеку надо бросить всю свою энергию в область творчества Санчо-Пансо, в область ограниченно-прагматического действия.

Может быть, это и так для народов Запада или, вернее, тех социальных групп, к которым принадлежит Шпенглер, но мы не хотим разрывать нашей старой дружбы с прекрасным безумцем Дон-Кихотом, не хотим попасть в этот заколдованный круг, который старается очертить современному человечеству Осв. Шпенглер.

---

*) Вс. Тараканов. это—Вс. Иванов, издавший под этим псевдонимом в 1919 г. в Омске свою маленькую книжечку рассказов „Рогульки".

**) Из книги Шпенглера, глава „Философия будущего". Иваново-Вознесенск. 1922 г.

Наша революция есть великий и действительный знак этого нехотенья.

В строительстве нашей, идущей от Петра, культуры русский народ еще не участвовал всей своей массой; он, как органическое и полное единство, еще не выступал на арене жизни.

В революции он завоевал себе это право.

Теперь ему предстоит самое трудное и длительное—практическое осуществление этого права. И именно потому, что революция для нас не является катастрофой и конечным обрывом исторического пути нашего народа, как ее представляют наши враги, а лишь крушением и устранением господства отживших социальных групп и выступлением новых, еще полностью не живших классов, еще не проявивших себя с полной интенсивностью в области культуры, поэтому у нас рождается и крепнет убеждение, что у русского искусства есть будущее, есть это будущее и у литературы.

И мы ищем и будем напряженно искать молодых, здоровых завязей литературы, ибо успех искусства в конце концов является конечно-завершающим и вернейшим признаком нарождающейся культуры.

Презрение к искусству присуще и естественно в устах людей Запада, Шпенглера и его социальных однокашников, которые по его словам „родились в качестве людей начинающейся зимы полной цивилизации", но оно должно быть совершенно чуждо нам, так буйно, по звериному заявившим фактом революции о своем существовании и желании жить.

Мы на горе всем буржуям,
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови—
Господи, благослови!

Этот „пожар в крови" мы ощущаем и носим в себе постоянно, как нечто живое, основной тонус, нарастающий темп нашего жизнеощущения, мы верим в свое возрождение и А. Блок уже заявил и был в праве заявить Западу:

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь.
Которая и жжет и губит!

Поэтому в силу глубочайшего внутреннего убеждения мы полагаем, что искусство у нас будет развиваться, и итти по возрастающей,—у нас еще будут „эпохи Фидия и Моцарта", ибо отсутствие искусства у той или иной эпохи и для нас, как и для Шпенглера, означает, говоря его словами, „замыкание культуры" или, как мы говорили, „тупиковые формы общественности" человеческой истории.*)

В силу этого, мы ставим задачей данной статьи посмотреть на рост нашей молодой литературы, посмотреть на нее со всей силой наших внутренних требований, вытекающих из нашего понимания пафоса современности, ее грядущих культурных возможностей, отсюда требование от искусства необходимой глубины и полноты содержания и формы (они в искусстве едины и неразрывны), знаменующих собой грядущую культуру.

I.

В начале революции многие из нас хотели проблему нового искусства разрешить искусственно, несколько теплично, военно-техническим приемом: созданием пролеткультов; думали, что вот поучимся немного и сразу запоем „по пролетарски".

---

*) См. Сибирские огни" № 1—ст. „Искусство в стихии революции", где мы еще в феврале месяце 1922 г. (фактически гораздо раньше) писали: „Искусство бесспорно эволюционирует, оно бесспорно расширяет свои средства изображения, углубляет свое содержание, если человечество в общем своем развитии не переживает краха, не идет к падению, приходя иногда в своих расовых ответвлениях к тупиковым общественным формам, каковой, например, является рабовладельческое, городское хозяйство римлян, не нашедшее своего дальнейшего развития".

Из этого ничего не вышло.

Пролеткульты оказались тем, чем они и должны были быть: обычными, несколько однобокими, школами грамоты, письма и литературы. Этим их роль исчерпалась до конца.

Наивные надежды увидеть искусство, живой отсвет культуры, до самого факта появления этой культуры теперь рухнули, и хорошо, что одной иллюзией стало меньше.

Другие теоретики искусства подошли к этому вопросу осмотрительнее и солиднее: так Н. Чужак нужное ему революционное, „пролетарское" искусство обрел в поэзии большого современного поэта Маяковского и в вообще „школе футуризма" *).

Но и это оказалось аббераций, социальным дальтонизмом: Маяковский поэт крушения старого, бард великого грохота падающих храмин. В его поэзии нет живых капель будущего. В этой области он всегда терпит крах. **).

Теперь в третью крайность ударяется современная критика: в страстном ожидании нужного ей искусства она слишком горячо, порой совершенно неосмотрительно, приветствует всякий, хотя бы лишь внешне-красочный талант, производит его в знаменитости, возлагает на него „великие надежды", если он сумел сказать членораздельно и правильно:

—Господи, Господи!

Мне всегда становится немного жутко при этих безраздельных похвалах современной критики молодым писателям. Мы слишком усердно и неосмотрительно это делаем, заласкиваем и зацеловываем своих молодых писателей, взваливая на их неокрепшие плечи огромные, невыполнимые в данный момент обязательства.

Еще не пришел час для большого и нового художника.

Если-бы Пушкин и Толстой не жили в атмосфере своего дворянского сословия (первый—на расцвете, второй на закате его), спокойно чувствующего себя на победном щите, то они никогда не смогли-бы проявить себя такими большими и законченными художниками. А мы непременно хотим иметь—и сейчас-же, немедленно—Пушкина и Толстого современности, когда в ней самой еще нет необходимых предпосылок устоявшегося культурного базиса. Темп жизни, конечно, неимоверно ускорился, но еще не настолько, чтобы немедленно—вслед за революцией—мог быть возведен новый храм законченного стиля всей, еще только-что начинающейся и намечающейся в своем существе, эпохи.

Поэтому, естественно, что в современных писателях,—внутренне современных нашему времени, а не просто современниках,—пока еще больше недостатков, чем завершенных достоинств; больше ошибок, чем безошибочных ударов кисти. И я убежден, что многие из них, молодых писателей, и сами ощущают этот жуткий страх, когда мы их начинаем безмерно хвалить, ибо ясно: нет еще ясных путей в грядущее нашей литературы, не пришло еще время и слишком мало сделано нами, чтобы новый мир встал в творениях наших художников как высшая, красивейшая реальность.

Даже Достоевскому, при его большой, внутренней вере в себя, стало до отчаяния страшно, когда Некрасов и Белинский в одну ночь произвели его в великие писатели,—так будем-же более бережны и суровы в подходах к современным молодым писателям, иначе мы просто загоним их на старые пути внешних, пыльных, из'езженных приемов старой литературщины; вынудим их выбрасывать без достаточного вынашивания безцветные ленты „полных собраний сочинений", подобно Потапенко и даже Вербицкой или в лучшем случае—сделаем из них мастеров без необходимо-глубокой для искусства сущности нового содержания.

Вот первое имя, вынесенное так быстро на высокие волны широкой литературной известности,—Всев. Иванов.

---

*) Н. Чужак. К диалектике искусства. Чита 1921 год.

**) „См. № 2 Сибирские огни". 1922 г. Письма о современной литературе.

Он за два—три года написал два романа—„Голубые пески", „Ситцевый зверь", (первый печатается в журнале „Красная новь"), выпустил три повести и массу рассказов. Критика его встретила восторженно, и похвалы ему растут в возрастающей геометрической прогрессии.

Я вспоминаю свое впечатление от его первой повести—„Партизаны". *) Какой хороший, ясный рисунок. Какой четкий, отчетливый глаз, умеющий дать просто и ясно на первой же странице характерную фигуру—подрядчика Емолина, на второй—рабочего Кубди.

И, несмотря на некоторые недостатки этой повести, о которых дальше,—в конечном счете впечатление от нее получалось безусловно радостное, большое. Здесь Иванов достаточно художественно просто, порой сильно приоткрыл нам социально эмоциональную бытовую сторону большого общественно-революционного явления—партизановщины. Дал фигуры мужиков в новой социальной обстановке, притом не механически вклеил этих мужиков в новое, а показал до некоторой степени их органическое внутреннее перерождение. И они для нас нечто новое по существу даже после прекрасно-выполненных художественно мужиков Чехова и Бунина.

Правда, внешне казалось-бы, что мужик Иванова недалеко ушел от мужиков нашей прошлой литературы: он попрежнему варит самогонку, дико и безшабашно веселится по праздникам, так-же горланит свои песни, но в фигурах, нарисованных Ивановым, есть нечто и новое.

Возьмите вы одну из главных фигур повести—начальника партизан Селезнева. Эта сумрачная, несколько неисчерпанная и недорисованная писателем фигура кажется и сама не знает ясно, чего она хочет, за что она борется. Его борьба внешне рождается попрежнему из нелепого случая разгрома милиционером самогоночного завода (это прекрасно!), непреднамеренного, озорного убийства рабочим Беспалых милиционера,—но в том, что он уже не покоряется слепо своей участи, как Чеховские мужики, а идет в горы, а главное—начинает оттуда свою борьбу, в этом мы видим рост мужика, его духовно-социальное движение.

— А и устал я в эти дни. Будто тысячу лет прожил,—говорит Селезнев Кубде, и действительно, чувствуется, что он прожил „тысячу лес" одинокий, беспомощный индивидуалист и одиночка, а вот теперь обретает свое гнездо—социальное единство со своими земляками в совместной борьбе против колчаковщины.

Эта фигура у Иванова кажется несколько недорисованной, неясной, но когда вдумываешься в этот образ, то чувствуешь, что именно чутье и такт художника заставили автора дать ее такой,—таков и есть этот новый мужик, затаенный, ушедший в себя, всегда тяжелый со своими „земляными" думами и еще социально не оформившийся и неопределившийся в своей мелко-буржуазной натуре.

Нового мужика—мужика в революции—нам пытались нарисовать и раньше наши художники.

М. Горький в своей большой повести „Лето" еще раньше, до революции 1917 года, один из первых сделал эту попытку, но ее нужно признать в главном неудачной. Мужик у Горького, наряду с удавшимися отдельными сценами, в конечном счете, вышел какой-то книжный, программный, измышленный художником, оторванный от своего крепкого быта.

Повесть Иванова является здоровым, нужным нам произведением. Она открывает пред нами новые картины растущей жизни, под ее влиянием усложняющиеся индивидуальные фигуры и через зарисовку жизни этих фигур и социальные картины партизановщины.

Эти картины захватывают нас эмоционально достаточно полно,—ведут к живому осознанию и пониманию внутреннего механизма жизни. И здесь Иванову прощаешь газетные описания атамановщины, схематичность некоторых сцен,

*) „Красная Новь", № 1—1921 года.

потому что ясно, писатель стоит здесь на ясной, правильной и широкой дороге и если хромает, то просто потому, что еще естественно не окреп и не оперился.

Совсем иное мы видим в его повести „Цветные ветра". *)

С первой страницы вы увидите здесь большую красочность, узорность рисунка, пожалуй, большую внешнюю яркость изображения вещей, людей. Но, помимо этого, для чуткого читателя тут сразу бросится в глаза сначала мало заметная искусственность и нарочитость, которые чем дальше, тем больше начинают раздражать вас. В „Партизанах" Иванов пришел к нам просто, как художник, с ясной, правдивой, правда, еще несколько неуверенной кистью, а здесь уже видно, как его соблазняет словесная узорность, внешняя символика и красочность. Но, может быть, это естественный рост писателя?

Да, это рост, это его естественное стремление продвинуться вперед. Но уже первая фраза повести — „Бей дрофу в голову!"—дает нам нить к тому, чтобы видеть, по какой дороге стремится пойти писатель. Семен, молодой мужик, убил на второй странице красноармейца пулей в голову, и Иванов повторяет эту фразу опять, ассоциируя ее в мыслях героя с выстрелом и в птицу, и человека. И чувствуется,—пока еще еле-уловимо,—что писатель нарочно ищет символа и этой еле-заметной нарочитостью сразу расхолаживает читателя. Читатель страшно боится искусственных символов: пусть художник пишет не символы, а жизнь, пусть даже им творчески выдуманную, созданную,—и тогда символы сами родятся из глубины ее.

Это, конечно, еще небольшой изъян, но для нас он зловещая опасная трещина. И она, к сожалению, и на самом деле оказывается страшной: вся повесть так-же нарочита и искусственна.

Внешний рисунок у писателя стал лучше. Это бесспорно. Он владеет массой красок, он щедро разбрасывает их на своих страницах. И чувствуется, что это ему дается легко, без усилий. Но есть пределы, есть законы рисунка. Для нас по существу нет, как для многих прежних теоретиков, раздела между формой и содержанием искусства: это органически—единое и если мы говорим о форме, красках, то лишь условно,—они раздельно существуют лишь при анализе искусства, а не при его восприятии. И краски нужны в искусстве тогда, когда этого требует суть дела. Образы и символы оправдываются тогда, когда они уясняют читателю рисуемый им предмет, хватают его за самое нутро, а не отвлекают в сторону, как самодавлеющая ценность, чем грешит Иванов в высшей степени во всех своих последних произведениях. Необходимых, сдерживающих импульсов, необходимой для существа дела скупости художника—у Иванова не чувствуется.

— Цветные ветра. Алый мышиный горошек, золотая куриная слепота. Синие камыши. Лилово-мшистый камень Лица мутные, земельно-синие. Лицо медно-желтое. Темно-синие шапки Суровая, иззеленя-синяя крапива. Запахи сухие и тревожные. Грязно-синеватые гряды. Грудь подстреленный черныш—утец. Капли крови по черныш-у-птице—алые пуговицы. Сизая, атласистая кофта. Синие кедра. Зеленоглазый заяц талай. Тускло-синяя мочажина.—

Это выписано мной с четырех первых страниц, маленьких страниц повести, изданной размером in folio.

Писатель поражает, слепит читателя красками, но не чувствуется-ли за этим богатством тароватость творца красочных материй.

Художник безусловно кажет нам и часто новые краски, обнажает перед нами новую красочную кажимость: снег не так давно стал для нас синеватым, в этом убедил нас целый ряд художников. Но у Иванова часто чувствуется, что новые краски и для него не бесспорны, он ищет внешности, а в этом-ли основная задача художника?

Прежде всего, необходимо сказать, что краски, зримое—одно из самых неглубоких человеческих ощущений, в литературе—вторичной, словесной передаче—играют определенную второстепенную роль, гораздо меньшую в сравнении, например, с звуковой, музыкальной областью наших восприятий.

---

*) Всев. Иванов. Цветные ветра. Повесть. Эпоха. Петербург. 1922 г.

А, главное, есть-ли у писателя внутренняя сила изображения людей, природы, вещей, которая-бы органически поглощала эти внешние краски и выверты слов? Есть-ли эта стихийная сращенность его внешних богатств с богатством внутренним?

В повести „Цветные ветра" такой внутренней силы у него не хватает. Левитан нас слепит золотыми красками русской осени, но они у него органически слиты с тем внутренним содержанием, которые несут его пейзажи: глубочайшей, поэтической, мудрой грустью умирания, звучащей, как старая русская песня.

Но желтый блеск картин Куинджи, его „Солнечной рощи" не убедителен: он дан только внешне, без внутреннего оправдания и также хорошо ассоциируется с цветом яичницы.

Иванов дает, пытается дать нам и внутреннее оправдание своих богатых красок, пытается усложнить мужичью жизнь, самого мужика. Старается, чтобы и внутреннее его содержание звучало, как глубокая песня. И типы его повести „Цветные ветра" несравненно сложнее типов из повести „Партизаны". Содержание также усложненное. Но глубже-ли оно, убедительнее-ли?

К сожалению, нет. К сожалению, и в типах и в зарисовке их социальной обстановки мы чувствуем ту же нарочитость и искусственность, даже еще большую, как и в узорной щедрости его внешних красок.

Главное центральное лицо повести Калистрат Ефимович, богатый мужик, старовер, искатель новой веры. Внешне он набросан в начале недурно. Есть хорошие отдельные сцены. Но в целом это художественно безобразная фигура.

По замыслу, по конечному положению, по той силе, которую в нем писатель постояно подчеркивает, это должен бы быть цельный, крепкий мужик, земная целина, старый крепкий дуб.

Но его связь с проституткой Настасьей Максимовной—разве она естественна, жизненна? Разве естественно его главенство—над мужиками в их борьбе с киргизами за кабинетские земли?

Мы говорим не о правде случая, не о правде факта,—это в художественной области неубедительные ссылки; художник имеет право создания своего совершенно самостоятельного мира, своих собственных героев. Мы говорим о реальности и законах, заключенных в самом круге писательского мира, в самостоятельной жизненности и цельности его героев. Писатель свободен в выборе необходимого материала для своего творчества.—им может быть и дерево, и мрамор, и глина,—но раз этот материал им выбран, он должен обладать внутренним единством, иначе из-под руки художника всегда неизбежно будет вырастать бредовая, упадочная фигура, приснившаяся Навуходоносору—с золотой головой и глиняными ногами.

По замыслу тип Калистрата Ефимовича не совсем новый. У хорошего сибирского писателя Новоселова в его повести „Беловодье" *) есть подобный мужик Панфил.

В сущности, герой Иванова и является этим Панфилом, только перенесенным в революционную обстановку. И герой Новоселова не совсем жизненно-правдив. И здесь есть вымысел художника. Мы знаем, что таких походов и исканий праведного Беловодья, как их рисует Новоселов, в чистом, беспримесном виде не было в жизни. Но у Новоселова герой имеет свои, цельно и естественно в себе замкнутые, законы жизни: он один в труде, и в подвиге и в смерти—старый, крепкий кержачий поп.

У героя Иванова этого нет. В любви его есть нечто от Федора Карамазова, есть доля литературной выдумки, какой-то излом, сценичность. И его конечная идиллия с проституткой крайне неубедительна и внутренне фальшива—красочной манерностью пропитана и вся история этого мужика, его переход к красным, его властность, его главенство и над большевиком Никитиным,—и так ярко чувствуется эта искусственная неорганическая символика всей повести: она повсюду сшита белыми нитками.

---

*) А. Новоселов. Беловодье. Рассказы. Книгоиздательство „Сиб. рассвет", 1919 г.

Мужик, земля, их стихийная сила,—вот где центр всех революционных событий, хочет нас уверить Иванов. Что-же, может быть, мы это и примем, если это явится художественно убедительным. Но Иванов нас не может убедить в том, что его изломанный, неестественный герой, пахнувший мистицизмом и притом мистицизмом литературщины, сильнее других, сильнее рабочего Никитина, хотя последний тоже нарисован искусственно, ложно-классически.—герой с бледным лицом, карающий картинно-сурово ему подчиненных, как Железная Маска, о которой мы читали в детстве.

Развязал мешок Калистрат Ефимыч, ковригу достал. Голосом низким протяжным, точно межа, ответил:

— *Микитину-то?.. Скажи...*

Отрезал ломоть, посыпал плотно хружкой, синеватой солью. Медленно, как лошадь, жуя проговорил что-то невнятное..."

Из мешка густо пахнуло на Павла хлебом...

Так кончает Вс. Иванов свою повесть. Казалось-бы, что это очень хорошо,—ядрено, красочно, веско. Само по себе, отдельно, это так и есть. Но в общей структуре повести так много изломов, нехудожественных насилий над читателем, что и тут настораживаешься и видишь ясно эту лубочную символику: „стихийную" победу хлеба, земли, пашни, непосредственного труда.

В „Партизанах" у Иванова так-же побеждает мужик рабочего. Но там это убедительно, там чувствуется, что иначе и быть не могло. Там сам мужик другой—естественный, сильный, простой, свой. Он неизбежно должен был быть выбран партизанами в предводители, и он, конечно, должен победить в своей мужицкой стихии чужака-рабочего Кубдю. И даже то, что там живым, торжествующим в конечном счете Иванов нарисовал подрядчика Емолина, который лицемерно, стоя под красными флагами, вздыхает об убитых партизанах, даже и это художественно верно и неотвратимо,—мы и сами видим эту живучую, крепкую, хитрую и умную фигуру, которая, конечно, дожила и до НЭП'а и теперь говорит речи, уже настоящие, торжественные, над могилами погибших революционеров.

Но когда нам рисуют и очень плохо,—невыдержанно, нецельно, искусственно,—старого сохача, какого-то Карамазовского мужика, чуть не юродивого бездельника, забавляющегося на старости лет с проституткой и своими невестками, развратного старика, у которого дети сифилитики, и этому иконописному бездельнику, не знающему, что делать деревенскому Распутину, вручают власть—не внешнюю власть Гришки, а внутреннюю эстетически-моральную, то тут мы вправе сказать:

— Художник, ты лжешь

Не помогают и лирические, ненужные совершенно неоправданные и удивительно безвкусные отступления—о голубых ветрах, золотой пыли, спелой любви, ясноголосых лебедях, опутанных травах, песчано-клыкастых медведях (со страницы 184).

— „Слова, слова, слова!"..

Иванова развращает, как и многих других наших писателей, столичная критика, и коммунистическая и некоммунистическая. Его губит „кружковщина столиц", которая не имеет постоянной связи с широкой жизнью и постоянно занята лишь исканием форм искусства в своих редакциях, кабинетах, кружках.

Такое искусство нужно лишь высыхающим в своих кельях бескровным людям; оно смакуется и удовлетворяет лишь людей с бледной кровью, с изолированно-обостренным интеллектом, не чувствующим глубочайшей и свободнейшей власти жизни над искусством, великого Пушкинского закона—„*Свободною душой закон боготворить*". Это не значит, что мы зовем к понижению культуры искусства, его техники, к беззубому натурализму внешнего описания, нет,—мы именно и требуем и непременно хотим живой и полной культуры для искусства. Искусство должно стать прежде всего искусством, простым, глубоким, стихийно и целомудренно-цельным, монументальным, а затем—уже оно станет, и только тогда может стать, и мощным социальным орудием. Правда, мы отметаем, в противоположность прежним теоретикам, внесоциальность природы искусства и как раз в обратном видим и ощущаем его силовую динамическую мощь.

Мы убеждены, что внутренняя сила искусства именно и заключена в безмерной полновесной насыщенности его растущей социальной стихии и общественной капиллярности его. Искусство поразительно пористо и плодотворно, как по отношению к человеческому бытию, когда оно уже дано, как результат и так-же пористо и стихийно-социально в самом процессе творчества.

Наука часто закрыта от наших взоров, людей срединного круга, и если мы пользуемся ее результатами, то часто механически, без духовного соучастия, но даже частушка, примитивная строчка народной песни—„Во субботу день ненастный"--всякий раз ворошит так или иначе мое данное состояние духа, в той или иной мере творит мою личность. И социальное искусство есть самая широкая и обемлющая категория, самая плодотворная и живая, ибо всякий раз она дается совершенно обнаженной в своей живой образности, оживает лишь, кака наше восприятие. Примеры. Наука дает нам трамваи, кастрюку, таблицу логарифмов—средства механических преодолений, искусство—поэму, пьесу, повесть—орудия вспашки глуби и нетронутой целины нашей личности

С другой стороны, Архимед может делать свои вычисления, не обращая внимания на занесенный над ним меч воина; формулы Архимеда сами по себе, события жизни для выводов науки часто безразличны, но разве безрезультатен, безразличен для Достоевского эшафот, на который он вошел, чтобы пережить одно, острое до безумия мгновение? Эшафот постоянно и органически участвует с этого момента в творчестве нашего великого смертника.

Как видите, социальность искусства, как мы ее понимаем, не есть механическая зависимость последнего от экономики, когда строится примитивная и удобоваримая для понимания новых учителей-педантов, хотя-бы и марксистов, схема: фундамент—хозяйственный базис, над ней крыша—идеология, а среди последней блещет безобидная и безвредная безделушка черепок—искусство. Нет, социальность искусства, это—его стихийно оргийная насыщенность,—страшным, прекрасным, безобразным, жадно, органически им усвоенная, претворенная и воссозданная в присущих ему формах.

Смердяковщина, это—концентрированная социальность, ибо Достоевский, ощутив это явление, как органический излом человеческого бытия в известном периоде развития общества,—дал его образ—страшный для всех классов и даже для внеклассового грядущего общества.

И Дантовские прекрасные терцины, его ад и рай,—это тоже социальность, ибо глухой к общественной стихии художник, никогда не смог-бы оставить нам этого живого, грандиозного памятника об одной из прекраснейших, хотя и неудавшихся попыток человечества, эпохи обновленного и разрушающегося средневековья, обрести религиозное, внеклассовое единство. И этой прозорливости, этого острого проникновенья и стремления к глубочайшему охвату нашей современной социальной стихии мы и хотим от наших молодых писателей.

И это самое мы хотим видеть и в Иванове.

Иванов пришел из глубины Сибири, и, конечно, он должен был принести с собой новые краски и он принес их и в этом его сила, но он забыл о том, что эти краски взяты им из естественнейшего и глубокого мира, он поддался влиянию столичных виртуозов, утверждающих, что музыка возможна только на изысканных инструментах. И мы, как его герой Ленька из его первого наивно-хорошего рассказа, готовы его спросить:

— А ты на гармошке умешь? Нет? И гармошки у вас нету? Чо таки вы за люди!

От бескровных людей, от бледных аккордов к непреоборимой глубине и бескрайней стихийной широте жизни,—вот первый наш, правда, может быть, несколько слишком общий лозунг искусства. Но тот, кто не разучился чувствовать, тот поймет его.

Я спрашиваю себя не слишком-ли суров мой отзыв о Вс. Иванове?

Но ясно, что нет. Я люблю Иванова, люблю его за красочную кисть „Партизан", за его рассказ „Амулет", от которого, несмотря на некоторую экзотическую манерность рисунка, пахнет морем, на берегах которого живут

эти цельные, первобытные каули. И тут для меня неважно даже, если таких каули нет в действительности,—они живут у Иванова, и я вместе с ними—жалкими, гибнущими—трепетно жду прихода русского с большим медвежьим сердцем, вместе с ними переживаю боль за его гибель, ненавижу „круглоголовых", и мечтаю о большом, сказочном городе со сказочным героем Л-и-но. Я вместе с женой Ту юл-шаня, не имевшей до сих пор имени, ощущаю острую, мистическую радость:

— Мо-о. Хорошо иметь свое имя!

Я люблю Иванова в тех страницах его „Бронепоезда № 14, 69", где его мужики смеются, точно рассыпают мешки пшена, где один из них Пененфлий Зиобов, вахлак с незастегнутой ширинкой, вместо убийства пленного американца берется его распропагандировать и где он действительно—звериным языком, глазами, через лубочные картинки из книги „Ветхий Завет" протоиерея Соколова—передает ему свои братски интернациональные чувства. Эта сцена приближается к подобным сценам Л. Толстого из его „Севастопольских рассказов", где он гениально, еще до нашей революции, обнажил силу братания—живой корень интернационала.

Но там же в „Бронепоезде № 14,69" Иванов начинает терять свой голос, забывая слова своего героя:

— „У всякого человека есть внутри свой соловей", и в этой-же повести начинает петь голосом старых символистов, уже сбивается на внешнюю красочность и дает поразительно безвкусный, неуклюжий, прямо под стать Вербицкой, Брешко-Брешковскому, конец о тщедушном солдатике, которому „было непонятно стыдно не то за себя, не то за американца, не то за Россию, не то за Европу" (?!).

А его роман „Голубые пески" принес напечатанной частью (см. книги 3 и 4 „Красной Нови" 1922 г.) огромное разочарование. Иванов дальше быта тут не идет и внутреннюю пустоту старается заполнить бытовыми узорами, и порой словно мастер-специалист раскрашивает новые обои „à la революция", впадая в ненужные извороты слов.

С порога на пол—царапают сапогом—Запус, он ногой даже спокойно не может (стр. 36).

К чему эти „эротическое" самоуслаждения вывертом слов?

Словно Гоголевский поручик, любующийся на едине с собой надиво сшитыми каблуками, писатель любуется словами, изолированными образами и красками в своем романе.

„Взвизгнула внезапно. Платье швырнула о земь. Зеленобокая курица отбежала испуганно. Перо у курицы заспанное, мятое, в фиолетовых пятнах".

Эта красочная, фиолетово-зеленобокая (?) курица здесь совершенно ненужный форс, это именно та отвлекающая читателя подробность, о которой Чехов писал Горькому, говоря, что не нужно вешать ружья на стенку, если оно не выстрелит в продолжении рассказа или романа. Лица из романа Иванова, Кирилл Михеич, его отец Поликарпыч, генеральша Саженова, комиссар Запус, Артюшка, они все даны внешне, в бытовой плоскости, без единой попытки распахнуть перед читателем через их внешние облики какую-нибудь человечески-значительную, динамически живую ценность и, как таковые, они уже не раз встречались и у Горького и у Бунина, может быть, в несколько иной зарисовке. И не смотря на то, что обычная Иванову свежесть, красочность, ему одному присущая новая цветистая кажимость вещей сохранилась и здесь; несмотря на то, что некоторые страницы романа определенно хороши, как напр., сцены, посвященные гибели парохода, все же роман не волнует, его не хочется перечитывать, он не звучит глубже и шире того, о чем говорят в нем обычные человеческие слова,—и это последнее произведение Вс. Иванова определенно рождает зловещие предчувствия о будущности писателя.

И не один Вс. Иванов увлекается этим внешним мастерством, своеобразной литературной олеографией без устремления в глубь жизни. Н. Чужак и его ДВР-ская „футуристическая" плеяда с поэтом Третьяковым во главе, не говоря

уже о литературных евнухах столицы—Шершеневиче, Мариенгофе и т. п.—строят свою теорию искусства, методологию творчества, утверждая, что искусство вообще является лишь процессом искания и постоянных преодолений—в области формы, словотворчества, а как результат—оно не нужно, ибо в каждое следующее мгновенье эти результаты должны быть отброшены во имя будущих достижений, новых преодолений: так каррикатурно воспринята ими живая „диалектика" искусства.

Лафарговские буржуа—гастрономы из его памфлета „Проданный аппетит",—они хотели-бы лишь постоянно „кушать", не желая настолько „переваривать" пищу, чтобы она могла пойти на усвоение ее организмом—в данном случае обществом, читательской массой.

Этот соблазн висит зловонным туманом над всей нашей молодой литературой; и большинство из начинающих писателей увлечены камерными изысками, рождаемыми в келейных „домах искусства", где обитатели вместо труда и творчества занимаются спортом,—вместо искусства изысканием его форм, чуждых жизни стилей, меняющихся чуть не ежедневно, как дамские моды. Это всегда присуще упадочным группам, бескровным паразитам больших городов с обострившимся, утонченным интеллектом, с застывшей кровью, с остановившейся и умершей энергией, социальным атеизмом, глаз которых уже совершенно не ощущает очертаний будущего и слух совершенно невосприимчив к музыке будущего.

Приоритет форм, выделение их в особую цель заставляет всегда, логически неизбежно рыться в пыли прошлого, ибо формы,—отдельно взятые и то лишь в условном отвлечении—существуют лишь в арсеналах истории искусства; между тем, как новые, настояще революционные формы рождаются нежданно—стихийно под напором нового живого содержания, как под напором внури находящейся лавы, клокущего огня мира обозначаются внешние складки, видимый лик земли.

Молодой Ник. Никитин вместо нащупывания и оформления стихии своего мироощущения, дебютируя в литературе своим рассказом „Мокей", талантливо, но по ученически—шаг в шаг—следует по стопам искушенного писателя Евг. Замятина, лукавого мастера, соблазнившего не одного „из малых мира сего". И несмотря на яркость импрессионистического рисунка в этом рассказе, не смотря на броскую цепкость изображения людей, событий—рассказ „Мокей" все же получился вымученным, тяжелым и надуманным: форма его в конечном счете не оправдана, содержание его не вливается в душу читателя свободно охватывающей струей, невольно пленяющей стихией.

Ник. Никитин не бездарен, это видно по некоторым мелким рассказам, как „Чаване" где ему проще, ярче и глубже удается ухватить жизнь. Но его „Рвотный форт"—мастерски-сработанная вещь!—определенно отдает привкусом мастерства эпох упадка: от их нарочитой формы фресок, от их мелкой мелькающей орнаментики веет больше рассудочной выдумкой, четкой и умной рукой мастера гравюр, нежели молодой, желанной волной, органической силой молодого таланта. И получается внутреннее противоречие, определенная невязка между его нарочито-обрывистой, фрагментарно-мелькающей, гравюрно-вылизанной формой и той жизнью, которую он пытается нам передать,—неуклюжей, буйной звериной суматохой гражданской войны, и только там, где он рисует вырожденческие фигуры Дондрюкова, Кати, там эта форма до некоторой степени получает свой смысл. В силу этого, гораздо более радует нас топорный, грубый роман В. Зазубрина „Два мира", *) где еще, правда, много порой барабанно-патриотической трескотни, наивного и грубо-поверхностного реализма—испуга перед событиями, где еще язык местами неуклюж, но где местами чувствуется звериная хватка, сила стихии в зарисовке масс, толпы, сложных событий.

---

*) „Два мира"—роман В. Зазубрина, часть I Издание пуарма 5 и ВСВО 1921 Отрывки из II части—Сибирские Огни № 3—1922.

Будем помнить, что в нарочитом имажнизме, символизме, фатуризме мы не найдем спасения и выхода к широким далям искусства и мы видим, как от них постепенно уходят настоящие художники, наприм. Есенин, который тремя стихотворениями „Волчья гибель", „Не жалею, не зову, не плачу" (№ 2—„Кр. Новь". 1922), „Все живое особой метой отмечается с ранних пор" (кн. 3„ Красная Новь" 1922), сразу,—звериным прыжком,—послав к черту свои прежние камерные упражнения, которые нужны лишь бездарным Шершеневичам, очутился опять на свободе и вновь обрел себя, словно снова родился.

И уже говорю я не маме,
А в чужой и хохочущий сброд:
— Ничего. Я споткнулся о камень.
Это к завтрому все заживет.

И даже такой безискусственный, несложный и неглубокий рисунок, который дает А. Аросев в своих очерках революционных событий, рождает чаще живые хорошие образы генерала Самсониевского, Берсенева, романтика революции с налетом авантюризма и простых бородатых солдат. Бытовые очерки Зуева „Смута", не претендующие на большее, таят в себе гораздо больше содержания, чем претенциозные вещи многих молодых писателей, попавших в плен „столичного искусства".

Редким из молодых писателей удается преодолеть этот соблазн „больших городов", где самоуверенные нафикстуарившие свои мозги внешним лоском литературщины, наполнившие свои карманчики хлесткими афоризмами Оскара Уайльда или А. Богданова, часто выставив из жилетного кармана уголочек красного, надушенного парфюмериями НЭП'а, платочка, столичные джентльмэны захлестывают молодежь одуряющей, поверхностной философией, измышленных ими на досуге—в минуту душевных томлений—теорий искусства.

В этом отношении интересной фигурой, совершенно свободной от этих соблазнов, является молодой писатель Н. Семенов, автор сборника рассказов „Единица в миллионе" *) и романа-дневника „Голод". **)

Пишет Н. Семенов совершенно безыскусственно, просто,—не измышляя ни формы, ни выводов своих искренних произведений. Ведет рассказ всегда или от первого лица или переломляет события через единое, выбранное им человеческое „я" и однако, и в этой чуть-чуть устаревшей манере он дает сильные, иногда жуткие широкие картины. Искренний художник, он мужественно следует за теми выводами, какие несут ему творимые им картины и из простых описаний голода, гражданской войны (рассказ „На дорогах войны")—в четком, живом и напряженном восприятии здорового человека - у него рождаются интереснейшие звуки и ноты, полные глубокого человечески-музыкального содержания. Картина гибели красноармейского отряда в рассказе „На дорогах войны" полна трагической жути и в тоже время этих дорогих нам, вечно живых „светлых нитей" человеческого, братского единства, живой несокрушимости жизни, которая слышится в „тонких, рыдающих голосах" обреченных на смерть красноармейцев. Художник уже делает попытки—и, небезуспешно—нарисовать живые картины „совершенно новой, какой-то огромной любви, еще никогда не испытанной, не похожей ни на одну из пережитых им форм".

И в этом напряженно-искреннем творчестве молодого писателя, пока еще несколько узкого своим диапазоном описываемых событий, есть определенно здоровая и крепкая струя.

Современному писателю нужно иметь очень большое нутро, большую самостоятельную силу, чтобы не стать внутренне жертвой столичных обез'яних лап.

Из молодых писателей такой силой обладает может быть, один Б. Пильняк. Внешне и он не избежал брызг этого гнилого потока—заражающего всех писателей—манерничанья, ухода от простых, монументальных форм искусства. Но ему больше чем кому-бы то ни было удается, несмотря на искусственную

*) Петербург. Госиздат 1922.
**) Художественный Альманах. Госиздат. Москва 1922 г.

стилизацию некоторых произведений, сохранить свое лирически-стихийное восприятие действительности и свое внутреннее своеобразие.

По своей манере письма на первый взгляд Пильняк страшно несвоевременен. Читателю, впервые подходящему к нему, он должен показаться скучным. Это как будто бы даже не писатель, а какой то старинный повествователь, летописец, современный Нестор, как-бы презирающий и откидывающий все выработанные литературные приемы, внешнюю загруженность мира наслоениями цивилизации, кроме которых мы обычно и не видим ничего в этом мире. Он крайняя полярность современным иностранным писателям—Келлерману, Синклеру, Джеку Лондону, Уэллсу и Локку, которые исходят непременно из внешней динамики жизни, какого-нибудь волнующего нас сюжета. Он описывает мир в иной, отличной от современности, стихии; как древний летописец он возвращает его в устои звериного уклада, к органическому единству, никогда не ищет резких индивидуальных черт людей и событий, не любит неповторяемости, а именно безмерно влюблен в его стихийную повторяемость.

„Каждый родившийся должен по весне обвенчаться, родить и потом умереть"...

„Была жизнь ее (Алены из рассказа „Смертельное манит") проста и сурова, как и жизнь Полунина,—вставала с зарей, молилась Богу, шла доить коров, была с ребенком, кормила его, пеленала, мыла" и т. д.

„Так, между домом, лавкой, библией, поркой, женой, Машухой,—прошло сорок лет. Так было каждый день, так было сорок лет,—это срослось с жизнью, вошло в нее, как вошла некогда жена, вошли дети, как ушел отец, как пришла старость" (Колымень город).

Эти места я выписываю наудачу, ибо весь он в своем первом сборнике рассказов „Былье" *) таков, зорко видящий природную основу нашей жизни; отметающий беспощадно все вещные наслоения цивилизации.

Люди у него живут, волнуются не в стихии цивилизации, исторически-производного—городов, искусства, политики, а в основном, изначальном и „бытовей" обстановкой его героев мы видим обычно „июнь с фарфоровым жасмином, с хрустальными июньскими всходами", зорями вечерними и утренними, спеющими ржами, степями, лесами, окскими поемами, суходолами, рождениями, весенними любовями, смертями.

„Год сменялся годом,—у Анны был еще июнь, пахнущий травами, с горьким березовым рассветом и с хрустальным серпом над горизонтом".

И для Пильняка: „Вещь всегда больше говорит не о жизни, но об искусстве, и быт—есть уже искусство". („Полынь").

Писателю дан поразительный талант в этом отношении, какая-то предельная насыщенность поэзией, чеховски—прозрачная ясность; описания самого обычного у него звучат музыкой хрустящего весеннего ледка, иногда отзвуками глубочайшей струны мира.

Внешне несколько похожий на Чехова, такой-же тонкий, зоркий и целомудренный, он внутренне ему полная противоположность; если есть в нем Чехов, **) то совершенно выздоровевший, обновленный, ибо свою живую веру в жизнь он обретает не в цивилизации, что было самым страшным в Чехове, а именно в глубоко—народной культуре, в могущественном, стихийном созревании народной души, в рождающемся актуальном мифе народа; успех, корни жизни обретает не во внешней тонкости цивилизованного человека (Чеховский доктор Астров), а в глубоко—природной, почти звериной стихии.

Пильняк, внутренний собрат нашего скульптора Коненкова, видящий так хорошо природу, зверей, он даже К. Маркса воспринимает, как Коненковского деда—лесовика, водяного, ***) грубую энергию большевиков, как силу звериного начала в человеке (кожаные куртки—звериные шкуры), (*Голый год*)—самую революцию, как возврат человека к изначальной природной стихии.

---

*) Кооперативное из-ство товарищества „Звенья" Москва 1920 г.

**) См. рассказ А. Чехова „В овраге"—девушка Липа.

***) Полынь.

И он, как художник, страстно, органически, прежде всего, инстинктивно ненавидит Петра Великого, который для него „человек ненормальный, всегда пьяный, сифилитик, неврастеник, страдавший психостеническими припадками тоски и буйства, своими руками задушивший сына", „человек абсолютно не имевший чувства ответственности, презиравший все, до конца жизни не понявший ни исторической логики, ни физиологии народной жизни". И свой „рассказ о Петре" Пильняк заканчивает так:

„Дали—беспредельные русские дали—меркли во мраке: по полям шел Христос, в рваной рясе, в лаптях, нес свое воскресенье".

„Над землею, над полями, лесами, суходолами, поемами, реками,—русскими пашнями,—творилась весна, великая земная радость".

Для писателя Петр ненавистен, как злой разрушитель мудрых и простых устоев народной жизни, „разорвавший Россию пополам", попытавшийся создать культуру *над народной стихией, без органического соучастия самого народа.* В этом смысле в Пильняке есть, пока еще бледные—начала величайшего революционера, глубочайшего художника грядущей культуры нашей эпохи, к строительству которой революция кликнула весь народ, всколыхнула самую глубокую народную стихию.

Он в этом смысле ближе всех подошел к пафосу современности.

Пильняк еще не развернулся во всю свою ширь и глубь,—ощущая здоровое начало жизни, он еще не показал его в живом приложении к жизни, не синтезировал зверя и современного человека; и в силу этого он еще не дал и внешне совершенной, захватывающей широкие слои нового читателя, формы. Но если его не развратит современная критика, то он скорее, чем кто-бы то ни было из молодых писателей, подойдет к нужному современности в искусстве. Опасность заражения упадочным тлетворным духом больших городов существует, хотя и в меньшей мере, и для него.

Критика торопится ускорить его естественное развитие, органический рост, требуя от него быстрого обращения в православие, непременного приятия внешне-обрядовой стороны его, *) и чувствуется что писатель иногда соблазняется искусами современных монахов и слишком быстро старается проделать свой естественный рост.

Но всякое „православие" есть застывшая форма, а художественное творчество есть непременно искание и искание самостоятельное и новых форм и нового содержания, иначе нам совершенно не нужна была бы эта своеобразная отрасль личностного человеческого познания—искусство.

Если недостатки его первых рассказов (отсутствие актуальных сюжетов, наличие длительных описаний, фрагментарность его картин жизни) вытекали из его основного мироощущения, то они же и свидетельствовали о его мудрой, сдержанной манере настоящего художника: он не берет на себя задач не по плечу, он чувствует писательским инстинктом, что еще не пришло время для широких полотен—романов, сложных повестей—картин с широчайшими обобщениями жизни. Отсюда—его отрывки из романа „Голый год" так и остаются самостоятельными картинами.

Совсем другого порядка пороки его первой повести—последнего его произведения для нас—„Метель". В ней он поставил своей задачей зарисовку сложной картины—перехода старого в новое, изображение „метели" происходящих событий путем сопоставления нового и старого. Но это ему совершенно не удалось, хотя критика и выражает ему свое восхищение—„преломление двух плоскостей „игра жизненными противоречиями" **) и пр. ерунда.

Это механическое сопоставление—внутренне-неудачно, оно противоречиво именно в своей сущности, ибо Б. Пильняк лучше чем кто-бы то ни было знает, что жизнь едина, неразрывна и обусловлена внутренней, органически-перманентной

---

*) Эта струя частично пробивается и в статье А. Воронского о Пильняке „Красная Новь" № 4 1922 г.

**) См. Вестник литературы 2-3—1922 Молодая Россия.

цепью. Он сам это прекрасно показал в своем лучшем отрывке из романа „Голый год"—„Смерть старика Архипова", лучшем, по моему мнению, из всего написанного им.

Здесь Пильняк проделывает ту-же искусственную операцию над жизнью, которую проделывал ненавистный ему Петр над Россией.

Повесть „Метель" определенно неудачна,—она не совершенно—созревший плод, она лишь процесс преодоления, искания (искусственно ускоренный критикой) и ее тяжело читать здоровому еще, неразвращенному новому читателю,—и нужно определенно сказать: Пильняку так писать не надо, это разврат, хотя и тут он сумел и в этом Плюшкинском хаосе, мусоре, искусственных нагромождениях просочиться тонкой и острой струей лирико-иронического мудрого отношения летописца Нестора к современности, который знает что-то большее, природное, неизменное в глубине, под вечно меняющимся ликом жизни, что всегда больше даже „опасности для социалистического отечества, взятия чехами Самары, Казани" (рассказ—„У Николы, что на белых колодезях").

Когда преодолевая досаду на внешний мусор, нарочитую неуклюжесть повести, прочитываешь ее до конца, то все-таки крепко врезается сатирический образ дьякона, запершегося в бане для решения мировых вопросов и радостная метелица и буйство молодежи.

И чувствуется, что писатель уже близок к тому, чтобы развернуться во всю ширь своих потенциальных сил. Это развертывание, размах должен обнаружиться в том, что он найдет конечный синтез своей стихийной мудрости с вечно меняющимся ликом современной жизни; сольет исконное, природное с человеческой культурой, покажет нам звериное, яркое, цельное в проявлениях нашего свременного растущего человека, в живой динамике современной жизни.

Это безмерно трудная задача: жизнь очень крепко и глубоко прячет свои радостные проявления, но тем благодарнее задача—вырвать светлое наростающее нутро у ней, скупой старухи, чаще кажущей нам страшные оскалы своего внешнего лика.

И когда Пильняк найдет это, тогда легко отрешится и от внешних своих недостатков,—статики внешней манеры своего письма, описания лика жизни—застывшей народной мифологии, угасшей обрядности, а не творческого преобразования его; искустничанья последнего времени и тогда он сменит свою скучную для многих внешнюю манеру не на хаос литературного каталога повести „Метель", не на рывки, фрагменты и искусственные рекламно-литературные сопоставления „двух плоскостей" (Дьякон в бане, Драбэ и большевистская молодежь), а на прекрасную, простую форму письма, которую он иногда дает в своих отрывках, и которая охватит большие и глубокие картины жизни и выльется в скульптурную строгую и звучащую, как музыка, форму литературного искусства.

В этой естественной, большой правде, новой, широкой, целостной радости бытия новых людей, идущих к жизни и лежат живые корни, источник пафоса современности. Пафос современности в широком, дерзком, радостно-деловом творчестве новых форм любви, семьи, воспитания; в том, что чашу естественной, нашей жизни надо до краев, до здорового буйства сил наполнить кровью новых здоровых людей.

Надо установить и укрепить в прекрасных формах искусства раздвижку мира,—приход человека из темных подвалов к культуре и творчеству жизни.

Не иконописно-православному, не столично-бескровному, узко-городскому, а творчеству, черпающему свои силы из стихийного могущества многомиллионного народа, не народа Григоровича, Тургенева и даже Чехова и Бунина, а нового, современного, который дерзнул на момент превратиться в Уйтменовского члена грядущего бесклассового общества. Удержать, закрепить в живых естественнейших и простых формах эту блеснувшую стихию, соединить ее с изначальной силой человека, отметая мерзость и шелуху современной цивилизации—вот задачи современного искусства.

Валериан Правдухин.

ВОСЕМЬ ПИСЕМ В. Г. КОРОЛЕНКО.

И. П. Малютин и Н. В. Смирнова передали редакции нашего журнала восемь писем покойного писателя В. Г. Короленко.

Мы опубликовываем эти письма, считая, что все, что вышло из-под пера большого русского писателя должно быть сохранено для потомства.

И, конечно, придет время—мы надеемся, скоро,—когда по возможности вся его переписка будет собрана и издана отдельно, как изданы письма А. П. Чехова, Л. Н. Толстого, вызвавшие по праву такой большой интерес.

Если судить даже по этим восьми небольшим письмам, то бесспорно личность Короленко встанет тогда перед нами еще полнее и живее —именно такой, какой она была в жизни—всегда искренней, цельной, честной и чутко-правдивой.

Мы не будем говорить о политических взглядах писателя, которые мельком отражаются и в этих письмах; всем известно, что он не принял октябрьской революции и понятно почему: он верил в другие пути завоевания человечеством всеобщего счастья, был сыном иного поколения, вышел из недр народничества, и мы не ставим своей задачей вести здесь политический спор с дорогой для России тенью умершего писателя.

Нам в этих письмах дороги другие черты: поразительно чуткое и внимательное отношение покойного к начинающим писателям, когда он по отечески,—сурово и любовно,—но всякий раз подробно и внимательно отвечает им и дает свои советы. И его письма—не только ответы хорошего редактора, нет, они гораздо больше,—в литературной части они написаны действительно человеком, для которого литература стала „второй родиной", которой он отдал горячую, серьезную любовь свою, а кроме того в общей части, это—письма человека, для которого на самом деле уже осуществилось его художественное положение: „Люди должны быть братьями". (Сказание о Флоре, Затмение и др. рассказы). Мы видим по письмам, как В. Г. Короленко, уже не издавая журнала, пишет Малютину и Смирновой так, словно он находится с ними в отношениях личного, близкого знакомства.

Ясно чувствуется, что тот гуманизм, который так ярко проглядывает в его литературных произведениях, органически был присущ его большой личности и стал для него „бытовым явлением", больше—его естественной стихией.

Последнее письмо к Малютину В. Г. Короленко без даты и только по почтовому штемпелю (25 авг. 1921 г.) можно установить, что оно написано во второй половине августа: месяца за четыре до его смерти. Почерк его обычно четкий, ясный, с изящно-продолговатыми буквами, делается теперь почти неузнаваемым: ясно представляешь себе, как писал это письмо покойный писатель старческими ослабшими руками. Но, несмотря на это, он не перестает отвечать на письма, сам носит их на почту и сам клеит из серой бумаги свои неискусные конверты.

Читателям Сибири Короленко должен быть еще особо дорог тем, что многие из его произведений посвещены этой стране: первым значительным произведением его был незабываемый рассказ „Сон Макара" и последние строки, которые написала его старческая рука, были его воспоминания об Якутской области. (История моего современника). И. Короленко с любовью вспоминает свою жизнь в Сибири, как „самый здоровый период своей жизни".

Повидимому, он до последних своих дней не переставал поддерживать связь с Сибирью письмами.

Поэтому редакция журнала „Сибирские Огни" просит всех, имеющих на руках письма покойного, присылать их для напечатания, после чего редакция будет эти письма аккуратно возвращать.

Текст писем печатаем без изменения, за исключением замены старого правописания, которым писатель писал, видимо, до самой смерти.

---

24 мая 1911 г. Бухарест.

1.

Многоуважаемый Иван Петрович!

Стихи Ваши прочел. К сожалению, ни одно для „Р. Богатства" не подходит. Стихи, дело очень трудное, если не смотреть на них по-дилетански (былбы, дескать, размер да рифма) Вы еще совершенно не владеете поэтической формой и даже просто язык у Вас очень неправилен: „не было в окрестности твоей, *кроме зверя, ни построек*, ни людей". Так выразиться нельзя. Можно сказать, „не было, кроме льва, ни одного зверя", потому что лев тоже зверь. Но, —„кроме зверя, не было построек," совершенно неправильно. „Кресты нанизаны на вора"... (можно нанизать что-нибудь на проволоку, на вертел, на иглу, но на вора нанизать орден нельзя. „Смерть встречают со словам (!), надо „со словами". „Несутся к небу *стоны, не выдержав* борьбу". Значит стоны не выдержали борьбу. „Лампада святого огня" (ывает огонь лампады, но не лампада огня. „Любовь к возвышенному чувству" (любовь—к чувству?) „И к твоему *бездолью* любовь людей *суха* и *холодна*". Выходит, что люди должны бы горячо любить чужое бездолье. И т. д. и т. д. Это все очень грубые промахи против языка. А для стиха мало, чтобы не было промахов. Нужна еще художественная выразительность, образность, сила, сжатость, красота.

Итак,—рад бы сообщить более приятный отзыв, но правда прежде всего: стихи слабы и для печати не годятся.

С уважением *Вл. Короленко.*

---

27 апреля—10 мая 1920 г. Полтава.

2.

Многоуважаемый Иван Петрович!

Все слухи о разных со мною неблагополучиях, вроде расстрела теми или другими из воюющих,—разумеется неверны или пока во всяком случае „преждевременны", как писал когда-то по поводу мрачных слухов о себе Марк Твэн. Здоровьем похвалиться не могу (пошаливает сильно сердце), но пока жив, а там, что Бог даст. Благодарю Вас за сведения о знакомых. При случае, будьте добры передайте мой поклон Григ. Николаевичу Потанину. О Фед. Дм. Крюкове*) я немного слышал Кажется, в прошлом году земляки праздновали его литературн. юбилей.

К сожалению, тогда по обстоятельствам я не мог послать ему привет с своей стороны.

У нас ничего особенно приятного не предвидится. Наступают поляки, против утопии большевистской выдвигая утопию прошлого... А тут природа выдвигает и свой „фронт". Озими прошлой осенью погибли все, а теперь засуха истребляет яровые хлеба. Чистое бедствие, а человек ведет себя, как стадо слепых животных, воющих и скалящих зубы друг на друга...

Мне остается еще сказать два слова о Ваших стихах. Я так основательно забыл ваши прежние опыты и даже—при каких обстоятельствах я знакомился с ними, что сравнить не могу. Стихи теперь присланные совершенно литературны.

*) Ф. Д. Крюков—беллетрист, был одним из редакторов журнала „Русское Богатство" вместе с Короленко. Редакция.

Но Господи! До стихов ли теперь! Как то даже странно встретить человека, который теперь пишет стихи. Впрочем, в добрый час!

Желаю Вам всего хорошего.

Вл. Короленко.

Письмо Ваше, посланное из Омска 5 апр., я получил сегодня 10 мая н.с. это, судя по расстоянию, еще недурно.

Письмо несколько задержалось. Я был нездоров и не собирался на почту.

У нас предстоит пожалуй новая перемена. Поляки взяли Киев и Гребенку. Об этом уже пишут в сов. газетах.

28 апр. 1921 г. н|с. Полтава.

3.

Уважаемый Иван Петрович!

Только теперь собрался ответить Вам на Ваше письмо от 10 января 1921 г. с известиями о Г. Н. Потанине. Да, прожил человек чуть не Мафусаиловы годы.

Вы сообщаете о лицах, которые о нем заботились в последние годы, но ничего не пишите о жене... Она ведь была сибирская поэтесса, и мы с ним вели переписку об ее произведениях, когда она еще не была его женой. Правду сказать, произведения ее были довольно легковесные.

Получил я ваше письмо с сильным опозданием, но всетаки уже довольно давно.

Задержало мой ответ то обстоятельство, что у меня не оказалось никакой моей книги, которую я мог бы послать.

Но все-таки надеюсь послать в скором времени. То, что Вы сообщаете о своей жизни, способно возбудить зависть. И я когда то жил в Сибири, среди ее лесов, и, хотя это было в Якутской области, но все-таки я вспоминаю об этом, как о самом здоровом периоде моей жизни

Теперь я пишу продолжение „Истории моего современника“ и дошел до этого периода.

В Москве эти очерки издает „Задруга“, но мне пишут, что достать их частным лицам нет возможности. У меня тоже будет только ограниченное количество. Вышел уже 2-й том и пожалуй теперь уже и третий. Должен вскоре выйти четвертый. Теперь работаю над пятым.

Здоровьем особенно похвалиться не могу. Голова работает изрядно. Глаза тоже держатся хорошо (читаю и пишу без очков), но остальное довольно плохо. Теперь надвигается лето, и мне становится лучше.

На питание пожаловаться не могу, главным образом благодаря сочувствию окружающих: рабочих и остальной публики.

На днях нашу семью постигло огромное несчастие: умер мой зять Конст. Ив. Ляхович, это был превосходный человек, очень популярный в нашей полтавщине. Он был избран в члены совета и, в качестве такового, говорил часто горькую правду. Его арестовали, (он был социал-демократ меньшевик, а теперь у нас в отношении меньшевиков политика двойственная: в главном им уступают, но лично преследуют). В тюрьме заразился тифом и умер (не в тюрьме, а на моей квартире, при самом лучшем уходе товарищей врачей). Это случилось недавно и вы легко представите себе настроение в нашей семье.

За намерение Ваше прислать „медку“ очень Вам благодарен, но теперь это совершенно невозможно, да пожалуй и неособенно нужно: меня приятели-читатели и сучувствующие снабжают даже и медом, так что я пока ни в чем не нуждаюсь.

Желаю Вам и Вашей семье всего хорошего. Письма я обыкновенно посылаю заказными и книжечку пошлю так-же. В свою очередь прошу уведомить меня о получении.

К сожалению ничего не могу вам сообщить (утешительного) о лицах о которых Вы спрашиваете: о Дрожжине ничего не знаю. О Наживине тоже. О последнем знаю только, что года три назад он жил на Кавказе. Ф. Д. Крюков умер где то в Кубани. Это, к сожалению, не слух, который мог бы оказаться неверным, а известие несомненное. А. Г. Горнфельд из Петрограда прислал мне его некролог, напечатанный в местной литерат. газете. (Есть такой еженедельник, издаваемый о-вом взаимопомощи писателей в Петрограде).

Ну, еще раз желаю всего хорошего Вам и всей Вашей семье.

Будьте здоровы. Ваш Вл. Короленко.

28 апр. 1921 (Н. С.).

Сколько верст от Вашего почтов. отд. до Морозовой? Не слишком-ли затруднительно извещение о заказных письмах?

4.

Многоуважаемый Иван Петрович!

На Ваши вопросы (в письме от 1 мая) я уже ответил и помнится заказным письмом.

Теперь пишу открытку, авось так вернее Письмо Ваше получил, газетную выдержку (о смерти Г. Н. Потанина) также. Очень рад, что Вы устроились повидимому сносно.

Желаю всего хорошего *Вл. Короленко.*

Здоровье мое попрежнему не важно.

---

1 июня 1921 г. Полтава.

5.

Полтава *.

Уважаемый Иван Петрович!

Простите, что порой подолгу не отвечаю... Я теперь сильно болен. Кроме того, я теперь избран почетным председателем комитета помощи голодающим и это, помимо болезни, требует у меня времени. Поэтому не имею возможности быть аккуратным в переписке, как бывало в старину. Не взыщите. Желаю здоровья, сытости и вообще всего хорошего.

Уважающий Вас *Вл. Короленко.*

Как видите, письмо Ваше от 10 июня получил.

6.

15 марта 1916.

Многоуважаемая Нина Васильевна!

Нашей переписке действительно не везет Мое письмо шло с ноября по январь. Отвечали Вы, повидимому, 3 января, а штемпель: „Щегловское, 21 января". Наконец, я получил его в такое время, когда скоро ответить не мог Отвечаю, как видите, 15 марта. Не знаю притом,—послать-ли заказным,—ведь наверное замедление именно из-за этого: на заказные письма посылаются еще повестки. Затем Вы даете адрес: ст. Бирикульская сиб. ж. д., а Ваше письмо, судя по штемпелю, отправлено из „Щегловского" Томской губ.

---

*) Послано 25/VIII 1921 г., получено 4/X 1921 года

Как бы то ни было,—отвечаю. Если на Бирикуль примут заказным, то пошлю на Бирикуль. Если нет,—то на Щегловское пошлю это зак., а на Бирикуль—простым неск. слов.

Что же Вам сказать по существу: пришлите, что можете, и как можете. Правда, довольно трудно составить заключение, если рукопись неразборчива. Труд, который приходится затрачивать на разработку (как Вы выражаетесь) „каракуль"—невольно приписываешь отчасти тяжести самого изложения. Если же еще вдобавок „некоторых глав не достает", то уж и вовсе затруднительно. Но так как Вы пишите, что иначе нельзя, то делать нечего. Пришлите—как можно. Хоть и не очень скоро, постараюсь разобрать.

Итак, жду.

Вы спрашиваете—люблю-ли я кабинетные украшения, и хотите прислать Ваши сибирские камни. Не сомневаюсь, что камни у Вас в Сибири есть очень хорошие. Но во 1-х я в кабинете стараюсь никаких украшений не держать, чтобы не загромождать столов И то не знаю, куда деваться от книжек, газет и рукописей. А во 2-х мне неприятно думать о том, что Вы будете хлопотать и тратиться на пересылки. Поэтому, пожалуйста, не посылайте.

Желаю Вам всего хорошего *Вл. Короленко.*

Полтава; М. Садовая, д. № 1.

---

7 июля 1916 года.

7.

Многоуважаемая Нина Васильевна.

Рукописи Ваши получил и должен Вам по их поводу (сообщить *) следующее.

Прежде всего они совершенно неудобочитаемы по почерку. Повидимому это Ваш собственный почерк и потому мне приходится извиниться за столь суровый отзыв, но он совершенно невозможен. Для примера посмотрите в очерке „Добрая" первую же страницу, на которой я отчеркнул некоторые фразы. Вместо *а* Вы всюду почти пишите *о*. И выходит совершенно ясно: Ты бы ушло Любочко отдохнуть". Или": „и какое-же оно доброе". В той же тетрадке в стихах, тоже вполне ясно: „Я обенусь в шолк твоих кудрей" и т. д., и т. д., и т. д.. Это еще можно терпеть в коротком письме, но когда таким образом написана целая рукопись, то это уже совершенно невыносимо. Представте себе, что заика просит Вас прослушать его чтение и станет читать стихи, заикаясь на каждом слове. И затем попросит отзыва о музыкальности своего стиха. Вы вероятно откажетесь. Не правда-ли? А у Вас целые листы исписаны таким заикающимся почерком. На каждом слове—заминка. Невольно смешивается впечатление от механической трудности процесса чтения с тяжестью слога.

Затем: почему Вы не посмотрели какой-нибудь беллетристический печатный рассказ, как там пишутся разговоры. Когда говорят два или несколько лиц, то слова каждого лица начинаются с новой строки, перед которой ставится знак—(тире). Например:

— Здравствуйте,—весело сказал Федор Иванович.—Куда вы идете?

— Здравствуйте,—ответил Иван Федорович,—я иду домой.

Затем—для печати пишут только на одной стороне листка, оставляя другую сторону белой, а для замечаний и, если нужно, для поправок оставляют поля пальца в два.

Это по поводу внешности рукописи. Она может не иметь канцелярски опрятного вида: ошибку можно зачернуть, написать наверху, вставить фразу вверху или сбоку,—лишь-бы было вполне удобочитаемо. Но Вам необходимо серьезно позаботиться исправлением почерка, чтобы а, е, д, не приходилось смешивать с о, я и-б, и чтобы добро не походило на бобра. Мне чрезвычайно

---

*) Очевидно пропущено слово.

трудно читать Ваши рукописи. А ведь подумайте: бедному редактору приходится читать рукописей сотни. Можно-ли винить его, если устав после одной страницы разбирать такой кудреватый шифр,—он бросит чтение, поставит надпись: „возвратить" и примется за следующую. более четкую рукопись.

Тоже можно отчасти сказать и о содержании. Литературная работа не игра, а серьезное и трудное дело. Величайшие писатели обрабатывали свои произведения, исправляли их так, что порой исчеркивали весь черновик и переписывали по несколько раз. „Вы не поверите,—пишите Вы,—какая масса у меня написана". Но, к сожалению, вместо того, чтобы внимательно выбрать, что нибудь (один—два небольших очерка), которые считаете лучшими, переписать их внимательно, отделав и закончив, Вы шлете мне незаконченные наброски, —стихи и прозу вместе, с отрывками письма ко мне тут-же... Что мне с этим делать? Представте, что я-бы захотел послать куда-нибудь Ваше стихотворение. ну хоть „Две грозы". Прежде всего мне его трудно читать. Затем, я должен его еще переписать, потому что оно не на отдельном листе, а в общей тетради с другими. О романе нельзя составить понятия, потому что он внезапно прерывается... „Следующая глава начиналось с того, что Феличата без цели бродило *по лыжах по лесу*" и т. д, Вообще неудачная мысль посылать отрывки для суждения.

В конце концов будем считать так, что Вы еще не присылали ничего, но у Вас есть много написаннсго вчерне. Выберите что-нибудь небольшое (два—три очерка), но *совершенно законченное*, отделайте, как можете лучше, перепишите ясно и четко, с новыми строками, где нужно, и пришлите вновь. Вам это трудно? Понимаю, но иначе нельзя, если хотите узнать правду о том, что это у Вас такое: простая охота писать или дарование Дарование прежде всего скажется стремлением к улучшению, к совершенству и—умением улучшать. Наоборот нетерпение и спешность скорее указывают на неспособность идти вперед.

Пока скажу Вам лишь о стихах. Кое-что в них может быть и есть, но формой Вы еще не овладели, Вы то и дело нарушаете размер и рифму. Это нужно чувствовать.

Так верить хочется, что в жизни тоже солнце
Улыбкой ясною несчастья мрак скует *)
И вера в правду, в свет и знания...

Третий стих совсем не в том размере. Стихи особенно требуют внимания и отделки...

Ну, не взыщите за это брюзжание. Я хочу помочь вам разобраться в вопросе,—что у вас: только охота, или признаки дарованья. Но без больших усилий и сосредоточенности с Вашей стороны я этого сделать не могу.

В Красноярске издается сибирский журнал. Называется он „Сибирские записки". Я его выписал для Вас. Может быть Вам интересно его сибирское содержание. Да и Вам легче проникнуть в него, чем в столичную печать. Почитайте, прислушайтесь к сибирской поэзии, внушенной такою-же природой, как и Ваша.

И затем—жду новых Ваших опытов в серьезной обработке и хорошо переписанных.

Желаю успеха.

Вл. Короленко.

Ужасно досадно, что к Вам приходится посылать только простые письма. Они легко теряются,—а ведь написать вновь столь обстоятельный отзыв мне будет трудно: у меня переписки много.

А как-же с рукописью? Ведь их простою бандеролью не пошлешь.

Мой летний адрес: Вел. Сорочинцы (Полт. губ.), дер. Хатки.

---

*) „Сковать" мрак улыбкой—неудачный образ.

Ваше заказное письмо через Щегловское пришло скоро: на письме у Вас числа нет, но почтовый штемпель 25 июня, а 5 июля уже получено.

Поработайте повнимательнее над типами рабочих в роде Казонин (или Казанин?) или Любоченко. Может есть и еще. Любоненко немного шаблонно-романтичен. Нужно больше наблюдения.

2 марта 1917 года. Полтава, М. Садовая, № 1.

8.

Многоуважаемая Нина Васильевна.

„В Тайге" я прочитал. Несколько запоздал с ответом: переписки много, кроме того, работа и прихварываю.

Буду опять ворчать. Вы все таки не захотели придать Вашей рукописи „интеллигентный" вид. Прочтите опять мое прежнее письмо об этом и постарайтесь внимательнее присмотреться к тому, как пишутся (для печати) разговоры, когда употребляются красные (т.-е. новые) строки и ради Бога,—знаки, знаки! У Вас из всех знаков признается только точка, и ту Вы ставите кстати и не кстати, и что всего ужаснее, после точки, как ни в чем не бывало, пишете маленькую строчную букву. И это даже в начале новой строки. Это уже вызывает досаду, следы которой увы!—Вы увидите на вашей рукописи в невольных излишних нажимах моего карандаша, а иногда и в нервных замечаниях на полях. Простите: я все еще не совсем здоров и нервничаю. Да и нужно Вам непременно отрешиться от этой внешне грамматической неряшливости. Некоторые ошибки—не беда. Но такие грубые—недопустимы и очень вредят в редакциях.

Самый рассказ написан так, что виден некоторый успех. Замысел хорош и тонок, в исполнении есть достоинства, но много и недостатков. Ваша задача—нарисовать грубоватую суровость сибиряка. Мать—организация тонкая. У сына есть черты отца и матери. Он тоже не уважает нежности, но невольно тянется к ней. Тут нужна известная мера в тоне. У Вас слишком много нюансов, тончайших подробностей, относительно которых возникает сомнение—доступны-ли они даже и этому мальчику, наследовавшему до известной степени более тонкую организацию матери. Кроме того, излишество таких подробностей напрасно затягивает рассказ, разжижая, а не усиливая впечатление. Если бы Вы еще поработали над этим, несколько сжали, устранили все лишнее, убавили немного сантиментальности и вообще сократили и сделали тон более подходящим к описываемой среде, то уже можно было-бы попробовать отдать в большой журнал. Значит, поработайте еще и над изложением, и над внешностью рукописи, и пришлите мне опять. Может быть дело выгорит с „Русскими записками". Я кое-где правил слог, но нужно еще Вам самим. При переписке (надоело небось?) оставляйте поля (на случай еще моих поправок). Поработать стоит: замысел хороший, и можно надеяться на успех.

Если рассказ попадет в „Р. записки", то Вы уже получите гонорар (не менее 100 р. с печатного листа—16 страниц). Но свои дела с редакцией „Сиб. Зап." улаживайте уж как нибудь сами. Он у Вас спрашивал: если мол Вам нужны деньги, то... Чего проще было ответить: „да хоть небольшой гонорар я получить желала бы. Мне нужно на книжки". Это так просто и ясно. Редакция их, правда, еще бедна, подписчиков мало, но Вы и требуете немного, а рассказ напечатан не из милости, а потому что он им пригодился.

Очень досадно, что письмо мое пропало. Повторять его мне теперь трудно, да и не к чему: будем смотреть вперед, а не назад. Эх, Нина Васильевна: поучиться бы Вам и прежде всего—грамоте, грамоте!

Желаю всего хорошего и среди этого всего терпения. Искренно уважающий.

Вл. Короленко.

P. S. Имею еще добавить: нужно-бы еще немного оттенить, что убийство самки оленя для охотника позор и что тут не только сантиментальность, но и сознание своего падения. Тон попроще, без оборотов, усиливающих сантиментальность.—Рукопись посылаю ценной посылкой (через несколько дней; опасаюсь, что вследствие событий, происходящих теперь в России, могут происходить неаккуратности на почте).

ДМИТРИЙ НАРКИСОВИЧ МАМИН (СИБИРЯК)

1852—1912.

Неужели можно удовлетвориться одной своей жизнью? Нет, жить тысячью жизней, страдать и радоваться тысячью сердец—вот где настоящая жизнь и настоящее счастье.
Мамин—Сибиряк „Черты из жизни Пепко".

Огненной завесой отделено от нас прошлое.

Скоро исполнится десять лет со дня смерти Мамина, последовавшей 2 ноября 1912 г., но каким далеким кажется нам его облик, почти забытым!

Критика в свое время недостаточно внимательно отнеслась к его интересному и яркому дарованию. До сих пор о нем написано две-три статьи, охватывающих далеко неполностью творчество уральского самородка. *)

Читатель также прошел мимо него. У Мамина-Сибиряка нет горячих поклонников, черпающих в его произведениях духовный свет и силу, между ним и читателем не создается невидимого взаимодействия, связывающего автора и читателя воедино, когда чувствуешь в книге живое присутствие любимого художника и стремишься заглянуть за грани написанных слов к источнику красоты.

Когда семнадцатилетняя девушка днем и ночью бредит Надсоном, то мы догадываемся об ее бесформенном сантиментализме с оттенком ложного пафоса наивных чувств... Другой предстанет она перед нами, если увлекается Тургеневым, Чеховым или даже Вербицкой, но по увлечению Маминым Сибиряком мы затрудняемся определить ее духовный облик, хотя бы потому, что мы в массе сами плохо знакомы с писателем.

А между тем, им вписана в русскую литературу своя страница, которую может быть еще долго будут читать и изучать наши потомки. Какую же страницу вписал Мамин-Сибиряк в русскую литературу? Каков внутренний облик этого полузабытого писателя?

Восьмидесятые годы прошлого столетия отмечены—в политическом отношении—усталостью и растерянностью, а в литературном—появлением Чехова, Короленко и Мамина-Сибиряка, который среди беллетристов восьмидесятников уступая первым по силе дарования, занимает почетное место.

Биография Мамина Сибиряка мало известна, но то, что известно, очень знаменательно. Он родился 25 октября 1852 года в небогатой семье священника в Висимо-Шайтанском Заводе на грани двух миров: Европы и Азии. Одни окна дома священника выходили в Европу, другие в Азию. Еще ребенком он любил подолгу сидеть у окна и смотреть на далекий запад, где мерещились воображению чуткого мальчика разные чудеса. „Восток не давал ничего, и в детской

*) Укажу: А. М. Скабичевский, Д. Н. Мамин-Сибиряк „Новое Слово" 1896 №№ 1 и 2, Пл. Краснов. Осенние беллетристы „Труд" 1895 № 2, В. Альбов. Капиталистический процесс в изображении Мамина-Сибиряка „Мир Божий" 1900 №№ 1 и 2.

душе просыпалась, росла и назревала таинственная тяга на Запад". Эта тяга никогда не прекращалась у Мамина-Сибиряка, она сыграла решающую роль в его жизни: предначертала путь—Урал—Петербург для жизни и творчества, создала из него писателя западно-европейского образца и породила затаенную скорбную философию культурного одиночки, затерявшегося среди дикарей.

В 1871 г. он окончил Пермскую семинарию и поступил в Петербурге в военно-медицинскую академию по ветеринарному отделу, откуда в 1876 г. перешел на юридический факультет Петербургского университета который не кончил. За время пребывания в Петербурге он прошел многолетнюю трудную школу газетного репортажа, занимаясь в свободное время писанием романа.

Долгое время его попытки печататься в толстых журналах оканчивались неудачей, пока в 1882 г. ему не улыбнулось счастье—он в течение года поместил в журналах „Устои", „Вестник Европы" и „Дело" свои произведения. С тех пор, год за годом стали появляться его вещи, завоевывая ему славу и внимание широкой публики *).

Последние годы своей жизни Мамин-Сибиряк провел в Царском селе и Петербурге Между Петербургом и Уралом протекала его жизнь, и творчество также разделено этой чертой.

Создав себе славу на уральских и сибирских рассказах и романах, он за последнее время жизни определенно уклонился в сторону Петербурга.

Оскар Уайльд открыл лондонцам серебристые туманы Темзы, Мамин-Сибиряк дал больше: он открыл русскому обществу новую страну—Урал, вдохнул кипучую жизнь в доселе мертвое географическое название. Богатая во всех отношениях жизнь далекого Урала была новостью для русского читателя, У грани Азии внезапно явилось своеобразное царство железа, золота и самоцветов.

Теперь после недавних войн прошлого, нам по иному знакомы хребты Урала и равнины Сибири, тогда же в сознании читателя они сливались в одно темное преддверие непонятной и холодоой Азии.

Мамин-Сибиряк один из первых русских писателей взял для своих произведений широкие социальные темы экономически—бытового характера. Некоторые критики называют его русским Золя, что отчасти подтверждается его замыслом, высказанным в автобиографическом романе „Черты из жизни Пепко", написать серию романов, аналогичную Маккар-Ругонам Золя. И на самом деле серия его романов „Горное гнездо", „На улице", „Три конца", „Золото", „Дикое счастье", „Хлеб" и „Приваловские миллионы" представляют развитие одной идеи: победоносное развитие и шествие российского капитализма на Урале.

У Мамина Сибиряка органическая способность передать живо и увлекательно всю скрытую механику сложных социальных процессов. Горнозаводская промышленность Урала, покоившаяся на крепостном праве, т. е. на безраздельном господствовании над личностью рабочего, после отмены крепостного права и перехода на свободный труд, оказалась в корне расшатанной, ибо пришлось менять всю старую систему управления заводами, создавать с большим трудом новую, что отозвалось и на заводах и на рабочих. Роман „Три конца" посвящен описанию момента освобождения рабочих от крепостной зависимости со всеми экономическими последствиями отмены. В социальных картинах Мамина-Сибиряка отсутствует надуманность в виде предвзятых экономических или политических (народнических) схем, он не сочинял и не прикрашивал в угоду им жизнь, а брал ее во всей обнаженности примитивных мотивов, двигавших отдельными лицами, и показывал, как из этих мотивов органическим путем выростали социально важные результаты.

---

*) Вот основание даты его произведений. 1883 г. „Бойцы" (Отечественные записки). 1884 г „Приваловские миллионы" (Дело). „Горное Гнездо" (Отечеств. записки), 1886 г., „Первые студенты" (Северный Вестник), 1888—1889 г. Уральские рассказы 1—2 т., 1890 г. „Три конца" (Русская мысль), 1891 г., „Братья Гардеевы" (Там же), 1892 г. „Золото" (Северный Вестник), 1892—93 г. „Детские тени" (Русское Богатство), 1893 „Весенние Грезы" (Мир Божий), 1894 г. „Черты из жизни Пепко". (Русское Богатство) 1897 г., „Зарницы", 1900 г. „По Уралу", „Около гос од". (Русская мысль), 1901 г., „Именинник", 1902 г. „Без названия", 1905 г. „Человек с прошлым".

По Мамину-Сибиряку можно изучить сложную механику социальных процессов, поэтому его романы представляют своеобразный интерес для экономиста и социолога.

Мамину Сибиряку недоступны были тонкие чеховские нюансы настроений, у него отсутствует быт серых будней, протекающих без событий, без катастроф, его герои не тихие, придавленные люди, апатично бредущие по тропинке жизни. Только яркие пятна, движение, толпа, сила, в чем бы она ни проявлялась, захватывали внимание писателя.

Автор любуется сплавщиком Савоськой („Бойцы"), который командует на барже, сплавляющей медь по Чусовой.

„Я любовался этим Савоськой, который расставив широко ноги на своей скамье, теперь служил олицетворением движения. Голос звучал уверенно и твердо, в каждом движении сказывалась напряженная энергия. Он слился с баркой в одно существо".

Также он любуется палачем Афонькой, который в ожидании жертвы молодцевато ходит в красной рубахе по эшафоту, и сибирскими золотопромышленниками, которые в аристократической гостиннице Петербурга вместо тонких вин в изящных бакалах пьют из четверти стаканами русскую водку; разбойниками, возчиком-убийцей даже „энергичными стариками", заводоуправителями с их безжалостными наказаниями. Все они привлекают его своей силой.

Можно было бы привести много примеров тяготения автора к описанию силы, движения, ярких пятен. И на ряду с этим—другая мрачная черта краха, поражения, смерти, оканчивающая почти каждое его произведение.

Герои в подавляющем большинстве случаев кончают плохо: умирают, сходят с ума, попадают на каторгу, или другим способом выходят из орбиты жизни. Предприятия разваливаются, фабрики останавливаются, даже целые селения вымирают, как это изображено в „Трех концах":

„Половина изб стояла с заколоченными окнами. Почти все мужское население разбрелось куда глаза глядят, побросав дома и семьи. Случилось что-то стихийное—ужасное, как поветрие или засуха. На покосах больше не пели веселых песен и не курились покосные огоньки, точно пронеслось мертвое дуновение".

Радостная сильная жизнь неизбежно кончается крахом—взаимным пожиранием,—в этом тайна жизни.

„Вот в этой сочной траве, подернутой утренней росой, с виду так-же тихо, как в воздухе, но сколько в этот момент там и здесь погибает живых существований, погибает без крика, в немых конвульсиях. Одна букашка душит другую. Червяк точит червяка. Весело чирикающая птичка весело ест букашку и червяка, делаясь в свою очередь добычей кошки или ястреба. В этом концерте пожирания друг друга творится тайна жизни". (Уральские рассказы).

Чем об'яснить странное сочетание стихийного тяготения к яркой жизни с признанием неотвратимости краха, смерти?

Ответ следует искать не только в особенностях мрачной обстановки 80-х годов, но главным образом, в интимной лаборатории творчества писателя.

Мамин-Сибиряк долго и тщательно работал над собой, безконечное число раз переделывал свои вещи, глубоко изучал технику классиков.

Вот, например, как он учился писать пейзажи.

„Свои описания природы я начал с подражания тем образцам, которые помещены в хрестоматиях, как образцовые. Сначала я писал напыщенно-риторическим стилем a la Гоголь, потом старательно усвоил себе манеру красивых описаний a la Тургенев, и только под конец понял, что и гоголевская природа и тургеневская —обе не русские, и под ними может смело подписаться всякая другая природа, за очень немногими исключениями . . . . . Над выработкой пейзажа я бился больше двух лет, причем мне много помогли русские художники-пейзажисты нового реального направления. Я не пропускал ни одной выставки, подробно познакомился с галлереями Эрмитажа, и только здесь понял, как далеко ушли русские пейзажисты по сравнению с литера-

турными описаниями. Они схватили ту затаенную скромную красоту, которая навевает специально-русскую хорошую тоску на севере; они поняли чарующую прелесть русского юга, того юга, который в конце-концов подавляет роскошью своих красок и богатством светотени".

Насколько тщательно сидел он над техникой классиков, видно из XXXV главы того же романа, где речь идет о формально статистическом методе изучения и критике произведений.

В связи с желанием добиться лучшей формы, а может быть, в погоне за большей продукцией, в его творчестве проявился особенно сильно момент возвращения, т. е. он неоднократно возвращается к одним и тем же событиям и типам, только несколько видоизменяя их в зависимости от контекста.

Тип „энергичного старика" выведен в лице Федора Яковлевича (Братья Гордеевы), Радиона Потапыча („Золото"), Бахарева („Приваловские миллионы") и пр. Параллельные типы встречаются у него часто, начиная с главных героев и кончая третьестепенными лицами, как например петербургская прислуга-финка. То же возвращение наблюдается и относительно отдельных эпизодов. Случай безжалостного притеснения и издевательства над крепостными, получившими высшее заграничное воспитание, повторяется почти одинаково три раза („Братья Гордеевы", „Горное гнездо", „Три конца").

Прежде чем приступить к большому полотну, он часто обрабатывает отдельные эпизоды в рассказы и помещает их в печати,—например „Глупая Окся" вошла в роман „Золото", рассказ „По просту" в переработанном виде в „Хлеб".

Он неоднократно возвращается и тщательно рассматривает круг образов, в котором замкнулось его сознание и чем дольше образ живет в сознании, тем сильней и ярче он становится; не бледные впечатления от слабых существований, а сильные мощные жизненные фигуры в состоянии пробить заколдованный круг и сделаться там об'ектом наблюдения. Но даже самое обыкновенное впечатление, раз оно вошло в круг образов, было бы переработано в процессе беспрестанной фиксации в мощную фигуру, в яркое пятно.

При такой усиленной внутренней и внешней работе над своим дарованием у Мамина Сибиряка выработались внутренние эстетическо формальные принципы, один из которых гласит: произведение только тогда окончено, когда герои вышли из орбиты жизни, когда у читателя не встает вопроса после окончания чтения произведения: а что же дальше?

Так из особенностей творчества автора отчасти об'ясняется его любование силой и тяготение к катастрофам, к которым он приводит своих героев в конце каждого произведения.

Творчество Мамина Сибиряка часто сводилось к мозаичной работе, к механическому сцеплению и комбинированию готовыми уже в сознании элементами, что иногда влекло за собой наивность фабулы, когда события сшиваются белыми нитками случайных встреч и неожиданных известий, а также хаотичность, в которой иногда его обвиняют.

В даровании Мамина-Сибиряка есть одна черта, которая отличает его от многих русских писателей и останавливает внимание исследователя.

Целая галлерея отрицательных типов, внушающая читателю отвращение своими действиями не клеймится им внутренним презрением или брезгливостью, огонь негодования не пробивается из-за строчек при их описании. Ровным светом углубленного внимания освещены его герои. Как солнце, он одинаково светит и палачам и жертвам.

Федор Якимович, управляющий заводом, герой повести 40 х годов „Братья Гордеевы", притесняет „французов", крепостных, получивших заграничное образование, делает жену одного своей любовницей и доводит одного до сумашествия, другого до чахотки, от которой тот умирает.—Живое сильное изложение этих фактов заражает читателя горечью бессильного негодования, но сам писатель с одинаковой любовью лепит фигуру и доброго и злого. Они для него одинаково достойны внимания, ибо они прежде всего—плоды его творчества,

знак его художественного мастерства, ценность их определяется не с точки зрения нравственности, а красоты лепки. Художник только показывает картины жизни, дело читателя негодовать, радоваться, хвалить и порицать. Такое об'ективно-светлое отношение к героям напоминает об'ективность мастеров французской литературы, где имеется такой блестящий представитель ее, как Флобер.

Мамин Сибиряк не только воспринял внешние западно-европейские приемы, но он и внутренне преклонялся пред западной литературой и завидовал ее писателям:

„Да, хорошо писать заграничному автору, когда там жизнь бьет ключем, когда он родится на свет уже культурным, когда в самом воздухе висит эта культурная тонкость понимания—,одним словом, этот заграничный автор несет в себе громадное культурное наследство, а мы рядом с ним—нищие, те жалкие нищие, которые прячут в тряпки собранные по грошикам чужие двугривенные. Много ли у нас своего? Ведь лучшие наши произведения—только подражания более или менее удачные, лучшим заграничным образцам... Да иначе и не могло быть, потому что у нас собственно и жизни нет. Автор должен ее приду мывать, прикрашивать, сдабривать вот эту несуществующую жизнь"...

И какой то русской фатальностью проникнута его мрачная философия.

Она основывается на признании действия в мире роковых сил, в руках которых человек является ничтожной игрушкой.

„Мы, как дети, утешаемся карточными домиками, а природа нас хлоп, да хлоп по носу". (Горное гнездо).

Борьба с этими силами невозможна; ни воля, ни разум человека не могут противоречить им, поэтому с человека как бы снимается ответственность за преступления, ибо пред лицом слепого рока нет ни правых, ни виноватых.

Есть роковые силы, которые заставляют человека делаться тем или другим, и я уверен, что никакой преступник не думает о скамье подсудимых, а тюремщик, который своим ключом замыкает ему весь вольный белый свет, никогда не думал быть тюремщиком. („Черты из жизни Пепко").

Среди этих сил большую роль играет наследие прошлого. Оно заковывает человека в неразрывные сети причинных необходимостей. Покойники влияют на настоящее, ибо жизнь катится по руслу, вырытому их жизнью, их привычками. И нам не освободиться от наследия уже умерших людей. Взаимное пожирание царит в жизни.

Встает вопрос: где же выход из сферы влияния роковых сил, как преодолеть концерт всеобщего пожирания? Ответа нет. Безнадежной покорностью перед неизбежным поражением веет от такой философии. Не надо действовать, не надо двигаться,—все равно везде стережет неизбежная смерть.

„Сейчас от Прокопьевского монастыря, Дивьей обители и Служней Слободы остались одни пустыри. Только попрежнему высоко поднимается правый гористый берег Яровой, где шумел когда-то вековой бор. Теперь торчат одни пни, а от прежнего осталось одно название: народ называет и сейчас горы „Охониными бровями".

Так заканчивается его историческая повесть „Охонины брови". От жизни прошлого остается только одно название.

Но и в настоящем „под каждым благодеянием цивилизации таятся тысячи и миллионы безвременно погибших в непосильной борьбе существований, каждый вершок напоен кровью аборигенов и каждый глоток воздуха, каждая наша радость отравлены мириадами безвестных страданий, о которых позабыла история, которым мы не приберем названия и которые каждый новый день хоронит мать земля в своих недрах". (Черты из жизни Пепко).

Такая философия противоречит той любви к жизни и ее мелочам, которая проявляется почти на каждой странице у Мамина Сибиряка. Если „концерт пожирания"—тайна жизни, то уменье соединить любовь к жизни с мрачной философией одна из тайн таланта Мамина-Сибиряка. Может быть, сожаление, что где-то есть другая лучшая жизнь, позволило ему преодолевать мрачную философию, навеянную родной действительностью.

Может быть, как в детстве, он смотрел на Запад и ждал оттуда чудес.

Лейт-мотив всей его философии тоскливый и безнадежный вопрос, на который он не мог найти ответа:

„Где эта жизнь? Где те таинственные родники, из которых сочилась многострадальная русская история? Где те пути дороженьки и роковые росстани (направо пседешь—сам сыт, конь голоден, налево—конь сыт, сам голоден, а прямо поедешь, не видать ни коня, ни головы), по которым ездили могучие богатыри?"

Уральский самородок тянулся на далекий Запад, проникся его культурой, изучил его искусство, но не мог решить загадку русских роковых росстаней, не мог найти родников, из которых сочилась русская история.

Светла его любовь к жизни и мрачна философия.

И как бы, не находя исхода для своей пессимистической философии в мире взрослого, писатель отдается творчеству для детей и создает себе и в этой области большое имя, заняв чуть не первое место во всей русской литературе. Здесь он то светлый и легкий, то трогательный и веселый, никогда не впадает в пессимизм и всегда пробуждает в детях лучшие стороны растущего человека. Автор рассказа „Емеля-охотник" и „Аленушкиных сказок" надолго останется любимейшим писателем детей.

7 ноября 1922 г. исполнится 70 лет со дня рождения бытописателя Урала и Сибири. В этот лень исполнится пятилетие октябрьской революции.

Вспомнит-ли Россия писателя, широкими мазками описавшего шествие русского капитализма, показавшего его буйную молодость, неистовство и начало увядания? Поймет-ли его скорбную философию и ответит-ли на его роковые безответные вопросы, которые навеяла ему русская жизнь? мне кажется да, хотя колесница истории несется вперед, и некогда оглядываться на прошлое: огненной завесой отделено оно от нас.

П. Комаров.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

„Понизовье". Литературно-художественный журнал. Книга шестая. Самара. Госиздат 1922 г.

Самарцы упорно продолжают начатое дело по возрождению художественного слова: выпустить шестую книгу литературно художественного издания в провинции, это уже, само по себе, заслуга немалая.

Но для успеха дела необходимо, чтобы этой внешней победе сопутствовала и победа внутренняя: постепенное движение в глубь, нащупывание почвы для роста истинного искусства.

К сожалению, этого движения вперед в художественном отделе „Понизовья" не чувствуется.

Редакции необходима большая строгость к своим поэтам и писателям.

Вот для примера с первой страницы начало стихотворения „Привет", С. Павлова-Лазорева.

Привет тебе миллионный стальной титан,
Из молота и серпа рожденный.
В купели октября твой закаленный стан
Ребенком в мир пришел новорожденным.

Конечно, приятно печатать стихи определенно-революционного содержания, но теперь редкая провинциальная газета соблазнится подобным барабанно-безграмотным патриотическим „взыванием" и поразительно, как редакция могла одобрить этот „закаленный стан, пришедший в мир новорожденным ребенком"(?!).

И дальше все стихотворение также поразительно неуклюже и безсбразно.

Тут и „четвертый вал (?)" и „рассадник черных оков" и „советов грядущее покрывало"...

Другие стихи на политические темы несколько лучше, но и они не дают глубокого поэтического захвата, а лишь мелькают перед читателем и часто грешат прозаизмами:

Для зданья нового фундамент заложить.

Наиболее глубоко из всех стихов звучат стихи Александровского „Тяжелые лапы тоски", „Весна", А. Каспия и хорошее, бодрое и светлое стихотворение Ширяевца „Родине", но, к сожалению, оно уже было напечатано не то в „Заветах", не то в Миролюбовском „Ежемесячном журнале", во всяком случае В. Л. Рогачевский его приводит в своей книге „Поэзия новой России".

Думается, что перепечаток, особенно без указаний источников, редакция должна избегать; ценность всякого журнала—в новизне материала, и внутренней и внешней.

В недурное стихотворение Я. Кая „Весенний мотив" ненужным кричащим диссонансом врываются строчки:

„И сам божественный да-Винчи.
Весной полез бы на рожон".

Остальные стихи бледны, в них часто поэты занимаются перепевами чужих мотивов чужими словами: так, Ев. Годнев упорно пользуется стертыми, прилизанными словечками Игоря-Северянина: „озкраненный" „злототканно" и т. д. и тем самым кладет на рисуемые им картины печать уже надоевшего штампа.

Проза еще слабее стихов. Совершенно беззвучны два отрывка из романов Н. Степного „Жара" и А. Михайлова „Уличная драка".

Стало, повидимому, особой литературной модой печатать отрывки из повестей, романов, ими пестрят за последнее время все журналы, но нельзя же этим злоупотреблять до безчувствия: к чему это? Солидностисебе этим не прибавишь, и лучше дать законченный рассказ, чем такими подзаголовками стараться оправдать свои незаконченные и недоработанные произведения.

Оба отрывка написаны бледным, разжиженным стилем в манере беззубого голого натурализма и совершенно не имеют в себе какого-либо внутреннего оправдывающего замысла.

Лучше читается рассказ Ю. Разумовского „В горах", где живо и просто намечена фигура погибшего башкирина Шакира и даны картины борьбы с белыми.

Сплошной фальшью, выдумкой, неглубокими отзвуками Андреевского Василия Фивейского пропитан рассказ Н. Вакуловского „Кровь Голгофы", рисующий перерождение священника. Тема сама по себе любопытна, но дана она в таких неглубоких, риторических формах, в сплошных тонах ложно-классического пафоса, что кроме публицистики из рассказа ничего не получается.

Но совершенно непонятно, как мог попасть на страницы „Понизовья" драм-этюд (?) Виклога „Подкрашенные куклы".

Много за время революции было любительски-лубочной литературы, но мы никак не думали, что и в настоящее время могут появляться такие „перлы".

И поразительна, прямо классически-беспардонна эта последняя сцена, где смертельно раненный Иволгин и умирающая Мария Дмитриевна декламируют, как балаганные актеры.

„Мы вместе пойдем строить новую жизнь".

„Нас миллионы. И густеют наши ряды... Нас не истребите вы пулей... И, вместо ушедшего, встанет новый" (*падает*).

Это говорит человек, только что пронзенный пулей. Надо же докатиться до такого безвкусия и отсутствия чутья к естественности!

— Умри Денис, лучше не напишешь!

Художественный отдел „Понизовья", на этот раз поразительно слаб.

Гораздо богаче и внутренне содержательнее, наконец, просто литературно-грамотнее статьи по теории искусства.

„Диалектический этюд" М. Гольфанга „Чортовы качели", несмотря на претенциозный подзаголовок, читается с интересом. Правда, его конечные выводы не новы, и несколько шаблонны; автор идет обычным путем признания „паровоза, машин за истинных героев пролетарской поэзии", это положение несколько противоречит с его предпосылкой о „засилии вещи", но все же автор хотя и не глубоко и неоригинально, но достаточно остро ставит перед нами этот вопрос. В этом отношении крайне любопытна статья Як. Брауна „Человек и вещь", в которой он дает совершенно противоположный ответ на поставленный вопрос. (Журнал „Авангард", № 2, 1922 г., Москва).

Необходимо отметить, что заслуга постановки данного вопроса о „вещи и человеке" в литературе принадлежит Иванову Разумнику в статье о футуризме „Мистерия или буфф", где Маяковский, „кривогубый Заратустра наших дней", оказывается Хомой Брутто XX века, „навечно оседланном панночкой Вещью".

Любопытна статья Ю. Португалова—„Механизм литературно-художественного творчества". Автор—сторонник экспериментальной психологии, и вследствие этого у него получается слишком „омеханизированный" подход к творчеству. Слишком догматически звучит у него беззаветная вера в этот научный метод. Так он утверждает: „главный принцип изображения индивидуальности—всесторонняя, всеисчерпывающая и добросовестная натуралистическая точность никогда не может быть достигнута художественной психологией, ибо этого не может достигнуть даже научная психология, стремящаяся к этому всевозможными психолого-математическими средствами".

Конечно, это слишком „кабинетный" подход к вопросу, как и вся постановка вопроса о том, что должен изображать художник—типы или индивидуальность.

Для нас бесспорно, что Л. Толстой гораздо ярче, глубже, вернее изображает индивидуальность, нежели экспериментальные изыски ученых. И никакие отрывки Вебера никогда не воскресят пред нами живой индивидуальности. И самое утверждение, что художник непременно должен изображать тип, оно старомодно: Мольер, Гоголь, Грибоедов, конечно, как это выяснил до Португалова А. Веселовский в своих исследованиях, писали типы, но уже Достоевский, Толстой, Чехов и новая литература рисует индивидуальную личность, неповторяемую и единственную (Наташа, Ерошка, Пьер, Раскольников) все дело в выборе материала и в том, насколько эта

рисуемая личность связана внутренне с жизнью, миром,—отсюда и ее социальное значение.

И таких конкретных ошибок у Португалова не мало, так, в главе, очень любопытной и значительной,—„Процесс идейного руководства" он Гоголя относит к роду писателей с „методом периодических экскурсий в идейную область". Формально это верно, у Гоголя есть такие отступления (о молодости, о русской тройке и т. д.), но его сила художника, его значение не в этих ложно-классических отрывках, а в той же, как и у Толстого, органической силе, которая идет от его живых образов.

Но все же статья Португалова—нужная и интересная статья.

Библиография в журнале составлена живо, только зачем это С. П. А., автор заметки о романе „Семья" Степного, пугает нас такими словами, как „модифицироваться апостериорно". Это не нужно, особенно, если автор сам тут же сумел это сказать и по-русски.

Хочется пожелать волжанам успеха в дальнейшем и этот успех придет, если они более строго будут относиться к своему творчеству в области художественной литературы.

В. Правдухин.

Н. Степной (Н. Афиногенов). „Семья". Роман в 3-х частях. Госуд. издат. Самарское отделение 1922 г.

Роман Н. Степного „Семья", премированный на всероссийском конкурсе Московского Лито, был представлен „на суд" в период чрезвычайной скудости художественной беллетристики. В изобилии появлялись только стихи. Попытка дать *роман* на жгучую тему о семье в самый момент ломки старого общественного и семейного быта была чрезвычайно ответственной и ценной. И нельзя сказать, чтобы она была совсем неудачной. Н. Степной в достаточной мере известен провинции. Характерная для него протокольность писаний, досадная неряшливость стиля, скачущая мысль, (будто зайчик какой-то всегда прыгает в голове писателя), всегда расхолаживали и лавры ему несли далеко не все читатели. Но роман „Семья"—лучшее его произведение, наиболее приближающееся к художественной беллетристике Сущность романа может быть передана следующими словами героя его коммуниста, пролетарского писателя Евгения:

— А самое главное что? По моему, вот что. Уничтожить это понятие—мое, твое из словаря людского. Пока не будет уничтожено понятие собственности вплоть до ребенка, чтобы ребята были общие. Отцов не должно быть. Одна линия равнения. Все женщины и против них все мужчины—одна община" (стр. 55).

Стремление к такому „уравнению", коллективу в жизни, в творчестве, описание реальных условий быта, мешающих осуществлению мечтаний Евгения—вот содержание книги. Тема острая, волнующая. Время действия—девятнадцатый грозный год, когда штурмом на революционных россиян пошла разруха, когда в каждой семье кричала своя Надя.

— Не зарабатываешь ты столько, сколько нужно на дрова. А я каждое полено считаю. (Стр. 47).

Протокольно-верная запись таких восклицаний, семейных сцен, поисков соски, описания трагической обстановки домов ребенка в этом романе являются ценными. Правда, это только фотография, а не картина художника, и фотография любительская, многие лица не вышли совсем (напр., рыжая женщина), иные так искривлены, что их не узнаешь, (многие лица „коллектива", толпы) но есть живые изображения Нади, безвольного, ничтожного Евгения, жалкого декламатора, неспособного воплотить в жизнь ни одного намерения, о которых он неустанно и пространно декламирует. Правда, изображение Евгения, повидимому, получилось от отражения в кривом зеркале. Чувствуется, что автор считал его более значительным, положительным типом своего романа, а вышел слюнтяй, болтун, интеллигентская размазня. И отповедь Нади ему с невольным сочувствием воспринимается читателем.

— Еще раз говорю тебе: для жизни нужны дети. А для сохранения детей нужна *действительная, а не призрачная* организация.

За эти изображения можно и должно принять роман Н. Степного, как книгу нужную и интересную, потому что даже простая верная фотография, не

только художественные портреты живых людей эпохи великой русской революции нужны нашей литературе, как деталь, для выявления страшного и прекрасного лика ее.

Болтовня героя о коллективе, о том, что „главное в жизни—равнение по всей линии" так и остались в романе болтовней. Художественной убедительности этим своим рассуждениям автор не смог дать. Для нее нужна другая творческая кисть. Ею Н. Степной не владеет. Для того, чтобы быть хорошим беллетристом, автору надо поработать над стилем. Неряшество губит многое ценное в его произведениях. Вот образцы совершенно недопустимых хотя бы в просто грамотном литературном произведении фраз:

„И сам весь горит и будто чувствует биение этой массы глаз, что на него искрились". Что за биенье глаз? Или: „Далеко-далеко засвистал пароход, и сразу отдался сюда и на тот берег".

„Казнить это тоже, что отрубать пальцы у себя, те самые, что повелевают железными рабами"... Пальцем иногда выражают повеление, но чтоб пальцы повелевали—это уж выдумка Н. Степного. В заключенье скажем: книгу Н. Степного „Семья" читать нужно из-за нескольких правдивых и ценных страниц, но пожелаем автору в дальнейшем более старательной обработки его произведений. В предисловии к роману Евгений Лукашевич сообщает, что это „местами почти протокольная запись действительно происшедшего" и в библиографических приложениях к книге: „Действительные страдания Степного легли в основу этого очерка: его женитьба, появление на свет девочки—дочки, с голубыми глазами, болезнь жены и смерть маленького грудного ребенка, свои лекции о литературе по окраинам, выступления в клубе писателей". Может быть надо Степному поменьше черпать из себя, немножко меньше уделять внимания своей личности и зорче, отрешеннее от себя, взглянуть на мир. Не оживится ли тогда его „почти протокольная запись действительно происшедшего" духом творческого прозрения?

Л. С.

Цветостепь. Стихи. Солбонэ Туя (П. Д.). Издание Бурмонавтупра. Чита. 1922 г. Цена 1 р. серебром, в полосе отчуждения и заграницей 40 к. золотом.

Книжечка издана изящно: четкий шрифт, опрятная печать, хорошая бумага, почти ни одной грамматической ошибки, словом, все, как следует, с внешней стороны, но... в этом только и заключаются все достоинства изящной книжечки. Немножко мало,—даже для первых робких опытов, первых бурятских поэтов. Все идеи, все содержание и формы стихов „Цветостепи" взяты на прокат у русских поэтов и при том у поэтов второго и третьего сорта.

Солбонэ Туя не нравится город с его контрастами нищеты и роскоши, он ему „и чужд... и скучен"... „Поэт" тоскует о простоте, о красоте простоты, ищет ее и находит в родных степях, которым он посвящает свою книжку, он тоскует о воле и просторе и находит их там же в родных степях.

Отрицая город, убегая из города, Солбонэ Туя отрицает город не действительный, а созданный его интеллигентской измученностью; он просмотрел в нем великую социальную борьбу, он увидел в нем: „звоны и свистки... вздохи, крики, трубовые ревы, многоцветные огни... церкви, храмы... башни и дворцы... танцы, пляски... вечно праздные балы... домик хмельный с красной лампочкой, с огнем, где в раздетой страсти город вожделенный *страстит время* ночью, днем"... и не увидел в нем того главного, что составляет душу современного города—его творческую силу, подчиняющую шаг за шагом своей воле стихию.

Но и очутившись в родной степи, он остался все тем же измученным, оторвавшимся от масс, изолированным от могучего народного движения, интеллигентом, таким же тоскующим, ноющим, слабым, ушибленным, ошарашенным. Он и в степи не уловил ни содержания ни направления, ни ритма степной жизни,—не подслушал могучих голосов стихии, не ощутил и не осмыслил властных велений природы...

Воспевая „неуловимую красоту простоты" родных степей, степной жизни не нарисовал ни одного даже контурного образа, а когда сделал попытку, см. „Дочь степей" (Бурятка), вышло, что-то нудное и бледное, не вызывающее ни

симпатий, ни сочувствия к персонажу, не возбуждающее ни воли к борьбе, ни примирения с действительностью.

Мы искали, упорно и добросовестно искали, в книжечке зеркала цветостепи, степных песен, цветов и ароматов, степной красоты и простоты, воли и простора, первобытной цельности и ничего этого не нашли. Для кого и для чего только издаются такие книжечки?.. Надо полагать только для услады самих авторов.

Единственным, чуть-чуть светлым пятном на всем сером фоне „творчества" Солбонэ Туя выделяется бурятская легенда—„Ангара", но и тут автор—не национальный поэт. Даже с такой скромной задачей, как пересказ в художественно-стихотворной форме народной бурятской легенды, Солбонэ Туя не справился. У каждого народа есть свой национальный стиль и у бурятского народа есть свой родной стиль, оригинальный и красивый, безискуственно-простой, сосредоточенно-четкий, трубовато-отрывистый, незаконченно-смелый... Этот стиль не нашел своего отражения в пересказе Солбонэ Туя и что особенно обидно, бурятская народная легенда об Ангаре, богатая содержанием, характеризующим бурятскую национальную психологию, в „обработке" Солбонэ Туя выцвела, выдохлась, обезличилась, утратила свое богатое содержание.

И русский язык, которым написаны стихи Солбонэ Туя, лишился целомудренной чистоты, присущей языку всякого истинного поэта. Он совершил над ним недопустимое, грубое насилие, но не как варвар, не ведающий, что творит. Он знал, что делал. Любя степь, простоту и красоту простоты, Солбонэ Туя отдает щедрую дань модному, с легкой руки Шершеневичей, разврату слова, зародившемуся в салонах и кабаках буржуазно-аристократической богемы. У него, изволите ли видеть: „травы дышат майно"... „степи степят юрты"... „юрты юртят степи"... „злобит злоба лжи"... „песни сливаются в Степанный титан"... Он призывает свою родную степь к чему-то: „степься, степься, степь родная, больше, больше с юртой слись"... и просит ее: „Моя степь цветостепь, меня больше застепь"... Хорошую же услугу он окажет своему родному народу, внушив ему отвращение к русскому языку своей тарабарщиной.

Моя рецензия разрослась. О таких пустяках, как „Цветостепь" не стоило бы так много писать. И мы бы не писали, если бы „Цветостепь" состряпалась каким-нибудь русским кулинаром от поэзии. К сожалению книжечка написана серьезным бурятским общественным деятелем без всяких кавычек. Имя Солбонэ Туя, прозаическое, известно многим. Книжечка эта нам показалась одной из ласточек национальной весны одного из национальных меньшинств Р о с с и и, одной из ласточек пробуждающегося национального художественного творчества. Мы попытались доказать, как не следует встречать эту весну, чем не следует заниматься серьезным общественным работникам, которых так мало у бурятского народа. Мы хотели вызвать у автора желание изъять из обращения „Цветостепь", от которой по выражению Ф. Сологуба „трупцом попахивает", а не здоровым, прямым, крепким запахом широких и вольных степей.

Кроме того, мы осмеливаемся рекомендовать таким апостолам национального самоопределения и национальной культуры, убегающим из городов в тайги и степи, поближе подходить к своему родному народу, поглубже заглядывать в свою национальную душу, если только она у них еще сохранилась и выявлять скрытые, подлинно художественные дарования своего родного народа. Они есть у каждого народа, есть и у бурят. Следы этих художественных дарований сохранились в продуктах примитивного народного художественного творчества: покрое одежды, архитектуре построек, орнаменте утвари, в фольклоре, в ритме труда, характере и национальных развлечений...

А вы подсовываете нам какие-то изыски, хочется сказать, отрыжки интеллигентской измученности и нарочитой вымученности. Эти отрывки нам, как вам город, прежде всего, выражаясь вашими словами: „чужды... и... скучны... скучны во всем"...

Ив. Смирнов.

Новый быт. Литературный журнал. № 1 1922 г. Иваново-Вознесенск.

Обложка и пояснительное к ней стихотворение Ив. Житина говорит, что

. . . Напорочь лопнули на вороте застежки
И вспыхнул к небу молниекрылый флаг.

Мы ждали, что и в других стихах, помещенных в журнале, поэты так или иначе будут говорить о молниекрылом флаге. Но оказалось совсем не так. За исключением двух стихов, созвучных с названием журнала, пишется: что

Луна есть женщина такая,
Что не влюбленный быть не может
И потому она—на ложе
Взойдет к любому, кто влюблен.
. . . . . .
И так целует, так целует..

Говорят, К. Бальмонт очень хороший поэт. Но при чем здесь „Новый быт"? Право же, целоваться с луной можно когда угодно и где угодно, даже сидя на ней самой. Только вот быта то в этом никакого нет.

Досадно, что такие стихи в соседстве с сочными, яркими отрывками „из записных книжек" подлинных живых людей.

Итак о прозе. Четко, мелко зарисована картина А. Неверова „С речью приехал". Хорошо охвачена черта председателя сельсовета—лукавого мужика Ивана Софронова.

Мастерски, одной фразой Неверов обнажает перед читателем обросшие мохом сердца сытых и невежественных людей.

— Товарищи! Я буду говорить о голоде в Поволжьи...

А в углу легонько взвизгивала Щекина, солдатка.

— Д-Мишк! Не щекочи...

Великолепны отрывки из записной книжки И. Майорова. Тонкий юмор. А местами искренние слезы.

— В клубе гимназический вечер... Хор под управлением молодого надзирателя острога, то бишь, гимназии. Славься, славься. Над Невою резво вьются. Боже царя храни.

Податной инспектор Теречнин—соло на скрипке. Мировой судья Бирюльков партию Сусанина. В первых рядах белый ремень исправника, синее сукно жандарма, огромный живот директора, предводитель, голова, предводительша, головиха, потомственные почетные, первая гильдия, вторая гильдия... уют, покой, цивилизация и чистой выручки в пользу недостаточных учеников 69 р. 14½ коп.

Потом „революция посетила" провинциальный, захолустный городишко и один из педагогов гимназии Глеб Глебыч устроился заведывающим соцвосом. Но в душе остался тем же педагогом острога, то бишь, гимназии.

Подготовка к манифестации в честь Парижской коммуны.

— Глеб Глебыч придумал заведующих домов обрядить в костюмы, отличительные для каждого дома. Как известно, завдомы во время манифестации следуют со знаменем впереди детей и по нарядам можно сказать, что вон за человеком в белом следует № 5, за человеком в зеленом идет № 11, а за человеком в желтом № 16...

Но заведующий наробразом водопроводчик Клюшкин отверг проэкт Глеба Глебыча.

— Развернись вот... А жалуются, что людей нет.

Рассказы и картинки И. Майорова, Дм. Семеновского, С. Селянина, К. К. и др. сверкают меткими штрихами современного советского быта. Все они читаются легко, с интересом. Проза в журнале вполне выдержанна и оправдывает его название „Новый быт".

Рассказ Никитина „Пэлла" нужно отметить особо. Пэллу прочтешь—возмутишься. Для чего редакции понадобился этот „физиологический" рассказ? Кому интересно, как „хрустела" девка под героем рассказа. Но это только на первый взгляд. Присмотришься внимательно и почувствуешь чудесный и живой рисунок. Если бы этот мотив взял бездарный ремесленник, то получилась бы похабщина. Когда же им овладевает настоящий художник, то несмотря на исключительность и пугающую остроту сюжета, невольно примиряешься и оправдываешь попытку зарисовки этой картины умирающего звериного быта.

Журнал заслуживает широкого распространения.

В.

Революционные очерки. А. Н. Буйских. Новониколаевск, 1922 г. Цена 1 р. 75 к. 143 стр. Тираж—3000 экз.

Книжка издана опрятно. Четкая, крупная печать. На обложке рисунок, изображающий: часть крыши, две дымящиеся трубы, цепи, солнце и две фигуры,

крестьянина с косой и рабочего с факелом. Ничего бы и обложка... но „художник", рисовавший обложку, не справился с задачей,—л и ц о у рабочего похоже на лицо человека, который только что сбежал из сумасшедшего дома и это портит внешний вид издания. Лучше бы воздержаться от таких рисунков на обложках пролетарских книжек.

В предисловии от издательства говорится, что автор книжки рабочий-революционер, воспитание и образование получил только в институте самой рабочей жизни и революционной борьбы и это заставило нас отнестись к ней с особенным интересом и вниманием. Мы подошли к ней не с обычным критерием строгих требований, а с особой меркой, как к первому робкому проявлению рабочего публицистико-литературного творчества в Сибири. Мы твердо помним заповедь: „не угашайте духа"...

Автор—безусловно самородок. Бойко владеет пером. За словом в карман не лезет. Книга написана развязным смелым языком рабочего „трибуна", который не стесняется ни формой выражений, ни законами обязательной для всех логики. Он дает простор вольному течению своих легкокрылых мыслей—слов. Для автора, как „трибуна", важно сказать то, что он думает и он говорит звучно и хлестко,—важно убедить других в своей правоте, важно заразить своим настроением и он, наверное, с успехом достигает своих целей на трибуне. И в книжке есть этот революционный пафос, есть и своя внутренняя, не от разума, а от нутра, исходящая правда, есть своя подкупающая искренность.

Книжка читается легко, с интересом. Она создает у читателя довольно яркое представление об авторе, как о законченном типе цельного, наивного революционера рабочего времен стихийных рабочих движений, для которого—бунт—родная стихия, для которого делать революцию—профессия. Он не умеет мудрствовать лукаво, не умеет учитывать всю сложность политической борьбы, упрощает ее, верит только в стихийные силы рабочей массы, в руководящую, организующую силу ее вождей, сиречь, в себя. И там, где автор действительно не мудрствует, не пытается обобщать и об'яснять события и явления рабочего движения и революционной борьбы, не пытается принять на себя роль историка или экономиста, где он просто рассказывает о том, что видел и пережил, он силен. В этой части и книжечка ценна.

Кто хочет узнать о зверствах в белогвардейских застенках Колчаковского периода, кто хочет узнать от очевидца и участника о некоторых героических и трагических моментах борьбы за Советскую власть в Сибири, тому мы рекомендуем прочесть к н и ж к у тов. Буйских, она даст ценный фактический материал, воспроизведет в памяти угасающие образы недавно минувшего.

Но, коль скоро автор от описаний того, что видел и пережил, переходит к об'яснениям и оценкам и пытается нарисовать целую картину эпохи, написать целый исторический очерк революционно-рабочего движения, то сразу-же становится безнадежно слабым и „проявляет" не только „грамматическую" безграмотность, но еще в большей мере безграмотность политико-экономическую.

Из его слов вытекает, что если бы коммунисты большевики во всем его слушались, не говорили ему: „осади назад", не „обливали его грязью", (а какую грязь на него выливали, об этом автор дипломатично умалчивает), то, пожалуй, Советская власть в Сибири и не пала бы в 1918 году, чехи были бы разбиты в самом начале, а товарищи черемховцы, возглавляемые товарищем Буйским, спасли бы от белогвардейщины всю Сибирь.

Вообще товарищ Буйских в истории революционного рабочего движения в Сибири отводит себе очень и очень крупную роль. Своему „я" он придает решающее значение, всем остальным, в том числе и партии РКП в целом, он отводит второстепенные роли, свое „я" от выставляет всюду, кстати и не к стати, отчаянно афиширует и это, мягко выражаясь, нескромность, обесценивает в значительной мере его книжку.

Пролетарское „я", его обнажение и выявление, постольку может быть интересно и ценно для читателя, поскольку мы характеризуем своим „я" рабочую массу, поскольку концентрируем, кристаллизуем в своем „я" потребности,

интересы и цели рабочей массы, ее желания, думы и действия и являем новый мир трудового самоощущения, жизнепонимания и жизнедеятельности.

Товарищ Буйских, мимоходом, бросает тяжкие обвинения своим товарищам по руководительству революционной борьбой рабочих, что они будто бы, втянув рабочих в борьбу, в критический момент все скрылись и оставили рабочих, а он один вернулся к рабочим. Что это такое?.. Бессознательная фраза или намеренное желание кого-то лягнуть, на кого-то кивнуть, кого-то перед кем-то дискредитировать?.. Это, прежде всего, недобросовестное искажение фактов, это опять таки построение вывода на шатком основании отдельных случаев, обобщение отдельных фактов, близорукость, неумение из за кустарников видеть лес.

Товарищ Буйских лучше, чем кто-либо другой, знает, что в застенках Колчаковского периода, вождей рабочей массы погибало в процентном отношении значительно больше, чем рядовых рабочих, что вожди рабочей массы более рисковали жизнью, попадая в застенки, чем рядовые бойцы, что белогвардейцы, случалось, выпускали из застенков рядовых рабочих, попадавших и с оружием в руках, вождей-же рабочих уничтожали. Это обстоятельство как-то ускользнуло из поля внимания тов. Буйских.

В заключение скажем: Издание „Клич" оказало плохую услугу и рабочему классу в целом и товарищу Буйских, выпуская книгу „Революционные очерки", не подвергнув ее предварительному корректированию и серьезному редактированию в чисто грамматическом отношении. Книжка пересыпана безграмотными фразами, настолько безграмотными, что вчуже становится стыдно за такую безграмотность издания. Следует все-таки помнить всякому, уважающему литературное слово, издательству, что ошибки, допустимые с агитационной трибуны в устах доморощенных ораторов, не могут быть допустимы и терпимы в печатном слове, тем более, пролетарского писателя.

И. С.

„Профессиональное движение". Орган сиб. обл. бюро ВЦСПС и сибпромбюро ВСНХ № 10—18 1-го октября 1922 г.

Какая радость для профработника раскрыть свой толстый журнал. И как он особенно необходим у нас в Сибири, при нашей распыленности, при нашей плохо налаженной связи с местами и мест между собой.

Профработа в обстановке НЭП необычайно усложнилась. Профработникам теперь часто очень трудно нащупать правильную линию поведения Интересы государства, интересы рабочих, интересы данного предприятия как все это тесно сплетается теперь, перепутывается.

Свой журнал должен во всем этом прийти на помощь профработнику.

Журнал „Профессиональное движение" до известной степени удачно справляется со своей задачей. Лучшим и наиболее ценным в нем нужно признать отдел по Сибири и по России. Богатая хроника профработы в Сибири и на Украине дает возможность сделать учет опыта в данной области в широком масштабе. Необходимо, конечно, рядом помещать статьи руководящего характера, статьи обобщающие сырую хронику, делающие конкретные выводы. К сожалению, с этим в журнале обстоит менее удовлетворительно. Большинство статей не глубоки, кратки, походят на газетные. Наиболее обильной конкретными положениями является ст. т. Красовицкого—„Итоги и выводы". Содержательна ст. т. Эйхлер „О содержании культурно-просветительной работы союзов". Жаль только что автор отложил до следующего номера более подробную разработку вопроса о методах культработы. Кроме того, об'явление двухнедельника союзной организации нам кажется не совсем удачным способом укрепления и развития профработы. По нашему мнению в профорганизациях нужна планомерная систематическая работа, ее постепенное углубление и расширение. А ударным толчком вряд ли многого достигнем. В общем же автору удалось в грубых чертах наметить содержание культработы.

В журнале кроме указанных отделов есть еще—„рабочая кооперация", „международное рабочее движение", „Эко-

номический отдел", "библиография", „официальный отдел".

В целом журнал интересен и каждому профработнику необходим.

В.

Сибирский медицинский журнал. Изд. томского губотд. Сибгосиздата и уч. мед. совета 1922. № 5—6 май—июнь.

Вышла из печати очередная книжка №№ 5—6 журнала „Сибирский медицинский журнал" за май—июнь 1922 г.

В этой книжке всего 60 страниц, но и в этих страницах есть что почитать и чем поинтересоваться.

Ярко просвечивает, как трудно журналу из-за материальных средств выходить в более обширном об'еме.

Одна научная статья врача П. С. Часовникова „К вопросу о механизме секреции в клетках покровного эпителия желудка у некоторых амфибий и млекопитающих" вышла авторефератом,— работа же с рисунками в подробном размере будет напечатана лишь в очередном томе известий томского университета.

Другая статья д-ра Каратыгина „К вопросу о сифилисе желудка" напечатана в сокращенном виде.

Все это лишний раз подчеркивает, как приходится редакции и издательству сокращаться и сокращаться, дабы не выходить из рамок скудного бюджета.

Статья д-ра Зимина есть ценное предложение для врачей, которым приходится изо-дня в день иметь дело с жалобами на понижение слуха. Обширная статья и очень ценная для интересующихся общественной медициной, с представленными сведениями статотдела сибздрава—„Организация лечебной помощи населению Сибири в 1921 г.". Очень желательно было бы иметь и видеть отчеты отдельных губздравов Сибири и лечебно-санитарных учреждений в отдельности, по которым можно было бы судить более подробно о действительной постановке лечебной помощи и их деятельности на местах.

Будем надеяться, что журнал окрепнет материально и тем даст возможность авторам более подробно останавливать свое внимание на вопросах научной и общественной медицины и врачебного быта.

Д. Ф.

Экономическая жизнь ДВР. Изд. Минархоза ДВР, журнал № 2. Июль 1922 г.

Первоначальное впечатление об „Экономической жизни ДВР", как журнале интересном и солидном вполне сохраняется и при чтении второго номера.

Журнал, видимо, растет, крепнет и привлекает к себе новые силы. Наблюдается продуманность в подборе материала, стремление широко поставить информацию, экономическую хронику.

В первых двух номерах по существу уже вырисовывается остов дальне-восточного хозяйства.

Статья В. Анисимова „Состояние производительных сил и перспективы экономического развития ДВР", на которой мы останавливались и в предшествующем отзыве, во втором номере завершает схематическое описание основных частей хозяйственной жизни ДВР, по выражению самого Анисимова „тех китов", на которых должна стоять новоявленная республика. В общем пути развития экономической жизни ДВР намечены вполне правильно: сельское хозяйство с уклоном к техническим культурам и животноводству, золотопромышленность, лесопромышленность, горное дело, рыбопромышленность. Киты эти далеко неравноценны и не все они могут держать землю дальне-восточной республики „великую и обильную". Обрабатывающую промышленность ДВР нельзя в серьез принимать во внимание, да и автор, вероятно, говорит о ней больше для красного словца. Приходится скинуть со счетов и рыбопромышленность, т. к. японская интервенция в корне разрушила этот промысел и нужны долгие годы для того, чтобы восстановить ее.

Горное дело по чисто внешним причинам в ближайшее время, очевидно, не сможет играть роль серьезного фактора в развитии хозяйства ДВР (это чувствует сам автор). Лесопромышленность это важный кит. Ей уделено много внимания на страницах „Экономической жизни ДВР". Лесов в ДВР много, расположены они по удобным речным бассейнам, дающим возможность направлять леса на заграничные рынки. В своих двух статьях О. Гордон подробно освещает вопрос о состоянии лесов в ДВР, о возможности их эксплуатации и сбыта. К сожалению, в распо-

ряжении О. Гордона очень мало проверенных статистических данных, благодаря чему статьи его теряют значительную часть научной ценности. Но все-же автор совершенно правильно ставит вопрос, что без значительной затраты капитала, рациональное использование лесов невозможно. Автор строит свои надежды на притоке иностранного капитала и предлагает правительству изыскать способы привлечения его в лесопромышленность. Мы не разделяем надежд автора на „американского дядюшку" и не думаем, что иностранный капитал будет принимать участие в восстановлении русского хозяйства. Мы не думаем также, чтобы лесной рынок по крайней мере, в ближайшее время был особенно емким. Благодаря беспрерывным войнам основной капитал не растет и спрос на лесные материалы понизился.

Ближайший к ДВР китайский лесной рынок, по всем вероятиям, будет закрыт, вследствие все более развивающейся внутренней борьбы за национальное об'единение Китая.

Таким образом, хотя лесопромышленность и будет иметь крупное значение, но только в более отдаленном будущем, а в настоящее время остается золотопромышленность и сельское хозяйство. Последнему следует, по нашему мнению, отдать несравненное предпочтение, ведь золотопромышленность не является основным стержнем хозяйственной жизни ДВР, а таким было, есть и будет сельское хозяйство.

В „Экономической жизни ДВР" сельско хозяйственному вопросу посвящена интересная во всех отношениях статья Ю. М. Полляка. Автор с обильным статистическим материалом рисует подробную картину эволюции сельско-хозяйственных форм как полеводстве, так и в скотоводстве причем эволюцию эту он наблюдает в отдельности для западной части ДВР, где сельское хозяйство приняло более или менее застывшую форму и восточной, еще открытой для колонизационных волн. Автор вполне правильно намечает формы полеводства в пределах ДВР:

1) экстенсивно-пастбищную, 2) залежную, 3) залежно-паровую, 4) паровую и в скотоводстве—1) кочевую, 2) заимочную, 3) современно-крестьянскую с подробным выяснением количества скота, его качества, кормления и пр. Здесь мы приобретаем, несомненно, ценные сведения. Формы сельского хозяйства, обрисованные автором, являются в высшей мере экстенсивными. Мы стоим перед фактом сельско-хозяйственного кризиса Дальнего Востока. Впрочем это явление не частного характера, а общее для всей России. Изжить сельско-хозяйственный кризис, перейти к новым формам, является основной задачей для ДВР также, как и для Р. С. Ф. С. Р.

Искать выхода из создавшегося тупика в обрабатывающей и добывающей промышленности, как это пытается делать М. Колобов в своей статье „Экономические перспективы ДВР" не приходится. Констатируя факт назревающего сельско-хозяйственного кризиса и отсутствие капитала в пределах ДВР М. Колобов видит выход из современного экономического тупика в развитии кустарных промыслов. Автор вспомнил, что у нас не было ремесленно-городского хозяйства, как стадии, предшествующей развитию капитализма. Ему хочется восполнить этот пробел нашей истории и повести нас „чумазых" к экономическому развитию по правилам политической экономии. Только этим страстным желанием автора, можно об'яснить выдвигание кустарных промыслов в качестве стержня хозяйственной жизни ДВР. Мы так же являемся сторонниками кустарных промыслов, но не до бесчувствия. А все-таки где же выход? Выход в единстве хозяйственного плана Р. С. Ф. С. Р. Территория дальнего востока являлась и является колонией, как и вся территория Сибири.

Участь колонии быть сырьевой базой —на это необходимо и строиться. Мы признаем экономические особенности ДВР, но эти особенности свойственны всей Сибири. Отдельно, изолированно ДВР не построит ни своего хозяйства, ни своей государственности. В этом нас особенно убеждает статья Маслова младшего, с обзором внешней торговли по границам ДВР. Увлечение самостийностью ДВР с нашей точки зрения вредное увлечение. Оно распыляет хозяйственные культурные силы и подставляет наш расстроенный организм под удары европейских и азиатских империалистов. Как на характерное увле-

чение „самистойностью" следует обратить внимание на стремление ДВР создать свое собственное высшее агрономическое учебное заведение. Мы знаем, что от этого опыта больших результатов не получится: профессорского кадра мы не наберем и было бы величайшим достижением укрепить на всю Сибирь высшее Агрономическое учебное заведение, а не распылять сил и не привлекать к себе „варягов", спекулирующих на научных знаниях.

Г. Ч.

П. Д. Лежнин. Дальний Восток. Богатства Приамурья и Забайкалья. Чита, 1922 г. Издание наследников А. Х. Новомейского, стр. 355.

Мы вообще не можем похвастаться обилием литературы о Дальнем Востоке. За исключением немногих солидных трудов (многотомное издание 1898 г.— „Труды высочайше утвержденной под председательством статс-секретаря Куломзина комиссии для исследования землевладения и землепользования в Забайкальской области", три тома «Дальний Восток» (1911 г.), известные „Труды Амурской экспедиции" в 17 вып. (1911—13 г.), „Приамурье" Труды общеземской организации (1909 г.) и некоторые другие, к тому-же устаревшие, и нескольких журнальных статей и специальных работ по отдельным вопросам края в новейшее время, Дальне Восточная экономическая мысль в общем немного дала. Именно по этой причине книга П. Лежнина вызывает большой интерес. Она писалась в течение 21—22 года. Стало быть, она заполняет пустое пространство, образовавшееся в период 1914—1921 годов.

Книга распадается на 6 частей, кроме кратких приложений о „Японии" (1—46 стр.), „Горной промышленности Китая" (1—6 стр.), „Земледелии в северной Маньчжурии (1—5 стр.), „Мясном рынке Дальнего Востока" (1—9 стр.), а также различных таблиц. По размеру соотношение частей неодинаковое. Первая часть—„Краткий исторический очерк" —содержит всего только $2^1/_2$ страницы. Вторая—„Население„—занимает 21 стр. Третья—основная часть, трактующая о земледелии, включает 34—123 стр., четвертая глава—„Природные богатства края"—имеет наибольший размер (124—235 стр.), пятая о путях сообщения—236 281, и, наконец, шестая—„Торговля" занимает 281—314 стр. Упомянем еще об „общем заключении" в об'еме 40 стр.

Но в содержании автор далеко не заполняет экономического провала периода 14—21 годов. Он обильно снабжает нас давно известными данными о прошлом дальне восточной экономики, но очень скуп в сообщении сведений нового и особенно новейшего времени. По этой причине, непрерывной динамики хозяйства в прошлом и в последующее время 14—21 года, и особенно статистики настоящего времени книга не дает. В этом самый крупный дефект разбираемой книги. Но все-же кое-что она дает, и в силу несомненного интереса, вызываемого разбросанными в разных местах книги данными, мы приведем их, об'единив в одно целое. Мы остановимся только на тех отраслях хозяйства, продукция которых играла видную роль в экономике края. Начнем с сельского хозяйства.

К сожалению, автор не приводит новейших данных о посевной площади в Амурской и Приморской областях и о скотоводстве в последней и во всем Забайкалье. Но даже и данные им неполные (почему автор не считал нужным обогатить читателя новыми данными, а в изобилии услащает главу о земледелии старыми,—одному Аллаху известно) сведения ярко рисуют положение. В Амурской области сравнительно с 13 годом посевная площадь 19 года сократилась больше, чем на 15 проц. Несомненно, что в 20 и 21 году она должна была в силу особенно неблагоприятных условий более резко сократиться. В этом убеждает Забайкальская область, находившаяся в одинаковых условиях с Амурской, и уменьшившая площадь под культурами на 43,7 проц. в 1921 году. Сократилось еще более резко и скотоводство: в Амурской области на 48 проц., и в двух аймаках, Забайкальской области на 63 проц.

Не задерживаясь на сельском хозяйстве, обратимся к доминирующей отрасли в крае—золотопромышленности. Она в довоенное время приносила $^1/_3$ всего добываемого в России золота.

Видно у с к о р е н н о е падение добычи—с 1910 года по 1915 г. она уменьшилась почти в 4 раза: в 1910 г.

—793 п., в 1915 г.—234 п. К сожалению, автор не сообщает и здесь новейших данных. Об'ясняется ли это отсутствием отчета горного управления или полным бездействием приисков,—автор не поясняет. Мы склонны думать, что автор просто не использовал имеющихся материалов—в этом нас убеждает вышедшая в 22 году книга „Горная промышленность Д.-В. Республики", в которой приводятся сведения о золотопромышленности в Уссурийском горном округе включительно по 1919 год. Отсутствие данных послевоенного времени о важнейшей отрасли хозяйства нужно считать серьезным дефектом. Читатель, по прочтении главы „о золоте", в конце концов не знает основного: эксплоатируются ли в последние годы прииска, о которых трактует автор, или бездействуют

От „благородной" промышленности обратимся к черному „золоту", занимающему по масштабу промышленной эксплоатации виднейшее место в крае, главным образом, в Уссурийском горном округе (Приморье) и Забайкальской области.

В 1912 году в Уссурийском горном округе угля добыто в пудах—22586344, в 1917 году—37262395 и в 1920 году—29154930.

До 1917 года угольная добыча систематически поднимается: в Забайкальской области—до 1914 ежегодно добывалось 9—10 миллионов пудов; в 1917 г.—42890508 и в 1921 г.—16795183 пуда с 1917 года начинается процесс понижения, достигая максимума в Забайкальской области, именно 38 проц. против добычи 1917 года.

После добывающей промышленности (золота и угля) главную роль в экономике Дальнего Востока играет рыбная и пушная отрасли хозяйства. В конвенционных водах (по Симоносекскому договору 1917 г. Россия предоставила японцам равное с русскими право участия на рыбных торгах на всем морском побережьи, за исключением 34 бухт и рек) русское промышленное влияние было очень слабое. Но все-же русским рыбопромышленникам принадлежало, например, в Восточно-Камчатском районе из 69 участков—15. Автор ограничивается данными 1914 года о рыбопромышленности в конвенционных водах, и читатель по такому серьезному предмету остается в совершенном неведении о последних годах. Но там, где автор не скупится сообщением новейших данных, состояние этой отрасли поистине неприглядное.

С 1915 года рыбный промысел (исключение—1918 г.) начинает падать, достигая в 1919 г. шести с лишним процентов улова 1910 года. Но что особенно тяжело для богатейшей Николаевской рыбопромышленности—это разрушение рыбалок. По словам автора, во время Николаевских событий погибло построек и сооружений на сумму в 1450000 золотых рублей.

Дальний Восток—единственный поставщик морских зверей—бобра и котика. За 36 лет—с 1870 года по 1902 год—добыто было 3766 бобров. С каждым годом бобровый промысел катастрофически падает. В 1903 г. добыча равнялась—250, в 1905—157, в 1916—31 и в 1918 г.—24. Не менее критическое положение с котиковым промыслом. Падение добычи его ускоряется, что естественно ведет к совершенному разрушению промысла. В 1911 году была установлена охрана котиковых летбищ и совершенно воспрещена охота на бобров. Но „последние события на Дальнем Востоке, говорит автор, создали расстройство охраны летбищ, что грозит тяжелыми последствиями ввиду возможности поголовного истребления бобров и котиков, и если обстановка не изменится, то мы будем в ближайшие годы свидетелями полного исчезновения этих ценных зверей на территории русского Дальнего Востока".

Не останавливаясь подробно на пушном промысле в лесах, мы только отметим, что данные автора о промысловой добыче в Амурской области ограничиваются 1912 годом, в Забайкальской—14 г., в Приморской—15 г. и на Сахалине—14 годом. По Якутской области автор приводит данные включительно до 1917 года. Из них усматривается падение добычи соболя с 4000 в 1901 г. до 16 в 1911 г. (в 1913 г. охота на него запрещена), колонка, почти исчезновение куницы, чернобурой лисицы и т. д.

Этими главнейшими отраслями исчерпывается хозяйство края, и таково состояние его по весьма неполным данным разбираемой книги. Однако, автор останавливается не только на об'ектах,

к которым прилагались труд и капитал с промышленной целью. Его не меньше занимают природные богатства, которыми изобилует край и которые либо чрезвычайно слабо эксплоатировались, либо ждут еще хозяйственного оплодотворения. Наконец, он не довольствуется простым описанием имеющихся в потенции хозяйственных ценностей, а делает широкий прогноз экономическому будущему края и предлагает ряд основных мер по экономической политике. Размеры нашей заметки не позволяют подробно остановиться на всех естественных богатствах, путях сообщения, минеральных источниках, внешней и внутренней торговле, в той или иной степени освещаемых автором. Но, мы не можем пройти мимо двух об'ектов, имеющих несомненно большое значение для будущего края—мы говорим о лесе и железе. Приведя общеизвестные цифры о лесных богатствах Дальнего Востока, выражающихся в 116 мил. десятин и ничтожный доход, составляющий лишь одну копейку с десятины, автор задается вопросом о „загадке" такого странного положения. Эту „загадку" (заметим, давно открытую солидными исследователями края) он находит вполне правильно в том, что во 1) леса почти не изучены и не обставлены хозяйственно, во 2) отсутствуют дороги, в силу чего рубка строевого леса далее 6 верст, а дровяного—2 в. от сплавной реки считается невыгодной и в 3) что край редко заселен и в связи с этим рабочая сила чрезвычайно дорого обходится. Но раскрывая загадку, автор вместе с тем дает и разрешение ее. „Единственным выходом, говорит он, из создавшегося положения является привлечение иностранных капиталов в край". И дальше он описывает условия, между иностранным капиталом—концессионером, и государством—концедентом и рисует заманчивые перспективы создания большой лесной экспортной промышленности. Нужно вообще сказать, что автор на всем протяжении своей работы видит лишь в одном спасение народного хозяйства края—в концессионном капитале. Но как его получить,—это-уж дело веры автора и, пожалуй, тайна его. А пока остановимся на втором об'екте—железе. По вычислениям автора, запасы железных руд составляют 900.000.000 пудов. Но „дальнейшее изучение края, говорит он, без сомнения откроет вдвое, втрое большее количество запасов железа". И поэтому он приходит к выводу, что металлургическая промышленность имеет также большие данные для своего развития в виду сравнительно больших для края запасов железной руды, угля и флюса, которые дадут возможность обеспечить железными продуктами и изделиями из него весь русский Дальний Восток и среднюю Сибирь и часть Маньчжурии. Мы полагаем, что автор несомненно увлекается в этом вопросе. Такие авторитетные исследователи, как инж. Анерт (см. „Настольный календарь-справочник по Дальнему Востоку на 1919 г.") и инж. Полевой (см. „Журналы заседаний технического совета и т. д."), исчисляют круглую цифру запасов в 240 миллионов пудов. И эти знатоки горного края говорят лишь о возможности создания местной железной промышленности. А вот автор, забывая о собственных железных руках средней Сибири и соседстве Урала, мечтает уже снабжать первую дальне-восточным железом. И, наконец, как согласовать с этим выводом утверждение самого П. Лежнина на 300-й странице, что японцы готовят на Китайской территории базу для снабжения Дальнего Востока железом, и борьба с ними будет „слишком тяжелой ввиду лучших естественных условий в Маньчжурии". Не серьезнее-ли будет стоять ногами на земле, быть реальным в достижениях, чем парить в небесах, хотя и с большими планами..

Мы думаем, что автор безусловно прав, когда говорит, что Дальний Восток—это будущая страна горно-добывающей заводской и обрабатывающей промышленности, а не сельского хозяйства. Амурская область, на которую раньше сосредоточили все надежды, как на колонизационную территорию с.-хозяйственного значения, в сущности исчерпала уже земледельческие возможности. И при всем развитии полеводства за последние годы (15—16—17), она все-же не могла удовлетворять потребности Приморья и Забайкалья, нуждавшихся ежегодно в общем от 9—11 мил. пудов хлеба, ввозившегося из Маньчжурии. Кроме того, Амурская область в силу худших естественно-исторических

условий сравнительно с Маньчжурией дает более слабую урожайность „сам 5" против „сам 16" в Маньчжурии и дорогую стоимость продукции и, стало быть, выдерживать конкуренцию ее не в состоянии. По этим соображениям, и наличию обильнейших богатств леса, зверья, золота, рыбы и многочисленных ископаемых—Дальний Восток ждет несомненное промышленное будущее. И автор стоит на правильном пути, когда говорит: „Необходимо исходить из того положения, что вся будущность в ближайшее время—в добывающей промышленности, и о земледелии в будущем приходится говорить „по стольку-поскольку". „Следует подчеркнуть, что П. Лежнин не является отнюдь Колумбом в этом вопросе. До него еще ряд солидных экономистов, и в частности авторы ценного труда „Приамурье". „Труды общеземской организации" высказывают тождественные обоснованные взгляды на промышленное будущее края. В соответствии с таким прогнозом П. Лежнин проэктирует мероприятия экономической политики, сводящиеся, главным образом, к построению основных магистралей, как, например, дорогу, соединяющую Благовещенск с Николаевском на Амуре (470 в.), Джалинда-Рейново (на Амуре)—ст. Рухлово Амурской ж. д.—гор. Якутск, Хабаровск—Императорская гавань, Верхнеудинск—Кяхта, Северо Байкальский путь (ст. Тулун сиб. жел. дор. до Усть Кут), а также к промышленной колонизации края, к созданию „рабочего-землероба" по терминологии П. Лежнина. Мы не имеем возможности останавливаться на этих мероприятиях. Скажем только, что сам автор предвидит возражение против предлагаемого им плана промышленного заселения, не имеющего под собою подкрепленного знанием местности основания. Парирование автора, что в „неизученном крае невозможно все обосновать цифрами до точности" или что „все авторитеты до сих пор действовали так в учете колонизационного фонда"—не убедительно. Ведь П. Лежнин сам осмеивает „прожекты" Шумана, вскочившего когда-то Петрограду в „копеечку", благодаря именно неизученности края. Мы думаем, что изучение необходимо, и на его основе должна быть построена колонизационная политика, но никак не в слепую. Однако все мероприятия, как и возможность восстановления и развития народного хозяйства края, автор мыслит лишь исключительно путем привлечения иностранного капитала в концессионной форме. Нет сомнения, что Дальний Восток, как и вся Россия, нуждается в притоке кислорода, каковым является иностранный капитал. Но, с другой стороны, не обязательна *во что-бы то ни стало* (как полагает автор) только концессионная форма его (возможны смешанные общества с участием государства и т. д.). Затем, не является *безусловно необходимым* привлечение иностранного капитала во *все* отрасли хозяйства. В третьих, возможна организация, пусть в небольших размерах, собственными силами отдельных отраслей промышленности (например, в той же хотя бы золото промышленности, рыбопромышленности). Конечно, все это медленно, очень медленно будет подвигаться. Не даст быстрых и больших эффектов. Но... все-же лучше, чем ничего неделание. Ибо „единственная надежда на экономическое возрождение края", которое „мыслимо *только* чрез крупных иностранных капиталистов" в сущности означает „сложение рук на пустой груди". А что если не придут иностранцы? Развал и смерть? Автор не ставит этого вопроса, который логически вытекает из всей совокупности его рассуждений. Заканчивая на этом разбор книги, по существу, мы вкратце, помимо уже указанных недостатков, отметим еще следующее. Прежде всего, необходимо подчеркнуть *отсутствие* специальной главы об „обрабатывающей промышленности" в крае. Как она ни мала, все-же она существует, и автору в его книге, трактующей обо всем хозяйстве края, необходимо было эту главу ввести. Иначе, создается впечатление неполноты, чего-то незаконченного. Дальше, как мы уже указывали, нет систематизированных полных данных за годы революции и гражданской войны. Это существенно необходимо для связи настоящего с прошлым хозяйства. В тексте очень часто встречается простая неясность изложения. Приведем один из многих примеров „*отведенные* в порядке правил 26 марта 1861 года (старожилы) и закона 8 июня 1901 года (новоселы), *пришед-*

шие ранее *заняли* все лучшие земли и *вновь пришедшие переселенцы, число которых возросло* именно после 1901 года (достигнув в 1907 году своего максимума, когда прибыло в Приамурье 73000 переселенцев, из которых водворилось 50000 обоего пола), *что видно* из следующей таблицы числа водворенных душ в Приморском районе *по годам, где перелом* к уменьшению совпадает только с началом мировой войны (стр. 108)". Приведенная довольно длинная выдержка оставляет впечатление набора слов, не построенных по законам грамматики в правильное предложение. Такие непонятные фразы можно найти на 101,169 и др. страницах. Очень серьезным дефектом является постоянная повторяемость одних и тех-же сведений и данных в различных местах книги, часто искусственно пристегиваемых к той или иной главе. Искусственным и мало связанным с ходом суждений и мыслей в тексте являются табличные данные в главах о населении и земледелии. Вообще чувствуется большая спешность в работе, отсутствие внимательной и тщательной обработки и компановки материала. Совершенно ненужным, излишним, затрудняющим усвоение материала, является присутствие в тексте громоздких таблиц на нескольких страницах, списков и т. п. Так, например, на 11 страницах (218—229) помещен „список минеральных источников Забайкалья". Кому он нужен в тексте? Ему место, как и другим громоздким данным, в приложениях. Отметим, наконец, еще один весьма существенный недостаток—это поспешность, большое увлечение и подчас противоречивость автора в выводах. Мы уже это отметили в вопросе о железной промышленности. Приведем еще один пример (их можно было-бы умножить). На 184 стр. автор говорит: „Если другие богатства края не эксплоатируются, если в других отраслях промышленности еще только раскачиваются, то рыбопромышленность *можно считать почти достигшей своего предела*". (Курсив наш П. Д.). А на стр. 194—195 мы читаем: „Таким образом, мы видим, что *дело рыбопромышленности только что зарождается*, но наличие рыбных богатств уже толкает промышленность увеличивающуюся с каждым годом и т. д." (Курсив наш П. Д. см. также 188—189, 193, 203 и т. д.). Заканчивая нашу рецензию, мы должны об'яснить ее несколько разросшийся размер во 1) тем, что в книге приведены новейшие данные по различным сторонам народного хозяйства края, представляющие большой интерес и неизвестные не только широкому кругу читателей, но даже специальному, и во 2) тем, что, останавливаясь подробно на недостатках книги, мы хотели обратить на них внимание автора, думающего переработать настоящее издание. Мы льстим себя надеждой, что в следующем издании этих дефектов не будет, и книга несомненно внесет в литературу о Дальнем Востоке много новых и свежих данных.

П. Дербер.

Проф П. П. Маслов. Наука о народном хозяйстве вып. II 1922 г. Издание Иркутского отделения госиздата.

Настоящий выпуск „Наука о народном хозяйстве" включает в себя отделы: пятый—общественные классы и распределение (продолжение) заработной платы; шестой—прибыль в социальная проблема; седьмой—земельная рента и восьмой—мировое хозяйство.

Книга эта, как указывает автор, составилась путем механического соединения целого ряда глав из предшествующих работ проф. Маслова. Так, главы XX—XLI, заканчивающие пятый отдел „Науки о народном хозяйстве", перепечатаны в том виде, в каком они имеются в другой книге проф. Маслова—„Капитализм" ч. I. Наемный труд и капитал (СПБ 1919). Главы XLI—LIII, составляющие шестой отдел книги, ранее вошли в более полном виде в книгу „Мировая социальная проблема" (Чита 1921 г.), а последняя LIV глава этого отдела является сокращением брошюры „Кооперация и народное хозяйство". Отдел седьмой (Главы LV—LIX) является простой перепечаткой главы VI первого тома книги „Аграрный вопрос" (4 изд. СПБ 1908); главы LX—LXI, составляющие восьмой отдел, являются перепечаткой заключительных глав „Теории развития народного хозяйства" (СПБ 1910).

Мы видим, таким образом, что в данной книге не приходится искать чего либо нового; все, что в ней есть, уже из-

вестно читателям из предшествующих работ проф. Маслова и в свое время получило оценку по существу.

Настоящее издание, очевидно, преследует цель популяризации экономических знаний в массе русской, преимущественно сибирской, публики. С этой стороны книжка представляет собой большой интерес, так как при всем современном под'еме интереса к экономической науке—у нас мало удовлетворительных работ, отвечающих задачам популяризации. Простым и ясным языком здесь излагаются наиболее существенные моменты науки о народном хозяйстве. Интерес читателя поддерживается оригинальной постановкой целого ряда вопросов экономики

Происхождение книжки не могло, разумеется, не отразиться на ней. Механическое соединение написанных в разное время, при различной обстановке и при различных условиях глав,—дает себя чувствовать. Часть их взята из фундаментальных научных трудов (аграрный вопрос, теория развития народного хозяйства), часть из полемической книжки „Мировая социальная проблема", часть из популярной брошюры „Кооперация и нар дное хозяйство". Не удивительно, что изложение носит несколько разнородный характер. Об'единенные одним заглавием, отдельные части книги кажутся отдельными лоскутками, слитыми, правда, весьма искусстно. Но шов кой где все таки, обнаруживается.

А. С.

И. Майский Советская Россия и капиталистический мир (Гаагская конференция) 1922. Изд. „Красная Новь".

Главполитпросветом издана небольшая работа И. Майского. имеющая своим предметом изложение событий, предшествовавших созыву Гаагской конференции и передачу хода работ самой конференции.

Вся работа делится автором на 5 глав: 1. Буржуазный мир и Советская Россия (стр. 3—9), 2. Генуэзская конференция (стр. 10—22), 3. Перед Гаагой (стр. 22—30), 4. Гаагская конференция (стр. 31—50) и 5. Ближайшие перспективы (стр. 51—53).

Таким образом большая часть работ посвящена автором изложению обстоятельств, предшествовавших созыву Гаагской конференции и лишь 19 страничек отведены для изложения непосредственных работ Гаагской конференции.

Переходя к рассмотрению существа работы И. Майского надо сказать, что она представляет в сжатой форме изложение общеизвестных из газет фактов и обстоятельств как о Генуэзской, так и Гаагской конференциях. Ничего нового как в освещение фактов, так и оценку, событий автор не вносит. Им повторяются ходячие положения, которые в данное время получают несколько иное освещение. Так, говоря об экономическом положении Сев. Америк. Соедин. Штатов Майский говорит, что наступивший кризис ими переносится сравнительно легко „благодаря накопленному во время войны капиталу, финансовых затруднечий они не испытывают и могут терпеливо ждать оплаты по долгам, которые сделала у них Европа".

Вышедшая недавно работа германского экономиста М. Шиппель „Америка и восстановление Европы" устанавливает, что „американский плательщик чувствует себя столь же удрученным, как и европейский. Предприниматели горько жалуются на невыносимость налогов на военную прибыль и на повышение доходного и транспортного налогов и их уничтожающее влияние на капитал. Народные массы противятся одностороннему повышению налогов на предметы потребления".

В связи с этим уклонению Сев. Амер Штатов от участия в делах Европы возможно дать несколько иное об'яснение чем, это обычно дается.

Изложение И. Майского весьма простое, доступное по легкости языка всем широким кругам читателей.

Между прочим, как на весьма характерный момент отрицательного свойства данной работы необходимо указать на то, что И. Майский, исследуя вопрос о факторах, приведших буржуазию Зап. Европы к выводу о необходимости созыва конференций в Генуе и Гааге,—совершенно не обследовал и не очертил роль в этом деле западно-европейского пролетариата, его давление на правительства государств Зап. Европы в целях побуждения их вступить в оффициальные сношения с Советской Россией.

Данный пробел несомненно весьма существенен, т. к. правительства государств Зап. Европы пришли к неприемлемому для них решению о вступлении в разговоры с Советской Россией в значительной мере после весьма внушительного нажима, произведенного на них пролетариатом Зап. Европы.

Равным образом, едва-ли возможно согласиться с выводом автора, что „Генуя и Гаага являются лишь небольшими эпизодами в истории взаимоотношений между Советской Россией и капиталистическими державами, и было бы ошибкой преувеличивать их значение".

Надо думать, что весь этот вывод И. Майского является ошибочным, ибо значение конференций преуменьшать не приходится. Они ясно и определенно показали государствам Зап. Европы, что они должны считаться с существованием Советской России, как с вполне определенным фактом и принимать ее такой и в тех формах, какие она имеет в настоящее время.

Ш. А.

Проф. А. Б. Гребенщиков. Конфуцианство и лига народов Сибирский научный кружок имени Г. Н. Потанина. Томск. 22 г.

Неожиданность комбинации заголовка невольно заинтересовывает. К тому же автор профессор, и грешно пропустить случай поучиться уму разуму... и в самом деле, как же политику думать о правильном разрешении социальных проблем современности без того, чтобы не знать назубок того, что писал Конфуций, сидя 26 веков тому назад за великой Китайской стеной.

Автор прямо это не говорит, но вывод напрашивается сам собою. Ведь оттого у всяких неучей и идет все вкривь да вкось, когда они толкуют об интернационале, что они до сих пор не постарались рассмотреть в туманной дали седой древности ключ к разрешению вопросов близкого и далекого будущего всего человечества.

„С изучением цивилизации Китая нам, европейцам, вполне вероятно еще не раз может представиться случай уменьшить наше самомнение относительно превосходства постановки философских и социальных проблем".

Автор подтверждает этим самым ту истину, что гордость и самомнение и были теми пороками, которые закрыли падшему ангелу доступ в горнюю обитель вечного мира и блаженства.

Но, всетаки, в чем тут дело? О каком интернационале идет речь и причем тут лига народов?

Подкрепившись историко теоретическими предпосылками великого Конфуция, профессор заявляет, что „тяжелое время гигантской борьбы в Европе явилось причиной *фактического заключения союзными державами всемирного союза* и до последнего времени казалось, что *их победа расширит границы этого об'единения по организации всемирного правительства для обеспечения постоянного мира*".

А перед этим профессор утверждает, что „*идеалы братства народов и ближайшее осуществление их—лига народов*".

И для нас программа становится сразу ясной. Но какой тяжелый профессорский вздох слышится за его „последнее время казалось".

И вот для того, чтобы еще раз протащить контрабандой всю гнилую рухлядь предреволюционных чаяний буржуазных миротворцев-колонизаторов, профессору понадобилось вызвать тень, ко времени и месту действительного великого Конфуция, и вложить в уста его последователей 24 параграфа программы, подражавшей если не букве, то духу недоноска буржуазного „миролюбия"—лиги народов.

Неудачная гримировка автора „под китайца" приводит просто к удивительным, чтобы не сказать больше, утверждениям.

Но еще более удивительно то, что русский профессор, очевидец империалистической войны, русской революции и гражданской войны, продолжает по детски лепетать:

„В целях самозащиты для каждой нации устанавливается предел вооруженных сил. Вообще (?) вооружение должно быть сокращено"...

Это „вообще" прямо таки великолепно.

„Все военное снаряжение той или иной нации должно быть зарегистрировано и не подлежит увеличению"...

Приписать столь чудодейственную силу простой регистрации—может только по детски рассуждающий профессор, пропустивший мимо своих ушей пятилетнюю блокаду, интервенцию, общий вопль Генуи против каких-бы то ни было попы-

ток разоружения, выбросивший из своей памяти целый десяток лет...

Почтенный профессор стремительно молодеет (ах, уж этот Штейнах!) и немного дальше самоуверенно выпаливает, что „конфуцианские идеи находят безграничное сочувствие широких народных масс, *торговых* (?) интеллигентских и *правящих* кругов". А двумя строчками выше—поясняется, что в учении Конфуция идея *национализации земельной собственности и промышленности* занимает видное место".

Когда купцы и промышленники изъявляли желание национализировать свои предприятия—секрет проф. Гребенщикова.

Для чего понадобилось научному кружку (да еще имени Г. Н. Потанина) пускать в глаза читателя тысячелетнюю пыль китайских манускриптов и издавать такие, по меньшей мере, странные брошюры—неизвестно.

Разве только хотелось заявить миру о своем существовании?

А. и Б.

„Известия" Южно-Уссурийского отделения Приамурского отдела Русского Географического Общества. Выпуски 1, 2, 3 и 4. Никольск-Уссурийский 1922 г.

Южно Уссурийское отделение—одно из наиболее молодых по времени ответвлений Русского Географического Общества. Учрежденное в 1916 году, оно только теперь получило возможность приступить к печатанию своего официального периодического органа. На-днях в наше распоряжение поступили четыре выпуска „Известий" и 1 й номер „Записок" отделения. „Известия" содержат ряд статей и заметок преимущественно информационного характера и представляют большой интерес, так как в них отразились некоторые моменты из культурной работы, протекающей в этом отдаленном от нас крае. Деятельность Ю.-Уссур. Отделения может служить прекрасным возбуждающим примером для многих отделов Р. Г. О. в Сибири, которые за последние годы или весьма сузили размах своей работы или совершенно замерли.

Ю.-У. отделение за пять лет своего существования только дважды воспользовалось правительственной субсидией, всего на 800 золотых рублей. Естественно, что этой суммы было недостаточно для покрытия расходов развивающегося общества, и последнее вскоре по своем возникновении мало по малу организовало собственное доходное хозяйство. Сначала было создано садоводство, при котором не только развернулось позже семенное хозяйство и огородничество, а затем с 1918 года была организована мастерская учебных пособий с несколькими отделениями по специальностям.

Начата организация новой отрасли доходного хозяйства—шелководства, которое намечается развернуть в надлежащих размерах с 1923 года. В 1920 году заложен питомник тутовых деревьев, высаженных в количестве до 12000 шт. Тутовые саженцы предполагается распределять также среди местного населения и в школах, в целях образования новых шелководческих хозяйств. Таким образом, молодое научное общество воскрешает в крае старинный, давно угаснувший промысел. Археологические раскопки, произведенные председателем отделения А. З. Федоровым в окрестностях Никольска Уссурийска, установили факт занятия шелководством среди аборигенов края, населявших его около XII века нашей эры.

С 1919 года отделение приступило к изданию справочных гербариев и научно-популярной литературы о крае. Мы получили гербарий уссурийских медоносов, вып. 1-й; это, поистине, роскошное издание с прекрасно выбранными об'ектами, при чем для каждого вида приложен подробный печатный об'яснительный текст. В создании ботанических справочников этого типа работают Е. Н. Клобукова-Алисова, д р А. Мюльдорф и Т. П. Гордеев. Энтомолог А. И. Куренцов выпускает пособия, относящиеся к фауне чешуекрылых края; ему же принадлежит систематический список бабочек (254 вида) из окр. Ник. Уссурийска, составляющий содержание выпуска 1-го „Записок" отделения.

Из наглядных учебных пособий, изготовляемых в мастерских общества, останавливают на себе внимание „Типы народов"—барельефы из папье маше, в $^3/_4$—$^7/_8$ натуральной величины, работы художника Сечи Бела. Из 33 х барельефов 24 принадлежат воспроизведениям типов инородцев Сибири, Туркестана и Дальнего Востока.

Редакционно-издательская часть отделения выпускает издания по различным вопросам местного краеведения, предназначенные для распространения в широких массах. Ею же недавно издана „Инструкция для устройства горных лесов", составленная специалистами лесоводами. Книжка, свыше 200 страниц. издана в карманном формате и заключена в коленкоровый переплет.

Из недавних научных работ отделения отметим Сучанскую ботаническую экспедицию 1921 года и геологические исследования окрестностей Никольска-Уссурийска.

В апреле текущего года Отделение, совместно с обществом изучения Амурского края, организовало 1-й в области с'езд по изучению Уссурийского края в естественно - историческом отношении. С'езд, на котором было заслушано до 90 докладов прошел с большим оживлением и несомненно, явится крупным фактором в координации ученых сил и дальнейшего правильного направления ученно-исследовательской работы на русском Дальнем Востоке.

Не забывает общество и своих выбывших из строя деятелей. Так им в этом году была организована посмертная выставка произведений В. Г. Шешунова, талантливого художника, прозванного „певцом уссурийской природы в красках" К выставке был издан каталог картин, этюдов и рисунков Шешунова (1866—1921), снабженный биографическим очерком покойного.

Таковы, вкратце, итоги деятельности Никольско-Уссурийского отделеная. Принимая во внимание условия тревожной и бурной жизни Приморского края, нельзя не признать, что небольшее по числу членов (ныне около 40) Общество сделало достаточно много.

В заключение отметим, что издания отделения с внешней стороны выглядят весьма приятно (хорошая плотная бумага, четкая печать, удобный для глаз шрифт, тщательная корректура). Книги отпечатаны с соблюдением правил новой орфографии, принятой в Советской России.

Проф. П. Драверт.

„Советская Жизнь", двухнедельные известия Новониколаевского губисполкома и губсэс №№ 1—2, 3, 4 и 5. Новониколаевск 1922 г.

Новониколаевский губисполком с 10 мая стал выпускать свой журнал, заголовок которого выписан выше. До настоящего времени вышло 5 №№,—последний 15 июля. В статьях первого номера: „От редакции" и „Наши задачи" В. Косарева указано, что журнал будет знакомить с хозяйственным строительством губернии, путем гласного обсуждения выявлять больные вопросы и согласовать деятельность губернских учреждений.

И вот теперь из этих скромных желаний вырос небольшой, но серьезный и дельный журнал, в котором все чаще и чаще помещаются серьезные статистико-экономические с т а т ь и, являющиеся ценным материалом при изучении Новониколаевской губернии.

Состоянию сельского хозяйства в губернии посвящено две статьи. С. Г-ль в № 3 в статье „Группировка крестьянских хозяйств в Новониколаевской губернии" дает группировку по посеву в Каинском, Каменском и Новониколаевском уездах и выявляет, путем сравнения 1920 г. с 1921 г. направления, в которых протекают процессы разложения различных деревенских групп. Заключительный вывод автора: „Общий характер происшедших изменений в деревне-среднее уменьшение нисшей посевной группы и очень сильное сокращение высших посевных групп-многопосевных. Произошло измельчание хозяйств в посеве, что, конечно, весьма вредно отразится на наших продовольственных ресурсах. И. В. Яровой в № 4 журнала дал статью: „Состояние сельского хозяйства в Невониколаевской г у б е р." которая по обоснованности и убедительности статистических выкладок является лучшей статьей среди напечатанных до сих пор. Автор обильно снабдил ее статистическими таблицами. Рассмотрев основные элементы сельского хозяйства в губернии (население, скот, посев и инвентарь на основании переписей 1917 и 1920 г. и данных за 1921 г.), он приходит к выводам, краткое содержание которых следующее: благодаря убыли мужского населеняя в губернии понизился качественно состав рабочей силы; увеличилось число безлошадных и безкоровных хозяйств; уменьшилось число голов скота и качественный состав стад губер-

нии изменился в худшую сторону; посевная площадь уменьшилась на 50 проц. по сравнению с 1920 г., произошли изменения в пропорции культур, сократился процент кормовых культур и увеличилась культура продовольственных хлебов; убыль скота и сокращение запашки принимает катастрофический характер в 1921 г.

А. А. Шиша в статье (№ 5) „Районирование Новониколаевской губернии", ознакомив читателя с сущностью и историей районирования в условиях планового хозяйства, излагает результаты работ по внутригубернскому районированию, произведенному по инициативе губ исполкома. К статье приложено 5 таблиц характеризующих народное хозяйство губернии.

П. Комаров в № 1—2 в ст. „Курс довоенного рубля в Новониколаевске" определяет понятие довоенного рубля, его отличие от золого рубля и дает картину движения курса довоенного рубля на Новониколаевском рынке с августа 1921 года по апрель 1922 г. К статье приложено 5 таблиц.

В другой статье „О способах изучения движения цен современного рынка" этот же автор, оперируя с ценами 4 товаров (мука, мясо, ситец и соль), указывает на относительность понятия дороговизны в условиях падающей валюты, „под иллюзорной формой коллосально растущих цен реальные цены товаров могут подниматься и падать" и иллюстрирует это положение удешевлением месяц от месяца реальной цены ситца растущей реальной ценой муки. В качестве „ключей к непонятному шифру современных цен" указывается два способа: перевод цен, выраженных в советских рублях на довоенный рубль и способ исчисления эквивалентов. К статье приложено 4 таблицы Из других статей следует отметить в № 5 И. Ф.: „Госпромышленность Новониколаевской губернии", с приложением сметы госпредприятий на 1922 -1923 года в № 3—Е. Ю: «Итоги аренды", в № 1—2 Я. Дылькона: „Местный бюджет"; И. В.: „Состояние дела народного образования в Новониколаевской губернии" с 2 таблицами.

Журнал не свободен от мелких недочетов: он не совсем правильно выходит в двухнедельные сроки; до сих пор несмотря на обещание в № 1, в журнале нет библиографии. В Новониколаевске-центре современной Сибири выходят разнообразные оффициальные и полуоффициальные издания, имеются два книжных магазина, поэтому полезно было бы обращать внимание читателя, часто не умеющего разобраться в книжном рынке, на действительно лучшее,—знакомить его путем рецензий и обзоров печати с полезными новинками книжного рынка.

P. S. После того, как была написана рецензия, мы получили №№ 6, 7 и 8, которые не внесли существенных изменений в физиономию журнала. Руководство экономическим отделом приняла губплановая комиссия, о чем сообщается в № 6, но это пока никак не отразилось на журнале. Введен отдел „Консультация"—ответы на юридические вопросы читателей.

Статьи носят большей частью официозно-информационный характер. Отметим статью А. А. Шиша „Коммунальное хозяйство" (в № 6), в которой дается анализ городского бюджета за ряд дореволюционных лет. В общем большинство материала носит преходящий интерес м[illegible].

П. К.

Уптон Синклер—„**Сильвия**". Роман Гос. Изд. Москва 1922 года 273 стр. цена 250 р.

Уптон Синклер стоит особняком в американской литературе. Его нельзя причислить ни к одной из существующих в Америке литературных групп, точно так же, как нельзя сказать того, что он создал своими произведениями особую литературную школу. С некоторыми оговорками и с некоторой оглядкой его можно сравнить с нашим В. Г. Короленко, в них обоих наряду с крупным художественным талантом горела искра общественного деятеля и борца, талант публициста.

Уптон Синклер, именно, и является писателем, совместившем в себе и высокий художественный талант и художественное чутье и наряду с этим темперамент публициста. У него нет отдельных белетрестических произведений, как нет у него отдельных общественно-политических публицистическх работ (за исключением недавно выпущенных книг о ре-

лигии и об американской журналистике). Эти две стороны писательской деятельности сживаются у Синклера и каждый его роман есть в тоже самое время публицистическая работа, глубоко интересная, содержательная, захватывающая, нравоучительная.

Мы можем взять любое из произведений Синклера, как в России опубликованных так и непереведенных еще на русский язык, и убедиться в правильности нашего утверждения. „Джунгли", „Король угля", „Джими Хиггинс", „100 проц.", „Пути любви",—все эти произведения высоко-художественные и общественно поучительные.

Недавно изданный госиздатом роман „Сильвия" не представляет из себя исключения из этого правила, несмотря на то, что это одно из лучших художественных произведений американского писателя. От этого романа веет Гамсуновской Викторией, перенесенной на американскую почву. Даже больше того: перенесенной на специфическую почву американского юга (не южной Америки как неправильно переведено, а южных штатов С. А. С. Ш.), бывшего центра рабовладельчества, где до сих пор еще можно встретить искренних сторонников рабства и людей, продолжающих негодовать на „свободолюбивый" Север, принудивший их когда-то с оружием в руках освободить негров-рабов *). От всего романа, от героини его, Сильвии, представительницы гордого и знатного рода Кессельманов, от героя романа Франка Ширли, тоже являющегося отпрыском благородных, но случайно запятнанных представителей юга, от всех членов семьи Кессельманов веет, именно, духом юга Соединенных Штатов, веет тихой, патриархальной жизнью в какой-нибудь Луизиане или Нью-Орлеансе. Все тетушки, все родственники, домочадцы, приживальщики и приживальщицы, вся картина домашней жизни, отношений и взглядов—все это невольно переносит знакомого с Америкой читателя в богатый и знатный дом Кессельманов. Здесь нет ни одного преувеличения, нет ни одного лишнего штриха, ни одной неверной черточки. Так оно происходит, так люди думают, так они говорят в далекой Каролине или Виргинии, где до сих пор смотрят на негра, как на полуживотное, которое дворянин может безнаказанно за малейший пустяк пристрелить.

Но перенося свою героиню на запад Америки, в центр культурной жизни—Бостон, с величайшим в Америке университетом, автор и здесь оказался на должной высоте и не допустил ни одного прегрешения против реалистической правоты, ни одного ложного мазка. Его студенты, богачи и бедняки, лица окружающие их—все они живут на страницах Синклера, также как и живут они в Гарварде и в Бостоне—и в этом великое достоинство Синклера, как художника, близко стоящего к современной жизни Америки, так хорошо ему знакомой.

Но не в этом пожалуй достоинство романа. Мы сказали, что в этой книге чувствуется публицист и общественный деятель. Нужно внимательно присмотреться и вдуматься в книгу и мы это заметим.

Мы не говорим о мелких, там и тут разбросанных суждениях автора, отдельных его замечаниях, наблюдениях и выводах о капиталистической системе Америки. Их много в книге, но не в них суть. Мы также не говорим о слегка набросанной им картине взаимоотношения белых с черным на юге, или студентов выходцев буржуазии со студентами, отцы которых „служат лакеями". Эти картинки, хотя и являются бытовыми и чрезвычайно интересными и показательными, все же не они составляют достоинство романа.

„Сильвия" писалась в период увлечения всего передового американского общества, а в том числе и Синклера, идеями оздоровления нарождающегося поколения, идеями „Эвгеники",—идеями получившими большое распространение в стране „желтого дьявола" в связи с убийственными разоблачениями некоторых врачей (а в особенности д-ра Добертсона) так называемых „медицинских тайн" о женских болезнях и роли: „грехов молодости" мужчин в этих болезнях и нашумевшей пьесой французско-

*) Мы должны здесь-же оговориться, что война Юга с Севером в шестидесятых годах прошлого столетия велась далеко не за освобождение негров. По существу эта была борьба более передовых элементов нарождавшейся буржуазии с дворянством и аристократией за возможность эксплоатации недр земных, за беспрепятственное насаждение промышленности, за возможность эксплуатировать рабочих: и белых и черных.

го писателя „Порченые". (Damaded dods, Синклер, вообще падкий до всяких новых начинаний, всегда ищущий для себя роль глашатая и проповедника, увлекся этими идеями и посвятил им целую трилогию, из которой „Сильвия" является первым романом. Но в нем только смутно обрисовывается та идея, которую он более ярко осветит во второй своей книге „Сильвия замужем".

В „Сильвии" он только намекает, что девушки воспитанные в условиях современной буржуазной семьи, с ее надменной моралью, чопорностью и ложными понятиями о нравственности, выростают в полном невежестве о столь важном в жизни женщины вопросе как половая жизнь людей, и Сильвия нежная как сказка, красивая как мечта, юная, неопытная Сильвия совершенно случайно сталкивается с этим большим вопросом. Ее близкая подруга, вскоре после замужества, заболела болезнью „о которой не говорят". Это наталкивает Сильвию на мысль о своем замужестве, о своем женихе—миллионере Ван-Тьювере, которого она не любит, но за которого должна выйти замуж. Ей хочется узнать вообще о болезнях „неподлежащих огласке в приличном обществе", ей хочется узнать о здоровьи своего жениха. Но к кому ей обратиться?..

„Что тетя Варина могла об'яснить ей о дурных болезнях? Тетя Варина только замахала на нее руками. Молодые девушки не спрашивают, не говорят о таких вещах"... И тетю Варину, и мать, и отца—гордых и знатных Кессельманов винить нельзя. Тут виновата вся окружающая обстановка, весь уклад жизни, вся психология общества.

„Но Сильвия решила, что должна выяснить этот вопрос. Она написала дяде Базилю (епископ). „И в самом деле, к кому, как не „духовному отцу" обращаться юной, невинной девушке, накануне замужества со столь важным и столь деликатным вопросом. „Дрожащими руками Сильвия распечатала письмо епископа. Но он выражался еще осторожнее, еще туманнее, чем она. Ван Тьювер, писал он ей—христианин и это должно служить ей ручательством в том, что он не сделает никакого зла женщине, которую он так глубоко чтит. Если Сильвия настолько уважает его, что согласилась быть его женой, то она и в этом должна доверять ему. Заговорить же об этом с Ван-Тьювером—было-бы равносильно смертельной обиде"... (262—263).

На вопросы, которые наиболее смелые и отважные из девушек все же спрашивают, несмотря на то, что из „приличия" должно „молодым девушкам об этом не говорить",—им отвечают „осторожно и туманно" с общими указаниями на „христианство", которое де должно служить ручательством, на необходимость доверия и т. д. и т. д. И в результате подобного туманного ответа—слепое замужество, которое чревато трагическими последствиями.

Синклер в романе „Сильвия" только намечает эти последствия.

„Процессия" (свадебная) двигалась меж двумя шеренгами полицейских и я не дышала, пока невеста и жених не сели в автомобиль, и за ними не захлопнулись дверцы. Тогда странная женщина (в толпе) вдруг выпрямилась, обернулась ко мне, и сверкая на меня своими безумными глазами, злобно истерично засмеялась и проговорила:

„Она поплатится за это".

„Молчите",—прошептала я. Но женщина повторила громче и на этот раз в толпе услыхали ее слова. „Она поплатится за все".

„И добавила по французски: „Да, да, это подарок невесте от любовницы".

„Она зашаталась, и я схватила ее за руку и поддержала ее моими большими крепкими руками"... (272—273).

Здесь, как мы говорили, только намечается грядущая трагедия, которая становится немного понятнее, если мы вспомним, что в начале романа, рассказчица от имени которой ведется роман, говорит:

„Время от времени в комнату мою неслышно входит Эллен (дочь Сильвии) безмолвно, как тень, опускается на низенький табурет подле меня и глядит на меня своими *невидящими глазами*": (6—7).

Развитие этой трагедии надо проследить по второй книге „Сильвия замужем", которая, насколько нам известно, не переведена на русский язык.

В заключение нам хотелось бы сказать, что в результате романов Синклера и некоторых статей других видных публицистов, врачей и беллетристов в некоторых штатах Америки проведен за-

кон требующий от обоих сторон вступающих в брак удостоверения своей половой здоровости.

Перевод книги, сделанный А. Ф. Даманской, грешит кой-какими пробелами, правда весьма немногими и незначительными. Наиболее грубый из них,—отмеченное уже нами,смешение Южных Штатов Северо-Американских Соединенных Штатов с Южной Америкой. Книжка издана бережно. Удивляет только то, что госиздат в 1922 году прибегает к старой орфографии.

Выразим желание поскорее увидеть в печати продолжение романа: „Сильвия замужем".

5 сент., 1922 г.

Вл. Лосьев.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПРАВОЧНИК.

Келлерман. „9-е ноября"—роман. Государственное издательство. Москва, 1922 г. Перевод с немецкого С. В. Крыленко. 390 стр.

Бернгард Келлерман пытался в художественной форме вскрыть гниль правящих классов Германии и причины рождения „людей ноября". К сожалению, автор справился только с частью задачи. Великолепно нарисованы Келлерманом старик генерал Хехт-фон-Бабенберг, его сын Отто, львица „большого света" Дора и другие представители того же класса—спекулянты, разжиревшие на войне, вечно пьяные офицеры и куртизанки. С жуткой силой автор передал настроение умирающего, голодного Берлина 1916—1917 г.г., эпохи „военного социализма". Когда же он пытается изобразить „человека ноября", молодого революционера Аккермана, у него, вместо современной фигуры идеолога пролетариата, выходит какой-то экзальтированный мистик, христианский святой, перенесенный с Нероновской арены на Унтерденлинден. Почти не зарисованы Келлерманом и внешние события революции, что дает право утверждать, что название „9-е ноября" не соответствует сущности романа о „кровавом Хехте".

В общем, роману нельзя отказать в увлекательности, хотя, зачастую, он начинает казаться длинным и пугает слишком дешевыми приемами: роковой снаряд на фронте взрывается как раз в то время, когда на балу у баронессы появляется нагая танцовщица, бедный солдат прячется от бомб английского летчика, когда генерал спокойно глотает устриц и т. д.

Некоторые главы, касающиеся влияния русской революции на ход событий в Германии, для нас особенно интересны. Вот отрывок из описания того впечатления, какое произвел в императорском Берлине красный флаг, взвившийся над русским посольством.

„Да разве это возможно?

„Люди, видно, прямо сошли с ума..

„Да разве возможно что-либо подобное в Берлине, на Унтерденлинден?

„К аска залила лицо.

„На противоположной стороне, высоко на крыше, весело развевался в посветлевшем воздухе, как нечто само собой разумеющееся, кроваво-красный, кроваво-сверкающий флаг.

„Он привлекал к себе взоры решительно всех. Представьте себе: красный флаг в городе, где даже красный галстух являлся вызовом, грозившим опасностью жизни, где красному цвету просто запрещено было появляться самостоятельно! Где шашка полицейского автоматически изрубила бы каждого, кто осмелился вынуть красный платок, чтобы вытереть нос. А здесь, как самая естественная вещь на свете,—красный флаг, сияющий красный штандарт, водруженный на настоящем шесту на крыше!.. Прохожие вытягивали шеи, застывали на месте, не верили глазам... моргали.

„Далеко виднелся красный флаг и возвещал победу русского народа над самодержавием виселиц, семихвостой и свинцовыми рудниками, над бесконечным морем берлинских домов сияло развевалось красное знамя...

„С востока свет! Заря!"

В. Итин

Уптон Синклер. „Джимми Хиггинс"—роман. Перевод с английского М. А Дьяконова. Государственное издательство. Петербург. 328 стр.

Русская критика еще недавно относилась довольно пренебрежительно к американской литературе. В „энциклопедическом словаре" помещен возмутительный отзыв о Джеке Лондоне—авторе „Мартина Идена" и „Смирительной рубашки". Об Уптоне Синклере мы узнали только после революции. Современный рост интереса к новой американской литературе вызывается тем, что американские художники слова ярче других отразили чудовищный процесс классовой борьбы, угнетения пролетариата и развития его сил. Действительность же сильнейшей из капиталистических стран невольно вложила в их картины марксистские выводы.

Джимми Хиггинс—маленький социалист, настоящий пролетарий, настоящий рабочий. Во время войны, социалистическая организация его городка под влиянием французского золота, пришедшего на заводы Гранича через Россию и германских марок, раздаваемых агентами кайзера, распалась. Однако Джимми один из немногих, остался верен своему знамени. Он непримиримым по отношению к босам и вместе с товарищем Билем, бродя по великой стране, проповедует идеи сабботажа и разрушения: подсыпайте наждака в подшипники, забивайте медные гвозди в стволы фруктовых деревьев, плюйте в подаваемые кушанья... Но наконец и перед Джимми вплотную встает вопрос: что лучше, победа Германии или Антанты? Джимми решает в пользу Антанты. Он добровольно отправляется на

войну и сражается храбро. Выбор Джимми был верен только на очень короткое время: Германия разбита и его, социалиста, посылают драться с большевиками в Архангельск. Там сержанта Джимми уличают в измене и агитации среди войск и, безвестным мучеником, он гибнет в царской тюрьме от рук демократических палачей.

В этот сюжет автором вложены поразительные картины. Некоторые из них, например—оскопление милли нера Ласи Грэнича, пытки Джимми в архангельском застенке, посещение Джимми английским королем в госпитале—заставляют читателя трепетать от безумной гнили гибнущего, но еще живого и грозного, мира рабовладельцев.

Язык автора производит неизгладимое впечатление своей эпической, библейской простотой.

В настоящее время роман Уптона Синклера „Джимми Хиггинс" выходит вторым иллюстрированным изданием в Москве. **В. И.**

Н. Гумилев. „Огненный Столп"—сборник стихов. Издание „Petropolis" 1921. „Фарфоровый павильон"—китайские стихи „Мик"—африканская поэма. „Тень от пальмы"—рассказы. Посмертный сборник. Издательство „Мысль" — 1922 г.

Стихи Гумилева для

„Сильных, злых и веселых,
Убивавших слонов и людей,
Умиравших от жажды в пустыне,
Замерзавших на кромке вечного льда".

„Муза дальних странствий"—любимейшая из муз поэта. В его стихах нас поглощает соль южных морей, пески пустынь, пальмы оазисов, Африка с ее бесчисленными племенами, так странно звучащими на русском языке и южная изумительная Азия—Китай, Индо-Китай, Персия. Правда, это Африка негусов и Китай богдыханов, ибо автор, неисправимый аристократ, но его экзотическая романтика звучит и не забывается и напряженно зовет к недостигнутой цели. Ведь может быть теперь, в пламенной буре революции,

„Когда вокруг свищут пули,
Когда волны ломают борта",

больше, чем когда бы то ни было надо знать,

„Как не бояться,
Не бояться и делать, что надо".

Рассказы Гумилева слабее, в них мы находим слишком явное подражание Эдгару По, слабее и посмертный сборник, куда несравненно менее одаренные ученики поместили зачастую довольно бесвкусные корнетские мадригалы, которые лучше было бы оставить до полного собрания сочинений. Но все же ясный и бесстрастный эстетизм поэта, радостно принимающий всякую жизнь, чувствуется и в этих произведениях. „Мне отрубили голову"—снится ему в одном из рассказов: „и я, истекая кровью, аплодирую уменью палача и радуюсь, как все это просто, хорошо и совсем не больно.

К несчастью, сон оказался вещим.

Значение Гумилева и его влияние на современников огромно. Его смерть и для революционной России останется глубокой трагедией. И никто, надеюсь, не повторит вслед за поэтом: „Как все это просто, хорошо и совсем не больно". **В. И.**

Георгий Иванов. „Лампада" — стихи. „Мысль". Птг. 1922 г.

Едва-ли можно найти другую книгу, изданную в России в 1922 году, являющуюся более полным органическим и непримиримым отрицанием революции, чем „Лампада". Бледные стихи становятся безупречно-прекрасными, когда поэт воспевает „Антуанеты медальон", портрет крепостника-помещика, „Двор Екатерины", „Павловский мундир", „Орд на пяти кампаний и голубые обшлага", барскую усадьбу, царский Петербург, с киверами гвардейцев, дворцовой площадью, адмиралтейской иглой, памятником Суворова и французским говором. Как у своей старой генеральши, у Георгия Иванова „все в прошлом". От настоящего же только тоска и желанье бежать в религиозную муть какого-нибудь „скита".

„...с каждым днем сильней душа томится
Об острове зеленом Валаама,
О церкви из Олонецкого камня
О ветре, соснах и волне морской".

Книжка издана, очевидно, „для избранных" в количестве 1000 экземпляров.

Журнал „Вещь". „Международное обозрение искусства", под ред Э. Лисицкого и И. Эренбурга. № 1—2. март—апрель 1922 г. Берлин.

На первом месте—Маяковский, Пастернак затем французские и немецкие стихи (Charles Vildrac и Iwan Call), о русской поэзии пишет француз Jean Salat, русский переводит Есенина на французский язык. Иллюстрации кубистов Ал. Кусинов пишет „Мана и пама (Siel) имансинизма". Редакция говорит: „Вещь" будет изучать примеры индустрии, новые изобретения, разговорный и газетный язык, спор ивные жесты и пр." и достигает своей цели. Журнал напоминает нечто индустриальное. Рекламно-сногсшибательный тон, разнообразие шрифтов, злоупотребление жирными чертами, анонсы рекламно указательного характера в тексте и на полях, фотография кормы гигантского парохода (подпись: „Парфенон и Аполлон XX"), все это напоминает заграничный прейс-курант на меловой бумаге и не поймешь, не то дерзкие русские своим трактованием искусства хотят смутить покой закатывающейся Европы, не то Европа избрала их своим рупором, чтобы выкрикнуть свое последнее слово? **П. К.**

Ярославский. „Барон Роман фон-Унгерн". Петербург. Госиздат. Стр. 16 Цена 1500 рублей.

Маленькая брошюрка т. Ярославского, выступавшего обвинителем на суде по делу барона Унгерна, ярко характеризует героя восточной контрреволюции. Барон Унгерн—потомок аристократического рода прибалтийских баронов избрал удивительно интересный путь борьбы с русской революцией. Он считал необходимым восстановить серединное царство великого монгола Чингисхана и отсюда, с Востока, начать восстановление царей. Барон, для борьбы с „красными", не останавливается ни перед чем. Он входит в соглашение с Хутухтой, отдельными монархистами в Китае и Японии, всем доказывая необходимость борьбы с Советской Россией во имя воцарения Михаила. В рабочую власть он не ве ит. „Человек, который пишет о власти, а сам даже горничной не имеет, не может властвовать". Необходимо об'единить по-

Этому тех, кто имеет прислугу—аристократов. „Государство крепко своими монархами и их верными помощниками—аристократами. У нас, аристократов—одна цель, одна идея—восстановление царей. Это однако, в начале своей карьеры, не мешает ему, вместе с Семеновым, бороться под знаменем Учредительного Собрания. У себя в армии он ввел, невиданную в мире, жестокую дисциплину, истязал солдат и, даже, третировал офицеров, которых он называл „офицериками". „Глупее людей, сидящих в штабе дивизии, нет. Приказываю никому, кроме посыльных, не выдавать три дня продуктов". Он был организованно связан с русскими бандитами Анненковым, Казагранди, Казанцевым, Кайгородовым, Баничем, Молчановым и др. Он ими руководит и приказывает истреблять комиссаров и жидов, „от которых на семя даже не должно остаться ни мужчин, ни женщин".

Таков духовный облик потомка старинного аристократического рода, возомнившего себя спасителем человечества. И как хорошо поступил Ревтрибунал, что избавил человечество от счастья быть спасенным руками этого аристократического выродка.

Брошюра написана простым разговорным яыком, читается легко и с большим интересом. эту брошюрку необходимо рекомендовать всем крестьянским и красноармейским библиотекам

Д. Т.

Двор чудес. „Ирина Одоевцева". 1922. Петроград. „Мысль". Стр. 46.

Безусловно новое и оригинальное лицо в русской поэзии.

Стих своеобразен: как-то по старому прост и по новому—выразителен и ярок.

Легкая сатира на суровый Советский быт, который поэтесса насыщает мифологией, чертовщиной и мистикой. Не глубоко, но так—по литературному — порой даже делается слегка жутко.

„Баллада об извозчике", „Баллада о том, почему испортились в Петрограде водопроводы", „Роберт Пентегью" и „Толченое стекло" (см. Пушкинское: „Утопленник") запоминаются—на редкость оригинальны. В остальном поэзия с несколько кукольно-лунчым миросозерцанием.

Если жизнь раскроет створки куколки,—Ирина Одоевцева может вырасти в яркую, живую бабочку в русской поэзии, но, кажется,—створки крепки.

В. П.

В. В. Водовозов. „Версальский мир и лига наций". Изд-во „Мысль", Петроград, 1922, стр. 93.

Богатейший фактический материал, взятый из текста мирных трактатов, заключенных по окончании мировой войны и известных под общим названием Версальского мира. Изложена история и содержание, помимо мирного договора с Германией, Сен Жерменского мира с Австрией, Трианонского мира с Венгрией, мира с Болгарией, подписанного в Нельи, Севрского мира с Турцией и дана краткая характеристика остальных договоров, числом до 60. Изложен, вкратце, договор о Лиге наций и ее деятельность в первое время ее существования, территориальные изменения, внесенные договорами, экономические, политические и правовые условия этих договоров.

Н. Мещеряков. „На переломе". Из настроений белогвардейской эмиграции. Гос. изд-во, Москва, 1922, стр. 73.

Брошюра представляет перепечатку статей, помещенных в повременной печати, о злоключениях белогвардейской эмиграции и распаде интеллигенции, при чем много внимания уделено сменовеховцам. Ценна, как суммирующая данные по этому вопросу.

А. А. Иоффе. (В. Крымский). „Генуэзская конференция". Изд-во „Красная Новь". Москва, 1922, стр. 61

Помимо изложения хода переговоров на Генуэзской конференции, брошюра содержит весьма обстоятельный анализ международного положения, сложившегося к моменту созыва конференции. Приведен ряд документов, в частности, полностью ответный меморандум Российской делегации на Лондонский меморандум экспертов.

Зап-Сибирская Краевая
Инв. № .....
Научная Библиотека

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО АВТОРАМ.

Нашей редакцией был получен ряд литературных произведений главным образом, из столицы,—уже напечатанных их авторами в других органах печати.

Поэт Клычков передал лично члену нашей редакционной коллегии, стихотворение „Русь", напечатанное в столичном журнале, Г. Пентиков прислал несколько стихотворений, помещенных им в сборнике „Лирень".

Некоторые авторы, подобно Хлестакову, считают себя в праве делать предложение нескольким редакциям, (Анне Андреевне и Марье Антоновне). Так поэт Ив. Шершнев передал нам ряд стихотворений, которые в то же время начали появляться в других провинциальных журналах. Повидимому, подобный способ „перепечатки" авторами своих произведений практикуется в широких размерах вообще: так в № 4—1922 журнала „Красная Новь" мы читаем стихотворение О. Мандельштама.

„Уничтожает пламень
Сухую жизнь мою",

напечатанное в журнале „Рудин", издававшемся в Петербурге в 1915—16 годах.

Таких фактов мы могли бы указать не мало, но пока не считаем нужным опубликовывать всех гоголевских женихов. До сих пор, как нам это кажется, редакции нашего журнала удалось благополучно избежать невольного незаконного двоеженства—частью случайно, частью потому, что гоголевские женихи не всегда побеждали наши сердца.

Но все-же считаем необходимым решительно просить всех, и столичных и не столичных поэтов и писателей, присылать рукописи лишь тогда, когда они сочтут наш журнал достаточно достойной трибуной для своих литературных выступлений. Не поднимая вопроса об этической стороне подобных поступков и полагая, что в этом, может быть, сказывается просто обычное олимпийское пренебрежение столицы к глуши или желанье „подработать" на нашей неосведомленности и невежестве, мы зовем и другие провинциальные журналы начать решительную борьбу с подобными явлениями.

Мы хотим одного: чтобы наш журнал имел оригинальный лик. Поэтому просим авторов, присылающих для тех или других целей в наше издательство уже напечатанные рукописи (или переданные в другие редакции) делать по этому поводу точные указания.

Думаем, что это необходимо не только для защиты интересов издательства и читателей, но и для практического осуществления авторского права.

Редакция журнала „Сибирские Огни".

СОДЕРЖАНИЕ
выпущенных книг журнала
„СИБИРСКИЕ ОГНИ"

Книга первая (март—апрель 1922 г.).

Л. Сейфуллина—Четыре главы, повесть в отрывках, *Лидия Лесная*—Нева-Сена, стих. *В. Берников* Ходит вечер., стих. *А. Пиотровский*—В киргизской степи стих. *Г. Пушкарев*—Толпа, рассказ *В. Итин*—Кто смерть видал... стих. *Ив. Ерошин*—К тебе одной любовь м я.. стих. Опять зовут стада деревни... стих. *Конст. Соколов*—Русь перевалочная, речивый гутор. *Ф. Березовский*—Варвара, рассказ. *Гран*—Урман, стих. *В. Далматов*—Митинг. Жи ая картина в стихах.

Былое: *А Ширямов* Сихота Алин. воспоминания. *В. Косарев* - Военно-социалистический союз. *Ем. Ярославский*—На волю! Из документов партизанского движения.

Отдел политико-экономический: *И. Ходоровский* -Куда мы идем *Д Тумаркин*—Контр-революция в Сибири. *Ем. Ярославский*—Зародыши коммунизма в Сибирской деревне—Огни Сибири. *Д. Чудинов*—Мировая социальная проблема.

Научный отдел: *Сары—Сеп Козынчаков*—Культурно-исторический очерк об алтайцах. *В.* Кузнецкий угольный бассейн. *В. Дождиков*—Радио.

Искусство и жизнь: *В. Правдухин*—Искусство в стихии революции. *Г. Вяткин*—Короленко, как художник.

Литературные отзвуки: *Ф. Березовский*— А. Е. Новоселов, *М. Басов*. Ф. П. Чудаков.

По Сибири: *Три документа*: письма Игнатьева, Молотковского и Краковецкого, Е. Я. Е. М. Мамонтов, некролог.

Критика и библиография. Даны отзывы о сибирских поэтах революции, о научных трудах, журналах и наиболее видных сибирских изданиях литературного характера.

Книга вторая (май—июнь).

Амулет. Рассказ. *Всеволод Иванов*. Какие связывают нити. Стихи, *Ерошин Иван*. Заметалась, закипела вьюга, стихи. *Ерошин Иван*. Кто поймет этот крик. Стихи *Ерошин Иван*. Правонарушители. Рассказ *Л Сейфуллина*. Алое утро, стихи *Г. Вяткин* Поэт, стихи, *Н. Янчевский*. Весна, стихи, *Н. Янчевский*. Мне грустно в городе весной, стихи. *Н. Янчевский*. Степь весенняя, стихи *В. Берников*. Песни Айдагана Дикарские примитивы. *Антон Сорокин*. Тайга, стихи *П. Устюгов*. Из Саянских скитаний, *М. Кравков*. Зима, стихи *К. Беседин*. Четверо, рассказ *Г. Вяткин*. Береговое, стихи *А. Пиотровский*.

Былое. Партийная школа на острове Капри. *В. Косарев*. Последние дни колчаковщины.

Политико-экономический отдел. Голод и кризис крестьянского хозяйства, *Д. Чудинов*. Неверный компас—неверный путь. (Отв. тов. Чудинову) *Е. Ярославский и Д. Тумаркин*. Сибирский крестьянский союз. *Павлуновский*. Предварительные работы и очередная задача по электрификации Сибири *Н. Преображенский*.

Искусство и жизнь. Письма о современной литературе. *Вал Правдухин*. Доморощенная диалектика в борьбе за искусство. *Карл Грасис*.

Литературные отклики. Две утраты. (А. Жиляков и Ст. Исаков) *П. Казанский*.

Критика и библиография. Даны отзывы о 26 книгах и журналах, вышедших в Сибири, Поволжьи и Приуральи.

Книга третья (июль август).

Солнце Сердца. Поэма—*Вивиан Итин*. Из романа „Два Мира". Отрывки II й части. *В. Зазубрин*. Старая Русь. Стихи. *Александр Оленич-Гнененко*. Родина. Стихи. *Кондр. Урманов*. Кочевник. Стихи. *Кондр. Урманов*. Остячке. Стихи. *И. Драверт*. Две Матери. Рассказ. *К. Работников*. Солнце Везде Стихи *Г Вяткин*. „Светло-Светло"... Стихи, *Ерошин Иван*. Аркан Рассказ.—*Кондр. Урманов*. Предрассветное. Стихи —*П. Дрягин*. Царит. Стихи—*П Дрягин*. Волчья мечта. Рассказ—*Нина Смирнова*. Художник. Стихи—*А. Пиотровский*. Медуза. Стихи—*В. Итин*.

Былое. О литературных занятиях декабристов в восточной Сибири. *Н. Бакай*. Первое сибирское об'единение профсоюзов *М. Фабрикант* (*Я.-Лелин*).

Научно-популярный отдел. Разрушение материи. *М. Глик*. Сибирские курорты *П Н. Обросов*

Политико-экономический отдел. Роль иностранного капитала в экономической жизни Сибири. *А. Шиша*. Принципы и практика хозяйственного расчета в Сибири. *Д. Шапиро*. По Сибири. (Внутреннее обозрение) *Ем. Ярославский*. Японская политика в Сибири. *В Итин*.

Рецензии *В Правдухина, В. Итина, В. Шанявца, П. Калигина*, П. Комарова, *Д. Барова, проф. Вейнберга и др.*

Собственная типография СИБГОСИЗДАТА

ПРИНИМАЕТ ЗАКАЗЫ:

На печатание—брошюр, листовок, плакатов, бланок и пр. Большой выбор всевозможных сортов бумаги.

При типографии имеется **ПЕРЕПЛЕТНАЯ** мастерская,

Цены самые умеренные. Выполнение быстрое и аккуратное

Адрес типография: Ядринцевская, 31.

Контора Сибгосиздата.

1) Принимает на себя выпуск разного рода рекламных об'явлений, летучек, афиш и пр.

2) Издает плакатный указатель учреждений, торговых фирм и предприятий.

1 выпуск вышел 15 августа.

3) Принимает об'явления для всех сибирских газет.

Адрес: Яндринцевская, № 31.

Сибирское Областное Государственное Издательство

(Новониколаевск, Ядринцевская 31, телефон 282).

Имеет свои отделения, конторы и книжные магазины во всех крупных городах Сибири;

Представительство в Москве, Петрограде, Берлине, Париже и Харбине.

ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Большой общесибирский двухмесячный литературно-художественный и научно-публицистический журнал *„Сибирские Огни"* (вышло три номера, цена 100 р. образца 1922 г.).

Требуйте во всех киосках и книжных магазинах.

Учебники, популярно-научные издания. | **Художественная литература; детские книги.**

КНИГОТОРГОВЛЯ.

Всегда большой выбор новинок литературы, учебников, научных изданий, сел.-хоз. литературы, газет и заграничной литературы.

Большой запас (регулярное снабжение) всевозможных канцелярских, писчебумажных, чертежных принадлежностей, игрушек и пр.

ОПТОВАЯ ПРОДАЖА И ПОКУПКА БУМАГИ.

Покупает и принимает на комиссию книги и писчебумажные принадлежности.

Принимает заказы на печатные произведения на своей бумаге.

Прием об'явлений для журнала „СИБИРСКИЕ ОГНИ", сибирских газет, плакатных указателей справочника-путеводителя по Сибири.

Принимает представительство учебных заведений, организаций и предприятий по регулярному снабжению специальной литературы.

Проспекты высылаются бесплатно.

Адреса представительств: *в Москве*—Вас. Правдухин, 1 й Басманный переулок, д. № 10, кв 19; в Париже—Librairie M. Povolotzki, rue Bonaparte, 13; *в Берлине*—Книгоиздательство „Слово", SW, 68, Kochstr. 23—24; *в Харбине*—Книжно-газетная экспедиция и контрагентство М. И. Борисова, Биржевая ул., д. № 59.

Правление: Александровский, М. М. Басов. П. И. Макушин, В. П. Правдухин, Ем. Ярославский.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежемесячный журнал

„Профессиональное Движение"

на 1922 г.

Год издания II-й.

Орган Сибирского Областного Бюро Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов и Сибпромбюро ВСНХ.

Журнал ставит своей задачей освещение: 1) профессионального движения—российского и международного; 2) деятельности профорганов Сибири; 3) участия союзов в возрождении народного хозяйства; 4) хозяйственно промышленной жизни Сибири; 5) разрешение текущих задач, встающих в практике профессиональной и хозяйственной жизни и т. д.

Адрес редакции: Новониколаевск. Семипалатинская ул., д. № 32, телефон № 28.

Журнал высылается всем профорганизациям и хозорганам по разверстке и по отдельным требованиям.

Стоимость номера оплачивается переводом по почте.

Вышли №№ 6-й и 7-й по 50 рублей, 8-й и 9-й по 75 рублей (дензнаками выпуска 1922 года).

Центральный оптово-розничный книжный склад

СИБОКТРАНА

дом Союзов, против кино „Гигант".

Производит продажу печатных произведений государственных и частных издательств Республики по всем отраслям знания.

Сверх того имеет отделы:

писчебумажный, канцелярских принадлежностей, наглядных пособий.

ПРИНИМАЕТ заказы от организаций, учреждений и частных лиц на выписку периодических произведений печати из центра в порядке экстренности через особых нарочных склада.

ВЫПОЛНЯЕТ предварительные заказы на учебники от школ всех ступеней.

БЕРЕТ на себя комплектование и пополнение библиотек, комиссионных поручений по покупке и продаже книг.

Оптовым покупателям скидка от 15 до 25 проц. —— Пересылка за счет заказчика.

От конторы газеты „КРАСНОАРМЕЙСКАЯ ЗВЕЗДА".

Условия подписки на АВГУСТ:

На месяц—175 руб., на половину месяца—90 руб. Коллективная подписка—150 руб.

ПЛАТА ЗА ОБ'ЯВЛЕНИЯ: строка петита—30 р., для военных учреждений и организаций—25 р., об утере документов—20 руб.

Подписка принимается:

В конторе газеты, Варламовская, 49; в политуправлении округа; у секретаря напуокра, Костельная ул., 11; в общежитии политуправления (ул Герцена, 29, кв. 1); во всех окружных управлениях, у секретарей, во всех книжных магазинах Омска и в читальне ст. Омск (зал 1 кл.)

Принимается подписка на большую, ежедневную, общесибирскую, политико-экономическую и литературную газету

„СОВЕТСКАЯ СИБИРЬ"

(Орган Сибревкома, Сиббюро Ц. К. Р. К. П. (б-в), Новониколаевского Губкома Р. К. П. и Губисполкома),

выходящую в гор. Новониколаевске, под редакцией Д. Барова, В. Лосьева, Д. Тумаркина и Ем. Ярославского.

Газета всесторонне освещает жизнь Сибири, Дальнего востока, России, Советских республик и заграницы получая информацию по радио, телеграфу и от собственных корреспондентов

В газете имеются следующие постоянные отделы:

„Хозяйство Сибири", „По нашему краю", „Жизнь сибирских рабочих", „Красная армия", „Сельское хозяйство", „Профессиональная жизнь", „Кооперация", „Партийная жизнь", „Спорт", „Биржа". Ведется обзор сибирской и иностранной печати: Маленький фельетон, Стихи, Рассказы, Библиография, Обзоры и т. д.

В газете принимают постоянное участие:

К. Арсенов, Александровский, Д. Баров, Я. Безайс, М. Басов, Близкий, В. Итин, М. Вольфович, П. Винокуров, С. В—ев, Л. Глузман, Х. Гринтоф, В. Докукин, Дуберг, Ив. Ерошин, М. Еременко, А. Копяткевич, А. Карпов, А. Кручина, И. Камтышев, А. Котов, М. Лашевич, Н. Латугин, В. Лосьев, Луковенец-Пойский, Молочковский, С. Неумоин, В. Назаров, К. Нечаев, В. Правдухин, Ровер, Л. Сейфуллина, И. Сурнов, Д. Тумаркин, Л. Устюжанин, К. Урманов, А. Фогель, И. Ходоровский, Д. Шапиро, Е. М. Шпиндлер, А. Ширямов, Р. Эйхе, Ем. Ярославский и другие.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ДО КОНЦА ГОДА:

С доставкой.	Без доставки
На 1 месяц—270 рублей.	На 1 месяц—250 рублей.
„ 2 „ —500 „	„ 2 „ —480 „
„ 3 „ —700 „	„ 3 „ —670 „

ПЛАТА ЗА ОБ'ЯВЛЕНИЯ:

За строку петита **100** руб. Для постоянных об'явителей скидка.
Мелкие об'явления: предложение труда утеря докум. и пр **40** р.
За срочные об'явления—20 процентов надбавки сверх тарифа.

Подписка на газету и об'явления принимается в конторе редакции.

АДРЕС: Новониколаевск, ул. Революции № 6.

ВЫШЕЛ

НОМЕР ВТОРОЙ ЖУРНАЛА

„ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА"

(издание министерства народного хозяйства).

СОДЕРЖАНИЕ:

Состояние производительных сил и перспективы экономического развития ДВР. . . . . *В. Анисимов.*
Сельское хозяйство в ДВР. . . . . *Ю. Полляк.*
Экономический обзор заграничных рынков сбыта лесов ДВР в связи с лесоконцесс. политикой . . . . . *О. Гордон.*
Экономические перспективы ДВР . . . . . *М. Колобов.*
Состояние народного хозяйства ДВР прежде и теперь . . *Л. Непомнящий.*
Балягинское месторождение магнитного железняка . . . *Я. Макеров.*
Итоги денежно-натуральн. сбора за 1921 г. по бурят. монг. автон. обл. . . . . *П. Бандейкин.*
Товарооборот по границам ДВР и до революционные годы *П. Маслов*
Аграрный вопрос в Японии . . . . . *О. Плетнер.*
Экономическая хроника по ДВР, по Востоку, в Советской России и заграницей . . . . . .
Научно-технические новости библиография, распоряжения правительства ДВР по министерству народного хозяйства

К книжке журнала приложено ДВЕ карты:

Карта лесов ДВР, с границами концессион. участков и карта Балягинского магнитного железняка.

Редактор М. Колобов.

Принимается подписка НА „Жизнь Сибири“

журнал, по вопросам: экономической, правовой и административно-политической жизни области, издаваемый **Сибирским Революционным Комитетом** еженедельными книгами большого формата, об'емом в 200 стр.

Журнал конструируется из 5-ти отделов: I—статьи, нужды и интересы Сибири в ее собственном целом и в связи ее с целым Советской Республики по вопросам народно-экономической жизни, государственно-хозяйственным, административно-политическим и правовым. II. **Обзор хозяйственной жизни**—статьи, освещающие отдельные отрасли хозяйства всей Сибири и экономические комплексы хозяйственно-специализованных районов, III, Информация и хроника, IV. Библиография и V. Оффициальный отдел—(декреты и постановления центральной власти Республики и постановления и распоряжения Сибирского Областного центра).

В журнале принимают участие: *Александровский С. В., Белоковский, Васильев Н. С., Краснов, Казанский, Ал. Копяткевич, Копосов. М. Лашевич, проф. Новомбергский, проф. Пономарев И., А. Поволоцкий, Ракитин, Рудаков М. П., Сахаров, Сурнов, Сборовский Н., Темкин, Чудинов, Д. Шапиро, Ширямов, Шпиндлер, Эпштейн, Яровой П. В. и мн. другие.*

Редакция журнала просит все государственные учреждения и общественные организации присылать информационный материал об их деятельности и хронику тех сторон жизни, которые находятся в их поле зрения.

Редакция просит авторов и издателей присылать для отзыва свои издания.

Подписная плата на	1 год	18 руб. зол.	(2160 руб. дензнак	1922 г).					
„ „ „	1/2 „	9 „	„	1080	„	„	„	„	
„ „ „	1/4 „	4 1/2 „	„	540	„	„	„	„	
Цена отдельных №№	„	1 1/2 „	„	180	„	„	„	„	

АДРЕС: Новониколаевск, Сибирецком, комната № 2. В контору редакции журнала (ЖИЗНЬ СИБИРИ.) -

Журнал печатает обменные и платные об'явления.

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ В ПРОДАЖУ.

Издания Сибирского Областного Государственного Издательства;

Художественная литература.

В. Правдухин—Трудовая артель (детский театр). *Иван Ерошин*—Переклик—сборник стихов. *Островский*—Бедность не порок (пьеса). *Л. Сейфуллина*—Четыре главы (повесть в отрывках). Правонарушители (расск).

ДЕТСКИЕ КНИГИ

Детский сборник—Кот мурлыка. *Л. Сейфуллина*—Хехекса и Плакса. (детская сказка, перед. по Полтавскому).

ПОПУЛЯРНЫЕ ИЗДАНИЯ.

С. В. Александровский—Гражданское право Р. С. Ф. С. Р. *И. Л. Бен*—Хлебные злаки (к руководству полеводства) пособие для кружков по изучению сельского хозяйства, для школ I и II ст. *А. Митрофанов*—Самодеятельность крестьянства в посевной кампании. *Н. Н. Богданов*—Чесотка домашних животных.

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ:

Н. С. Дмитриев и Н. Н. Осмоловский—Букварь для детей. По методам звуковому и целых слов, в пять печатных листов, с 400 оригин. рисунками художников В. Невского и В. Сибирякова. *В. Птин*—Солнце сердца (книга стихов). *А. Шиша*—Роль иностранного капитала в Сибири. *П. Дербер*—Сибирское маслоделие.

Принимаются заказы на выпущенные из печати по Сибири издания:

(РЦ. № 594). г. Новониколаевск. Госпитография. Заказ 1126. Тираж 3000.

Зап. Сибирская Краевая Научная Библиотека Инв. № 40879

СИБИРСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.
Г. НОВОНИКОЛАЕВСК, 1922 Г.